

- Юрий Никитин
 - [Предисловие](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Часть 5](#)
 - [Часть 6](#)
 - [Часть 7. заключительная](#)

Annotation

Это книга не только одного из самых успешных в коммерческом плане авторов, т. е. наиболее издаваемого в жанре фантастики: годовые тиражи – по миллиону, но и, что не менее важно, книга человека, у которого за плечами лекции Литинститута, многолетнее общение с мастерами прозы и – опыт, опыт, опыт, знание секретных приемов писателей, позволяющих добиваться ошеломляющего успеха!

Ему есть, что передать молодым авторам. И он – передает. В этой книге!

Юрий Никитин Как стать писателем

Предисловие

В этой книге расскажу вещи достаточно очевидные для меня, профессионального писателя, но которые вот уже который год вызывают раздраженный вой у большинства людей, считающих себя литературной элитой. И от всех слышу это озлобленное: сволочь, не выдавай секреты! Это же сколько придурков ломанется в писательство! Нас же в такой массе перестанут замечать!!!

Как ни печально, но в литературной среде братством и не пахнет. Это инженеру по фигу или почти по фигу, сколько еще инженеров будет, для всех работа найдется, а в литературе, как и в спорте, чемпион только один! И хотя одни фаны считают чемпионом одного, а другие – другого, но все же имен называется не сотни, даже не десятки, не так ли?

Потому в этом виде спорта конкуренция, как нигде, жестокая и кровавая. Она не ограничивается лишь распусканием порочащих слухов, это уже внутриклановая борьба, но все борющиеся друг с другом стараются с завидным единодушием не допускать в свои ряды новых, молодых. При советской власти эти принимало форму недопущения молодых в Союз писателей, а сейчас, потеряв такой рычаг, можно напирать на другой: ребята, да пишите, как вам душа подсказывает! Этому не надо учиться, не надо знать никакие приемы: просто пишите! Что хотите и как хотите. Если есть талант, то у вас все получится. Если нет, ну тогда дело другое...

Потому я, которому вы уже не соперники (ну хотя бы по возрасту), говорю вам грустную правду: учителя и родители, которые говорят вам неприятные вещи, что, мол, надо учиться, качать мышцы и вообще трудиться, – желают вам добра, а те «добрые люди», что говорят доброжелательно: да плюнь на учебу, на эти тренажеры, пойдешь попей пивка да по бабам, – просто стараются убрать конкурента. Сами они и учатся, и мышцы качают, но вам в этом не признаются.

Что лежит в основе заявлений, что писать научиться невозможно? Давайте только честно, а?.. Во-первых, это уязвленное самолюбие авторов. Ведь до этого доказывали дурам, что обладают неким даром, которого у других нет. Избранные, так сказать. И вдруг признаться, что это всего лишь наработанное упорным трудом умение?.. Второе – это подсознательная жажда замордованного серой жизнью простого человека верить, что существует и другой мир, необыкновенный: где говорящая щука, скатерть-самобранка, телепатия, ясновидение, тибетские маги, Бермудский треугольник, хилеры, деревья-людоеды, божественный дар слагать стихи... И что такое может обломиться и ему. Главное, без трудов обломиться! Вот пошел ловить рыбу, а там говорящая щука: отпусти, Емеля, что хошь сделаю... Желание писать без труда и обучения – это оттуда, из этой жажды. Мол, хоть что-то же должно обломиться за так?

Учителя и родители, которые говорят вам неприятные вещи, что, мол, надо учиться, качать мышцы и вообще трудиться, – желают вам добра, а те «добрые люди», что говорят доброжелательно: да плюнь на учебу, на эти тренажеры, пойдешь попей пивка да по бабам, – просто стараются убрать конкурента.

Ломка мировоззрения? (все еще предисловие)

К сожалению, такой дисциплины, о которой вот сейчас веду речь, еще нет. Не существует. Так что блип-книга получилась бы блиповой в любом случае, материал все равно пойдет кусками: нет трудолюбивого крота, который все бы систематизировал и выстроил в длинную занудную лекцию, а есть набор коротких и четких правил, как пройти путь от нуля до чемпиона. Правил, написанных опытным тренером.

И, давайте уж без лишней скромности, тренер этот – то есть я! – взялся не из академических кругов, а прошел длинный путь от абсолютного новичка в литературе до чемпиона. Ладно, до одного из чемпионов. Эти правила взяты не с потолка, а выработаны в результате сорокалетней работы над текстами, подсмотрены у коллег, услышаны на

лекциях по литературному мастерству на Высших литературных курсах.

К счастью, литература – не математика, где нельзя приступить к изучению нового материала, пока не усвоишь предыдущий. В литературе можно брать полезные знания кусками, как из справочника или энциклопедии. И, конечно, я буду делиться опытом. Вообще, творчество, казалось бы, все от Бога, а я тут... Но я заявлял и заявляю, что писать может каждый, стать писателем может всякий!

Сейчас же и монополия государства на издания рухнула, и печатать стало легче: компы вместо ручки с чернильницей, современные фотонаборные машины вместо старинных «а-ля ленинская „Искра“» – раздолье! В писательство ринулись многие. Одни с жадной зарплатой, другие в поисках славы, третьи с намерением осчастливить человечество, четвертые... Есть и пятые, и сотые, всех не перечесать.

Немаловажно и то, что все те, кто жаловался при советской власти, что их зажимают и не печатают, при свободе печати оказались, так сказать, экспонированными... и куда-то тихо-тихо исчезли. Более того, даже те, которых печатали, но которые постоянно пускали среди поклонников слушок, что самое лучшее эти краснопузые гады печатать не дают, оказались раскрыты и тоже тихонько ушли. Наверное, в коммерцию...

К удивлению простого читателя, на Олимпе вместо ожидаемой давки и треска ребер оказалось пусто, как в ограбленной Трое после раскопок Шлимана! Приходи и садись на литературный трон! В то же время полки магазинов и лотки при столь благоприятных условиях для творчества завалены ну такой шушерой, что лучше бы подержал в руках толстую старую жабу. Что случилось, почему такая катастрофа? Где масса прекрасных книг?

Знают только профессионалы. Секрет прост – писать надо уметь. При любой власти дважды два равняется четырем, а «собака» пишется через «о».

Долгие годы профессия поэта или писателя окружалась тайной. Насаждалась мысль, что это от Бога, дар небес, особое состояние души, и прочий вздор, которым, однако, очень хорошо морочить голову восторженным дурам. Да и сами люди к этому готовы. Нам всем хочется чего-то необычного! Всегда с растопыренными, как у коров, ушами и челюстями до пола слушаем о ясновидении, телепатии, НЛО, Бермудском треугольнике, Несси, снежном человеке, деревьях-людоедах, творческом озарении... А писательская братия охотно морочила голову не одно тысячелетие.

Причины просты: получить от царей подарки – избранники небес! – покрасоваться перед восторженными почитателями, ну и, конечно же, не допустить наплыва конкурентов. Да и ситуация благоприятствовала: один грамотный на сто квадратно-гнездовых верст, отсутствие Гуттенберга... Да что там Гуттенберг! В начале века какой процент населения России умел читать хотя бы по складам? Но вот сейчас... Читать умеет всяк, а значит ца, и писать.

Кажется, глупо так думать? Да, на первый взгляд. Мол, никто из нас не в состоянии своими руками построить, скажем, автомобиль. Это ясно каждому. Но написать роман вроде бы может каждый...

На самом деле нет никакого «вроде бы». Действительно, рассказ, повесть, роман – может написать каждый. Другое дело, можно ли его будет читать, но это уже за кадром. В каждом живет ощущение, что он может.

И он действительно может!

Если пройдет обучение.

Писать литературные произведения может каждый. Писать грамотно может каждый... грамотный. Писать так, чтобы печатали, читали и восторгались, – тоже каждый, кто над этим поработает.

Очень смелое утверждение? Ничего подобного, реальность нашего времени

Но все же, несмотря на обилие нарисованных пегасов и толстых баб с крыльями, что венчают венками из лаврового листа удостоенных божественного озарения гениев, утверждал и утверждаю: научить писать хорошие книги можно каждого. Еще проще –

бестселлеры, которые приносят немалые деньги.

Это не голословно: по собранным мной еще тогда литприемам несколько моих друзей, не помышлявшие стать писателями, все же из интереса попробовали, стали публиковаться, трое стали членами Союза писателей СССР. Кто знает, что такое быть принятым и заполучить заветную красную книжицу члена СП СССР, так тогда назывался Союз писателей, а совсем не совместное предприятие, тот поймет, какими привилегиями стали пользоваться эти экспериментаторы! И к каким архивам, спецхранилищам их допустили! Но главное – к Книжной лавке писателей...

Да, научить писать можно любого. Каждого! Как любого можно сделать мастером спорта, научить играть на скрипке или рояле. Конечно, не все мастера спорта – чемпионы или рекордсмены, не все скрипачи – Паганини, но ведь и не все писатели... э-э... Шекспиры? Но на прилавках их книги, многие авторы получают огромные гонорары. Наши, отечественные свои гонорары держат в тайне, что в связи с нашей налоговой политикой понятно, но, к примеру, за каждый свой роман Стивен Кинг получает около десяти миллионов долларов, а ведь и он понимает, что не Толстой, не Толстой и даже не Шекспир.

Мы как раз поговорим о том, что нужно, чтобы стать просто писателем-профессионалом. То есть человеком, который пишет и издает книги, на гонорары от которых способен прокормиться. Как для чемпиона в любом виде спорта сперва надо стать мастером спорта... а сказки о новичках, устанавливающих мировые рекорды, оставим детям, так и для того, чтобы встать на уровень Шекспира, Толстого и прочих, сперва надо овладеть хотя бы простейшими приемами воздействия на читателя.

Кто-то остановится на этом уровне: деньги, бабы, слава, – но кто-то захочет пойти дальше. Ни в коем случае не стоит умалять значение этой армии «мастеров спорта»! Литература, как и спорт, как наука, преподавание и прочее, – не держится на двух-трех вершинных именах. Писателей, как ученых или музыкантов, нужны тысячи. И каждый сеет «разумное, доброе, вечное» в меру своих сил и способностей. Не каждый читатель способен усвоить сложные истины в изложении Толстого или Достоевского. Но зато сможет к ним приобщиться в наивном пересказе Пети Васькина.

Итак, начинаем с нуля. Да, я начал собирать эти литературные приемы давненько, чтобы объяснить друзьям, что это такое же ремесло, как и у них, инженеров. Сбирал и пропагандировал. А потом, уже будучи членом Союза писателей СССР, лауреатом украинских премий, когда сел за парту на элитных Высших литературных курсах, потрясенно узнал, что изобретаю велосипед. Приемы литвоздействия уже, оказывается, существуют! Общие для всех. Базовые. Отличия стилей, методов и прочего начинаются на самом пике, шпиле, когда писатель в самом деле приобретает оригинальность, свое лицо. Но каждый из пишущих все-таки изобретает этот базовый велосипед сам, расходуя на черную работу драгоценные годы, а потом трусливо таит накопленное, чтобы не подсмотрели, не увидели, не воспользовались на халяву, он же кровью и выбитыми зубами...

А вот когда станете мастерами, тогда и начнется борьба гроссмейстеров!.. До мастеров я вас доведу... по крайней мере, могу довести тех, кто этого хочет. Кто желает изобретать велосипед – не осуждаю, но и мешать не буду. Эта книга для тех, кто готов учиться на чужих ошибках... чтобы свои ошибки делать уже на уровне гроссмейстера, где вам ни я, ни кто другой не поможет. Но и не помешает. Зато именно тогда вы обретете настоящую мощь... мощь литературных магов!

Приемы литвоздействия уже, оказывается, существуют! Общие для всех. Базовые. Но каждый из пишущих все-таки изобретает этот базовый велосипед сам, расходуя на черную работу драгоценные годы!

Повторы? Склероз?.. Или такой вот литературный прием?

Отвечаю сразу: не столько литературный, сколько педагогический. Да, в этой книге есть непрямые повторы, более того – их немало. Но не от маразма или старческого склероза, в конце концов, если самому невмочь, нетрудно было бы поручить выловить их

редактору. Этого не сделано, потому что у вас в руках не роман, а учебник. В учебниках и задания на дом, и материалы для повторения, и в конце каждой четверти еще раз излагается для запоминания – самое важное, квинтэссенция, так сказать.

Я не случайно повторяю, к примеру, что закончил ВЛК, это не для хвастовства, у меня есть чем похвастать и покруче, а потому что основные аргументы моих противников, как против моего творчества, так и против этой книги, сводятся к тому, что какой-нибудь сопливец отыскивает в моей книге какую-нибудь шероховатость и на этом основании начинает размахивать отрывком, обвиняя Никитина в... неграмотности!

Возможно, сработало то, что я о своем прошлом литейщика говорил часто и гордо. И о том, какой у меня объем мускулов. Но что за плечами лекции Литературного института, его семинары, что все-таки закончил двухгодичные Высшие литературные курсы – те самые двухгодичные, куда по конкурсу только из числа самых-самых талантливых молодых писателей... об этом никогда никому не говорил. Так вот на этих ВЛК, в кругу сильнейших, мои вещи седоголовыми профессорами, знатоками языка, ставились в пример виртуозности, отточенности и богатства стиля, все это легко проверяемо: живы и сокурсники, и преподы. Да, повторяю, четверть века тому на семинарах ВЛК я был сильнейшим. Этого я раньше не говорил. Возможно, зря. Это сразу бы умерило пыл некоторых критиков с заметно техническим образованием.

Но сейчас как раз тот важный момент (и редкий :-)), когда говорю очень серьезно. Ребята, насчет накачанного литейщика с одной извилиной в башке – это я сам с великим удовольствием запустил в литературные массы. Мне нравился такой, как сейчас сказали бы, шокирующий имидж. Да и щас ндравится. Люблю дразнить гусей и дураков, ну вот аддикция у меня к этому малопочтенному занятию. Просто стыдному у человека моего возраста и положения :-). И пусть тот гусь, кому это помогает жить, свысока говорит о Никитине как о литейщике и дальше. Но вам этот мышчастый образ пусть не мешает серьезно читать книгу и – особенно! – те рекомендации, как улучшить произведения. Это вам говорит уже не литейщик, точно :-).

Повторяю, у меня специальное профессиональное образование, если кому-то это важно, я закончил именно то единственное на весь огромный СССР заведение, где оттачивался не только язык, но и умение писать, а это уже другое, качественно высшее, дальше по ходу поймете, о чем речь. Так что о своем образовании я сказать вынужден потому лишь, чтобы знали: я знаю предмет, о котором говорю. Да плюс я общался со многими-многими писателями, которые тоже переросли планку «чистоты языка и стиля», знаю их приемы, которые здесь выложу вам.

Так что, помимо специального образования, я еще и сам писать умею.

Кстати, по теме небольшую цитату из великого Гельвеция:

«Гений похож на те обширные земли, где встречаются места, мало ухоженные и плохо обработанные: на столь большом пространстве нельзя все тщательно обработать. Только люди небольшого ума присматривают за всем: маленький садик легче держать в порядке».

Манера подачи материала

Я подумывал, как расположить материал в книге, чтобы поудобнее: то ли по важности, то ли по удобности пользователя, то ли по принципу от простого к сложному. Увы, все чреват боком, это не математика, где нужно обязательно усвоить четыре правила арифметики, потом простейшую алгебру, затем интегралы... В литературе никто и никогда не идет от начала произведения к концу, проделывая всю работу и никогда не возвращаясь, чтобы поправить, подтесать, заменить, переставить, убрать, затусовать, усилить, добавить метафор, сравнений и пр., пр.

Более того, чаще всего автор уже публикуется, у него есть читатели, но он все еще не созрел для восприятия некоторых сложных истин: как именно сделать свою вещь ярче, значимее, а любое произведение, как это кощунственно ни звучит, можно сделать сильнее буквально на порядок. Это обычный путь, все нормально, автор растет постепенно, от книги к книге. Постепенно узнает и учится применять все больше

изобразительных средств.

Вот потому и материал в этой книге расположен достаточно свободно. Так, чтобы можно заглядывать в середину, возвращаться к началу, снова и снова перечитывать какие-то моменты, а то, что кажется бесспорным, пропускать, бегло проглядев один раз по диагонали. Именно так любой автор работает и с собственным художественным произведением, подтесывая то в середине, то в конце, то просматривая концовки глав, чтобы сделать их поярче, ибо **КОНЦОВКИ ГЛАВ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТБОРНЫМИ**.

По крайней мере, над ними надо работать более тщательно. Считайте, что это уже начало обучения, так что, пожалуйста, лучше всего выписывайте такие ключевые правила на отдельный листок.

Я когда-то, открыв для себя тот или иной способ улучшения текста, просто писал крупными буквами на обоях над столом, где стояла моя пишущая машинка. Когда женился, пришлось писать на бумажке и припиливать аккуратно кнопкой.

Все дело в том, что автор увлекается, прет, как танк, не замечая, что свой текст дорисовывает воображением, но читающий не сможет заглядывать к нему в мозг, ему нужно все это рисовать буквами.

А чтобы делать текст именно для читателя, как мы и делаем, как бы ни трындели, что пишем «для себя», надо соблюдать правила, правила, правила воздействия на читающего!

В свое время Честертон, автор замечательных приключений патера Брауна, мудро заметил: речь нуждается в захватывающем начале и убедительной концовке. Задачей хорошего оратора является максимальное сближение этих двух вещей.

Это же в полной мере применимо и к литературе.

Итак, первое по тексту этой книги, но не по значимости:

Концовки глав надо отделять особенно тщательно.

Это типа напоминания, что вся соль анекдота в последней фразе, потому если в середине еще можно что-то промямлить, то концовка должна быть четкой, хлесткой, без единого лишнего слова!

Да и вообще...

Я никогда не читал лекции, потому не скован никакими правилами и привычками, а другие, как вы понимаете, мне не указ, я ведь писатель, а мы все такие, выбираем дороги нетореные. Да и глупо пытаться делать книгу в таком же ключе, как делали в прошлом веке, допотопном, двадцатом, был такой, крепостной век, крымско-троянская война...

Сейчас сознание у нас блиповое, что значит быстрее усваиваем, хватаем на лету, нам не требуется длинные нити идей, мы все имеем дело с образами новой культуры: короткими сообщениями, заголовками новостей, гиперссылками, объявлениями, коллажами, клипами.

Все это не укладывается в старые формы, но зато позволяет чувствовать себя свободнее в таком мире.

Потому и эта книга – книга-блип. Она тоже чаще всего из небольших сообщений, которые набирались в течение ряда лет, я не стал их подгонять под какой-то шаблон двадцатого века, все-таки уже в двадцать первом, вода отжата, так что прошу!

И еще вдогонку...

...книга писалась несколько лет, так что, если какой-то вопрос поднимается неоднократно, это не промах автора или редактора.

Дело в том, что многие явления, к примеру отношение к чистоте, вычитке,

устранению сорнячков в языке, – вопрос очень неоднозначный. Вроде бы и надо добиваться вот такой уж гладкости, чтобы ни камешка на дороге, ни сорнячка, но в то же время, как заметил по опыту, как своему, так и коллег, стремление к чистописанию вредит не только замыслу и глобальному воплощению, но даже самой ткани произведения.

Потому в одном месте указываю, как именно бороться с ошибками, добиваться правильности речи, в другом – не увлекаться, не подменять живую ткань стерильным чистописанием. Противоречий в этом нет, как может показаться, ибо хотя все сорняки и сырые места надо убирать из текста нещадно, однако, как уже почти сказал, стремление к чистописанию может погубить произведение.

То же самое относится и к ряду других моментов, которые я из-за их значимости поднимаю в этой книге по два-три раза, поворачивая их то одним боком, то другим. И добавляя доводы.

Насчет языка еще: современники сетовали, что Байрон в каждой строчке делал по три ошибки, пунктуацией не занимался вообще – тире ставил вместо запятых, точек, двоеточий, точек с запятыми, и просил друзей исправлять, причем в таких выражениях: «Отточте, пожалуйста, эту вещь, ради меня». Ну и хрестоматийное о Вольтере: «Вы знаете, у Вольтера всегда очень много орфографических ошибок!» – «Тем хуже для орфографии».

Здесь, конечно, немало бравады и перехлеста, все-таки и Байрон и Вольтер знали орфографию, без этого больших писателей не бывает, она приходит автоматически в процессе длительной работы, но ясно говорит, как великие относятся к мелочам, в том числе и к абсолютной правильности расстановки слов.

Грандиозности Байрона или Вольтера невылизанная ткань их работ вовсе не умаляет, как не придают величия автору чисто вылизанные тексты Василия Пупыркина.

Писатели – тоже люди. И тоже ходят по бабам

И, конечно же, брешут о своей работе. Не так грубо, как грузчики, что прикидываются перед бабами мастерами или прорабами, а то и менеджерамистроек, у писателей она гораздо тоньше и красивше, но все-таки суть одна и та же :-).

Любая поэтизация своей профессии хороша до известной степени. Очень часто она переходит в откровенную брехню о достоинствах своих работ. Писатели грешат этим едва ли не больше всех, ну вы знаете о всех этих божественных вдохновениях, зове души, музе, крылатом Пегасе и прочей хрени. А так как сама профессия писателя – создавать миры, то вот и создали о себе, своей профессии красивую и потрясную легенду, в которую охотно верят лохи, суеверные старушки и халявщики.

Ну, чего стоит вот такое красивое изречение Берне: «Чтобы написать хорошую книгу, нужно взять только перо, обмакнуть его в чернила и выложить свою душу на бумагу». Ах-ах, как красиво! Ну прямо вот уже слезки закапали от прилива больших чувств и умиления. Как все, оказываеца, просто: даже грамоте не надо учиться, только взять перо, обмакнуть в чернила (выбрасываем сорняк «его») и выложить свою душу (нет, «свою» тоже выбрасываем, сорняк).

Тем более не надо учиться писательскому мастерству!

Однако не зря Джонсон предостерегает: «То, что написано без усилий, читается, как правило, без удовольствия». Душу же, как вы понимаете, не придется выкладывать с усилием, она сама выложится, прям-таки выльется, извергнется, как... ну, сами понимаете, что из нас извергается, водопад эмоций, в общем.

То, что написано без усилий, читается, как правило, без удовольствия.

Каковы обязанности писателя на самом деле?

Немалая часть этих блипов родилась под влиянием дискуссий, споров или как ответы на те или иные вопросы, поднятые в Корчме. Вот только что забрел очередной...

это слово опустим... и это поскипаем... словом, гомо, который весьма своеобразно понимает слоган, что писатель вроде бы должен, просто обязан выражать чаяния общества, т.е. читателей.

Вот он и требует, чтобы я удовлетворял его запросики. Ну, вроде как официант, который откликается на все запросы с угодливым: чего изволите? Можно бы отмахнуться, как обычно делаю, но на этот раз в Корчму слишком уж большой наплыв идиотов, какое-то сезонное обострение, оригинально мыслящего поддержали почти большинством, так что надо ответить, надо. Конюшни уже нет, где таких раньше секли, так что надо... ответить.

Мягкий в выражениях Лихтенберг сказал в свое время: «Мне всегда нравится больше человек, который пишет так, что это может стать модой, чем тот, который пишет так, как того требует мода». Сейчас время не мягкое, стиль жизни тоже, а о выражениях лучше промолчу, сами подберете словечко, которым можно назвать такого человека.

Да, писатель вполне может быть официантом, как может быть... ну, кем угодно. Но все-таки на «золотой полке» остались те, кто не подстраивался под «запросы и чаяния». Кто опережал, опережал намного, кто не просто опережал, а видел дальше, увиденному либо радовался, либо ужасался, призывал ускорить шаг или свернуть в сторону, обойти или же собраться с духом и...

Мне нравится то, что сказал первый премьер-министр Израиля, отец и основатель государства, Моше Даяну: «Я не знаю, чего хочет народ, но знаю, что полезно для него». И он никогда не шел на уступки, никогда не подлаживался под требования и пожелания народа. Это же самое мог бы сказать дядюшка Сталин или Гитлер, я с той же легкостью процитировал бы их: на меня, как на Писателя, не распространяются законы политкорректности или хрен знает чего еще. Если сказано хорошо и правильно, писатель должен цитировать любую мудрую мысль. Потому что эта гребаная политкорректность может научить только чистоописанию, а писатель должен парить над вкусами, обычаями, политикой, экономикой, сегодняшней моралью, ибо завтра она может быть уже другой... мы, кстати, ее как раз и создаем своими работами.

Писатель должен писать без оглядки на тупое стадо, чем на самом деле является большинство читающих, лишь процентов десять от общего числа усваивают ваши мудрые мысли, вообще понимают, остальным же дайте побольше выстрелов, изнасилований, погонь, колдунов, рыцарских турниров, эльфов с остроконечными ушами и «хорошо сбалансированные мечи»...

Запомните: вы не официанты! Вы даже не артисты, которые исполняют концерт по заявкам, а на бис выходят, раскланиваются и снова поют то, что больше всего понравилось залу.

Вы рождены быть вождями. Ну а кем станете – вопрос другой.

Кликающий человек

У вас у всех в руках бывает пульт дистанционного управления телевизором, так что сразу поняли, что я имею в виду, не так ли? Кликающий человек – это тот, у кого в руке такой вот пульт, символ власти в семье.

Дело не в том, что каждый из нас, ощутив в руке этот волшебный жезл, начинает нажимать на кнопки, вызывает к реальности один мир, через пару секунд отправляет его в небытие, снова кликает, смотрит еще пару секунд, кликает дальше... Удержаться трудно, сами знаете. Дело в том, что современный человек уже не способен воспринимать длинные сложные мысли, его сознание... да что там вилять вокруг да около, ваше сознание уже настроено на короткие, но достаточно яркие фрагменты информации.

Окружающий нас мир затоплен лавиной новой информации, потому выхватывает только, так сказать, заголовки. Вернее, всобачивает все самое важное в эти заголовки. Мы это видим и по текстам новостных сайтов, и по бегущей строке на экране жвачника, и вообще все наше восприятие мира настроено на его фрагментарность.

Потому и расположение текста в этой книге такое же фрагментарное.

Постмодернизм, так пусть постмодернизм, как ни обзови, но главное, чтобы текст лучше воспринимался и лучше запомнился. Я не поверю, что в старые добрые времена Тургенева или Достоевского тексты умели располагать лучше, все-таки с тех времен чему-то да научились.

Осваивая наследие Толстого, Достоевского и вообще классиков, не забывайте, что мир стремительно меняется. Вы должны писать уже иначе...

Об усвояемости правил

Есть хорошая классификация смены взглядов: «5 лет: мама все знает!», «12 лет: мама не все знает!», «16 лет: мама ничего не знает!», «30 лет: эх, надо было слушать маму...» Это к тому, что некоторые вещи доказывать бесполезно. Нужно, чтобы человек созрел до понимания.

А тогда и доказывать будет не нужно: сам поймет. Ну разве что сумеете убедить на месяц раньше, но только потому, что будет готов, чтобы его поле засеяли новыми семенами.

То есть если какие-то положения в этой книге кажутся неверными, глупыми и вообще абсурдными, то не тратьте силы на опровержения – просто примите ту часть, что принимается без протеста. Пройдут годы, в организме произойдут всякие там изменения и... примется еще какая-то часть.

Пройдет еще линька-другая, и станет понятно и остальное. Этот учебник рассчитан на все уровни, но если в математике сразу видно, какую главу еще рано: там значки непонятные, то в литературе создается иллюзия понятности всего материала, потому любая непонятность маскируется под: «автор – козел, что за чушь несет?»

Ничего страшного, берите то, что берется.

Автор этих строк тоже прошел весь путь, так что знает, что вам предстоит.

Интернет и писатели в нем

Да, все эти годы, столетия и даже тысячелетия писатели были отделены от общества, в отличие от певцов, актеров или цирковых клоунов. Отделены в том смысле, что общались со своей аудиторией только через книги. Их в отличие от артиста или футболиста не узнавали на улице и не бегали с просьбой об автографе.

Как мы уже видим по истерическим интервью, многие из пишущих страстно жаждут показать себя наяву, рассказать о себе, о своих привычках, своем меню, какой бумажкой пользуется в туалете. Словом, не могут остановиться, просто захлебываются от словоизвержения, какая уж тут литература, когда я вот он, смотрите на меня, слушайте меня, умницу и красавца!

И тут пришел Интернет... Правда, сперва был ФИДО, но его опустим, там и народу было поменьше, и правила строже, зато Интернет позволил развернуться всем: и писателям, и критикам, и читателям. Уже давно не секрет, что авторы в Интернете присутствуют практически на всех литературных форумах. Не все пишут постоянно, но все бдительно следят за новостями, бывают на форумах, влезают в дискуссии, правда, очень редко под своими именами, затевают новые споры, интригуют, распространяют слухи, информируют о вот-вот выходящих книгах, жадно вылавливают любое упоминание о себе, самом замечательном и талантливом.

Интернет дал автору уникальную возможность моментально получать обратный отклик от тех, для кого пишет. Если раньше надо было ждать после выхода книги месяцы, прежде чем появится первая рецензия (на мою первую книгу «Человек, изменивший мир», 1973 г., рецензия появилась через год!), – то теперь отклики появляются в Сети буквально на другой день после того, как книга поступила в продажу. А то и в тот же день, если читающий успел проглотить текст и сесть к компьютеру.

Более того, отношение читающих можно узнать заранее, если выложить книгу в Сеть, так сказать, для бета-тестирования, а уже потом, собрав все отзывы, подумать наедине с собой, что принять, а что отбросить, и уже исправленную и дополненную

сдавать для издания на бумаге. Конечно, девяносто процентов откликов – это вопли тинейджеров типа «рулез» или «масдай», в этом возрасте середины еще не видят, но и они ценны, все-таки автор видит, как примут и бумажную версию, еще не поздно скорректировать! Ведь на самом деле не важно, какая у этих ребяташек глубина аргументации: для вас, автора, куда важнее, какое впечатление произвела ваша книга, не так ли?

Но есть и минусы общения в Интернете для писателя: возможности кажутся настолько необъятными, что он сутками не вылезает из паутины, рекламирует себя, свои книги, инициирует дискуссии о себе, своем творчестве, старается подать себя лучше, чем он есть на самом деле, а, заметим, Интернет дает широчайшие возможности: ведь видим только текст, в котором писатель изначально сильнее читателей, никто не видит его пьяную харю с близко посаженными глазками, прыщ на губе, чирей на лбу, засаленный ворот нестираной рубашки, даже не слышит пьяный голос...

Но опять же, напомним старожилам Интернета, как упорно и долго раскручивали себя ловкие ребята, написавшие одну-две книги и старавшиеся на них въехать в рай. Не получилось. И не получится. Всему виной тот же открытый доступ к книгам в магазинах, когда любой сперва прочтет несколько абзацев в разных местах книги, а потом решает: купить или поставить обратно, а в Сети так и еще проще: открыл файл, посмотрел, почитал, вынес вердикт.

Так что не увлекайтесь, не увлекайтесь. Очень скоро в процессе общения понимаете, что вопросы и суждения повторяются, ничего нового о своих книгах уже не услышите, достаточно точное отношение к своим книгам вы уже уяснили. И если хотите что-то услышать иное, то сперва надо написать это принципиально иное, а не очередное продолжение или же новую книгу о Борьбе Светлых Богов с Темными Богами и очередном расколе мира, где избранный сирота явится и спасет Вселенную.

Верно подметил критик Вадим Нестеров, что понятия «сетевой автор» и «графоман» стали почти идентичны. Это не так, конечно, но в сознании большинства, увы, отложилось, что если помещаешь свои вещи в Сети, то лишь потому, что в издательства не берут. Потому будьте все-таки с сетевыми публикациями осторожны. И хотя вроде бы вы – законодатель, но, чтобы переломить быстро складывающееся читательское мнение, нужно выпускать действительно очень сильную книгу, чтобы не говорили: «А, все-таки сумел пробить в печать ту лабуду, что уже год болтается в Инете...»

Возможности Интернета – это и возможности автора. Но они же и добавочные опасности.

Последняя надежда ленивой твари

Кстати, почему такое дикое неприятие того, что писателю тоже надо учиться писать? Почему такое единодушие в рядах тех, кто уверяет, что «это от Бога», от вдохновения, озарения и пр., пр.? Кроме того, можно подметить, что в лагере тех, кто уверяет, что писательству научиться невозможно, что писателями рождаются, настоящих писателей-профессионалов не так уж и много! Ведь те прекрасно понимают, что они учились, учились упорно, и если и говорят, что писательскому ремеслу научиться невозможно, то это лишь тактический ход, чтобы сбить соперника на ложные тропки. Словом, такая странная точка зрения на литературный труд в обществе держится упорно. Так же, как вера в UFO, Бермудский треугольник, Шамбалу и деревья-людоеды. Хотя нет, о деревьях-людоедах уже молчат, но вот про писательский труд, которому учиться необязательно, все еще говорят.

Но загадки нет. Это последний вздох, последняя надежда загнанной ленивой твари, что все еще надеется на халяву. Везде ей обрубают крылья, никаких говорящих щук и золотых рыбок не оказалось, родители заставляют учиться, а власти – служить или работать, однако учиться, а потом еще и горбатиться ну прямо до свиного писка не хочется!

А вот писательство все еще манит халявой: без образования и упорного труда в один скачок взять сразу и бабки, и славу, и баб-с, и все такое. Каждый из этих емель

размахивает козырным тузом, что, мол, из Литинститута ни одного сильного писателя не вышло. А все успешные писатели чуть ли не из зоны и с двумя классами образования.

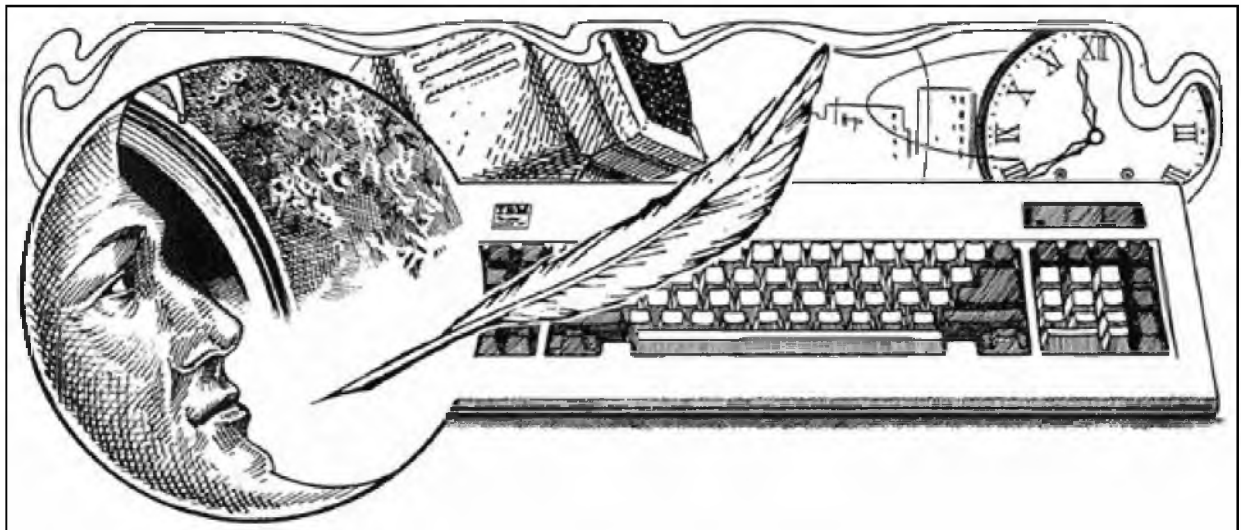
Это сродни мечтам, даже не мечтам, а грезам выиграть в лото миллион или на мусорке отыскать лампу Аладдина. Потому с этими людьми спорить бесполезно, это спор логики и фактов с верой, а вера, как вы знаете, на логику и факты кладет. Но вовсе не слова на музыку. Человек с сокрушенной верой – уже не человек, а нечто сломленное, погибающее в этом сером мире.

Потому оставим тех людей со своими иллюзиями. Как и всяких верующих. Пусть для них существуют динозавры в лесах Амазонки, люди-телепаты, говорящие щуки и писательское ремесло, которое приходит само, без учебы.

А это книга для тех, кто мужественно, хоть и с грустью сознает, что нет в этом мире говорящих щук, золотой рыбки, лампы Аладдина, а есть удача, на которую надеются и желают друг другу слабые да ленивые, и еще есть успех, которого добиваются умные, сильные, талантливые. Удача, скорее всего, не придет, слишком много ждущих, она почти так же вероятна, как и говорящая щука, зато успех придет обязательно, если работать и работать.

И тем не менее приходится со стыдом за докладчика наблюдать, как на различных курсах, семинарах и лекциях по писательству докладчик всегда долго извивается, рассказывая очевидную для самого себя дурь, но не для слушателей, что он-де вовсе не собирается учить писать, упаси боже, это же святая святых, нельзя туда с линейкой и прочей алгеброй, он только чуть-чуть сообщит о разных способах писательства... ну, как это делали другие писатели. Это, конечно же, ни в коем случае не обязывает их пользоваться этими приемами, упаси боже, но это можно знать в качестве, так сказать, полезной информации...

Представьте себе, что желающему научиться играть на рояле сказали бы, что учить его не будут, упаси боже, это же вмешательство в святая святых, он же и сам не слепой, видит, какие клавиши белые, а какие черные, а ему лишь расскажут, как вдохновенно творил великий Моцарт!

Часть 1

В этой части не ждите, что сразу начну объяснять, как поэффектнее закрутить метафору, как лучше пользоваться сравнениями или в каком порядке выстраивать слова для большего эффекта. Это слесарю можно вот так с ходу, профессору математики или президенту страны, у них профессии попроще, но мы имеем дело с литературой, там все намного сложнее, без вводного курса не обойтись. Да вы и сами увидите, почему не обойтись.

Один из бесспорнейших плюсов выбора пути писателя

Чтобы не забыть, скажу сразу: у вас есть преимущество перед всеми остальными профессиями мира еще в самом начале старта. Особенно важное для людей закомплексованных, зажатых, просто застенчивых или, скажем, непробивных. Да, это чуть ли не единственная профессия в мире, где абсолютно непробивной человек может пробиться. С легкостью! Даже с первой попытки... гм, ну, с первой вообще-то проблематично, но ведь никто не узнает, какая она по счету, а приятелям можно сказать, что с первого ходу – сразу в дамки.

Да что там далеко ходить за примером, вот я, собственной персоной, вот такой крутой и лихой на этих страницах, но абсолютно непробивной в жизни. Потому и при советской власти не печатали, ибо тогда важнее было пробиваться в печать, договариваясь с редактором, чем хорошо писать, и потому именно сейчас печатают меня, а не тех бойких ребят, что так хорошо умели устраиваться при советской власти. Имен не называю, вы их знаете, большинство из них достаточно громкие в те времена, но сейчас эти герои ходят очень тихие, носят рукописи, но их не берут из-за явной слабости.

Наше преимущество, преимущество непробивных, в том, что, если хорошо напишете, за вашей рукописью издатели к вам приедут сами. Главный редактор примчится и договор привезет. И будет уговаривать печататься именно у них, расхваливать свое издательство и будет приговаривать: «Если чем-то недовольны, сразу скажите, тут же исправим...» Секрет нашей профессии в том, что хорошая книга пробивается сама. Вы сидите дома, а она пробивается, ломает стены, сокрушает преграды, завоевывает награды, звания, медали, гонорары, баб-с, как же без них :-).

Для этого вам надо всего лишь писать. Можно писать втихую, если побаиваетесь, что знакомые будут смеяться, мы к этому очень уж чувствительные, а потом периодически посылайте в издательство. Лучше всего емэйлом, так проще, к тому же в этом полная анонимность, друзья и собутыльники ничего не будут знать до тех пор, пока не въедете во двор на собственном тюнинговом «Бентли».

Книга, сказал Карл Вебер, которая не стоит того, чтобы читать ее дважды, не стоит и того, чтобы читать ее один раз, и потому я счастлив, когда читатели засыпают емэйлами: ну когда же ваша следующая? Все ваши книги я прочел по три-четыре раза!

А Дюма-младший сказал вдогонку: произведение, которое читают, имеет настоящее; произведение, которое перечитывают, имеет будущее.

Хорошо сказал Вольтер: «Весь мир, за исключением только диких наций, управляется книгами», а Буаст добавил: «Если вы желаете себе несокрушимого памятника, вложите свою душу в хорошую книгу». Прекрасно, стоит только убрать сорняки: «вы», «себе», «свою».

Это, значитца, потихоньку и вроде бы незаметно начинаем работу со словом :-).

У вас есть очень неплохие шансы войти в бессмертие!

Никто не узнает, сколько раз вам отказали, сколько раз настучали по рогам и посоветовали лучше пойти убирать мусор или мыть пивные кружки в баре. Зато потом, когда рукопись принята...

Здесь уместна аналогия со спортом. Там тоже надо ходить и пробиваться, пока вы разрядник или кандидат в мастера. Но вот вы пришли, никому не известный и никому не нужный, в спортивный зал и там запросто подняли рекордный вес! И – все. Больше вам делать и объяснять ничего не надо. Вокруг вас сразу же забегают. Засуетятся. Вам принесут и кресло поудобнее, и заслуженный тренер сам прибежит, и менеджер с кипой договоров.

Насчет непробивности я, возможно, сгустил краски. Думаю, она есть и у меня, и у вас, но прибегать к ней прибегаем, когда уж совсем чувствуем свою беспомощность. Я, во всяком случае, никогда к ней не прибегал, потому что за меня пробиваются мои книги. Чтобы начинать давать интервью, встречаться на конференциях и пиарить себя во все щели – это прежде всего надо признать, что уже достигнут потолок, уже иду по наклонной вниз и потому изо всех сил стараюсь удержаться хоть на какой-то высоте, чтобы замедлить сползание в неизвестность, нечитаемость...

Что, сгустил краски? А посмотрите на тех, кто усиленно выступал на читательских конференциях, чьи интервью и портреты публиковались в газетах, кто заполнял Интернет рассказами о своих гениальных творениях?.. Поднимаются или сползают?

Вам это надо: начинать с того, чем обычно заканчивают карьеру?

И еще на эту же тему. Обращение, так сказать, лично к непробивным. У зажатых и непробивных в занятии литературой явное преимущество: им некуда отступить, в то время как пробивной человек, разок попробовав что-то написать, может решить, что трудно, плохо, долго, нудно, – бросит и уйдет пробовать себя в политике, менеджменте, коммивояжерстве, а вот вы будете долбить эту стену... и успех придет!

Причем успех писателя всегда заметнее успеха политика или менеджера, а если думаете иначе, ответьте, какой политик правил Грецией во времена Гомера? А во времена Данте? А в эпоху Вальтера Скотта?

Порядок слов в русском языке

Написал про базовое, и сразу же наперекор себе подумал: а что, если вот так, начиная еще с предисловия или введения, потихоньку вкраплять понемногу и законы правильной расстановки слов? Если у нас блип-учебник, то почему материал должен быть по классической схеме? Интуитивно чувствую, что вот так запомнится лучше. Ну словно идет себе горожанин, любуется солнышком, цветочки рвет, а тут его ба-а-абах палкой по голове: рвать цветы на газоне запрещено!

Итак, начинаем: в русском языке, в котором нет жесткой английской системы закрепления слов в предложении, даже на бумаге сохраняется удивительная свобода интонации. В зависимости от того, куда всобачите слово, меняется смысл. К примеру: «У попа была собака». Все понятно: поп являлся владельцем собаки, а не кошки или другой живности. Если же слова переставить: «У попа собака была», то сразу тоже все понятно. Была, да сплыла. Или «Собака была у попа». Все ясно! А у попадьи – коза или зебра. Как видим, ключевое слово ставится всегда в конце фразы.

Зная это, можно замечать всякие проколы на каждом шагу: к примеру, вон у моей на полочке стоит «Онель», на флаконе пояснение: «Косметическое молочко для снятия макияжа с витамином Е». Тоже все понятно, мол, с витамином Е это молочко макияж снимает, а вот с витамином А уже нет, а с В или С нечего даже пробовать – навеки останется на мордашке :-).

Конечно, в устном разговоре можно поставить ударение на любом слове, подмигнуть или повысить голос, сделать пристойный или непристойный жест, тем самым меняя смысл, но ведь каждому купившему вашу книгу вряд ли сумеете объяснить, где повысить голос?

Поэтому в той фразе, которой я закончил занудное увещевание не пиарить себя, хоть и страсть как хочется, правильнее будет не «...чем обычно заканчивают карьеру?», а «...чем обычно карьеру заканчивают?». Улавливаете разницу? Нужно, чтобы уловили. Это читатель может не улавливать, но он уловит другое: берет его ваш текст за живое или нет.

Запоминаем правило, которое вам поможет делать текст ярким и выразительным:

Ключевое слово всегда ставится в конце фразы.

И еще один важный плюс! Очень важный

Продолжаем о выборе пути писателя. Вы играете один. Без всякой команды. Я с детства не любил футбол, волейбол и баскетбол, хотя меня с моим ростом всегда записывали во все школьные и внешкольные команды: не там прошел, не тому дал пас, команда потеряла очко или же сам предъявляю кому-то претензии, а если никто никому, все равно порой остается какой-то осадок...

А здесь вы сами один на один с препятствием. Никто вам не мешает. Уже точно все пряники будут ваши, как и шишки. Но вы точно будете знать, что эти шишки заслужили вы, а не криворукий партнер, что пасанул мяч мимо. И что исправлять ошибку надо вам, а не Ване Пупкину.

Работа в одиночку ценна еще и тем, что вы можете работать всегда, когда у вас есть время, а не тогда, когда сумеет собраться вся команда. А с этим понятно, чем больше людей – тем труднее собраться и начать работать, помех больше.

Отсюда и обратный вывод: все ваше время – пригодно для работы. Сколько вы из него истратите на писательский труд, а сколько на баб-с, столько и получите в том и другом.

Вывод:

Все ваше время – рабочее.

Когда это началось...

Книга писалась многие годы, ведь начал я ее еще в 60-х, пожелтевшие листочки кочевали со мной с квартиры на квартиру, из коммуналки в коммуналку. Много рождалось в виртуальных спорах в Корчме [www://nikitin.wm.ru/](http://www/nikitin.wm.ru/), отсюда некоторая хаотичность, повторы. С другой стороны, такая подача материала свойственна вообще литературе: повторяюсь – это не математика, где, пока не усвоишь простейшие правила арифметики, нельзя переходить к алгебре.

Почему еще с 60-х? Я тогда публиковался много, бурно, во множестве журналов и альманахов, в месяц по пять-шесть публикаций, и товарищи меня постоянно спрашивали: Юра, как это получается, у меня два высших, кандидатскую пишу, но мои рассказы не берут, а у тебя семь классов, но твои рассказы на улет? И я начал объяснять, что нужно делать то-то и то-то, писать так-то и так-то, а здесь вот обязательно вот это, иначе будет провал, а вот такое правило – обязательно тоже, без него – хоть умри, в печать не возьмут...

Некоторые повторы возникают в процессе разбора полетов, когда проблема поворачивается с другой стороны, тогда же находятся и новые аргументы. С другой стороны, это позволяет более выпукло освещать важную для понимания проблему, а данные азы творчества усвоить надежнее.

Да, собственно, так и строится любой учебник: новый материал, затем – материал для повторения. Так что все-таки классика...

Сегодняшний мир книгоиздания...

...в котором вам придется жить. Прилавки завалены сотнями руководств, от тонких брошюр до толстенных томов в цветных глянцевых переплетах высокой печати, по тому,

как устраиваться в жизни, как уживаться с людьми, как понравиться руководству, как завоевать внимание, как влезть в доверие, как начинать потихоньку самому руководить людьми, используя их слабости...

Хватает и руководств, как «пробивать» рукописи в печать. Но практически нет книг, где бы объяснялось, как довести ее до состояния, чтобы ее все-таки взяли. Я специально интересовался этим вопросом, но, кроме книги Николая Басова «Творческое саморазвитие», ничего не увидел.

То есть снова нас учат тому же, на чем было построено литературное дело при коммунистическом режиме: устраиваться, понравиться редактору, суметь пролезть, примкнуть к какой-нибудь группе, мол, коллективом пробиваться легче, как торговаться насчет гонорара, как проследить, чтобы не обманули при начислении аванса и прочее, и всякое, и подобная нелитературная хренотень.

Но вы же сами должны понимать, что в любом издательстве автоматически выставляются барьеры против попыток пропихнуть им слабые книги. И чем лучше будут написаны руководства о том, как пролезть в печать и напечатать свою лабуду, тем выше издательство поставит барьер против лабуды. Кстати, если вы вдруг не знаете, то книги о том, как обхитрить издательство, падают не с Марса, их печатают сами издательства, так что вот щас они вам дадут в руки оружие супротив себя!

Так как же все-таки стать писателем? С другими профессиями примерно понятно: чтобы стать музыкантом – надо иметь хороший слух, спортсменом – хорошую генокарту и плюс изнурительные тренировки, ученым – много думать и ставить опыты, художником – уметь рисовать...

Труднее сказать, что нужно, дабы стать писателем. Хотя художник и писатель – ветки одного корня и любой писатель умеет рисовать, но аналогия с художником не пройдет: все уверены, уж что-что, а писать умеют! Читать же умеют? И письма, бывало, пишут. Из чата так и вовсе не вылезают.

Да и все писатели, как известно, бывшие инженеры, грузчики, врачи... Перечислять можно до бесконечности, будут перечислены все профессии на свете, кроме одной, литературной. То есть никто писателем не родился, каждый успел поменять не одну профессию.

И в то же время нелепость, что писательству научиться нельзя, а писателем надо родиться, – крайне живуча. И всякого, кто говорит, что трудом и учебой можно стать великим писателем, – заплевывают, а демагога с кличем: «писательство от Бога» – слушают с восторгом. Горестный вопрос: почему?

Увы, ответ далек от литературы вообще, а кроется в нашей психике. Ну кому нравится серая истина, что ученье и труд – все перетрут? И что учебой и трудом можно достичь всего?.. Нет, нам до свинячьего писка жаждется именно халявы, и мы готовы с горящими глазами слушать всякого идиота или хитреца, кто скажет, что халява есть, существует, в лотереи выигрывают миллиарды долларов, миллионеры женятся на проститутках, можно жить дураком, а потом говорящая щука выполнит все желания и что есть особо одаренные (раньше Богом, а теперь – генетикой) люди, которые могут сразу написать шадевр и получить за него славу, деньги, баб-с, золотые памятники, все награды, премии, ордены, виллы... Конечно же, каждый примеряет это не к соседу, тот бездарь, понятно, а к себе, талантливому, чей талант пока просто не проснулся...

Вывод:

Бог, может быть, и есть, но чудес уж точно не бывает. И никто еще не родился писателем. Вы – тоже.

Но стать им можете.

Горькая истина... Работать, увы, надо!

...хоть и привычная, что абсолютное большинство человечества, к которому принадлежим почему-то и мы с вами, постоянно брешет, как поповы собаки. Или, скажем

мягче, врет. Или совсем уж деликатно: живет с неверным мировоззрением. Вы прекрасно помните, что героями во дворе и в школе становились те, кто убежал с уроков, а не отличники, кто напивается, как свинья, а не трезвенники, мы считаем делом чести отлынивать от работы, мы хвастаемся, как вчера надрались и как долго блевали, на конвентах и прочих сборищах делегаты (и писатели, ессно) соревнуются, кто перепьет остальных.

Попробуйте занять денег у коллег на мед в сотах – никто не даст, а если на бутылку водки – предложат со всех сторон. В России пьянство стало всеобщей обязанностью, и кто не пьет, тот вроде бы предатель, не наш человек, не стоит такого принимать в компании, звать в гости, и вообще он говно, подозрительный какой-то, все книжки читает, гад, хочет умнее всех быть, надо ему стекла побить, собаку его отравить, шины проколоть...

Понятно же, что это распространяется и на такую область человеческой деятельности, как писательство. Никто не скажет вам, что надо учиться писать, надо совершенствоваться, а всякий соврет, что это приходит само собой, то ли во сне, то ли от Бога, то ли прекрасная муза явилась после травки и напела стих или роман. Причем сами эти гуси вкалывают, как папы Карлы, но на людях прикидываются гуляками праздными.

Только Есенин однажды проговорился честно, когда его спросили, когда же он пишет стихи. Он ответил: всегда. И не катят ссылки на великих, которые говорили про то, как враз сели и написали эпохальную вещь. Литературоведы могут рассказать про Алексея Толстого, который частенько, придя в ЦДЛ, говорил небрежненько коллегам: вот вчера снизошло на меня, повестушку накатал за ночь. До утра писал. Только-только закончил. Хотите взглянуть?.. Те смотрят, видят: вещь совершенна. И язык, и образы, и характеры, и все, что причитается большой прозе. Ну, Толстой, ну гений!..

Да, конечно, гений, но только немногие знали, что эту повесть он накатал не за ночь, а корячился над нею два месяца. И переписывал семь раз. И подолгу правил, выганивал язык, шлифовал образы. Но... стыдился он почему-то признаваться, что работает как каторжный! Ну хотелось ему выглядеть эдаким Моцартом, да не настоящим, тот вкалывал, как раб галерный, а именно гулякой праздным, каким изобразил его Пушкин. Увы, Пушкин лишь воплотил в этом образе мечту любого писателя: чтобы не вкалывать каторжно, а чтобы само приходило готовое, без черновиков, правок, переделок...

Почему такое противодействие моим словам, что писать можно научиться? Тем более странное, что оно одинаково мощно звучит и от профессионалов, давно завоевавших место под литературным солнцем, и от новичков, только мечтающих начать писать?

Давайте посмотрим сперва с позиции профи, она понятнее. Всякий, успев забраться в троллейбус, оборачивается и кричит: «Троллейбус не резиновый, не лезьте больше!» Собственно, склей я сегодня ласты, огорчатся разве что читающие, а среди профи будет праздник: это же освободится высокое место в рейтинге, все сразу приподнимутся на ступеньку, освободится масса бумаги, а читающие раньше Никитина воленс-неволенс купят, мол, мою книжку, которую раньше не замечали... Так что чем меньше влезет в наш литературный троллейбус, тем вольготнее будет в салоне. Меньше конкуренции. Читателю некуда будет деваться, как только покупать наши книги!

Начинающие же смотрят на литературное ремесло пока не как на ремесло, а как на халяву. Везде скучно и нудно говорят, что надо долго и упорно учиться, потом долго и упорно работать, чтобы медленно, очень медленно вползти со ступеньки на ступеньку вверх, а в литературе – раз-два, и в дамки! Сразу бешеные гонорары, слава, голые девки, нобелевки, счет в швейцарском банке, собственные виллы во всех частях света, чтобы именоваться гордым словом «бомж», то есть без определенного места жительства :-).

И к тому же этот дар доступен только вам, уникальному! Именно дар, халява, а не что-то заработанное потом и бессонными ночами, как у других, простых, бесталанных, обыкновенных, к коим вы, ессно, не относитесь никаким боком, краем или фиброй.

И как тут воспринять мои гадкие слова, что как ушат холодной воды, что как большой грязной палкой по голове? Конечно же, это естественная реакция на действия гада, что разбивает хрупкую мечту, даже грезу, о том, как за ни фига враз стать умным,

красивым, богатым и знаменитым. Вы сидите себе терпеливо и высматриваете говорящую щуку или золотую рыбку, на худой конец все же третью медную лампу, и тут является хамло, что трезво так это говорит, что нет говорящих щук, золотых рыб-с, а медная лампа и есть только допотопная лампа и ни фиги больше!

Увы, чуда хочется почти всем. И если человек скрепя сердце все-таки соглашается (слишком много об этом писали и говорили!), что нет снежного человека, телепатии и Бермудского треугольника, но он взбунтуется и не поверит, когда кто-то пытается рушить мечту о литературном даре, особом, таинственном и непознанном!

Нельзя жить вдохновением. Пегас чаще идет шагом, чем скачет.

Мораль:

Троллейбус – не резиновый, но в литературе для вас достаточно мест. Однако без труда...

Отступление по технике языка

Вообще-то и это правило, если следовать классическим правилам педагогики, стоило бы забросить подальше, к концу всего цикла лекций. Туда, где речь пойдет о доводке текста. Но если в год по чайной ложке, то кому-то надоест только базовое да базовое. Кто-то уже крут: если сейчас не поправит свое замечательное, то завтра с утра понесет в издательство. Так что для него надо хоть по капле, но давать то элементарное, что можно усваивать попутно с базовым.

Запишите для себя вот такое правило, выделите его красным, а если вы дальтоник, то просто крупными буквами и повесьте где-нибудь на самом видном месте. Чтобы всякий раз, пока пишете, взгляд натыкался на эту колючую проволоку.

И так до тех пор, пока это не войдет в плоть и кровь. Но и потом не снимайте, все мы о нем забываем, приходится снова и снова напоминать, да не другим придуркам, а себе, талантливому и любимому.

Правило: не вешать на каждое дерево табличку с надписью «Дерево». Более того, раз уж повесили, то снять. То есть вычеркнуть длинное и занудное объяснение, без которого и так все понятно. Все эти объяснения, которые так часто, к сожалению, встречаются, попросту раздражают. Никто не любит, когда его принимают за идиота. Но главное, это вредит самой ткани произведения, снижает динамику.

Без шуток, это напоминание насчет дерева стоит вообще повесить перед глазами, чтобы время от времени натыкаться, спохватываться, отыскивать в своем замечательном произведении эти таблички – а они обязательно будут, каждый их вешает, но не каждый снимает! – и снимать, снимать, снимать...

Это очень важное правило. К тому же очень простое в исполнении. Никто, ни один писатель не в состоянии писать сразу четко и ясно, уж поверьте, я общался с очень многими. Всяк пишет с массой сорняков, но уровень писателя во многом определяется как раз тем, сколько сорняков он убирает из написанного, а сколько оставляет.

Сейчас в книжных магазинах свободный доступ к полкам, а это значит, что никто не покупает, как прежде, когда были отделены прилавком: «Девушка! Мне вон ту и вон ту, что левее...», а девушка сперва с натянутой улыбкой подает книгу, потом начинает пыhtеть и люто вас ненавидеть – ходят тут всякие – за то, что просите еще и соседнюю, долго листаете и, наконец, благодарите, если смелый, возвращаете, а если нет – оплачиваете и не очень-то довольный идете домой. Сейчас каждый раскрывает книгу и долго всматривается в текст. Зацепит текст – куплю, не зацепит – поставлю на полку взад, и пусть ждет своего покупателя.

Так вот, зацепит или не зацепит, во многом определяется количеством этих жутко раздражающих табличек на деревьях.

Вывод:

Не вешать на каждое дерево табличку с надписью «Дерево».

Чего ждет каждый автор, так сказать, по дядюшке Фрейду...

...но в чем никогда не признается? Увы, автор подсознательно жаждет, чтобы авторов было поменьше, вообще чтобы он был единственный на весь мир и потому чтобы в любом случае читали только его, Замечательного :-). И болезненно реагирует на появление новых, даже если на людях улыбается и поздравляет их с новыми победами, увы, так принято.

Только один из знакомых писателей сказал откровенно: Юра, а на фиг ты выдаешь им наши секреты? Мы горбом их постигали, каждый в одиночку изобретал, сколько шишек набили!.. Сколько ошибок, разочарований, потерь, тупиковых путей! А ты все отдаешь готовенькое... Пусть и они, гады, погорбятся.

Но большинство, лицемеря даже перед своими, упорно говорили, что писательству научиться нельзя, что это от Б-га, должна посетить муза или хотя бы пегий конь с крыльями и что если будет вдохновение, то и пьяный грузчик напишет новую «Войну и мир», а не будет, то и свое имя не нацарапаешь.

Не стоит у классиков, политиков и великих деятелей прошлого выискивать подходящие для подкрепления своих позиций хлесткие фразы. Оно, конечно, звучит, но классики тоже не всегда бывали классиками, однако даже в ранге классиков иной раз брякали нечто либо в полемическом задоре, либо в порядке провокации, а потомки хватают по принципу: «сам Такой-то сказал!» – и глотают, как утки, не пережевывая и не понимая вкуса. К таким вот шадеврам относится и сентенция: «Если можешь не писать – не пиши!», принадлежит тому самому человеку, который в споре с Сеченовым как-то брякнул: «А раз человечество такое подлое, давайте уничтожим его к черту, пусть все снова с обезьян или рыб!»

Фразы фразами, но, по воспоминаниям современников, сам граф очень мог не писать, но превозмогал лень, дурное настроение, сплин, отсутствие музыки и просто нежелание работать и каждое утро садился к письменному столу. И – работал, как ремесленник, то есть переписывал по двадцать раз один и тот же текст, улучшая его ремесленнически, в то время как мы все знаем: начинающие гении и по второму разу не правят свои тексты, ведь это уже не творчество! Это даже – ах-ах! – убивает творчество, как вы понимаете :-).

Вывод:

Вы, конечно же, лучше какого-то там Льва Толстого, но все-таки не рискуйте истратить жизнь в ожидании музыки, что сделает за вас все сама.

Работайте!

Необходимость массовости профессии

Раньше и народ в массе был неграмотен, и профессия писателя была окружена ореолом таинственности избранника богов, к которому стенает не то конь с крыльями, не то девки опять же с крыльями. Сейчас же масса народа пробует себя на литературной стезе так же просто, как в бизнесе или профессии инженера, электрика, сборщика компьютеров.

А мы уже догадываемся, что в Бразилии нет шансов создать хорошую хоккейную команду, а вот в Канаде – есть. И не потому, что в Бразилии не играют в хоккей, – играют! Но в Канаде играют все, а вот в Бразилии игроков... столько же, сколько в России было писателей в эпоху Бунина. Кстати, победы нашего хоккея относятся к эпохе, когда у нас играли все, во всех дворах. Но пришла новая эпоха, люди получили доступ к массе других профессий, ранее недоступных, и молодые сильные ребята, что раньше шли в хоккей, пошли в бизнес, рэкет, челноки, охранные агентства...

В литературе как раз наоборот. Сейчас, когда «можно писать все» и когда можно

получать не урезанные советским чиновником гонорары, в нее хлынула масса людей, которые раньше искали бы другое применение своим возможностям. А это как раз ситуация с хоккеем в Канаде.

Искусство – как поиски алмазов, сказал некогда Солоухин... Ищут сто человек, находит один. Но этот один никогда не нашел бы алмаза, если бы рядом не искало сто человек.

Не презирайте тех, кто в отличие от вас просто решил лучше устроиться в жизни и пишет «коммерческие» книги. Помните, чемпионами канадцы становятся потому, что вся Канада играет в хоккей, как бразильцы – в футбол. Больше пишущих – выше уровень наших чемпионов. Выше наш общий уровень.

А давайте прямо и честно...

...слово «талант» заменим словом «халява»? Прямо и честно потому, что в данном контексте талант для этих людей означает именно халяву. То есть не учиться, не трудиться, а открыл рот – и сразу запел арию Торквемады. Или сел за рояль – и сбацал симфонию. Подошел к клавише – и одним пальцем запросто отстучал роман, за который сразу получил все нобелевки, золотые статуи в рост оригинала, баб-с, аплодисменты.

По щучьему веленью, если прямо, а если возвышенно, то – талант, братцы, талант!

Правда, эти люди все же не торопятся просаживать деньги в лотерею, но вот в создание романа без всякого труда почему-то верят.

Если вы все еще верите в возможность выехать на голом «таланте», без долгого и неприятного порой процесса обучения, то бросайте читать дальше, ищите медную лампу, караульте у проруби говорящую щуку или золотую рыбку.

Иное время, иные песни...

Заранее придется принять аксиому, что никогда уже ваши произведения не будут столь значимы, как были бы еще в середине прошлого века. О Пушкине уже говорил и скажу ниже, но даже на моей памяти – оглушительно громкие и блистательные имена советских писателей, огромные многотысячные толпы восторженного люда, что собирались на площадях послушать поэтов, разовые тиражи по пять-десять миллионов экземпляров...

Все это ушло и больше не повторится. Ушла поддержка тоталитарной властью, когда большинство авторов выпалывалось, а одиночек превозносили: официальных – открыто, а так называемых диссидентствующих – тайно. К тому же раньше человеку некуда было податься, кроме как в спорт и в книжество. Да, одни писали, другие читали, теперь же в обществе гораздо больше возможностей реализовать себя в том же предпринимательстве, которого раньше не существовало. Плюс – появились телевидение, видеомагнитофоны, компьютеры, Интернет, видеоклипы, компьютерная графика... Если раньше кинокамера была диковинкой, а на пишущую машинку надо было брать разрешение из милиции, то теперь каждый в состоянии приобрести телекамеру, даже цифровую, попробовать себя в качестве... уже в другом качестве!

В то же время, подчеркиваю для тех, кто загрустил, возросли и возможности пишущего автора. Он может сразу разместить свою вещь хотя бы в Интернете, а раньше надо было ждать несколько лет, пока прочтут и поставят в план на публикацию, а еще не меньше трех лет на прохождение рукописи по всем этапам. Резко возросли гонорары. И хотя их еще недостаточно, чтобы каждую неделю на шаттле туристические полеты вокруг Земли, но все же авторы покупают роскошные квартиры или дома, дорогие машины и живут в достатке, не отвлекаясь на проблемы, чем накормить детей, а спокойно занимаются творчеством.

Это я к тому, что, когда вам будут указывать на Гомера, Пушкина или даже на ныне здравствующих гигантов прошлого века, но сейчас стыдливо умолкнувших в тряпочку, принимайте спокойно эту... критику. Умных мало, а поговорить каждому хочется, к тому же каждый дурак почему-то считает себя очень умным и охотно берется учить других...

Тут въедливый ехидно кивнет в мою сторону, но скажу, что я не ссылаюсь на Пушкина и не разбираю его знаменитую онегинскую строфу, а рассказываю на своем примере и примерах авторов, что пишут сейчас, и подсказываю, как выжить пишущему в условиях массовой культуры и Интернета. Как выжить, не роняя себя, не приспособившись, оставаясь оригинальным, не поддаваясь масскультуре, а, напротив, если понадобится для литературных целей, то и подминая ее под себя, заставляя служить себе.

Вообще советую никогда не спорить с критиками, ибо автор в заведомо проигрышной позиции. Еще до начала спора. Козе понятно, что критиковать проще, чем что-то творить, создавать, изобретать, строить. У критика, ессно, поддержка и энтузиазм миллионов, ибо каждому приятно, что еще одного взлетевшего или пытающегося взлететь опустили. В смысле на землю опустили, что не совсем земля, а ею станет, когда высохнет и потеряет запах.

Так что просто творите, сцепив зубы. Из ругателей только двое критиков вошли в историю, да и то не за ругань, а за переход к более активным действиям: один спалил храм, который критиковал, а другой, по имени Зоил, после многих лет придирок не утерпел и набил морду поэту, не посмотрел, что тот слепой и не может дать сдачи.

Автор сейчас может сразу разместить свою вещь хотя бы в Интернете, а раньше надо было ждать несколько лет, пока прочтут и поставят в план на публикацию, а еще не меньше трех лет на прохождение рукописи по всем этапам. Резко возросли гонорары.

Вы – создатели виртуальных реальностей!

Сейчас очень модно говорить к месту и не к месту о виртуальной реальности, при этом всегда имеется в виду нечто навороченное, с массой сложных приборов, человек находится чуть ли не внутри суперкомпьютера, весь опутан проводами, почему-то именуемыми чипами, видимо, для эффективности, проводов масса, хотя я уже сейчас пользуюсь беспроводной клавишей и бесхвостым грызуном, словом, почему-то все мы, давно живя в виртуальном мире, все еще имеем его на других планетах.

Книга – тот же виртуальный мир, мы погружаемся туда, прекрасно понимая, что на самом деле рыцари короля Артура были грязными оборванными дикарями, а не нашампуненными красавцами в полных рыцарских доспехах XVI века, в костюмах от лучших дизайнеров, с идеально ровными и белыми зубами, разговаривающими так, как нужно писателю, то есть вам, а вовсе не «по правде», как требует дурачок... не стану называть его имя, вы сами его знаете, у каждого из вас есть такой прилипчивый придурок.

Повторяю, читателю совсем не важно, как было «на самом деле», он охотно включается в созданный вами виртуальный мир, принимает все правила игры, не обращает внимания на анахронизмы, ведь это игра, социокультурная игра, а натурализмом он и в реальной жизни обожрался, он ему осточертел, достал, он охотно принимает ваш придуманный мир!.. Читатель жадно воспринимает действие, следит за оживленным диалогом, сопереживает, хотя и понимает наигранность некоторых сцен, ненатуральность поведения: «в жизни так не бывает!» – однако он не хочет, чтобы вы изображали так, «как в жизни», он требует, чтобы вы создали для него интересный виртуальный мир!

Создавайте миры... интересные. Захватывающие. В которых интересно жить. В которых вы станете лучше. Все остальные требования – мусор.

«Ну сколько, сколько же все-таки книг писать?»

Интересный вопрос: сколько книг писать? То, что популярный у нас писатель-фантаст Айзек Азимов написал уйму книг, воспринимается у нас и у «них» одинаково одобрительно. Помню, у нас хотели даже отметить выход двухсотой книги этого мастера. Готовились, сообщали об этом в «Литературке».

Однако у него одновременно, в течение недели, вышли сразу три новые книги. Так что не удалось определить, какая из них двухсотая, какая двести первая, а какая двести

вторая. Понятно, что на том он не остановился, писал еще много лет весьма плодотворно, но никто «там» его книги не считал, а здесь хоть и хотели бы, но не успевали. Совсем другой разговор, когда речь об отечественном авторе. Здесь писатель, у которого количество изданных книг подходит к десятку, уже под подозрением: а не халтуру ли гонит? Почему так много? Одна, две, ну пусть три... ну даже четыре, но – десять? Нет, это явная халтура. Раз много, значит – не умеет писать. Хотя почему не наоборот – непонятно.

Более того, после двадцатой моей книги меня на полном серьезе начали спрашивать: сколько человек пишет под ником «Юрий Никитин»? Сейчас у меня вышло больше тридцати, так что, понятно, уже нет сомнений: это коллектив! Американец – может, француз... Сименона называли автором тысячи романов – может, любимый мной в свое время английский детективщик Джон Кризи написал пятьсот романов, но ленивый и косорукий русский – да ни в жисть!

Я чувствую, что пока что моих слов вы не разделяете. Пока что не зацепило. Для вас и одна книга – непосильный труд, почти подвиг, а уж тридцать... Нет, не зацепило.

Сказываются издержки еще той, советской системы. Была такая разнарядка: одна книга – в три года. Да и то лишь для членов Союза писателей СССР. Для начинающих так и вовсе публикация – всегда чудо, но, как в любой феодальной системе, а в Советском Союзе был ярко выраженный феодальный строй, существовала табель о рангах: дворянину позволено больше, чем простолыдину, мелкому феодалу – больше, чем простому дону, крупному – еще больше, и так далее. То есть лауреату Государственной премии можно издаваться каждый год, а лауреату Ленинской премии – любое количество в год плюс собрание сочинений, а также в «Роман-газете» с ее тиражом в десятки миллионов экземпляров...

Понятно, что писатели-фантасты или детективщики никогда лауреатами не были. Да и не могли быть «по рангу», то есть рылом не вышли, чтобы равняться с благородным сословием авторов, пишущих о буднях строителей коммунизма, о рабочем классе, о колхозниках или счастливой службе в рядах Советской армии. Так что у нас, вроде бы перешедших на рельсы рыночной экономики, мораль осталась все же совковая – вон Шолохов написал всего три книги? Вот и ты больше не пиши!

Помните, вы живете уже в другом мире! Вообще двадцать первый век диктует и другие скорости. Понятно же, не в сторону замедления. Так что не оглядывайтесь на классиков. Они бы сейчас работали, еще как работали!

Почему говорю правду именно я, а остальные брешут?

Да, большинство из вас мечтает, что вот напишет как-нибудь рассказ, а наутро проснется знаменитым: рассказ, как волна цунами, пошел везде миллионными тиражами, враз переведен на все языки мира, получил высшие премии с солидными денежными довесками, за вами гоняются папарацци и тележурналисты с просьбой дать интервью для «Плейбоя», «Нью-Йорк таймс» и «Лучшие люди планеты».

Конечно, теоретически есть и такой шанс, чего отрицать, но такого удачливого пока что не видел и не предполагаю, что при моей или даже при вашей жизни это случится. Так что лучше настройтесь, как это ни грустно, на долгий и упорный труд. Тем, кто его выдержит, можно ну почти что гарантировать, что будут и большие тиражи, и большие деньги, даже очень большие, и признание, и просьбы дать интервью для ведущих изданий планеты.

Сейчас высокие мотивы сразу вызывают подозрение, начинают искать, где же автор брешет, ну не может человек делать что-то без личной выгоды, ведь уже доказали псевдоисторики, что Александр Матросов просто поскользнулся на льду, пьяный Гастелло заснул за штурвалом, крестовые походы были ради грабежа, Ромео и Джульетта просто придурки и что вообще никогда и нигде не было бескорыстия, а только брехня, грабеж и фрейдизм.

Так что признаюсь сразу, чтобы освободить всех от долгой работы по выискиванию подспудных мотивов написания этой книги: я уже заканчиваю свою литературную

карьеру, мне эта книга уже не повредит, а остальные мне по фигу. Пусть пишущих будет много. Намного больше, чем сейчас. Да, конкуренция станет жестче. Но выиграет читатель, а я уже на пенсии, перехожу в стаз читателей :-)).

Эта циничная позиция, надеюсь, будет понята, все мы такие, живем по общечеловеческим рыночным ценностям фрейдизма, так что сразу перейдем к делу.

Настройтесь, как это ни грустно, на долгий и упорный труд. Тем, кто его выдержит, можно ну почти что гарантировать, что будут и большие тиражи, и большие деньги, даже очень большие, и признание, и просьбы дать интервью для ведущих изданий планеты.

Собака лает, но караван должен идти

Вчерашний день, что тормозит прогресс во всех его проявлениях, будет тормозить и вас. В первую очередь – насмешками и высокопарными рассуждениями о невозможности научиться тому, что дается свыше, от Б-га, от природы и т.д., т.е. на халяву.

Помню, я застал еще Ивана Поддубного, неоднократного чемпиона мира по классической борьбе. В его биографии мне запомнился один интересный момент: когда ему было за шестьдесят, он поехал на чемпионат в США, а там при заполнении анкеты произошел конфуз. Когда он назвал возраст, все были в шоке, ибо по их законам человеку, которому миновало тридцать пять, нужно приносить отдельную справку, что, мол, врачи не возражают против его участия в соревнованиях. Но все же Поддубного допустили к участию, он с блеском выиграл, вернулся очередным чемпионом, а вообще-то боролся вплоть до восьмидесяти лет, а прожил за девяносто.

Теперь представим себе нынешнюю ситуацию. Каким бы ни обладал человек здоровьем и как бы ни был тренирован, сможет ли участвовать в соревнованиях и побеждать, когда ему за шестьдесят? Для нашего времени это абсурд. Такое возможно было лишь в те времена, когда борьбой занимались одиночки, когда не было жесточайшей конкуренции, не было изматывающих, подрывающих здоровье тренировок.

Та же ситуация и в литературе. В те же времена, когда боролся Поддубный, вся Россия, за немногим исключением, была неграмотной. Умеющие не только читать, но даже и писать – одиночки. Умеющие писать книги – вообще особые люди, «одаренные свыше милостью Б-га». Это я так долго клоню к тому, что лишь в те времена можно было пописывать время от времени, не особенно-то и отшлифовывая стиль, все равно конкурентов нет, а сейчас, при нынешней жесточайшей конкуренции, надо заниматься литературой так же, как занимается отработкой движений гимнастка, нацелившаяся на олимпийскую медаль, или метать и метать молот, стараясь забросить за черту мирового рекорда, да еще зная, что тысячи таких же в это самое время тоже метают молот, стараясь побить рекорд!

Я большую часть жизни прожил при той старой эпохе, когда, как уже говорил чуть выше, писать больше одной книги в год считалось не только неприлично, но было узаконено, что книгу берут к печати только раз в три года. И когда пришла перестройка, какое было единодушное осуждение, когда я начал публиковать по две книги в год, а потом и по три! Единодушное в том, что осуждали не только коллеги, с этими понятно, с ними как на старом советском заводе, где опытные слесари предостерегают молодого, чтобы не работал быстро, а то нормы всем поднимут! Осуждали критики, ну с этими тоже понятно, самое странное, что осуждали даже читающие!

Да, хотелось бы, наверное, писать по книге в год. Тщательно отделявать ее всю... Или нет? Не знаю, у меня слишком много идей и тем, мне одной все равно будет мало. Но вам придется писать много еще и потому, что только в тренировках наращиваются мускулы. Если не будете писать и писать, не будет роста. Дураки изгавкаются на мне до хрипоты, а вы идите, не обращая внимания на них: пишите много. Очень много. Иначе вас обгонят менее талантливые, но более усидчивые.

Мораль:

Пишите много.

Правда, добавлю слова Чехова: «Писатель должен много писать, но не должен спешить». Однако как это совместить, там, ниже :-).

Где и как писать

Большинство авторов, как известно, предпочитают работать в кабинетах. По старинке. И чтобы никто нигде не шумел, мимо двери чтобы все на цыпочках, разговаривали во время творческого процесса только шепотом. Знаю таких и сейчас, указывать пальцем не буду, не надо поднимать шерсть на загривке загодя :-).

Помимо того, с Запада пришла мода писать в шумных кафе, как любили работать Хемингуэй, Сэлинджер и целый ряд авторов их поколения.

Кроме того, одни, как известно, пишут хорошо с утра, а другие, напротив, – поздно ночью. Это считается своеобразным шиком, как бы добавочным штришком, характеризующим творческую натуру. Все простые люди на солнечном свете, а мы – особые, демонические, таинственные, во мраке ночи, когда луна, оборотни, блеск дальних звезд...

Мне, к примеру, по фигу, когда и где. Конечно, в переполненном кафе никогда не писал, там хватает других интересных занятий, но вот дома прекрасно могу писать на кухне, на балконе, в комнате за компьютером, столом, на диване или в кресле, положив ноутбук на колени. И, конечно же, нисколько не мешает включенный телевизор, где я могу одновременно с работой смотреть новости, не мешает пес, что тычет в колени игрушку и упрашивает поиграть, не мешает Лилия, что в самое вроде бы неподходящее время спрашивает: эту кепочку надеть или примерить другую? А эту?.. А эту?

По опыту (не только своему) скажу, что на самом деле важно не место написания или уровень окружающего шума, а с каким азартом пишете. Когда выжимаете из себя строчку за строчкой, то, конечно, мешает все, как плохому танцору, хоть хирурга приглашай. Если же сумели себя разжечь либо соревновательной составляющей, либо гонораром, либо кому-то что-то доказываете, то вам ничто не помешает: ни шум, ни ходьба и вопросы домашних, ни интересная передача по жвачнику.

Конечно же, когда не пишется... и писать очень уж не хочется, то абсолютно все годится для отмазки. Не буду указывать пальцем, но знаю двух-трех авторов, которые уже несколько лет не могут закончить книги, все им что-то да мешает! Это мои ровесники, с годами писать все труднее, но вам это не грозит в ближайшем будущем, так что у вас абсолютно нет оправданий, чтобы не браться писать вот прямо сейчас, а начинать долго и старательно обустроить место для творчества.

У вас нет оправданий, чтобы писать плохо или мало. Вы просто обязаны писать хорошо и много.

Еще раз: как и сколько писать

Об этом уже говорилось выше, но уж очень хороший пример вспомнил, нельзя не вставить лыко в строку. Могу, скромно опуская глазки, сказать, что со дня выхода первого издания «Как стать писателем» (это было еще в прошлом веке!) произошли значительные изменения в головах наиболее крикливой части начинающе-пишущей братии. И немалая заслуга той тоненькой брошюры в 25 тысяч слов, что часть тараканов из черепов ревнителей старых норм книгописания разбежалась.

Ведь когда вышла моя «Как стать», в Интернете стоял возмущенный крик, что нельзя-де писателю выпускать больше одной книги в три года, так всегда делалось, на том стоит литература, вот и результаты были, а если больше – то халтура. Этими криками были заполнены все тогдашние литературные форумы, проверьте, а старожилы Интернета – вспомните!

Я же доказывал, как и в этом издании, что писатель должен писать много. Сколько

сможет, не теряя качества. Мол, только когда пишет много, отрабатываются приемы лучшего построения сюжета, образов, генерируются новые идеи. После бурных криков ярости все же планку снизили до одного романа в год :-).

Сейчас же, как можете видеть, то один, то другой из того стада выступает с интервью, где долго и нравоучительно говорит, что надо писать два романа в год, вот он, великий и замечательный, самый талантливый и заслуженно распроданный, пишет всего-то два романа в год, это норма для писателя, а все, что больше, то от лукавого...

Будьте уверены, что пройдет еще несколько лет, и он или ему подобные будут глубокомысленно вещать, что для писателя вообще-то нормально писать три-четыре книги в год. Помяните мое слово, так будет!

В литературном деле, как нигде лучше, применимо правило автомобилиста: «Все, кто едет быстрее вас, – самоубийцы, а кто медленнее – тормоза». Повторяю еще раз: никаких норм не существует, пишите столько, сколько можете. А еще лучше, чуть больше, чем сможете. Все-таки писательство – труд, как бы ни пытались представить его сплошным приятным времяпровождением. Это как качание железа в душном подвале: и жарко, и устал, вспотел, мышцы ноют от перегрузки, и мысли всякие насчет бросить к черту, зато потом – красота :-)).

Пишите больше. Помните: те, кто говорит вам, что надо писать меньше, чтобы-де тщательнее работать над языком, просто стараются притормозить вас, а сами пашут до седьмого пота, чтобы обойти вас на прямой.

В то же время стоит предостеречь и от стремления выдать как можно больше «продукции»... при малых затратах. Те гиганты, которые гиганты, произведения которых изучаем в школе, известны не только количеством работ, но и потрясающей работоспособностью. Все охотно говорят, как Пушкин ходил по бабам, но мало кто упоминает – из-за неинтересности темы! – как каторжно он работал, запираясь у себя в каком-нибудь Мухоморанске или Болдине, как Маяковский во время прогулки с приятелями вдруг начинал бормотать какие-то строки и уходил в сторону, не обращая внимания на ошарашенных друзей. Или редкое признание вроде бы гуляки и скандалиста Есенина, когда на вопрос: «А когда же вы пишете?» – он ответил: «Всегда».

Так что, увы, более пристальное рассмотрение даже этих «гуляк праздных» не дает вам шанса тоже вот так ни фига не делать, как полагают обыватели, и создавать шедевры. Да плюс еще очевидный закон – попробуйте поспорьте с ним! – что для того, чтобы оставить после себя «Войну и мир» и «Анну Каренину», нужно написать девяносто томов очень даже увесистых книг. Или чтобы мы и сейчас читали «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо», автору пришлось написать что-то под триста романов.

Мораль:

Пишите, сколько сможете. То есть побольше.

У вас всего два пути в литературе. Как, впрочем, и в жизни. Либо вы работаете над собой, становитесь ценностью, и тогда к вам бросаются все менеджеры с просьбой почтить своим присутствием их фирму, либо сразу же начинаете завязывать связи с «нужными людьми», льстить им (читайте Карнеги), кланяться, носить в зубах за ними тапочки, смеяться их шуткам, подставлять свой зад, делать вид, что все это вам очень нравится, вы просто в восторге... а не посмотрите ли в перерыве между актами мою рукопись?

Сразу скажу, что по первому пути идет меньше одного процента искателей, по второму – абсолютное большинство. Почему? Ответ очевиден: в первом случае вам нужно несколько лет накачивать мускулы, если вы спортсмен, с утра до вечера терзать скрипку или писать и переписывать роман, добиваясь лучшего звучания каждой фразы, оттачивая и еще раз оттачивая сюжет, интригу, повороты и зигзаги, а во втором можно сразу же, не каторжанив себя, начинать карабкаться по служебной лестнице, если мечтаете о карьере, или же проталкивать рукописи, если мечтаете стать писателем.

Т.е. написали нечто, посмотрели с позиций: всякое дерьмо печатают, у меня ничуть не хуже, и это вот свое дерьмо, которое вообще-то дерьмом не считаете, несете в издательство. Но так как обычно сразу облом, то начинаете искать пути, как же все-таки «пробить», «протолкнуть», добавив к куче серой литературы еще одну книжку. Я не сказал, к куче дерьма – еще одну каплю, оцените, но с точки зрения потребителей это выглядит именно так.

Более того, появилась целая философия насчет того, что без связей и раскрутки ни один автор – так и говорят! – ни один автор не будет опубликован, прочитан, куплен. Бессовестные дельцы тут же подсуетились и выпустили ряд брошюр с интригующими названиями типа «Как устроить книгу в издательство», «Как пробить рукопись к печати» и пр.

Из-за многочисленности подобных авторов создается впечатление, что вот они и есть литература. А вот те, кто пишет так, что к ним директора издательств сами ездят с бланками договоров, – это какие-то мутанты, уроды, на них равняться ни в коем случае нельзя. И вообще эти авторы какие-то не такие: этот вот известен своими нелиберальными высказываниями, а этот чересчур либеральными, а вот такой-то вроде бы у кого-то шубу украл...

Очень даже деликатный вопрос

Отношение к писателю как к пророку существует только в России. А упаси боже, если кого заподозрят, что живет не впроголодь, а хорошо зарабатывает именно на литературе!.. Сразу же посыплется ворох обвинений в... зарабатывании. Да-да, в зарабатывании.

То есть если бы писатель зарабатывал, скажем, преподаванием химии, строительством домов, рытьем каналов или проектированием нефтепровода – это нормально, пусть хоть миллионы зарабатывает, но книги пиши только кровью сердца и не гонись за успехом.

Да что далеко ходить за примером: меня уважают за многотрудные и малотиражные «Странные романы» и «яростную» серию, но очень подозрительно и ревниво относятся к романам, у которых тиражи, как говорится, зашкаливают. И подозрение, что автор за них получает большие гонорары, сразу подтачивает репутацию автора.

Т.е. можно зарабатывать миллионы на продаже нефти и писать бездоходную книгу – это можно, наш менталитет поощряет, но если заработать миллион на паре или десятке тиражных книг и одновременно издавать кровью написанное – это все равно не спасет! И хотя советская власть пала, но это не она виновата, у нас такое мышление навязано духовенством, приоритетом того, что книга – любая книга! – должна быть духовной, обязательно духовной. И хотя мы охотнее покупаем детективы и фантастику, но вот засело что-то глубоко засаженное за века, все равно требуем духовности, сами уже не понимая, что это такое.

Ладно, надеюсь, что постепенно это будет меняться, но вы с этим еще хлебнете неприятностей, предупреждаю. Хотя кто предупрежден, тот вооружен.

Мораль:

Да, вы на этом еще и зарабатываете! И что, другим завидно?

Снова о кирпичиках, из которых строится любое здание...

Со всех сторон можно слышать важное, глубокомысленное, изрекательное.... «Язык! Важнее всего – язык. Работайте над языком, над языком!.. Для писателя нет ничего важнее, чем работа над языком».

Конечно же, это полная херня, но глубинная мудрость этой банальности в том, что работать над языком хоть и со скрипом, но можно приучить почти каждого начинающего.

По крайней мере, на простых и наглядных примерах объяснить, почему именно фраза с вычеркнутыми сорняками звучит лучше, чем предложенная автором целинная фраза. Автор легко может проверить это сам, предложив обе фразы для контроля знакомым. Пару фраз легче уговорить прочесть, чем роман, верно?

А вот с характерами, образами, сюжетом, композицией и прочими необходимыми атрибутами – намного сложнее, это ближе к вершине пирамиды. Там только те, кто уже принял постоянную работу с языком как неизбежность, повседневность, привычность, как чистку зубов, которую вроде бы можно и пропустить, но...

А пирамида, как понимаете, весьма широка в нижней части и резко суживается к вершине. Потому и я начинаю разговор с языка, бесполезно говорить про особенности алгебры тем, кто не желает выучить четыре правила арифметики! Или упорно игнорирует знаки препинания.

Обычно маститый автор, мэтр, как я замечал в общении, изрекает о необходимости работы над языком, следит за вашей реакцией, а когда видит, что эта ступенька уже освоена, лишь тогда осторожно намекает о необходимости сюжета, образов. Если начинающий ошкетинивается, мэтр тут же отступает, на всех бисера не хватит, примирительно говорит о языке, и на этом консенсус, разговор заканчивается на хорошей ноте. Какого хрена он будет доказывать? Учить нужно только тех, кто уже ощутил необходимость учиться.

Так что я тоже начну с языка, с простейших форм, что на самом деле при всей простейшести являются основой любого произведения. Как ни крути, но импы еще не созданы, мы пользуемся тридцатью двумя значками, кои разбрасываем на бумаге, вот я и начну объяснять, как их расставлять правильно.

Учить нужно только тех, кто уже ощутил необходимость учиться. И тому, чему человек учиться готов, может. Бесполезно стараться перетащить через три-четыре ступеньки.

Основной критерий мастерства

Есть только один-единственный критерий мастерства автора. Все остальные – ложные. Этот критерий в массовом читателе. Чем больше ваших книг раскупается, тем вы лучше пишете. И не надо эти ля-ля про литературу для слесарей и литературу для эстетов. Все графоманы упирают на то, что пишут слишком хорошо, чтобы их понимали «массы», а вот следующее поколение поймет и поставит золотые памятники в натуральный рост.

У вас есть уникальный шанс обращаться к читающим напрямую. Даже президенты вынуждены действовать через посредников, виднейшие политики участвуют в дурацких шоу, только бы выступить перед камерой и высказать свои взгляды или свое отношение, их втискивают в рамки между клоунами, урезают время, обрывают выступление, а вот у вас уникальная возможность сказать то, что хотите, вы сами выбираете форму изложения, к тому же у вас есть неограниченное время!

Так пользуйтесь же именно этой победной возможностью, почему такие трусливые прыжки в сторону, как рекламные трюки, громогласные интервью, постоянные попойки на тусовках, собутыльничество с издателями и журналистами? Только слабые и, главное, осознающие свою слабость и ущербность прибегают к подобным нелитературным костылям, а я уже говорил, что слабые и трусливые могут быть хоть в боксе, хоть в хоккее, но не в литературе!

Да и, кстати о птичках, нерентабельно все это. Неэкономично, говоря современным языком. Когда я тихо и без шума издавал «Трое из Леса», в печати гремели раскрученные и распиаренные имена «талантливых и гениальных», то одного, то другого объявляли отцом русского фэнтези, фантастики, а то и литературы вообще. Их портреты красовались во множестве газет, журналов, эти «талантливые и гениальные» выступали по жвачнику, участвовали во всех дурацких шоу, словно собирались баллотироваться на пост президента или хотя бы в Думу, наперебой раздавали интервью всем и каждому. И... что же? Где они теперь?

За все эти годы я не дал ни одного интервью, ни разу не выступил по жвачнику, не пил с издателями и не заискивал перед журналистами, в результате чего и сейчас нет ни одной статьи о моем творчестве. Вообще моего имени не существует, а одна из газет, в чью обязанность входит сообщать протокольные данные о выходе книг, убрала мое имя даже из рубрики «Сигнальные экземпляры». Ну и что?

Коммунистический режим пал, когда такого отношения к писателю было достаточно, чтобы он погиб. Я просто без посредников обращаюсь к самым главным: к читателям, и вот уже в списке самых издаваемых авторов, выше тиражи только у мягкообложечных. А где эти, о которых столько хвалебных рецензий? Ну, в Интернете, понятно, большинство хвалебных отзывов написано самими же авторами, скрывшись под никами, но где их книги? В конце списка?

Писатель, повторяю, играет сам, без команды. Только слабые сбиваются в стаи, в тусовки, нуждаются в подпитке. Для сильного ничего этого не требуется, а вы сейчас все – сильные. В начале пути слабых вообще нет, слабыми становятся.

Мораль:

Первый признак слабости – попытка усилить свою литературную позицию нелитературными методами.

Почему писателю зарабатывать нельзя?

Поэт в России больше, чем поэт... Это, конечно, хорошо, но ставит нас, писателей, несколько в стороне от всех остальных мыслимых и немыслимых профессий. Так уж сложилось, что Россия зародилась, сложилась и создалась как государство с жестким тоталитарным строем. Это было необходимо, иначе бы не выстояла.

К примеру, более сильная и многочисленная Польша (да-да, более, чем Россия!) с ее демократическим строем раздиралась противоречиями, гражданскими войнами, подвергалась многочисленным оккупациям, и в конце концов ее разделили между собой авторитарные государства, в том числе и возмужавшая при тоталитарном строе Россия. Единственный момент, когда в России на короткий период воцарилась демократия, закончился польским вторжением в Россию, когда взяли Москву и хозяйничали в ней!

Так вот, при такой авторитарности власти только юридические, а затем писатели осмеливались «говорить правду». Одних за это расстреливали, других сажали, третьих просто вносили в «черные списки» и не разрешали их публиковать, а все остальные погавкивали на власть между строк, показывали кукиш в кармане, бунтовали втихую, ибо в арсенале литературы есть такие могучие средства, как иносказания, ирония, намеки и пр., пр. За это их уважали, прощали даже очевидные недостатки литературного стиля, все списывалось на то, что проклятая власть не дает развернуться, проклятые цензоры «вычеркивают самое лучшее».

Сейчас, когда тоталитарный строй рухнул, а он действительно рухнул, что бы там ни говорили, вроде бы и писателю можно работать «как всем людям», но нет, отношения так быстро не меняются. Даже те ребята, которых крушение прежнего режима застало в пленках, полагают, видимо услышали от родителей, что зарабатывать могут все, от уборщиц до глав нефтегазов, но... только не писатели. Писатели в массовом сознании по-прежнему остались (должны остаться!) единственной оппозиционной партией.

Да-да, а все остальные политические партии – это так, для прикола. Богатым деньги девают некуда. Богатые еще и власти захотели. Это несерьезно, а вот писатели – да, это серьезно. Это единственная оппозиция, что во власть не лезет. Честные, значит.

Так что от писателей по-прежнему ждут. Но чего? Если у них спросите, вам не ответят, растеряются. Но только про писателя можно услышать презрительное: «Да он стал деньги зарабатывать!..» Про остальных так не говорят, потому что всем остальным зарабатывать можно, писателю – нельзя.

При этом абсолютно не берется в расчет качество литературных произведений, в массовом сознании настоящий писатель должен быть обязательно гонимым и нищим.

И обязательно в оппозиции.

Сошлюсь на собственный пример. Когда вышла «Ярость», изданная за свой счет, ибо ни одно издательство не решалось опубликовать, то я был окружен ореолом мученика, а когда я выгуливал собачку, охраняли добровольные отряды на улице и в скверике, ибо угроз расправиться было много. Издавать приходилось малым тиражом (5 тыс. экз.), самому возить бумагу, забирать тираж и развозить в магазины. Прибыли не было, все уходило на следующий тираж, на следующий, на следующий... Работал на энтузиазме, это все знали и приветствовали, это уважали, и перед этим снимали шляпы даже ярые противники.

Но вот выпустил я «Троецарствие», пошло огромными тиражами, да плюс дополнительные тиражи каждый месяц, сразу же заговорили разочарованно, что Никитин стал зарабатывать... Т.е., когда я писал и публиковал «Ярость», жил на чужой квартире, не вылезал из долгов, иногда собаку нечем было покормить, сидели голодные, тогда я был настоящим писателем, но едва потекли деньги, едва ту же «Ярость» по истечении пяти лет приняли в крупном издательстве и выпустили немалым тиражом, то стал уже не настоящим, а зарабатывающим.

Наверное, в вашем поколении эта ситуация переломится, отношение изменится, но вам еще придется столкнуться с этим уникальным явлением, так что будьте готовы. Я не даю никаких советов, тут другие критерии, а не умение правильно расставлять буквы, но все же можно предсказать некую тенденцию, что ли. В России с ее мессианством и духовностью литературы всегда был культ бедных и гонимых, а богатство всегда считалось чем-то отвратительным. Нигде, как у нас, с такой серьезностью не приняли притчу про богача и верблюда перед игольным ушком.

Но в обществе, где зарабатывать можно и честно (Билл Гейтс – самый богатый человек планеты, зарабатывает честно!), отношение к писательскому труду будет меняться. Общественное мнение позволит писателю зарабатывать, даже зарабатывать много, но все же будет от него требовать, хоть иногда, некой оппозиции к власти, режиму, строю или правящей идеологии. Или к царящей морали, в конце концов. Все-таки мы и только мы по-прежнему выражаем волю и стремления народа, а вовсе не избранная власть, не политические партии, не Госдума, не СМИ... не кто-либо еще.

Во всяком случае, население считает, что «они все» – продажные, а вот писатели – нет. Отдельные иногда продаются режиму или церкви, но писатели в целом – нет. В целом, как писатели, мы все еще пользуемся полным доверием, так что по возможности, не сильно ущемляя свои карманы, давайте все-таки Россию не разочаровывать :-).

Вывод:

Помните, где живете. Здесь свои критерии слова «писатель».

Такая уж необходимость пиара?

У любого пиара вообще-то короткие ноги. Вспомните начало нашей фантастики «послеперестроечной»! Какие имена поднимались на щит, какие произведения объявлялись родоначальниками отечественной фэнтези, какие авторы назывались сверхгениями, как их усиленно пиарили во всех средствах информации!.. Никто ни слова о «Троих из Леса», которые были опубликованы на пару лет раньше самых-самых первых «родоначальников»! Ну и что дальше?.. Прошло совсем немного времени, и вся позолота, как сказал бы Андерсен, который не Пол, а Ганс Христиан, стерлась, а под ней, как указал мудрый классик, снова оказалась лишь свиная кожа.

Усиленно пропиаренные авторы теперь ходят, как... будто над ними постоянно летает большая, ну очень большая стая откормленных ворон размером с крылатых коней. Все этих недолго побывших в классиках спрашивают встревоженно: а почему сейчас не пишете? Ах пишете, но почему тогда так хреново?

И невдомек, что автор пишет не хреново, а, может быть, даже лучше, но тогда вбили

в головы, что это шедевр, а теперь читатель подрос, в голове зародился и, как ни странно, начал развиваться мозг, он впервые начал сам сравнивать с другими произведениями других авторов.

Не попадайтесь в такие ловушки, не давайте себя в них затягивать и тем более сами в них не лезьте!

Я проделал интереснейший эксперимент, хотя не представляю человека, который еще решил бы на него, кроме меня, такого вот замечательного, честного и вообще всего из себя. Полностью отказался от всех предложений меня раскручивать, пропагандировать, устраивать со мной встречи работников печати, радио и телевидения, давать интервью, выступать на читательских конференциях, самому продавать книги в книжном магазине, дабы читатели млели от счастья и лучше запоминали автора.

Единственное место, куда хожу, это раз в год на ВДНХ, на международную книжную ярмарку, куда топаю вот уже лет тридцать подряд. При советской власти туда попасть бывало оч-ч-чень непросто, там встречаюсь с друзьями из Корчмы, после чего толпой идем пить пиво. Посещение выставки всегда было для меня праздником, как читатель, я обожаю бродить среди этого богатства и не стану отказываться от такого счастья лишь потому, что кто-то мне скажет злорадно: а это пиар! Отвечаю, укажите хоть одно мое интервью, в газете или по жвачнику, где я рассказываю о своем таланте, о своих гениальных задумках, о своем хобби, о своих подштанниках.

А теперь то, к чему это все сказано: все эти годы мой рейтинг неуклонно поднимался. Сейчас я – самый издаваемый писатель в жанре фантастики. Да и вообще в литературе, если брать, конечно, книги в переплете. Писатели с малоформатными книжками в мягкой обложке, естественно, другая категория. Точнее, самый раскупаемый, я там ниже привожу таблицу, составленную на основании данных от торгующих организаций.

Ну и что, помог пиар, черный или белый, тем несчастным, что вкладывали в него все силы?

Вывод:

Пишите ярко, интересно, и читатель будет ваш, даже если все средства СМИ будут вас игнорировать.

И все-таки наша профессия – сверхважная

Не знаю, надо ли говорить вот так вначале и в лоб нудные, хоть и очень правильные слова о сверхважности роли писателя. Ведь большинство все же обращается к писательству в стандартной надежде сменить свою постылую работу на более приятную, приличную, высокооплачиваемую, дающую больше возможностей. В том числе и тщеславное желание увидеть свое имя в печати.

Однако же стоит помнить, что нет на свете такой другой профессии, которая включала в себя настолько широкий спектр возможностей. От людей, создающих миры, перекраивающих цивилизацию, как Будда, Иисус, Мухаммад, Томас Мор, до занимающихся микроскопической работой по прививанию у детей любви к природе, как делал Бианки, или Барто – к жизни.

Но не следует считать, что гиганты делали гигантскую работу, а лилипуты – лилипутскую: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу, потому что он хороший» – это такая же гигантская работа, ибо воспитывает ребенка в глубочайшей нравственности, ведь рациональнее бросить этого самого мишку и потребовать купить другого, как уже делает современный ребенок. Но такой ребенок, который не бросает мишку только потому, что ему оторвали лапу, вырастая во взрослого, не предаст, не бросит супруга лишь на том основании, что тот стал инвалидом...

Вообще создатели нашего мира даже Господа Бога сделали писателем: «В Начале было Слово...» И пусть вас не смущает, что писателями я называю тех, кто не писал вовсе, а, скажем, проповедовал: ведь не отказывать же Гомеру в писательстве на том

основании, что был слепой и неграмотный? Как и создателям былин, дум и баллад – мастерам устного творчества? Да и сейчас мы уже не пишем, а печатаем, стучим по клавишам.

Писателями зачастую становятся те, кто знает или полагает, что знает, как перестроить мир, чтобы все жили хорошо и счастливо, но сам не хотел бы заниматься этой нудной и довольно грязноватой работой. Вот он и пишет свои литературные труды, а потом находят такие энергичные ребята, как Ленин, Мао, Че Гевара, Хоттаб, что берутся воплощать их литературные миры в жизнь.

Вовремя прочитанная книга – огромная удача, сказал однажды Павленко. Она способна изменить жизнь, как не изменит ее лучший друг или наставник.

Вывод:

Вы в самом деле можете изменить мир!

Можно ли писать вдвоем-втроем?

Понимаю, что обидю чертову кучу народа, но скажу честно, что работать вдвоем, втроем или коллективом хорошо, скажем, при рытье канав, но не в творчестве. Литература – сугубо интимное дело, глубоко личное, не могут два человека в унисон думать одно и то же и чувствовать одно и то же. Но если думают хоть чуточку по-разному, у них и краски разные. Вы можете себе представить Толстого, работающего с кем-то в соавторстве? А Пушкина?.. Шекспира?.. Достоевского?.. Булгакова?..

Вам этого никто не скажет, потому что не хотят наживать врагов в лице бойких ребят, работающих в соавторстве или время от времени сбегаящихся в тандемы или триремы, но мне-то это все по фигу, я и раньше с ними не общался, весь из себя свободный художник, а сейчас мне тем более не фиг с их мнением считаться, мне важнее вдолбить в крепкие головы начинающих, что литература – дело интимное.

Когда пишут двое или больше – это уже несколько иное, чем литература. Или, скажем иначе, литература зарабатывания. Чистого зарабатывания. Ничего в этом нет дурного, наоборот, это престижная и почетная профессия, и все бы хорошо, если бы вот такие умелые и деловитые ремесленники не начинали корчить из себя духовных гуру и не вещали... тьфу, опять, о духовном. Ну кто-нить скажет, что это такое?

Еще раз: если рассказ или роман пишут двое, уже понятно: работают деловые люди, овладевшие ремеслом. Они могут написать даже изящнее, чем искренний и талантливый автор-одиночка, не овладевший основами литературной грамоты, но их изящество всегда будет лишено души.

Нет, я не говорю, что ни в коем случае не надо писать в соавторстве. Боже сохрани, если у вас не получается в одиночку, вы уже перепробовали все способы, готовы бросить совсем это дело, то что ж... литература, как и всякое дело, держится не на плечах двух-трех гигантов, а усилиями сотен добросовестных, умелых, интеллигентных и знающих свое дело писателей. В том числе и умельцев, объединивших усилия.

И все же литература – процесс интимный. Соавторство – нонсенс! Повторюсь, это канаву можно копать совместными усилиями, научную работу писать вместе, но ни в коем случае не создавать литературное произведение.

Так что прежде, чем прибегать к вот такому сотрудничеству, вы должны окончательно прийти в отчаяние и твердо – очень твердо! – увериться в том, что в одиночку уже ни за что и никогда. Но и потом, работая с кем-то в паре, прикидывайте, не набрались ли уже сил, чтобы снова попробовать в одиночку?

Литература – дело интимное! Чужих не терпит. А для литературного процесса всякий – чужой.

Часть 2

Насчет раскрутки, рекламы, интервью и мелькания на телеэкранах

Да, многие будут по-прежнему уверять, что это необходимо молодому автору, что без этого он никуда и ничего и никак.

Но сейчас уже прошло какое-то время со времен перестройки, накопился и опыт, и даже статистический материал, а у вас перед глазами наглядные примеры. Вы все видели очень бойких ребят, что заполняли своими пространными интервью газетные полосы, вещали о себе и своих творческих планах с экрана жвачника, рассказывали по радио и при каждой возможности устраивали встречи с читателями. Конечно же, они и сейчас не пропускают ни одного съезда фантастов, даже будь это на Чукотке в яранге, чтобы показаться, засветиться, укрепить, наладить, заручиться, напомнить...

О своем брезгливом отношении к этим нелитературным трюкам я уже говорил. Но дело не только в брезгливости, давайте все-таки определимся: кто вы и чего добиваетесь. Если стремитесь стать писателем, то прежде всего должны им стать, т.е. написать несколько очень сильных книг, завоевать аудиторию без всяких костылей в виде тусовочных литературных премий, над которыми только полный идиот не ржет во все горло, без раскрутки и рекламы, а уж потом...

Да-да, все это должно быть потом, когда укрепитесь как писатель, а на съезды будете ездить с чувством собственного достоинства, а не как пугливый заяц: пнут – не пнут, пустят – не пустят, выгонят – не выгонят?

Теперь, по прошествии десятка лет, вы видите, что те яркие «звезды», которые так блистали с экранов жвачников и полос газет, раздавали интервью и громогласно рассказывали о своих далекоидущих творческих планах, потихоньку спились в компаниях себе подобных на этих роскошах, потускнели, стали меньше ростом, голоса стали тоньше, еще тоньше, а кое-кто и вовсе умолк.

Я не хочу сказать, что все они серость и бездари, вовсе нет: но у человека всего двадцать четыре часа в сутках и какая-то часть энергии, отпущенная на каждые сутки. На что потратишь, то и получишь. Как в том анекдоте про ограниченную порцию крови, которой хватает только на одну голову. Будешь заниматься литературой и только литературой – станешь писателем, будешь роскошником и специалистом по раскрутке себя любимого, станешь... ну, понятно кем.

Теперь выбирать легче: посмотрите на этих из первого послесоветского поколения, увлекшихся раскруткой, пытавшихся заменить напряженную работу писателя над текстом лихими пиаровскими акциями. Вы увидите, насколько зело опасен этот с виду легкий и быстрый путь к успеху.

Т.е. сначала напишите ряд книг, завоейте расположение читателей, именно читателей, а не тусовщиков, что обвешают вас смешными премиями и титулами, а уж потом... да, потом можно и на съезды, на экраны жвачников, на страницы газет и журналов.

В записную книжку:

Сперва продукт, потом – рекламу.

О пользе дополнительных стимулов

Они не просто полезны, они порой необходимы. Не только порой, что это я начал смягчать и смягчаться, того и гляди – общечеловечусь, пингвинов поеду спасать, они необходимы всегда! Писать книги могло бы, как я уже говорил, гораздо больше народу, чем пишет. Как я уже говорил, среди непишущих, хотя и рожденных быть великими писателями, остались те, у кого недостаточно отваги или наглости ненужное зачеркнуть, чтобы решиться сменить тихое безбедное место бюджетного работника на полную неожиданностей, порой очень неприятных, жизнь писателя. Но, кроме них, немало и тех,

кто даже попробовал, убедился, что может, даже получил неплохие гонорары – и все-таки уже не пишет.

Я не стану называть многих видных авторов, чьи имена гремели в эпоху советской власти, чьими книгами зачитывалось все население, я их обычно склоняю, как жулье, что паразитировало на самой власти, либо восхваляя ее, либо фрондируя, хотя на самом деле, конечно, не всегда так просто. Многие просто получили «все-все», а дальше писать вроде бы не из-за чего: бабки сшиб, счет в банке есть, славу имел, его слава тоже имела, все достигнуто, теперь можно только ходить на телестудию и рассказывать, как его угнетала советская власть.

В самом деле серьезно, и чтобы предотвратить ваш преждевременный выход в тираж... в житейском смысле это значит не такое радостное явление, как в книжном деле, вам нужно позаботиться о постоянно появляющейся новой морковке. Хотя вы уже начали получать хорошие гонорары, но еще не доказали тупой Люське, что вы – гений, а не этот ее Вован (вариант – не доказали Петру Васильевичу, что вы не только красивая, но и умная), вы не доказали, что сильнейший – все-таки вы, а не то надутое ничтожество, которого восхваляют газеты.

Опасность серьезнее, чем могут себе представить неписатели. Ведь вы ходите на работу потому, что обязаны появляться во столько-то времени и отсиживать от такого-то времени. Если не придете или даже опоздаете – будут неприятности. А писатель ни от кого не зависит. Он может и бросить писать на какое-то время, никто не заметит. Даже издатель. Читатели – тем более, ибо ранее написанная книга только-только вышла, а новую никто не ждет скоро. Вот и появляется соблазн просто побездельничать.

Но если у вас душа горит обидой на Люську, то вы бездельничать не будете. Напишете роман, чтобы она увидела, какого классного парня потеряла, а заодно получите толстую пачку жабьих шкурок. К тому времени все перегорит, Люська забыта, но роман-то остался!

И снова надо искать то, что заставит работать. Уже не за деньги, мы не жадные, на самом деле нам надо мало, это только на халяву не отказались бы получить миллиард, а вот заработать... мол, не в деньгах счастье. Зато счастье может быть, к примеру, в самом соперничестве.

Вывод:

Ищите дополнительные стимулы. Любые! Трудно заставить себя работать, когда нет начальника. Но – надо.

Еще одна брехня. Но живучая, сволочь

Конечно же, брехня, что какому-то автору по фигу тиражи, что за тиражами он не гонится, что тиражи – признак ширпотреба и что он предпочитает крохотный тираж своей элитной книжки, чем... дальше следуют имена печально известных детективщиков.

Это все иллюстрация к басне Эзопа о лисе и винограде. Нет такого автора, который не мечтал бы о тиражах. Который не мечтал бы, чтобы его книгу читали в с е. Это противоестественно – писать и не стремиться занять место выше, чем оно есть в данный момент. Но никто не признается, что не получается: у писателей самолюбие – ой-ой! Тысячи объяснений, почему автор вот прям-таки сам избегает популярности. Хотя насчет популярности еще верить можно, я сам живой пример, за все эти годы не дал ни одного интервью, не засветился ни разу по жвачнику, но это другое дело, такая популярность – в самом деле мишура, она не в русле собственно литературы, а вот тиражи... о, это и есть то, ради чего живем!

Тиражи позволяют не просто получать высокие гонорары, мы ж не на Западе, где литература – коммерция, а книги – товар, мы в России, где писатель всегда выше, чем просто писатель, он – пророк, трибун, мессия, идеолог, создатель веры, учения, моды... А как легче всего, если не через большие тиражи, навязать... хорошо-хорошо, убедить

читающего принять ваши единственно верные взгляды?

Что бы и как бы убедительно ни говорили о высокой роли литературы, но ее главная и единственная цель – воздействовать на читающего, делать его лучше. Как и все, собственно, что делает человек: наука, техника, медицина, философия, искусство, спорт...

Повторяю, воздействовать. А воздействовать вы сможете, только если у вас будут большие тиражи, если вас будут читать, перечитывать, рекомендовать прочесть знакомым. Только это и есть критерий, а вовсе не смешные литпремии, которые в кружках своих людей раздают друг другу. Не катит даже вариант перекрестного опыления по-демократии: мы здесь переведем и опубликуем как гения всех времен и народов вашего голландского Васю ван дер Пупкина, а вы опубликуйте нашего, чтоб у нас был козырь – Вася Пупкин издан в самой Голландии (про тираж умолчим, самым смешно), а мы погоним волну, что наших публикуют и на Западе, подумайте только!

Увы, этот козырь сработает на сознание совсем уж дебила, который не знает, что сейчас издать книжку – раз плюнуть: напишите любой бред, сверстайте на компе и отпечатайте на свои деньги. Тем тиражом, на сколько денег хватит. Хотя здесь, хоть в Голландии, хоть в Юсе. Типографиям все равно, что печатать, все примут, лишь бы оплачено. Желательно вперед.

Так что главный критерий – тираж. И допечатки тиража. И если какой-то умник начнет доказывать, что в вашем произведении нет сюжета, нет образов или ни к черту, хреновая композиция, слабая архитектура (а что это? До сих пор не знаю), серый суконный язык, в то время как у Арнольда Пупкина все это прекрасно и замечательно, вы молча ткните такого умничающего в ваши тиражи и тиражи Васи, ставшего Арнольдом или Генри Джоном. Если и это не убедит, тогда смело можете считать, что языком этого критика молотят совсем уж нелитературные мотивы.

Когда есть ориентиры, стыдно сбиваться на боковые дорожки!

Национальные особенности русской литературы

Вам придется учитывать национальную особенность, что у нас и отношение к литературе «не как у людей». Т.е. мы спокойно смотрим на зарабатывающего слесаря, инженера, бизнесмена, спортсмена, ученого, изобретателя. Так же спокойно воспринимаем, как уже говорил, что Стивен Кинг, к примеру, за каждую книгу получает по девять миллионов долларов. Но едва какой-то писатель в нашей стране позволит себе написать не одну книгу в год, а две или три, сразу же слышим отовсюду разочарованное: ах, он зарабатывает!

Т.е. у нас зарабатывать могут все, кроме писателей. Писатели же массовым сознанием выделены в особую категорию людей, что должны подвижнически, а значит – бескорыстно и с ущербом для здоровья, семьи и прочего нести в массу Великие Истины. И не важно, что любые истины, что выдает писатель, будут тут же осмеяны и растоптаны этими же читающими. Все равно к писателю остается то же самое требование, что предъявлялось с момента зарождения литературы на Руси: нести Откровения, Поучения, Наставления, Пророчества, Указывать Путь...

Для развлечения, для отдыха и просто для удовольствия и приятного чтения у нас есть те же стивены кинги, а вот отечественный писатель должен нести в массы Истины. Согласитесь, очень лестное мнение о нашей литературе, лестные требования к нашим писателям, но... из-за него отечественный писатель оказывается одной ногой в западном мире, другой – в нашем. В западном просто: там на книгу смотрят, как на булочку, майку или обувь, т.е. на товар. И понимают, что на доброкачественном товаре производитель должен зарабатывать.

У нас на книгах зарабатывать все еще стыдно. Нехорошо. Кошунственно. Кто начинает на книгах зарабатывать больше, чем на хлеб и воду, сразу становится изгоем не только в глазах высоколобой литературной элиты, но даже во мнении самих читателей. Т.е. покупают и читают охотно, но говорят вслух: да, но это же не N, книги которого не покупают и не читают, зато слышали фамилию и видели его пиар по жвачнику.

Так что у вас хреновое положение, и если не стальные нервы, то сразу лучше в бизнес, бизнес, там легче.

Да, если на Западе литература – это чисто коммерческое явление, там от автора требуется только умение хорошо писать, то у нас от автора требуется все же в первую очередь, чтобы он был «умным». Неким учителем по жизни, давал ответы на вечные вопросы. Если этого не делает, а просто пишет, хорошо пишет, его книги идут на улет, то те же читающие, что охотно раскупают его книги, все же презрительно называют его... халтурщиком.

Учитывать... и все же идти своим путем!

В литературе всего два пути

В литературном деле вообще-то есть два пути... только два: писать, как пишется, а затем проталкивать, пробивать и т.д., и второй путь – писать хорошо, в этом случае рукопись пробьется сама. Казалось бы, преимущества второго пути очевидны, но все же 99,99% идет по первому пути. Т.е. пишут, а потом обивают пороги издательств, ищут рекомендации, выискивают лазейки, пропихивают, втюхивают, всобачивают...

Я, скажу сразу, избрал второй путь еще тогда, вначале. Тогда это было невероятно трудно, ибо у рычага сидели люди, что распоряжались не своей бумагой, не своими деньгами. Их запросто можно было купить бутылкой коньяка или частью гонорара. Сейчас же, когда в издательстве человек издает книгу на свои деньги, он внимательно смотрит на то, что издает. И другу Васе, что по старой памяти пришел с бутылкой, говорит: «Вася, друг! Я сам поставлю тебе две бутылки, но теперь лучше отнеси свою рукопись моему конкуренту».

Этим объясняется феномен, что со дня перестройки мгновенно перестали печататься те бойкие ребята, что гордо ходили в диссидентах, которым «не давали печататься», но у которых тиражи всегда были преогромные, которые за счет государства ездили по всем странам и курортам. Стало заметно, что это всего лишь люди, которые умели приспособиться под тот строй. Умели «пробиться». Сейчас же – свобода! Сейчас наконец-то стала важна сама рукопись, а не цвет партийного билета или знание, к кому прийти с какой бутылкой.

Так что в этой книге не ищите рекомендаций, как пристроить рукопись. Здесь перечень приемов, как сделать ее такой, чтобы сама пробивала любые стены, давала тиражи, повышенные гонорары, славу, популярность – а чего стыдиться? Любой труд должен быть оплачен. Полагаете, что я занимаюсь всеми своими тридцатью романами? Да на фиг мне это? Я их написал однажды, а теперь сами переиздаются из года в год, всякий раз принося гонорары. А я спокойно пишу следующий, не скитаясь по издательствам, не обивая пороги, не проталкивая, не пропихивая... Вот этому я и стараюсь научить в этой книге. А сперва вот стараюсь убедить, что этот путь – лучший :-). А убеждать приходится, ибо вспомните про цифру 99,99%!

Т.е. два пути: написать и нести пропихивать – или же написать... и начинать улучшать, доделывать, снабжать некоторыми хитрыми литературными приемчиками, чтобы рукопись пробивалась сама. В этом случае вроде бы отстаает от автора, который уже бежит свой наспех написанный роман пробивать, но такая задержка на старте позволит отработать технику нового рывка. Вы увидите в коридоре издательства того торопливого автора, когда наконец-то принесете свое произведение, но только вы пришли впервые, а он обошел десяток по кругу и снова пробивает. Возможно, пробьется. Но возможно, и обломится.

Вы видите по развалам слабых книг, что пробивающих много. Но будьте уверены: если на прилавке книга яркая, интересная, ее раскупают, о ней говорят – эту книгу автор не пробивал. За нею директор издательства приезжает сам и лично привозит договор с пустыми строчками, которые вы заполняете сами.

Топайте по дороге чемпионов! По крайней мере, до тех пор, пока не собьете ноги.

...еще более новые!

Учиться и узнавать новые приемы литмастерства никогда не поздно. Пару лет тому назад в Центральном доме литераторов читал цикл лекций по написанию романов писатель Николай Басов. И хотя лекций было шесть, я по своей неорганизованности приходил в ЦДЛ к концу заседаний КЛФ, да и то просиживал в буфете, я же мэтр, толстый и важный, мне вроде бы по рангу так положено, а со всеми общался чаще всего уже в фойе. И только на предпоследнюю успел прошмыгнуть в зал, да и то лишь на заключительные четверть часа. Но то, что услышал, сразу же привлекло внимание.

Басов, в частности, упомянул, что приспособил для себя такую компьютерную программку, как фоторобот. Простенькая такая, шароварная, вы таких встречали десятки. Ими пользуются парикмахеры, макияжницы, дизайнеры одежды и полицейские. Великая польза от такой программы в том, что все мы в крупном производстве вынуждены создавать десятки персов с отличающейся внешностью, одеждой, особыми приметами. Я, к примеру, рисовал на листочке и держал слева от компа, чтобы не перепутать, у кого глаза синие, у кого карие. И чтоб красивый и выразительный шрам оставался на одном и том же месте, а не бегал по всей морде лица. Как делал уже три десятка лет. А тут такая подсказка!

Я считал себя продвинутым юзером, ведь в компизме купил еще двушку в 1990-м, команды тогда писали в ДОСе, программу Питера Нортоня приняли на «ура», никаких форточек и в помине не было, все новинки хватал на лету и юзил, а тут вдруг такой облом, прогресса не заметил!

Так что этот метод, метод Николая Басова, тут же принял как новый и нужный инструмент. Принял с благодарностью, хотя, повторяю – не надоело? – у меня к тому времени было издано свыше тридцати романов, все – успешные, мог бы замкнуться в своих собственных приемах. Но это то же самое, что не стал бы пользоваться телевизором и холодильником, ибо в моей молодости их не существовало. Так что если даже я, старый крокодил, продолжаю учиться, вам тем более не зазорно :-).

Используйте все литературные приемы и все технологические новинки, которые сумеете освоить.

Одна из легенд литературного мира...

Одна из легенд околотитурного мира, что достаточно написать десяток книг, а потом издательства и тем более читающие принимают написанное таким автором уже, так сказать, автоматом. Глодают, как утки, не прожевывая. Это, конечно, фигня, но она может помочь автору на первых порах по принципу: вот взберусь на эту горку, а потом можно уже на саночки и – само покатит!

На самом же деле после той горки открывается другая, еще выше :-). Читатели начинают ревниво присматриваться: а не халтурит ли? Что-то слишком много книг выпустил... Да и не по одной в год, «как принято», а по три, гад, шмаляет. Это знаю не понаслышке! Для тех, кто в танке, повторяю, у меня здесь не теоретические изыскания и умствования, а опыт написания и издания тридцати успешных книг. Я знаю, как говорит Майкл Хаммер, что я говорю :-).

Да и сам автор, если не полный идиот, с каждой следующей книгой относится к написанному все строже. Ведь знает же, что с выходом в продажу вот щас начнется: а не сдулся ли этот мыльный пузырь, а не начал ли штамповать подделки, а не работают ли на него негры?

Утверждаю на основании многолетнего опыта: с каждой новой книгой отношение читающих все строже! Это не говоря уже о том, что сам стараешься не покидать высот, уже достигнутых. Выше – да, но опускать планку – ни-ни!

Так что готовьтесь вкалывать и потом, когда вас назовут Первым, Единственным, Неповторимым.

Писатель никогда не расслабляется. Путь всегда только один: выше и

выше. А рюкзак все тяжелее.

Есть ли ориентиры в нашем литературном мире?

Правда, когда указываешь на тиражи, как на самый точный рейтинг, тут же кто-то из юных остроумцев – юных разумом, возраст может быть любой – ехидно укажет, что у телепередачи «Дог-шоу» аудитория еще больше, а уж у порносайтов так ваще!.. Обычно такого убийственного довода им достаточно, чтобы ощутить себя победителями. Как и подобным им юным разумом.

Да и всем нам зачастую бывает достаточно, ибо в обыденной жизни часто ориентируемся на меткое и остроумное высказывание, пусть и неверное по сути, а не на правильное и скучное. Тем самым, кстати, объясняется обилие во всех средствах информации дядей в коротких штанишках юмористов: нам приятнее их слушать, чем уныло-правильное «мойте руки перед едой» или «два, умноженное на два, равняется четырем».

Однако, как уже знаем, остроумие и умение между собой имеют мало общего. Так и в данном случае, нельзя сравнивать ананас с отверткой, а компьютер с хореом. Если сравнить одно дог-шоу с другим, то увидим, какое выше по классу. Кто походил по порносайтам, а кто из нас не ходил – назову брехлом, тот с уверенностью скажет, какой из них интереснее, где больше матерьяла, где вымя больше, а жопы толще.

Книги сравнивают даже не с другими книгами, ведь глупо сравнивать тиражи поэтов с тиражами детективщиков, но обязательно в своей узкой категории. К примеру, романы фантастов с другими романами других фантастов. Да еще делим на одинаковые поджанры или даже темы: фэнтези с фэнтэзи, космическую с космическими и так далее. Вот здесь уже не отгавкаешься остроумными ответами и прыжками в сторону: тиражи – показатель интересности текста. Аудитория, кстати, читающих фантастику не такая уж и недоразвитая, чтобы не отличить слабую вещь от сильной.

Обилие статей о творчестве такого-то автора и выступления самого этого автора по жвачнику, скажем честно, это в первую очередь, а зачастую и в единственную, – фактор не литературный. Т.е. автор проявляет ум, талант, изобретательность и сноровку в областях, которые к творчеству отношения не имеют. Как и к качеству текста.

Помню, я подписался на газету «Книжное обозрение» в 1966 году, с момента первых номеров, и выписывал до последних лет. Отказался же от подписки, когда увидел, что всю пропагандируются какие-то мутные типы с дурацкими текстами. Малограмотным текстам отведены даже не полосы, а целые страницы, даются пространственные интервью с этими «авторами», помещены огромные портреты... Потом, ессно, эти гениальнейшие авторы куда-то незаметно исчезают. И так повторяется из года в год. Нет, то было не на «правах рекламы», это именно мнение авторитетной в далеком прошлом газеты.

Потом как-то вышел юбилейный номер с портретами и должностями всего коллектива, все стало ясно. Мальчишки, все до одного! Мальчишки и девчонки, у которых есть ярко выраженные симпатии и антипатии, из-за чего «своих» авторов надо пропихивать и давать им рекламу, других замалчивать. Куда уж тут до объективности, до информативности, до обозрения книг!

Вот и получается, что в газетах захлеб пишут об одних, а народ читает других. Премии и литературные награды с помпой вручают опять же одним, но читающая аудитория денежки расходует на других. Снова, как при советской власти...

И не оспаривай глупца. Или больно ловкого дядю.

Еще одна из легенд для нищих духом

Люди очень слабые и по большей части вообще никчемненькие будут убеждать вас, что без раскрутки в нашем литературном мире невозможно никуда пробиться, невозможно стать популярным и даже просто замеченным. Таким охотно поддакивают такие же никчемненькие, а так как их много и к тому же именно они проявляют просто а-агротную активность в различных интернетовских литературных форумах, то у вас в

самом деле может создаться впечатление, что да, невозможно. Или хотя бы очень трудно.

Фигня!.. Бред сивой кобылы. Мои книги, к примеру, никто никогда не раскручивал. А их уже тридцать романов! До сих пор я не дал ни одного интервью. Ни в газете, ни по телевидению, ни даже в Интернете. Издательство тоже, по моей просьбе, нигде не рассказывало, что вот он – новый гений, читайте только его! Или хотя бы просто читайте.

Уверяю вас, достаточно просто написать хорошую книгу, чтобы ее заметил любой редактор даже самой скверной квалификации. Ее издадут, ибо хорошо написанная книга обязательно найдет своих читателей, а издатель получит прибыль.

Поэтому эта книга – сборник инструкций или приемов, как создать такие тексты, а не о том, как без мыла влезть в издательство и протолкнуть свой шадевр. Ведь даже если удастся маневр по проталкиванию слабой вещи и даже если удастся с помощью рекламы заставить человека на улице купить эту книгу, то он запомнит имя автора, еще как запомнит! И вторую не купит ни за какие пряники, даже если в самом деле вторая окажется удачной.

Еще раз: не ищите окольных путей. Не ищите! Не ищите!!!

И опять проклятая проблема выбора!

И напоследок. Какой дорогой пойти? Дело в том, что в литературе, как и везде в жизни, есть два пути: творить, как надо, или творить, чтобы ужиться в обществе. Понятно, что первых находятся сотые доли процента, а вот абсолютное большинство писателей, как и вообще деятелей искусства, науки и пр., пр., – стараются прежде всего отыскать хлебное место в этой непростой жизни.

Посмотрите по сторонам, пробежите взглядом по книжному прилавку. Включите телевизор и посмотрите на лица деятелей искусства, что мелькают там. Они устроились в жизни. Говорят и пишут то, что нужно обществу... нет, то, что общество готово глотать именно в этот отрезок времени, а он может быть длинным, т.е. «на наш век хватит».

Обычно эти люди «стоят на страже культуры», защищают язык от посягательств, памятники старины от всяких новинок, культуру от бескультурья и т.д., ибо это гарантирует поддержку «мировой общественности и общекультурных ценностей» в вашем же лице, ибо кто рискнет возразить человеку, который громко вещает, что культуру нужно охранять, а Бунин велик, как никто и никогда, и что никогда никто его не перепоеет?

Однако же в литературе, как и в спорте, можно нацелиться на олимпийскую медаль, а можно выбрать цель и попроще. Для тех, кто чувствует в себе мощь, все же рискну посоветовать попытаться. Ведь отказаться от штурма самой высокой горы и перенацелиться на помельче успеете всегда. Понятно же, что девушка ждет от вас немедленных результатов, так хочется похвастаться! А если еще и жена упрекнет: ну когда же, вот NN уже на «мерсе» на свою виллу ездит... Да, этот NN не стал рисковать, он сразу решил устроиться. Вам же, если замахнулись на большое, устроиться не так уж и просто.

Большое, если действительно большое, это всегда настолько свежее и революционное, что даже друзья ваши вас не поймут. Вы должны опередить этот мир настолько, что ваши взгляды, речи, идеи вызовут недоумение, насмешку, ехидные комментарии знатоков, а вы долго походите в придурках, прежде чем одержите победу, и тогда подростки скажут в удивлении: из-за чего копья ломали? Конечно же, это так!

И еще. В один ряд с Шекспиром, Толстым, Буниным и пр. гигантами прошлых веков может встать только тот – и никто другой! – кто берется их превзойти, превзойти на корпус или на порядок, писать намного-намного лучше. Но нет шансов у тех, кто считает их вещи неподражаемыми, непревзойденными. Этот человек сам ставит себе ограничения, и он уже никогда-никогда не рискнет превзойти их рекорды. А само оно, знаете ли, как-то нигде и ни в чем не получается.

...соревнуйся с Коперником, а не с мужем Марь Ивановны!

Что необходимо человеку, чтобы стать писателем?

Следует учесть, что человек читающий... пусть даже потребляющий детективчики самого низкого пошиба... все же по интеллектуальному уровню выше человека... смотрящего фильмы. Даже элитарные... высокие... интеллектуальные и так далее.

Читающий сам создает для себя фильм. И сколько бы человек ни прочли одну и ту же книжку... столько разных фильмов они и создадут в своем воображении. Раскрывая книгу... мы видим белый лист с разбросанными по нему закорючками. А в мозгу происходит колоссальнейшая работа по перекодировке этих символов в зрительные образы. Мозг включается и работает мощно... во всю силу... развиваясь и накачивая извилины.

А в кино или на телеэкране подается уже готовая картинка. Кем-то приготовленная... разжеванная. И все до единого зрителя видят одно и то же. Бездумно. Мозг не работает. Он только потребляет. Готовое. Это не комплимент пиущим, на фиг я буду перед вами расшаркиваться, а предостережение – мы готовимся воздействовать на человека, интеллектуально более развитого, чем киноман или баймер. Исключения не в счет, я говорю об общей массе.

Об общей массе, а в массе даже самый тупой качок, читая желтый боевик про очередную банду, сам для себя создает длинный и красочный фильм. Другой качок, глотая эту же дрянь, создает для себя совсем иной фильм. Если первый, наткнувшись на фразу «Вошла очень красивая девушка», видит перед собой длинноногую блондинку с двумя прыщиками спереди, то второй видит коротконогую толстушку восточного типа, с широкой задницей и выменем до пояса.

Учитывая, что в их мозгах, трещина от непосильной натуги, жернова все же двигаются, мы должны расположить эти кодовые значки, именуемые буквами, так, чтобы даже самые тупые увидели картинки. Лучше – двигающиеся, так называемые motion picture, и, кроме того, чтобы там еще слышался топот, визг тормозов и прочие звуки, а сверх всего – запахи, которые не скоро появятся в кино. Это, так сказать, программа-минимум. Заставит читающего увидеть то, что видите для него вы.

А уже потом включается более сложная программа: заставить читающего проникнуться вашими мыслями, идеями, бросить его бить не правых, а левых, или наоборот – не важно. Или послать на уборку улиц, что, понятно, заставить сделать куда труднее, чем бросить с вилами наперерез на красных или белых. А для исполнения всех этих грандиозных задач и планов надо всего лишь правильно расставить буквы.

Трудная задача, но все-таки простая и посильная: правильно расставить буквы.

А какими качествами должен обладать будущий писатель?

Первое, что необходимо будущему писателю, – это несокрушимая уверенность, самоуверенность, вплоть до наглости! Понятно, вряд ли такую черту характера обязательно выявлять на людях, не оценят, сволочи, но быть уверенным в себе на все сто и больше – необходимо, архиважно, как говорил основатель самого удивительного государства на Земле.

И полагать искренне и железобетонно, что если не сегодня к вечеру, то уж завтра точно соберете урожай нобелевок. К концу недели можно будет ходить по центральной площади, где рядом ваши памятники в рост статуи Свободы, а женщины начнут срывать чепчики и бросаться под ваш «Роллс-Ройс».

Зачем наглость? А иначе не получится! Человек с нормальной психикой привык два раза в месяц получать зарплату. Хоть маленькую, но регулярно. Хоть плохо работать, хоть терпимо, но все равно получать. Не зарабатывать, а именно получать. Мол, мне дают зарплату за то, что хожу на работу. А если еще и работаю, то премию. Даже теперь, в эпоху рынка.

А писатель? Первый барьер у писателя, как и художника, – получится или не

получится нечто годное для продажи? Нормальный человек откажется сразу: полгода писать, горбиться над клавиатурой, а вдруг да придется бросить на полдороге? И все уже сделанное коту под хвост? Да ни за что! На службе зарплата или жалованье все-таки дважды в месяц. Нормальный человек привык за каждое шевеление пальцем получать денежку. А у наглого да самоуверенного никаких сомнений: получится, да еще как! Еще и медалями обвешают!

Затем после долгих трудов на горизонте грозно встает другой барьер: возьмут в издательстве или не возьмут?.. И даже когда взят и этот барьер, а он непростой, то страшенькие вопросы все лезут и лезут, как тараканы от нехороших соседей: заплатят или не заплатят? А вдруг просто возьмут ваш бесценный труд и напечатают, гады, под своей фамилией?..

Человек нормальный просто не рискнет даже начинать при таких условиях. А наглый говорит уверенно: получится, возьмут, не сопрут, заплатят, да еще много и сразу! Из этих ненормальных, понятно, 99% отсеется, все это знают, но все-таки каждый из вас уверен, что отсеются другие, а именно вы будете тем, кто выживет и соберет все пряники.

Так что о талантах, вдохновении, озарениях и прочих туманных материях здесь, в моей книге, искать не стоит. То показуха для того, чтобы легче снимать красивых дур, да и отвязываться от них проще, ссылаясь на некий зов. Это лекция профессионала для тех, кто хочет стать профессионалом. И жить исключительно на гонорары.

Человек с нормальной психикой привык два раза в месяц получать зарплату. Хоть маленькую, но регулярно. Хоть плохо работать, хоть терпимо, но все равно получать. Не зарабатывать, а именно получать.

Вы же будете именно зарабатывать!

О тех, кому судьба «помогла»...

Еще желательно, хоть и не обязательно до зарезу, чтобы автору отпилили ноги, перебили позвоночник или хотя бы выбили глаз. Словом, любое уродство приветствуется, ибо тогда жизненная мощь, что идет в кулаки и ниже, намного ниже, вынужденно сублимируется в духовную энергию.

К примеру, когда двум крутым рыцарям в битвах отрубили: одному – руку, другому – ногу, то, не в состоянии работать мечами, волей-неволей заработали головами. Которые, естественно, были без надобности молодым и красивым. В результате один после неудачных попыток писать стихи, рассказы сотворил роман «Дон Кихот», а второй, которому ногу, после неудачных попыток писать стихи и рассказы создал особый рыцарский орден монашеского типа, члены которого не носили рясы. Их целью было создание нового справедливого общества, девизом которого стало «Великая цель оправдывает любые средства» или «Все средства хороши для достижения великой цели», а личным девизом этого рыцаря стало: «Штиль хуже самой страшной бури». Грамотные уже догадались, кто этот буревестник революции и что за коммунизм он строил.

Эрудированный человек может вспомнить бравого комсомольца, который, если бы ему не перебили хребет, стал бы в лучшем случае заурядным секретарем комсомола или даже райкома партии, а прикованнопостельный написал «Как закалялась сталь»! К слову, среди членов Союза писателей как нигде: безногих, безруких, слепых, прикованных к постели...

Если у вас все цело, это хуже, но не безнадежно. Ведь могут быть еще спасительные комплексы, которые никому не видны, но вы чувствуете себя не совсем полноценным и стараетесь стать еще круче, а литература как раз тот спортивный зал, где совершенствоваться можно до бесконечности.

Но даже если вы красавец и атлет, но ведь не все женщины мира ваши? Где-то в Австралии о вас не знают, как обидно, хоть топись с горя, а если написать потрясную книгу, то и оттуда прибегут бросаться под ваш автомобиль, а мисс Вселенная будет добиваться вашего внимания. К тому же писательство дает редчайшую и соблазнительную возможность одним прыжком достичь золотой медали. Кому нужны

смешные литературные институты, кандидатские, докторские, звания академиков, когда только под старость получаешь возможность научного творчества... А так: умеешь читать? Хотя бы по складам? Значит, уже можешь и писать.

Конечно, это выглядит жестоко, но зажатый и закомплексованный человек быстрее станет писателем, чем самоуверенный здоровяк-красавец! Разве что у красавца свои кошмары...

И третье – самое важное – условие для успешного литературного творчества

Третье необходимое условие – сжечь мосты за спиной. Чтобы отступать уже некуда. Тот же нормальный человек после двух-трех неудачных попыток махнет рукой и скажет: зачем стучаться, когда не открывают? Сколько усилий пропало зря... А тут у меня зарплата идет себе и идет. А вечера, вместо того чтобы горбиться над клавишей, можно провести с очень раскрепощенными и без всяких комплексов...

Зато тот, у кого работа дрянь – ну, не хотел я оставаться литейщиком, как настойчиво советовали критики и доброжелатели, не хотел! – тому отступать некуда. Тот будет ломиться, накачивать мышцы, совершенствоваться, и... победа придет! То есть, объясняю на пальцах, очень желательно, чтобы работа у вас была дрянь. Ну, скажем, вы дворник, а вам жаждется стать старшим дворником. Или вы вице-президент компании, а вам не жить без полного президентства, но это не светит, не светит: у президента подрастают детки... Один путь – в писатели. Туда ведь можно одинаково с любой должности.

Вы же видите, и наш президент страны, который самое Красное Солнышко, и Маша Левински одинаково берутся писать книги! А этот мой труд можно рассматривать как краткую инструкцию по быстрой переквалификации с низших должностей: президент – слуга народа, в высшие: писатель – властитель дум и судеб.

Для тех, кто в танке, напоминаю, что, когда речь заходит о скрипке или рояле, никто вроде бы не отрицает необходимости таланта, хоть никто не знает, что это, но принято так говорить, вот и говорят. Комильфо, как говорят грамотные. В то же время всякому ясно, что надо играть гаммы, развивать пальцы, тренироваться или хотя бы выучить, какая клавиша пищит, а какая рычит. Но когда речь о литературе, то всяк уверяет, что надобен-с талант, талант! О мастерстве ни слова, о профессионализме – молчок, о литературных приемах – ни гугу, ни кукареку. Только талант, талант, талант-с!

На этом заблуждении крылья как раз и горят. Написать роман может действительно всякий. Даже президент лично, без специально созданного для этого случая Всероссийского Центра по Написанию Для Президента Книги. Даже издать на свои деньги. Толстый романище, в яркой обложке, с золотым тиснением. С голыми бабами или без, с виньетками. С серпом и молотом или орлом-мутантом. С золотым обрезом, если вы всего лишь директор банка или президент страны, а хочется выйти в писатели. Только читать такой роман сможет разве что сам автор. Он в диком восторге, он искренне не понимает, почему эти все двуногие идиоты плюются, не понимают в искусстве, гады.

Секрет прост. Пишущему, напоминаю, нужно всего-то расставить на листе бумаги условные значки. Их что-то около тридцати, точно не помню, плюс-минус пять, только и всего. А мозг читающего трещит от нагрузки, человек начинает видеть фреймы, образы, картины. У него учащается сердцебиение, он задерживает дыхание, смеется, плачет, а со стороны вроде бы просто тарачится на лист бумаги с ровными рядами довольно простеньких значков... Да, но смеется и плачет, если написано профессионально.

Если же нет, человек видит как раз значки на листе бумаги. А сама перекодировка идет только в мозгу счастливого автора: смотрит на свои значки и добавляет мысленно то, что не сумел выложить на бумаге. И негодует на идиотов, что не понимают его великое творение.

По одному и тому же вопросу, сказал Честерфилд, автор знаменитых поучений сыну, каждому здравомыслящему человеку приходят в голову примерно одни и те же соображения, и лишь та форма, в которую они облечены, вызывает внимание и восхищение слушателей.

Итак, это запишите, это помните: сжечь мосты! Чтобы отступить некуда.

Немного по технике работы

Если же кто-то и готов какое-то время поучиться (уже обжигался в редакциях), скрепя сердце и скривив морду, то не иначе как открывай ему «тайны творчества», «тайны профессии», чтоб вот сразу раз-два и в дамки! Т.е. указал ему еще на пару талантов, которые у него есть, но ими не пользуется, как гранатометом, что болтается за спиной.

А когда начинаешь говорить, что надо учиться, то сразу морды скучнеют, сереют, в глазках – океан презрения. Мы, мол, таланты, а ты – серость. Ишь, учить вздумал! А чего пришли? Да просто посмотреть, как тут дураков серых учат. А мы нет, мы не учиться, мы только малость послушать...

Так вот слушайте. Учиться вам все равно придется. Много, очень много. Гораздо больше, чем на рядового инженера. Так что если хотите творить без обучения профессии, то вот вам тачка об одном колесе и ведите этот экипаж. Или вот лопата в руки и – копать от забора и до обеда. Да и то будет короткий инструктаж по технике безопасности, чтобы лопатой в носу не ковыряли.

Учиться писать надо, зато никто вашу учебу не контролирует. Вы можете работать над текстом двадцать четыре часа в сутки, а потом стремительно взлететь на самую вершину, обгоняя тех, кто бережет здоровье.

О литературных приемах

Итак, начнем о том, как правильно располагать эти самые значки! Вообще-то автор выступает в роли того мудрого раввина, которого в разгар поста застукали с голыми бабами в бане, когда закусывал вино свиной и орал похабные песни: друзья, делайте, как я говорю, а не как поступаю!

Да, из-за коммерческих соображений, да и из желания успеть опубликовать начатое годы тому, автор порой выпускает роман... ну, мягко говоря, который мог бы улучшить. Тем более что знает как. Но вы-то не связаны ни сроками выпуска, ни возрастом! Можете выстроить книгу совершенной, вычистить все шероховатости, а все алмазики превратить в бриллианты! И взять разом всех баб, все ордена и премии!.. Итак, начинаем книгу о литературных приемах...

Я прекрасно понимаю, что, когда говорю, что надо писать лучше, а не искать способы, как пробиться да раскрутиться, я тем самым смертельно обижаю огромную толпу одинаковых молодых и не очень, но одинаково самолюбивых авторов. Ведь когда они говорят о необходимости раскрутки, то тем самым утверждают, что их вещи уже безукоризненны.

Что совершенствовать уже нечего, осталось только прямо в печатный станок... но туда, увы, надо пробиваться!.. А если удастся пробиться... чаще всего – за счет автора, то все равно обязательна и необходимейша раскрутка, а то ведь гады-читатели не понимают своего счастья, не покупают, не читают! А если читают, то плюются и обещают следующую не покупать. Вот и нужна раскрутка, чтобы убедить их в необходимости сменить вкусы и взгляды. А то и пол.

Для того чтобы последовать моему скучному совету продолжать совершенствовать свою вещь, сперва надо признаться, что эта вещь недостаточно совершенна. Да есть ли на свете такой автор, который в этом признается? Не вам, лицемерно, а себе, любимому? Уж он-то знает, что пишет лучше всех, а все остальные – дураки, ничего не понимают!

Прозрение у нормального автора наступает обычно через несколько лет, когда случайно натыкается на старую рукопись. Вот теперь замечает массу не только ляпов, но и упущенных возможностей выстроить сюжет, добавить красок, эмоций, сделать героев умнее, интереснее.

Правда, у многих это прозрение не наступает вовсе, но то уже клиника, о них не

говорим. А вот тем, которые к этим же мыслям придут через семь-десять лет, хотелось бы как-то помочь, ускорить их созревание. Переход из гусеницы в куколку, а из куколки – в крылатое имаго. Только для этого я и написал эту книгу. Ведь я сам терял годы на тупиковые дороги...

Если вы еще не дошли сами до открытия каких-то литприемов, то просто поверьте профессионалу, что они – есть. И что помогут сделать вашу рукопись лучше.

Читатель должен видеть себя, любимого

Читатель хочет сопереживать. Потому главного героя надо наделить либо теми качествами, которые есть у самого читателя, либо же, что намного действеннее, теми, которые он хотел бы иметь. Особенно это удобно в фантастике и фэнтези. Там автор наделяет героя способностью читать мысли, сверхсилой, неуязвимостью или еще чем-то, а то и всем сразу, затем выпускает в мир удивлять соседей и соседскую Люську, что до этого дня не обращала на него внимания.

Когда все эти приемы перепробованы, автор идет и на такое: герой, оказывается, сам того не подозревая, является потомком древних королей, магов, императоров Звездных королевств, или же у него оказывается древняя карта с указанием острова, планеты и прочих сокровищ. Но тот период прошел, ибо рядовой читатель все же предпочитает узнавать себя, любимого.

И вот тут и начинается та тихая деградация, когда приходится создавать Бивиса, чтобы читатель узнал себя, любимого и прекрасного. Сейчас, когда производство бумажных книг стремительно сокращается, а в прошлом году ВПЕРВЫЕ компьютерных игр было продано больше, чем книг...

Основы творчества не в том, какими значками у вас вызывают необходимое сопереживание. Это могут быть вообще звуки, краски или запахи. А я даю только основы! К примеру, отвага для пишущего, о которой я уже говорил выше, та же самая и для рисующего, музицирующего и вообще творящего, что имеет право, как я уже говорил, переходить в наглость, заключается еще в одной особенности нашей психики... Фу, какая длинная фраза, едва закончил. И не уверен, что правильно. Во всяком случае, писать так нельзя. То, что я сказал, нельзя промотать назад и вычистить, а вот что написано...

Словом, всегда о любом начинании проще говорить: нет, не получится, ничего не выйдет. Говорящий такое в девяти случаях из десяти оказывается прав. И выглядит лучше, интеллигентнее, говорит готовыми обкатанными фразами. Без труда побеждает в спорах.

Новатору еще надо суметь оформить в слова свою зыбкую идею, как-то объяснить себе и другим, а у оппонента наготове масса блестящих и остроумных доводов против. Он легко и под смех окружающих разобьет в пух и прах несчастного, вздумавшего создавать свою теорию, религию, нового литературного героя, иной взгляд на компьютерные игры, взаимоотношения полов.

Конечно, эти девять из десяти никогда ничего не создадут и не творят, но они и никогда – почти никогда – не ошибаются! И потому выглядят правильно, респектабельно, с ними хорошо общаться, они не надерзят, как эти молодые гении, они воспитанны и обходительны.

Не подстраивайтесь под общее мнение, не подстраивайтесь! Большинство всегда не право.

Нижнюю челюсть вперед, только вы правы!

Массовый человек идеален для любого общества. Он правилен! Он живет главенствующей идеей. Сегодня сказали, к примеру, что антисемитизм – это нехорошо, этот человек всюду говорит, как свое собственное мнение, что антисемитизм – это нехорошо. Скажи завтра так же авторитетно, что жидов надо всех извести, он тут же пойдет точить нож. Особенно если скажет не правительство, кто ему верит, а

импозантный член академий, искусствовед с благородным усталым взглядом и красивой седой гривой до плеч. А вы уверены, что не скажет?

Не бойтесь проигрывать в спорах тем, эрудированным. За ними в самом деле огромный пласт мировой культуры. С вами через их вообще-то тупые болванки тел говорят величайшие мыслители как позапрошлого века, так и того, только что стал прошлым! С ними спорить трудно. Но... нужно. Они то, на чем цивилизация стоит, а вы те, кому эту махину тащить дальше.

Был красивый и просвещенный Рим, изысканный город юристов, поэтов, драматургов, скульпторов. Могучая римская армия. Образованные люди спорили о форме ушей нимф, предавались изысканнейшим плотским утехам... Но откуда-то среди них появились ужасные, невежественные, неграмотные, грубые первохристиане. Тупые. Не один из десяти, а куда меньше. Всегда проигрывали в спорах с образованнейшими римлянами, которые знали и поэзию, и философию, и языки и отличались широтой взглядов... И все-таки эти новые разрушили могучую и незыблемую Римскую империю! И создали свою цивилизацию.ломайте и вы этот старый, дряхлый мир. Вы – ростки нового.

А к этому необходимому вступлению – чисто технические рычаги. Запишите себе крупными буквами: любой материал сдается! То есть сейчас перед вами толпятся идеи, целое стадо. Все сразу не реализовать. Надо выбирать, какие сейчас, какие на потом. Любой нормальный человек хватает ту идею, которую уже видит, как воплотить быстро и неплохо. Но вы – ненормальные.

Для тех, кто в танке, напоминаю, что такое норма: это слесарь-водопроводчик, академик, литературный критик, банкир, президент страны – уровень одинаков, разница только в образовании и захваченной должности.

Для повторения:

1. Снимать с дерева табличку «Дерево».
2. Смысловое слово ставится в конце фразы.
3. Любой материал сдается.

А все-таки, с чего лучше начинать?

Вы должны выбирать ту дерзкую и злую идею, которая перевернет мир. Правда, неизвестно, как к ней подступиться, в то же время понятно, как быстренько создать целый фантастический мир, придумать новую форму ушей для эльфов, вооружить хорошо сбалансированными мечами и обучить восточному единоборству сунь-хунь-в-чай с элементами школы вынь-су-хим... Да черт с той дивизией пишущих, что шагают с вами не в ногу! Да и вообще, почему писатели должны ходить в ногу? Да еще строим? Если в ногу, то ясно, что за писатели. Если строим, то еще виднее! А они еще и сомкнутым строем дружно встречают, выставив штыки, всякого непохожего. Ну, тут уж все яснее ясно. Еще раз: любой материал сдается!

Если упорно думать именно над этой труднейшей идеей, то придут и образы, и новые герои, и краски, и способы, как воплотить в ткань ярко и необычно. И тогда ваша работа будет не просто выгодно выделяться среди тех, которые писались легко. Что пишется легко, то читается трудно. Хотя иной раз публикуется... Главное – ваша работа запомнится. О ней пойдут споры, как о взорвавшейся бомбе. И, может быть, в самом деле перевернет мир!

Для повторения:

1. Снимать с дерева табличку «Дерево».
2. Смысловое слово ставится в конце фразы.
3. Любой материал сдается.
4. Что пишется легко, то читается трудно.

Что пишется легко, то читается трудно.

Крайне важно!!!

Надо еще коснуться важнейшей особенности нашей психики. Увы, наша память отбирает для запоминания не умное, а почему-то эмоциональное.

Во времена Гомера были певцы поумнее, во времена Шекспира драматурги умели сочинять вообще мудрые и нравоучительные пьесы, но память человеческая удержала «Илиаду», где в десятилетней войне погибли почти все троянские герои и все греческие, уцелевший Одиссей добирался домой десять лет, а на родине застал разграбленный дом и бесчинствующих гостей, у Шекспира в «Гамлете» финальная сцена завалена трупами, Ромео и Джульетта мрут, Отелло удавливает Дездемону, король Лир мрет, предварительно в жутких страданиях кукукувшись...

Увы, обезьяны мы или просто варвары, но умное воспринимаем, когда либо завернуто в кровавый клубок убийств, либо в виде топора, подвешенного на ременной петле под пальто. Если встретим на улице дикаря в звериной шкуре, декламирующего стишок, то запомним больше строк, чем если бы этот же стишок декламировал привычный сутулый очкарик. Да еще бородатый.

Умничать надо так, чтобы слушали.

Не ловитесь на крючок ложной революционности

Итак, для ударного романа, который привлечет внимание, обязательны... или крайне желательны новые темы и новые идеи. Только не спешите тут же воплощать в значки на экране компа то, что покажется новым. Мы все живем в одном мире, едим тот же хлеб, слушаем одни и те же новости и обычно мыслим одинаковыми стереотипами, алгоритмиками. То, что кажется на первый взгляд революционной, только что пришедшей в голову, ошеломляюще новой мыслью, скорее всего, пришло еще в три-пять тысяч голов. А к вечеру таких наберется намного больше...

Да и те, что покажутся в самом деле новыми, надо рассматривать очень внимательно. Сверхмодная ныне тема Добра и Зла, где Добро уже не Добро, а Зло так и не Зло вовсе, – это не новая революционная идея. Наемный убийца-киллер, который шествует по экранам и страницам романов, – это все-таки не герой, в какой костюм от Версаче его ни обряди и какую бы блондинку ни дай охранять. Это вызов канонам – верно. Вызов из того ряда, когда соревнуются, кто на званом обеде у королевы громче испортит воздух.

В этом ряду впереди даже не медлительная литература, а компьютерные игры. Если пару лет тому еще был выбор, за кого воевать: за красных или за белых, то сейчас предлагается только один путь: дави всех пешеходов и разбивай встречные машины, стань чудовищем и убивай рыцарей, стань рэкетиром, грабь и убивай мелких предпринимателей, подкупай полицию, создавай гангстерскую империю...

Сейчас, когда почти всё тупое стадо баранов покорно перешло на сторону Зла, надо иметь отвагу, чтобы воевать за Добро!.. Только надо это делать иначе, чем отцы-деды. Чтобы это сегодняшнее стадо видело в вас не вчерашний день, а завтрашний.

Сегодняшние герои: киллеры и проститутки – всего лишь больной вывих больного общества. Но оно выздоровеет. И где будут ваши книги?

Женщина в произведении. Какова ее роль?

Почти все самые заметные произведения построены на любви или на интригах с участием женщин. Но если раньше женщины махали белым платочком вслед отъезжающему герою, а потом сидели у окошка и ждали, когда вернется со щитом и увезет, то теперь, как известно, и ногой нас, мужчин, с тройного разворота в челюсть, и режут, и давят, и шеи ломают, и всячески нас побеждают, вяжут в полон. Хорошо хоть, уже додумались насиловать по праву победителей...

Сами видите по прилавкам и развалам пиратского Интернета, как много подобных шадевров. Однако вы пишете или намереваетесь писать настоящие романы. А женские, как известно, не совсем настоящие. Наверное, как раз потому, что женские. Словом, если

в женских романах женщина – супергерой, который с тройного поворота и так далее, то в настоящих романах женщина... боюсь и вышептать, лучше приведу слова великого Тургенева, который известен столь замечательными женскими образами, что в обиход вошел даже термин «тургеньевская девушка»... Женщина – всего лишь функция!

Не бейте меня, эти слова принадлежат Тургеневу, а классиков надобно читать. Тургенев, надо отдать должное, пользовался женскими образами с холодным мастерством профессионала!

Возьмем его основной роман «Отцы и дети». Там выведен супергерой Базаров, железный человек, врач-хирург, носитель новых идей нигилизма. Отрицающий все и вся. Отвратительный тип, демон разрушения. Всей работой врача-хирурга... бр-р-р-р! всеми поступками и словами типа «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней – работник» утверждает нового человека, социалиста и нигилиста, опасного и непонятого старшему поколению. А увидев красавицу, говорит что-то вроде: какое тело, какое роскошное тело... Интересно поглядеть бы на него на анатомическом столе!..

И вот этот негибимый и сверхстойкий супермен-нигилист, которого ничто не могло не то что сломить, но даже пошатнуть... ломается, не выдержав испытания именно женщиной. Ломается даже не сам Базаров – он тоже только функция, а с треском рушится сама идея нигилизма, отрицавшего даже любовь.

Итак, в литературе женщина – всего лишь функция! Функция производства. Холодный профессиональный прием. Прием, позволяющий своего главного героя показать еще и с другой стороны. Ну, как добавочная лампа-подсветка.

Добавим в записную книжку или надпись на стену:
Женщина – всего лишь функция.

Трагизм русской литературы в наше время...

Трагизм русской литературы как раз в том, что она – «духовная пища». Это даже не от православия, мы намного ближе связаны с Востоком, чем с Западом, это от Востока у нас пророческая тема в литературе, поучающая и наставляющая. Это на Востоке бродили по дорогам дервиши, суфии, приобщая народ к духовным ценностям, потом они же бродили по Украине и России, достаточно назвать только знаменитого Сквороду, никакой тебе развлекаловки...

Но вот пал железный занавес, в Россию хлынула эта развлекательная литература. Простой народ, у которого с мышлением туго, вдруг с радостным изумлением увидел, что за океаном живут как раз такие же, как они, там эти простые даже победили, там entertainment – главное, там чхать хотели на духовную составляющую в любом искусстве, будь это кино, театр или книги.

Наши литераторы оказались на страшном распутье. Писать, как писали, – это не только оказаться на безденежье, писатели привыкли голодать, это признак профессии, даже находят в этом своеобразную гордость, но писать по-старому – это прежде всего оказаться как бы в прошлом, а этого творческие люди вынести не могут.

Но и вдруг начать писать на потребу простого, даже очень простого люда как-то стыдно и позорно. Понятно, свято место пусто не бывает, тут же возникли личности, что принялись стряпать быстро и умело романы по принципу: покупатель всегда прав. Среди них оказались и типы, способные довольно быстро обучиться азам творчества, их книги пошли большими тиражами, их покупали, а интервью с этими «писателями» пошли косяками во всех газетах, по телевидению, по радио.

И еще одно противоречие писателям прежней школы одолеть не удалось. Писать интересно – это как бы угождать быдлу, это позорный майнстрим. Писать умно – получается неинтересно. Но в то же время никто не хочет признать, что майнстримом были и остаются все шедевры прошлых веков: «Илиада», «Одиссея», «Дон Кихот», все мочилочки Шекспира и мучилочки Достоевского, точно так же как из нашего века на «золотую полку» будущих поколений встанут произведения именно из наиболее тиражных изданий.

Но эти эстеты мучаются именно комплексом ущербности. Им хоть в чем-то бы

доказать свое превосходство над «массой». Для этого годится вариант, когда нечто графоманское объявляется шедевром, которое «массы никогда не поймут», а вот они, эстеты, о-о-о-о!.. оценили по достоинству. А кто не оценил, тот – тупой, быдло.

Шекспир, Шекспир – его понимали все грузчики и все прачки, заполнявшие скамьи в его театре!

Можно равняться на эстета Васю Пупыркина, взявшего себе имя Гарольда Олдстауна, а можно – на Шекспира. Ваш выбор!

Самый страшный и трудноодолимый противник. Нет, даже враг

В самом начале вам хорошо бы определиться, что вы хотите. Если просто покорять бумагу, то не требуются не то что мои лекции, но даже правила орфографии ни к чему: вы сами себе любыми понравитесь. Но если хотите печататься и нравиться другим – извольте писать так, чтоб нравилось.

Ведь читателя нельзя заставить читать именно вашу книгу, он волен взять с прилавка любую. И, последнее, если вы намерены своим произведением перевернуть мир, то... надеюсь, вы не эти, как их, культурные и образованные? Хуже того – интеллигенты?

Хотя без культурных и образованных шагу не ступить, однако же самая косная и тупая сила, что тормозит и противодействует любому творчеству, – это культурные, образованные люди! Вы наслушались сказок, что Коперника, Галилея или Ломоносова травили косные малограмотные священники? Да косным и малограмотным все равно: земля квадратная, круглая или плоская, пусть даже на трех китах! Эти тонкости знали только люди культурные, образованные и вообще... интеллигенция того времени.

Именно культурные и образованные люди всегда наиболее противодействуют любым новшествам, будь это в науке, литературе или политике. «Не культурные» вообще не вмешиваются! Для них там, наверху, лучше знают, как надо, а вот эти культурные и образованные люди своего времени, это культурное большинство как раз и присваивает себе право решать, что именно и как надо. Тем более что во главе этой косности стоит обычно хорошо устроившаяся суперсволочь, которую эти образованные сволочи громко именуют «совестью нации» и умело навязывают это мнение всем.

Разве не проще было бы Копернику или Галилею отстаивать свои убеждения в споре с малокультурным торговцем? Плюс – внутренняя убежденность, что несет свет в этот темный мир! А вот спорить с образованнейшими людьми Европы, которые умно и очень изящно доказывают, что Земля в центре мироздания, – намного сложнее.

Пусть не пугают вас титулы, имена, звания... даже массовость мнения «специалистов». Помните, ковчег построил любитель, профессионалы построили «Титаник».

И еще оппоненты, которых надо учитывать

Как трудно спорить с уставшей от вашей борьбы женой, не понимающей упорства мужа, как тяжело смотреть в глаза голодным детям!

Увы, все так. Но те просто требуют, чтобы вы летали пониже. Там, где больше прокорма. Но эти культурные и образованные, говорю без всяких кавычек, как только возьмете новую тему, идею или создадите новые образы, тут же именно они будут доказывать, что так писать нельзя, а надо писать «как надо». И в качестве примера будут называть хорошие, правильные примеры. Произведения тех самых, на которых точно так же набрасывалось предыдущее поколение этих культурных и образованных, что придерживаются общечеловеческих ценностей.

Обыватель, как и любой животный организм, стремится защитить свой мирок! Инстинктивно. И здесь не спасает ни три высших образования, ни принадлежность к элитному миру. Обыватель защищает потому, что чувствует себе угрозу. Угрозу своему уюту. Но обыватель страшен тем, что находит союзника внутри каждого из нас. Каждый из нас в той или иной степени – обыватель.

Обыватель сейчас защищает статус-кво, как и раньше защищал устои той культуры от прихода веры в Христа, от идей Коперника, от генетики и кибернетики. Сейчас защищает от любых посягательств на его «общечеловеческие ценности», ибо уютно устроившегося труса всегда страшит свежий ветер перемен. В нынешнем стабильном обществе потребителей настолько уютно и не дует, что всех этих революционеров, новаторов и бунтарей – прямо щас бы на электрический стул, чтобы не мутили народ, не придумывали новых идей.

Обыватель обычно начитан, в меру консервативен, умело оперирует понятиями гуманизма, культуры, эстетики, заботы о равноправии и политкорректности. Он может долго и со вкусом говорить, что нельзя на методы террористов отвечать методами террористов, нельзя бороться с преступностью ужесточением наказаний!

Конечно, он с удовольствием бы принял введение смертной казни за все и вся, но только так, чтобы правительство ввело его само, «вопреки общественности», за что снова можно бы критиковать до бесконечности.

Вы создаете новый мир своими работами. Потому не оглядывайтесь на старый.

Две большие разницы. Даже очень большие

Давайте наконец проведем четкую грань между писательством и журналистикой. Это две близкие и родственные профессии, их иногда совмещают, хотя редко успешно. Прежде всего потому, что в самой основе этих профессий лежит диаметрально противоположный подход.

Кто-то сказал, что разница между литературой и журналистикой примерно такая же, как между любовью и проституцией. Грубо, конечно, но что делать, сейчас весь мир груб, изящество ушло с веком размахивающих шляпами с перьями мушкетеров, зато сразу бывает видна истина.

Итак, в чем же на самом деле разница? Журналист пишет статьи, очерки, заметки, информашки, даже документальные книги. Основная сфера публикаций – газеты, журналы. Хорошей газетой считается та, которую человек от первой до последней страницы прочитывает за двадцать минут. Великолепной – за пятнадцать. Прочитывает и усваивает массу информации. Запоминает хотя бы до завтра, ибо с утра другие события, другой курс доллара, другие убийства, свадьбы, разводы и скандалы в правительстве. Разве не так? А разные требования диктуют разный стиль.

Журналист обязан избегать яркого языка, великолепно построенных фраз, которыми восторгаемся у Бунина—Набокова—Астафьева. Он обязан писать так, чтобы взгляд бежал по странице быстро, не цепляясь за метафоры, сразу хватал и усваивал информацию, очищенную от шелухи литературного стиля.

Писатель пишет не на один день. Книга не выбрасывается по прочтении, как газета, а в этом случае требования к способу разбрасывания значков по бумаге иные. Первое: писатель обязан писать не информативно, а образно. Если на пальцах, то журналист пишет: «Депутат Зюган рассердился», писатель так не имеет права уже по статусу художника слова. Он пишет что-то вроде: «Депутат Зюган нахмурился»... варианты – «стиснул кулаки», «заскрипел зубами», «взревел», «зарычал» и пр., то есть он рисует картинку, а проницательный читатель, которому спешить некуда, хоть с трудом, но все же догадается, что депутат Зюган рассердился. Писатель не напишет: «Депутат Зюган обрадовался», а прибегнет пусть к штампам, но все же образам – «губы раздвинулись в улыбке», «счастливо завизжал», «подпрыгнул», «лихо пригласил всех в депутатский буфет за свой счет» и пр.

Конечно, нужно избегать штампов, всех этих «стиснул кулаки», «заскрипел зубами» и пр., но даже самые убогие штампы и штампки лучше простой информативности журналиста. Они, по крайней мере, говорят о том, что автор смутно догадывается, что нужно сделать, но пока не умеет...

Хотя, с другой стороны, штампы и есть штампы, с ними уважения коллег не приобретешь, но деньгу зашибить можно. Особенно если строгать детективчики или лав

стори. Там требования намного ниже, а читатели проще, чем высоколобые эстеты или любители фантастики... О том, как убирать штампы, – позже. Сперва – все еще базовое.

Для запоминания:

Не сообщаете а-ля журналист, что произошло («рассердился», «обрадовался» и пр.), а рисуете («нахмурился», «растянул рот до ушей» и пр.).

Еще раз: сообщение о событии – это журналистика, показ события – литература.

Самое главное в романе. Мера романа – это...

...не виртуозный язык, как вам прожужжали уши знатоки, а сдвиг характера. То не роман, где герой каким пришел на первую страницу, таким и ушлепал. Это какая-то бесконечная конина или зенина. Герой обязательно, как говорили в старую эпоху, должен «перевоспитаться». В ту или другую сторону. А сдвиг характера отображается и во внешности, герой не только начинает одеваться иначе, он держится иначе, выпрямляет или сутулит спину.

Если он переменял взгляды, а в романе это обязательно, то и в лице появляется нечто иное... Ну, то ли челюсти стиснуты так, что желваки вздулись, то ли взгляд горд и надменен...

При одном развитии герой преодолевает – и нижняя челюсть выдвигается, при другом – скисает, тогда и взгляд долу, и спина горбатится, при третьем – уходит в монахи, а тут надо дать просветление во взоре, а челюсть как бы не замечать вовсе.

Не забудьте записать отдельно и запомнить эту важнейшую истину:
«Мера романа – сдвиг в характере».

Держитесь, держитесь, держитесь...

Писатель – наряду с медициной и политикой – удивительнейшая профессия, в которой все знатоки и умельцы. Вот не подсказывают же токарю, в какую сторону крутить шпиндель и как затягивать суппорт, не советуют банкиру, как лучше повернуть с фьючерсными контрактами, тем более не подсказывают математику, как умножить лямбду на симбду, но писателю...

Лесорубы, инженеры, садоводы, знатоки корабельных узлов, специалисты по оружию, эксперты, политики и умельцы по заточке мечей – все берутся учить, как писать, что писать.

Что делать человеку с нормальной психикой, как выстоять против такого натиска? Ведь многие все-таки ломаются, начинают делать «как правильно», и тогда хана их творчеству, а им – как писателям. Другое дело – люди с неправильной психикой, как, скажем, я, самый умный и замечательный.

Пока не оторвали крылья, я успел взять на вооружение железобетонное, несокрушаемое: «Чуден Днепр при тихой погоде. Редкая птица долетит до середины реки...» И пусть, если хотят, сперва подоказывают не вам, а великому Гоголю, что есть птицы, которые не только долетят до середины, но и кое-как перелетят даже на тот берег! И даже начнут листать справочники о путях миграции птиц на юга. И после того, как им придется признать Гоголя дураком и дебилом, не умеющим писать, я могу скромно встать рядом с Гоголем, Пушкиным и прочими Львами Толстыми, у которых этих поэтических гипербола видимо-невидимо. Становитесь и вы, потеснюсь.

Правда, стоит добавить, что однажды в ходе дискуссии по поводу этой фразы, после веселой пирушки, были высказаны предположения, что гениальный автор сделал ударение не на «птице», а на «редкой» ибо в самом деле, такая редкая птица, как попугай, кое-как дотянет до середины Днепра и склеит ласты, а другая редкая – страус, утопнет еще возле берега. А пингвин или киви не полетят вовсе. Другие справедливо указывали, что великий Гоголь мог иметь в виду, что птица полетит не поперек, а вдоль Днепра, Украина – почти Россия, у нас и мосты строят не поперек, а вдоль, тут уж в самом деле редкая долетит... Словом, в произведениях гениальных классиков в самом

деле можно всегда находить что-то новое, неизведанное, глубинное! И прочитывать всякий раз по-новому, доказывая, что раньше писали лутше!

Помню, после первой моей книги, что успела выйти еще до падения режима, один из общих приятелей-книжников, оказавшийся к тому же вторым секретарем обкома комсомола, так представлял меня своим знакомым: смотрите, ведь просто литейщик, а какую сильную книжку написал! Когда он это повторил трижды, я научился поддакивать: да-да, а какую бы книжку написал, если бы захотел, второй секретарь обкома комсомола!

То есть в страстном желании найти ляпы и ткнуть писателя в них носом лежит неосознанное мнение, что, мол, если бы я преодолел свою лень и сел писать, то уж написал бы намного лучше! И пусть этот человек вслух отнекивается, мол, бог таланта не дал, чукча-читатель, а не писатель, но он абсолютно уверен, что смог бы сделать намного лучше. Ведь он в отличие от писателя точно знает, как затачивать мечи, заряжать танк, выращивать грибы...

А мешает стать величайшим писателем только лень. Вообще только она мешает развиваться всем нашим уникальным и замечательным талантам, потому в ней признаются все очень охотно... да еще нехватка времени вредит: ведь надо ж и козла забить, и за пивком посидеть, и жвачку для глаз посмотреть, и кости перемыть всем этим политикам, что не умеют руководить, да писателям, что не умеют писать, футболистам, что не умеют играть, певицам, что не умеют петь, а юбки короткие носят.

А попробуйте и вы: «Чуден Днепр при тихой погоде...» Это в самом деле – аргумент! Проверено.

Без чего начинать писать просто нельзя

Что бы и кто бы из великих ни говорил о первостепенности каких-то элементов литературы, но никто не переубедит меня в том, что самое важное для произведения – идея. И хотя слово само по себе за последние семьдесят лет испоганено до такой степени, что назвать кого-то идейным – это оскорбить, но все же произведение, в котором есть идея, – на порядок выше даже самого талантливого, в котором идеи нет.

А таких, на всякий случай добавлю, море. В прошлые века такая литература определялась термином «бытоописание», а писателей называли «бытоописателями». Ничего обидного в этом нет, то же самое, что фэнтези или сайнс фикшн, которые, к слову о птичках, сейчас почти исключительно бытоописательны, пусть не быт помещиков, а гномов, орков, гоблинов, драконов... зачем, к чему?

Вы же начинайте с подбора, а еще лучше – поиска идеи. А если идея окажется нова или хотя бы незатерта... Помните, что образы, язык, метафоры и все прочее в литпроизведении не имеют сами по себе никакой цены и должны полностью зависеть от идеи!

Увы, абсолютнейшее большинство авторов начинает процесс писания не с поиска новой оригинальной идеи, а смотрит на материал: из какого я смогу пошить лучше, а из какого хуже? Нет поиска нового материала, новых образов или героев, тем более никто не ищет новую идею, все исходят из принципа: что лучше получается, то и буду делать.

В литературе это почему-то нормально, не вызывает протеста, но сравните с другими профессиями: вот вам предлагают на выбор стать банкиром, или, скажем, чемпионом мира по теннису, или же подсобным рабочим на укладке асфальта на дорогах.

По идее, человек всегда должен выбирать профессию подсобника: ведь на банкира еще учиться надо, это труднее, а вот с лопатой управлюсь хоть щас!

И управляют: прилавки завалены абсолютно одинаковыми произведениями, хотя названия вроде бы разные... ну, сравнительно, не будем очень уж строги, да фамилии авторов отличаются одна от другой по количеству букв и ширине кегля.

Великое правило Лихтенберга: если твое небольшое не представляет ничего оригинального, то выскажи его, по крайней мере, оригинально.

Старайтесь начинать с поиска новой идеи. Потом темы. Можно и то и другое сразу.

Загляните в любую интернетовскую библиотеку, обычно там везде представлен один и тот же набор романов, разбитый на группы:

Проза

Боевики, триллеры, детективы (иногда в куче, иногда по отдельным группам)

Ужастики

Эротический

Мелодрама

Научно-фантастический

Фэнтези

Исторический

В этих списках нет, но мы для обзора добавим романы производственные, наиболее ярким представителем которых из иностранных авторов был Артур Хейли, у нас авторов было побольше, но сами романы пожиже, что объясняется не слабостью авторов, а суженными возможностями при прошлом строе: этого нельзя, того тоже нельзя... а также романы так называемого главного потока.

В романах главного потока было доведено до абсурда то, что считалось гордостью русской литературы: ее духовность и нравственность. Когда духовность стали насаждать принудительно, это вызвало ответную реакцию отрицания, все мое поколение возненавидело оперы и балеты, потому что, к примеру, мой класс в школе только на «Лебединое озеро» водили восемнадцать раз! А оперные арии звучали по радио с утра до вечера. В остальное время – симфоническая музыка.

Не буду давать советы, какой жанр выбрать или какой из них лучше, какой хуже, не дети, сами понимаете разницу как между боевиком и мелодрамой, так и между историческим и ужастиком. К тому же в любом случае правила к тексту везде одинаковы: надо писать... хорошо! Вот это «как писать хорошо» мы и рассмотрим. А «хорошо» – это прежде всего – правильно.

Что такое правильно в литературном ремесле? Возьмем аналогию с шахматами. Вы знаете, что уже давно исследованы дебюты и эндшпили. Для тех, кто не знает, что это, поясню: уже несколько веков знают, с каких ходов начинать игру, это и есть шахматный дебют. Если кто-то начнет иначе, это явный новичок, через несколько ходов завалит всю игру, что всегда и случается. Но после дебюта все сложнее и сложнее, а середину игры не знает никто, там-то и разворачиваются основные баталии.

То же самое и в литературе: существует набор правил, которые должен знать и соблюдать любой пишущий. Если он этого не делает, то сразу видно: начинающий, текст слабый, не стоит тратить время на чтение, а если произведение выпущено в бумажном варианте – не стоит тратить деньги на покупку.

Поясняю для ревнителей свободы творчества: его у вас никто не отнимает, это как фигурное катание, составляйте сами любые сложные элементы, но сперва нужно научиться держаться на льду, выполнять простейшие движения и не падать при каждом повороте. А просто уметь читать и печатать буквы – недостаточно.

Вот сейчас может показаться, что знать простейшие правила – это мало, надо знать больше. Скажу честно, и это вам подтвердит любой, более или менее знакомый с литературой, да вы и сами это могли заметить: девяносто девять процентов всех книг, что лежат на прилавках, написаны с полным незнанием этих правил, потому и недотягивают даже до нижесреднего уровня. Просто взять их и привести в соответствие с «правилами дебюта», и уже они поднялись бы до уровня среднего или чуть выше среднего. А это, извините, немало, это резкий скачок в рейтинге, это намного более высокие гонорары, внимание издателей, прессы, читателей.

Хотите совершенствоваться дальше и стать чемпионом? Пжалста, как только

дебют освоите, это даст вам место в сотне сильнейших писателей России, ведь там половина таких, что и дебюта не знают, выезжают на случайных открытиях некоторых правил, которые я здесь вываливаю полный мешок, так что после их освоения вы уже сами можете карабкаться в первую тройку лидеров. Для этого есть свои рецепты, они тоже здесь.

Не изобретайте велосипед! Если хотите – усовершенствуйте. Но не изобретайте.

Есть такая преподлейшая ложь...

...запущенная в обращение ворами и плагиаторами. Мало кто догадается с ходу, что речь идет о девяти, кто-то говорит о семи, а кто-то и вовсе о пяти... кто меньше?.. идей, тем, сюжетов в мировой литературе. На самом деле, понятно, этих идей, тем и сюжетов – море, но ведь иному ловкачу проще не мочить ножки, удя рыбку, а втихую воровать уже наловленную из ведерка трудолюбивого рыбака.

Вот и запускает такую сенсационную идею – посмотрите, сколько идиотов ее повторяют! – а сами под ее прикрытием воруют и воруют идеи, темы, сюжеты, образы, а то и внаглую переписывают чуть ли не от и до, меняя только фамилии. Это обыкновенное литературное воровство, красиво называемое плагиатом, что под звучной благородной латынью как бы теряет свою подловатость.

На самом же деле, повторяю для тех, кому надо повторять, а то и тесать кол, таких немало, не морщите нос, тем, идей и сюжетов – море. Бесконечное море!.. Только берите ложку побольше и черпайте. Или ведерко. А на расподлейшую ложь, что идей и сюжетов всего столько-то, просто... не ловитесь. Воры хотят, чтобы воров было больше. Но вы никогда не сможете украсть столько, сколько они, Настоящие Воры. А обвинять в воровстве и указывать пальцами будут как раз на вас.

Да и вообще... воровать нехорошо.

Понимаю, для некоторых небосвод затрещал, вот-вот на голову рухнут хрустальные глыбы. То, что я вот сейчас говорю, вроде бы четко, точно и верно, но с другой стороны – о семи сюжетах говорят такие импозантные и благородные мыслители, с седыми шевелюрами до плеч, с величественными манерами, обладатели громких литературных титулов... и так хочется им верить, ибо они вслух говорят красивым благородным голосом и величественными фразами то, что у каждого человечка на самом дне души, где темно, куда не достигает свет... дескать, можно не трудиться, выискивая новое, его нет, надо брать старое, перелицовывать, ставить свое имя вместо какого-нибудь Тургенева или Дюма, и – дело в шляпе, а гонорар в бумажнике!

Насчет импозантности и благородного облика уже понятно, для успеха дела вор должен выглядеть человеком, заслуживающим доверия. Даже беспредельного доверия, излучать бескорыстие и альтруизм, чтобы вы доверили еще и ключи от квартиры, где девки визжат.

Насчет повторяющих эту глупость чуточку сложнее. Кроме воря, что оправдывает уже свершившееся воровство, кроме потенциальных воров, что только примериваются к воровству, но никак не решатся, а пока только подготавливают идеологическую базу, есть еще масса непуганых дураков, что просто обожают все сенсационное, из ряда вот выходящее, необычное. Это они запоминают и с восторгом рассказывают всем, что улитка имеет 17 764 зуба, что у жирафы и воробья по сорок шейных позвонков и что с Эйфелевой башни ежегодно соскабливают семнадцать тонн ржавчины. Понятно, что миф о семи сюжетах... а то и вовсе трех!.. такой эффектный и такой же правдивый. Чтобы вы не тратили время на проверки, скажу сразу, что все это про улитку, воробья и Эйфелеву башню я придумал только что. Для примера. Хотя... почему бы не запустить в обращение и эти «факты»? Мало ли я их придумал и запустил в обращение, когда сотрудничал в «Ленинской смене» и вел рубрики «Знаете ли вы, что...», «Пятьсот строк» и другие?

К тому же наш бурный век постоянно подбрасывает новые возможности для абсолютно новых тем, сюжетов, образов, какие просто невозможны были даже полвека

назад. Вот встречаются два писателя:

- Ну, как ты, что пишешь?
- Боевик, а ты?
- А я в новомодное ударился. Сказку про Интернет пишу.
- И как начинается твоя сказка?
- «Жила-была девочка неизвестного пола и неизвестной наружности и...»

На самом же деле, повторяю для тех, кому надо повторять, а то и тесать кол, таких немало, не морщите нос, тем, идей и сюжетов – море. Бесконечное море!..

Соблазн пристроиться к власти велик...

Это только кажется, что сейчас нет той силы, что при советской власти одних прикармливала, а других зажимала. Есть, только одни пристраиваются напрямую, сочиняя жизнеописания президента, а другие пишут биографии лидеров многочисленных партий. И все такие борцы, такие борцы!

И все сражаются за Добро, Свет, Свободу, Гуманизм, Либерте, против тоталитаризма и прочих ужасов!

Но у вас перед глазами живой пример: советская власть рухнула, и всех этих деятелей заслуженно забыли. Хотя, конечно, они и сейчас, используя старые связи, эдакие бодренькие трупки, мелькают по жвачнику, рассказывают, как им не давали писать при советской власти, «редактора вычеркивали все лучшее», как они добивались прихода вот этого времени, когда свобода, когда прогресс, когда... да-да, когда можно писать все, цензуры нет.

Если бы все было так, как они рассказывают, то сейчас бы им самое время писать, но почему-то либо читают лекции в Юсе, рассказывая, как советская власть мешала писать, либо участвуют во всех публичных шоу, посвященных новым прокладкам с крылышками, сникерсам и всем видам жвачек.

Именно у нас они лауреаты всех мастей, делая вид, что борются с режимом, сумели собрать все наши симпатии: ах, вот завернул, вот засадил советской власти, вот завернул еще один намек... А на самом деле, обласканные советской властью, эти борцы в невыездном вроде бы Советском Союзе посещали зарубежные курорты, все международные выставки и фестивали, у всех этих борцов были от Литфонда такие дачи и квартиры, что позавидуют новые русские олигархи, а почти под каждым стихом кумира тех лет рядом с датой написания стояло и место написания, что-нибудь подобное такому: «Москва – Токио – Мехико – Рио-де-Жанейро – Мадагаскар – Гватемала – Сомали...». Да-да, под одним только стихотворением, даже не под сборником, которые один такой пек, как пирожки!

Так что знайте подлинную цену всем их премиям, званиям, лауреатствам и умело раздутой и навязанной популярности... А если полагаете, что я пристрастен, тогда попробуйте ответить на простенький такой прямой вопрос: почему ни один из этих живых трупиков не пишет сейчас? Почему все разом, скопом, все вместе перестали писать, когда пришло то счастливое время, которого добивались, когда «писать можно»?

Ладно, какие-то причины у кого-то одного-двух есть, но почему у всех разом? Вы, возможно, их уж и не помните, но спросите родителей, расскажут, как их имена гремели по Советскому Союзу! Не одно имя, а не меньше десятка, а то и двух. И вот все разом с приходом свободы творчества умолкают...

Ладно, об этом еще подумаете, а пока скажу вам самое неубедительное для современного рыночного мира, но, к счастью, мир не ограничивается примитивными рамками рынка: воровать нехорошо. Аморально. Какими бы красивыми фразами о малом числе сюжетов ни прикрывались. Потому помните, это – враги.

Если почему-то нельзя их тут же вздернуть на высокое дерево, в каком-то дурном мире живем, то хотя бы не слушать их провокационную дурь – закон для творческого человека. А для импотента или плагиатора – эти речи в самый раз. Они их будут повторять и тиражировать при каждом удобном случае.

Воровать нехорошо. Аморально. Какими б красивыми фразами об ограниченности сюжетов ни прикрывались.

«Я хочу поделиться с читателем своими мыслями...»

Напишите это, и вы уже проиграли. Или даже просто заявите это вслух. Ладно, попробую объяснить на пальцах. Как... ну, понимаете, если ведете себя так, то не удивляйтесь, что с вами так и разговаривают. Вы не первые, кто заявляет, что хочет «поделиться своими мыслями», и очень возмущается, что ваши произведения отвергаются еще на стадии рецензирования. Увы, наверняка и не последние, всех разом сделать... ну, можно даже маршалами, но не... Словом, если говорить очень мягко, то никому ваши мысли на хрен не нужны.

Пожалуйста, не считайте, что я вам смачно плюнул в душу, давайте смотреть на вещи и на мир трезво. Да, никому не нужны на хрен. Даже если считаете их замечательными. Даже гениальными. Способными спасти мир и цивилизацию. Даже если вы чемпион мира по армреслингу. В лучшем случае вас спросят, какого цвета у вас трусики спереди и какого – сзади, но мысли... на фиг ваши мысли?

У каждого читателя их своих вагон и две тележки. Замечательных, гениальных, небывалых. Каждый грузчик у пивной скажет вам, как спасти мир, цивилизацию, поднять курс рубля и вылечить СПИД. Понятно, свои идеи и мысли он считает заведомо интереснее. Почему? Да потому, что свои!!! А не какого-то Хемингуэя.

Эту горькую истину надо запомнить накрепко. Иначе бросайте такое дело, как литература, сразу. А запомнив, ищите другие пути к такому читателю. Раз он любит больше себя, чем вас, что естественно, то и говорите не о себе, хотя прекрасно понимаю, хочется, а о нем – Единственном и Неповторимом! Расскажите ему про вкус темного пива, упомяните про толстых баб на жаре, затем сворачивайте на свою идею, как спасти мир...

И если все сделаете с литературной точки зрения тонко, то есть правильно расставите черненькие значки по бумаге, то этот слесарь примет ваши идеи как свои, перестанет блудить, а пойдет спасать пингвинов и вообще кинется под тот танк, на который укажете.

Помните, для кого пишете. Говорите с ним на его языке.

Ну почему у всех литература как литература, а у нас – духовная?

У писателей, как только хорошо выпьют, сразу любой разговор сворачивает на особую роль литературы. Сперва на особую роль, а уж потом – на баб-с. Насчет особой роли доля правды есть, но вся беда, что это только доля, да и та относится целиком к России. Только к России. Да, наша российская литература уникальна, хотя не знаю, хорошо ли это. Она резко отличается от всех-всех, даже от европейской, хотя наши князья и даже цари вроде бы переженились с Западом, а наши светочи литературы из болот гнилого Запада не вылезали.

Давайте вспомним, что на Западе, как мы знаем – Запад мы всегда лучше помним и знаем, – литература начиналась с бродячих менестрелей, что бродили от одного замка к другому, пели героические и прочие слезовыжимательные песни. Им бросали со стола жирную кость, а расчувствовавшийся феодал жаловал даже монетку.

То есть кто умел сочинить песнь, что зажигала сердца сильнее, тот получал кость жирнее, а монету – толще. Его провозглашали бардом года. Феодалы приглашали его наперебой, а под его песни то хлюпали носами, то скрежетали зубами и хватались за мечи, то снова рыдали над несчастными Тристаном и Изольдой.

В России же литература пошла совсем от другого источника: от монахов, что переписывали святые писания. Они-то и стали первыми русскими писателями со своими «Откровениями», «Деяниями святых», «Видениями мучеников». То есть первыми писателями было духовенство. Оттого наша литература и доньне зовется духовной. Или одухотворенной, вариант – духовная пища. Западная на самом же Западе именуется –

entertainment, то есть развлекаловка.

Западная, как даже козе понятно, обращается к сердцу и гениталиям читателя, а русская – к его душе и уму. Потому тоже понятно, почему русская литература так благосклонно встречается всеми высоколобыми в мире, а западная – всеми слесарями и недоразвитыми подростками. Так же понятны и крохотные тиражи русской и огромные западной: тот же процент соотношения умных людей и... остальных.

Потому в России с ее засильем духовенства и его борьбой супротив скоморошества просто невысказано было появление таких чисто развлекательных авторов, как Вальтер Скотт или Дюма. За что теперь и расплачиваемся. Оказалось, что развлекательную литературу с удовольствием читают даже самые что ни есть высоколобые, хоть и морщатся, так положено, в то время как очень трудно заставить слесаря прочесть Достоевского или хотя бы Астафьева.

Сегодня западная литература усиленно старается хоть как-то одуховниться, в то же время не потерять читателя. То есть ее бегающий и стреляющий с обеих рук мышцастый кинг-конг теперь еще и рассуждает, даже цитирует что-нибудь умное, а вот наша сурьезная и очень уж духовная литература все еще брезгает опускаться до простого читателя. И потому наши авторы старой закалки сейчас читают свои вещи жене и собаке, а также своему отражению в зеркале.

При всей симпатии к этим людям, я все же посматриваю на них с брезгливой жалостью. Чтобы поучать народы, надо хотя бы понимать, в каком мире живешь. И среди каких людей. Что толку, если напишете гениальную вещь, но та помрет вместе с вами? Это пустоцветство.

Книга должна давать плоды, то есть сеять разумное, доброе, вечное. Или же разрушать неразумное, недоброе и сиюминутное. Более того, ее должны прочесть как можно больше людей. Потому свои идеи надо подать не только умно, но и в яркой, увлекательной форме. Чтобы семена плодов все же запали как можно в большее число голов. И дали всходы.

Поучать, развлекая. Иначе не получится. Иначе можно только развлекать, а это уже не литература. Клоунада-с!

Очень коротко о емкости текста

Из той же оперы по емкоизации текста: если какое-то слово можно заменить более коротким синонимом – делайте это, не колеблясь. Это всегда делает фразу лучше, упруге, ярче. Даже если заменяемое слово отличается всего одной гласной – заменяйте! Замените и прочтите в новом и старом варианте. И вы почувствуете разницу. Даже две большие разницы.

Когда-то одновременно переводили на русский язык «Гайявату» и «Калевалу». И то и другое в стихах, так что приходилось для первой дописывать еще строчку, а для второй – сокращать. Вы сами можете убедиться в этих национальных особенностях, сравнив инструкцию, написанную на разных языках.

Увы, мы скоростные борзые только в сравнении с горячими эстонскими калевалами, но все-таки проигрываем гайяватам по динамике и экшену. Во многом как раз из-за длиннот наших слов. Потому сокращайте их, заменяйте, еще раз, самыми короткими из синонимов.

Укорачивайте фразы, чтобы «словам было тесно, а мыслям просторно»!

Идем дальше. О филигранности языка

Нет, в самом деле – положение писателя в России уникально. Если везде в мире, особенно на Западе, это всего лишь развлекальщик, то здесь «поэт в России больше, чем поэт». По-прежнему русская литература, как и двести лет назад, пронизана морализаторством, а литература без морали – уже и не литература, по строгим канонам. Нет, все, конечно, предпочитают неприятную западную литературу, но попробуй и сам такую напиши, тут же сморщат носы – фи, одна развлекалка...

Западной это можно, а русской – нет. Русская должна быть духовной. Но сделаешь духовную, скажут – неинтересно, и возьмут точно такую же западную, классом намного ниже. Но – им можно, а ты, отечественный писатель, до такого уровня опускаться не должен! Конечно, читать я тебя не буду, говорит читатель, любая духовность скучна, мне бы побольше экшен с голыми бабами и пистолетами, но ты так не пиши, это будет «а-ля Запад», и вообще отечественному писателю нельзя опускаться до их преподлейшего уровня!

А по мне – самые несчастные люди как раз те, кто вытютюливает фразы, добиваясь самого точного, сверхточного, необыкновенно точного звучания фразы, предложения, слова. Безукоризненно правильного. Изысканного, эстетического.

Эти люди сродни тем, кто на досуге вырезает из дерева кнутовища или изготавливает хомуты. Они могут встречаться с такими же изготовителями хомутов, общаться в тесном кругу эстетов, сравнивать свою продукцию... нет, это не продукция, продукция – это компьютеры, экскаваторы, а хомуты – уже искусство.

И чем дальше мы уходим от века телег, тем это искусство становится все изысканнее, тоньше, элегантнее, эстетичнее. Наконец уже совсем будет прервана связь не только с практическим назначением хомутов, но потеряется и смысл, и вот тогда это будет изготовителями хомутов возведено в ранг Высшего Искусства!

И все-таки... все-таки мне почему-то совсем не хочется заниматься вот таким искусством, которое понимают только сами творцы. Не хочу филигранить отдельные слова, ибо завтра на смену этим словам придут другие, а вот сюжеты останутся.

И пусть делать упор на сюжет считается ширпотребом, а упор на точные слова – искусством, но мне как-то плевать на сегодняшнее мнение доморощенных искусствоведов, мне ближе такие ширпотребные строгатели хитовых боевиков, как Гомер или Шекспир, сюжеты которых знаем и сейчас, а язык обоих давно забыт, и уже даже знатоки не скажут с уверенностью, филигранный ли язык, на котором написана «Одиссея», но вот то, что «Одиссея» живет в пересказах, фильмах, баймах, плакатах и даже десятках клонов типа «Рембо», – это показатель еще и правоты в споре: на что нужно налегать, на виртуозность языка или на образы.

Кстати, о языке: в литературе, как и вообще в искусстве, отсутствие недостатков не есть достоинство!

Прекрасно сказал Франс: «Будем остерегаться писать слишком хорошо. Это самая скверная манера писания. Язык – явление самопроизвольное, дело целого народа. Он сам по себе имеет сильный букет и ничего не выигрывает от попыток надушить его».

Филигранность языка – доведенный до совершенства уровень ремесленников.

Эстетическое должно быть динамичным

Вот так сразу, в лоб. Так и запишите: эстетическое должно быть динамичным. Да что там должно, просто обязано! Вспомним, на что уж был скучнейшим и безликим герой «Человека в футляре»! Но, прежде чем к концу короткого рассказа он попал в последний футляр, деревянный, его и с лестницы спускали, и морду били, он пытался жениться чуть ли не на королеве, то есть показан в действии. Сплошной экшен!

Только в действии раскрывается образ. Только в действии, ты же знаешь это, придурок, ну так вот и делай это действие. Несмотря на то что придурковатый эстет скажет, что действие – плохо, это для боевиков, а не для культурного человека. Тогда его по голове Шекспиром, Шекспиром... Это звучит скучно, академично, попробуем иначе: только динамичный персонаж, с которым что-то да происходит, который вынужденно меняется, – нам, читателям, интересен. И другим – тоже.

Так убиваем сразу трех зайцев: читатель покупает, издатель издает и платит, а вы попутно так, проходя, выполняете одно из важнейших правил литературы, и, таким образом, вас по праву называют писателем, а не просто зарабатывающим на писании книжек.

Очень важно: Эстетическое должно быть динамичным!

Еще одно важнейшее правило...

Ах да, не стоит забывать еще одно из важнейших правил профессионала, о котором забывают даже крутейшие профи, а начинающие так и не знают вовсе. Спорадическое в жизни – постоянное в литературе.

Или, говоря обыденным языком, жизнь наша заполнена хождением в булочную, на службу, всяческой рутинной и даже бабами, которых не запоминаешь. В морду дадут всего раз-другой, женитьба еще пару раз, черт бы ее побрал... еще как-то чуть под машину не попал... вот и все наши яркие события за долгую, очень долгую жизнь.

Да, это и вся жизнь. А вот для литературы нужно отобрать как раз эти моменты: когда в морду, женитьбу, под машину или еще что-то яркое, необычное. Не потому, что читателю надо кровавую сцену, хотя этим Шекспир не пренебрегал, еще как не пренебрегал, а именно в мордобое видно, кто есть кто, как в экстремальной ситуации. В булочную мы все ходим одинаково, как и на службу, но по-разному поступаем, когда в темном переулке нам встречаются пьяные мордovorоты.

Вывод: литература – более точное изображение жизни, чем сама жизнь. К сожалению, сослаться не на кого, сам придумал, но раз уж придумал, то надо вперед, к рекордам!

Для запоминания:

1. Эстетическое должно быть динамичным.
2. Спорадическое в жизни – постоянное в литературе.

Искусство и... подделки под искусство

Не все еще знают, что в литературе, как и в любом виде искусства, существует разделение на искусство и на подделки под искусство, хотя это должно быть очевидно. К примеру, любовь – искусство, а вот секс – подделка.

Понятно, подделки строгать легче и проще, особого мастерства не требуется, а нетребовательных читателей всегда больше. Мы сами, если на то пошло, вышли из нетребовательных, ибо в раннем детстве глотаешь все, как утки, потом – как акулы, и только с возрастом или воспитанием начинаешь отличать белое от черного.

Но отличать – одно, а хавать – другое. Все мы, вот такие свиньи, подделки хаваем охотнее, чем что-то подлинное. Одно лишь утешение, хоть и поганенькое, что таких большинство. В этом большинстве наряду с пьяненькими слесарями и те, кто прекрасно отличает любовь от проституции, но все же регулярно заглядывают в бордель.

Не хочу сказать, что подделка под искусство – это такое уж зло. Чаще всего эти подделки от неумения, от размытости ориентиров, от желания поскорее вызвать у читателя или зрителя ответную волнительность. К примеру, как только человек получает в руки фотоаппарат или телекамеру, он тут же начинает снимать свою собачку, кошечку и всяких там и тут крохотных детишек. Ибо нет человека, который не умилился бы при виде этих братьев меньших, дети в том же ряду... но все же профессионал избегает этих непрофессиональных приемов.

Казалось бы, нет ничего проще: посади ребенка в хвост самолета, что вот-вот отвалится, я о хвосте самолете, и переживание зрителей обеспечено на обе серии! Но тот фильм (Это я писал, когда фильм «Экипаж» только-только вышел на экраны, имел бешеный успех у домохозяек, а все мы немножко домохозяйки. – *Прим. автора*), так вот, тот фильм делали в расчете на слюни и слезы очень даже средненьких... это из вежливости, все мы понимаем, что, когда говорят о средних, это эвфемизм для обозначения недоразвитых. Уважения зрителей и читателей такими приемами не заработаешь. Хотя кассовый успех, увы, от классности не зависит. Рубль высоколобного и грузчика одинаков, а грузчиков побольше, они уже и банкиры, и депутаты, и члены правительства.

Потому надо хотя бы в начале пути стараться избегать подделок. Беречь честь смолоду, а там, поди, удастся ввести в привычку беречь всегда. Так же, как в детективе,

где есть, скажем, запреты на использование близнецов, немотивированного убийства сумасшедшим или упавшим предметом с крыши, так и в литературе вообще есть негласные запреты на секс, умильных детишек и всяких кошечек, попавших в беду.

Конечно, полностью исключить их из литературы невозможно, да и заподозрят в каких-то комплексах, время такое подозрительное, но пользоваться надо дозированно. У меня, кстати, есть и один-два ребенка, две-три «кошечко-собаки», три-четыре эротичные сцены, но это на **тридцать** книг! А в нелитературе этого добра целое море, все лотки завалены этой жвачкой!

Берегите честь смолоду. Ну, если уж не получится жить честно, тогда уж... но не раньше, не раньше!

Еще один из вредных мифов, который будет вам портить жизнь...

Выше я писал, что работать надо много. То есть писать много. Но это «много» можно понимать по-разному. Можно сказать, что много пишут только слабые писатели. А сильные выдадут сразу «Войну и мир» – этого для бессмертия хватит. Вот еще одна крамольная истина, которую никто даже не может представить: для того чтобы писать хорошо – надо писать – много.

Еще со времен советской власти, что регламентировала все, утвердилось правило: писатель должен выдавать не больше одной книги в три года. Да, я это говорил, знаю. Было такое постановление, так и жили. Исключение делалось только для лауреатов Сталинских, позже названных Государственными, и Ленинских премий.

Услужливыми интеллями – наша интеллигенция вообще самая лакейская на земном шаре, хотя себя называет вечно оппозиционной, – было подобрано обоснование, что, мол, надо тщательно обрабатывать язык, форму, работать над произведением, переписывать по много раз, как это делали великие Толстой, Достоевский, Пушкин...

Да и в самом деле – разве не достаточно одной лишь «Войны и мира», чтобы обессмертить имя? Или «Евгения Онегина»? Остальное можно бы и не писать вроде.

Но при таком писании на гонорары не проживешь, так что советские писатели подрабатывали подлейшими выступлениями. Толстого, переписывающего свои романы по двадцать раз, и прочих великих привлекают, чтобы прикрыться их авторитетами. В этом случае спорить не принято, народ у нас такой, но все же стоит напомнить, что у Толстого вышло 90 томов немислимой толщины, каждым можно слона прихлопнуть, как муху. У Достоевского тоже солидное собрание сочинений, не могу сказать, сколько томов, у меня только избранное. Даже у Пушкина, погибшего в 37 лет, собрание насчитывает много томов...

А если учесть, что не по клавише стучали, а гусиным пером по бумаге, макая в чернильницу, это был адский труд и великие муки, я застал еще время, когда пером по бумаге, писал, помню, кошмар! А сколько бы тех томов было, если бы наши великие писали по книге раз в три года?

Дело в том, что писательство, как и любое ремесло, оттачивается только в процессе работы. Я часто сравнивал это со спортом не только потому, что сам провел много часов, накачивая мускулатуру или пытаюсь пробежать на долю секунды быстрее, а потому, что аналогия со спортом очевидна. Нельзя нарастить мастерство, лежа на диване. Надо работать по много часов. Работать до пота.

Да, возразит тот же образованный, которого у нас почему-то считают интеллигентом, вот и работай, переписывай одно и то же, оттачивай язык, шлифуй фразы, выгранивай метафоры! Он прав, но только наполовину. Оттачивать себя в языке – это совершенствовать язык и остановиться в развитии новых тем, идей, сюжетов. Всяк пишущий знает, что именно в процессе написания приходят десятки новых идей, сюжетов, поворотов. Именно тогда нестерпимо хочется эту бросить как устаревшую и хватиться за новые, более яркие!

Если остановиться и очень долго оттачивать первую вещь, то до более ярких вещей может просто не дойти очередь. Не дожить, говоря проще. Я не думаю, что «Севастопольские рассказы», которые принесли Льву Толстому известность, сделали бы

его признанным гением, как бы великолепно ни отточил стиль, язык, образы!

Для того чтобы писать хорошо, надо писать много.

Универсальный закон качества

Итак, писатель должен писать много. Сколько? У каждого своя мера грузоподъемности, как и чувство того, когда вещь считать законченной и сдавать в печать. Но он должен переходить от вещи к вещи, ибо только в этом залог его роста.

Правда, если слишком быстро переходить, вещи останутся сырыми, неотшлифованными, а то и вовсе незаконченными. В конце концов, вызовут справедливое разочарование. Нужна золотая середина между бесконечным оттачиванием стиля – любую вещь можно совершенствовать еще и еще – и желанием поскорее реализовать на бумаге новые вспыхнувшие в мозгу ослепительные, просто ослепляющие темы, идеи, образы!

К тому же в литературе, как и везде, действует золотое правило: из всего, что создано, только 10% заслуживает внимания. Все остальное, говоря доступным языком... гм... как бы ни оттачивали стиль.

Но разве все читаем у Дюма, а он настрогал две сотни романов или больше? Или у Толстого? Достоевского? Пушкина?.. Все те же десять процентов. И пусть даже оставшиеся девяносто Пушкина выше лучших десяти Васи Васькина из Урюпинска, все же читаем пушкинские десять, а девяносто если и покупаем, то лишь как дань уважения мастеру.

Остановись Пушкин отшлифовывать свои детские стихи до совершенства, добрался бы до «Евгения Онегина»?

И еще – писателя, как и спортсмена, судят не по массе его труда, а по пикам, рекордам, всплескам. Кто знает, сколько на самом деле поэм сочинил Гомер, сколько шахматных баталий проиграл Ботвинник и в самом ли деле «Повесть о дивизии Котовского» потерялась на почте или же ее попросту выбросили в редакции как безнадежно слабую?

Не вы определяете, какой вашей книге уйти в бессмертие. Потому пишите книг много и разных.

Умелой подборкой слов можно убедить в чем угодно

Вот еще один хороший пример умелой подборки слов! Еще в детстве услышал, что «вчерашний чай подобен яду змеи». Те, кого накрыла взрывная волна этой миниатюрной инфистской бомбочки, ни за что не возьмут в рот вчерашний чай. Я же, ее не зная, нередко пил вчерашний... Не из протеста, в Советском Союзе недоставало всего-всего, особенно – импортного чая. С кофе тоже всегда были проблемы, приходилось возмещать крепким чаем. Грузинским.

К тому времени, когда услышал насчет вчерашнего чая – яда змеи, уже несколько лет вечером делал крепкий чай, оставлял на столе, а утром, едва проснувшись, быстро жевал кусок колбасы, запивая вчерашним чаем – свежий некогда, опаздываю! – и бежал на работу. И когда накрыло и меня, я все же подумал: а как же все эти годы? Почему не упал и не околел в жутких корчах?.. Правда, может быть, яд накапливается постепенно?

Встретил знакомого врача, расспросил при случае. Тот заверил, что вчерашний чай даже полезнее, так как за ночь выделяет какие-то дубящие вещества, что укрепляют стенки кровеносных сосудов. Мол, не будет инфаркта, инсульта. Я на всякий случай переспросил еще одного, благо в моем писательском окружении – все профессии. Кроме литературной, есно. Тот сказал то же самое, добавив, что чай, оставленный на ночь, настаивается, как и свежесваренный борщ. Тот тоже лучше всего потреблять через несколько часов.

Я попытался разубедить ближайших друзей, но, увы, все твердо и непоколебимо знают, что вчерашний чай – яд. И ни под каким предлогом не допьем вчерашний. Бутылку водки выжрут – это нормально, не вредно, а вот вчерашний чай...

Вывод:

Несколько тысяч лет назад любитель горячего чая, именно горячего, придумал этот эффектный довод ленивой жене, что пыталась, не желая разжигать очаг, спить ему вчерашний. Он просто высказал свое неприятие холодного чая как можно более образно и доходчиво.

Мы все в повторяющихся ситуациях оттачиваем фразы, слова, составляем их в убедительные сравнения, афоризмы, что могут стать даже пословицами. Так и он... отточил. Настолько, что не только жену убедил, как полагаю, но попутно еще и миллионы-миллионы других любителей чая. Не потому, что прав. Просто сумел очень точно подобрать слова.

Ну, вы поняли, да?

У вас в руках очень мощное оружие! Недаром литература проходила не по ведомству культуры, а по отделу ЦК КПСС идеологии и пропаганды.

Ах да, еще одно крайне важное правило!

Так, это я начал углубляться в языковые дебри, а сперва надо бы закончить с базовыми понятиями. А базовое, как и вообще все на свете, лучше на примере. Для доступности, сейчас все хотят учиться, играя на компьютере в шутеры и стриппокеры...

Так что вот пример: приходит друг... мнется... потом с очень равнодушным видом достает рукопись... протягивает: «Я тут рассказик накопал... Так... для себя. Прочти... может, понравится?» Я тут же в испуге выставляю перед собой ладони: «Что ты... что ты! Как можно? Это с моей стороны будет свинством. Ты писал для себя... а я буду читать твое интимное? Ни за что! За кого ты меня имеешь?» Друг мямлит: «Но я хотел бы... чтобы ты сказал... Это насчет публикации...»

И вот тут начинается игра, которую он даже не понимает... ибо я упорно отказываюсь: неприлично читать то... что человек написал «для себя». Это хуже... чем читать чужие письма. Те хоть пишутся другому... а тут прямо интимный дневник! Друг пытается заставить прочесть и все больше нажимает на то... что «это и для печати бы...». Я стою, как утес на Волге, твержу... что непристойно публиковать то... что написано для себя. Наконец... словно только что-то начиная понимать... спрашиваю: так для себя или для печати? Он... сердясь на мою тупость... уже кричит... что хоть и для себя... но хочет видеть это опубликованным!

Тогда... видя, что дальше его не проймешь, хлопаю себя по лбу и объясняю Первое Правило... что ежели для себя... любимого... то писать можно абсолютно все. Сам себя поймешь любого. А что не поймешь, то догадаешься. По кляксе или оброненной слезе. А если для других... то здесь вступают в силу совсем другие законы. До другого человека еще достучаться надо. А для этого нужны особые литприемы... которые обязательны. Ежели их нет... тогда уж извини... Тут он в последний раз ощетинивается и бормочет... что он писал все-таки для себя. Тут же протягиваю ему рукопись... мол... заberi... неэтично читать чужое и т.д. и т.п. Он вздыхает и... все, fatality. Все! Он во что бы то ни стало хочет увидеть свое произведение опубликованным. Он готов слушать.

Конечно... это не значит... что будет соглашаться. Сто раз возразит... что писал для себя... я сто раз протяну рукопись назад... он тысячу раз скажет... что вовсе не то написал... что я дурак и ничего не понимаю... а я буду тыкать пальцем в строчки и говорить: тут так написано. Вот эти буквы... сам взгляни... а мысли твои я не читаю. Он: ну я ж тебе объясняю... тупому... а я: будешь объяснять так и каждому купившему твою книгу? А если он читает в постели ночью? Со спящей женой рядом?

Да, это очень важно: вы пишете для других! А комментарии к книге – признак вашей слабости как писателя.

Очень важна адекватная оценка

И еще одно важное соображение... Оценка своей работы должна быть адекватной. Вроде бы понятно, когда, скажем, силач у себя на кухне поднимет штангу с рекордным

весом, но ему на слово не верят: повтори в день соревнований. Понятно, что как бы хорошо бегун ни прошел дистанцию, но если за пару шагов до финиша остановится, сядет подумывать, помыслить о Высоком, то...

Увы, с писательством картина та же. Вот отыскана оригинальная тема. Найдена яркая идея. Созданы великолепные характеры. Написаны отдельные эпизоды, которые поражают богатством языка, красками и так далее. Автор сам видит, что создает шедевр, это видят жена и теща, которым читает на кухне, видят и восторгаются ближайšie друзья на тусовке. Однако...

Однако, пока роман не написан полностью, не сдан в типографию, не отпечатан и не развезен по магазинам... до этого момента вы все еще не только не гений, но даже и не писатель. И остальной мир, как бы ни негодовали, воспринимает вас как неписателя, что вполне справедливо... Сколько вот так погибло, недотянув чуть-чуть до финиша, гениальных романов, изобретений, открытий? Никто не знает. Одно можно сказать с уверенностью: намного больше, чем одолело дистанцию.

Не будем считать, кто из авторов спился на предпоследней главе, кто ушел в водочный бизнес, а кто женился на дочери миллионера. Но многие из них носились с написанным до половины романом и уже требовали к себе внимания... неадекватного, скажем так.

И потому, читая роман какого-то автора, не морщите нос: я, мол, напишу лучше! Да, вы в этом уверены. Да, у вас есть для этой уверенности талант. Да, у вас есть даже время. Да, ваша семья позволит вам писать, вместо того чтобы заставить выбивать ковры на детской площадке... И еще многое вам будет позволено, но все же: тот плохенький роман, который читаете и поругиваете, это – одолевший дистанцию до конца.

А вы пока только мечтаете ее одолеть. Но, как известно, в забег выходят многие, очень многие... Каждый в себе уверен! Но опыт показывает, что до финиша доползают немногие. Остальные – сходят с дистанции. А с ними уже не важно: кто бежал быстро, кто красиво, кто сошел на первом километре, а кто на сороковом. Это не затем говорю, чтобы стали скромненькими. Нет, в своих замыслах, в своих произведениях как раз должны быть наглыми, самоуверенными, готовыми свернуть все горные хребты и решить все проблемы!

Но, как бы красиво и быстро ни бежали на своей дистанции, а литература – это марафон, не требуйте лаврового венка, пока не одолеете последний метр. И не сравнивайте свои полунанписанные вещи с уже опубликованными. Это вызовет у несведущих... нехорошее по отношению к вам чувство.

Вообще, пока не вычистите до блеска и не обнаружите свою гениальную вещь... ее все еще нет. Не существует. И если по дороге домой попадете – тьфу-тьфу! – под машину, на голову упадет горшок с балкона или пырнет ножом выбежавший из подъезда сумасшедший, этой работы, что перевернет мир, не будет...

Дистанцию нужно одолеть до конца, только тогда можно перевести дух.
Пока в продаже нет книги – вы не писатель.

...и уметь посмотреть на свою рукопись чужими глазами. Буквально!

К этому примыкает и, так сказать, взгляд со стороны. Умение посмотреть чужими глазами. Честно говоря, мне кажется, что это невозможно, невозможно в полной мере, но все-таки существует ряд профессиональных приемов. Первый пришел с начала века, когда жизнь текла неторопливо: положить законченную рукопись в дальний ящик, не трогать с полгода, заниматься другими делами. А когда снова вытащите, посмотрите другими глазами, сразу начнете замечать погрешности, увидите, как исправить к лучшему.

Минус этого способа в том, что кто же в наше непущинское время отложит на полгода, за это время сменяются три эпохи! Да и на целых полгода позже мир узнает нового гения. Нет, не пойдет...

Второй – это отложить ненадолго, затем привести себя в состояние

раздражительное, язвительное, вообразить, что это не ваша рукопись, а автора, которого вы не прочь обойти на финишной прямой. И тогда отыщете в ней гораздо больше изъянов, чем у себя, любимого, талантливового, удивительного...

Думаю, этот способ подходит больше, верно?

Третий – дать рукопись прочесть приятелям. Но ни в коем случае не говорить, что это ваша. Иначе наговорят приятных слов, всяк знает, как болезненно автор реагирует на любое замечание в его адрес! К слову, я показывал свои рукописи как «Иван Крокодилов» на литературных семинарах, «Иван Хорватов», «Петро Низовой» и еще под десятками других, которые уже и не помню. Под некоторыми даже публиковал, неловко было признаваться, что обманывал. А когда помогал грузить книги, ввязывался в дискуссии о своих же книгах, сам критиковал, придирился, провоцировал.

Когда я по почте отослал первую рукопись в «Молодую гвардию», оттуда вскоре пришла рецензия. На девять десятых из критики, советов, что вычеркнуть, что выбросить, что переделать, что заменить, что подчистить, а в конце строчка: мол, рукопись талантливая, рекомендую издать массовым тиражом. Ну, на последние строки я внимания не обратил, это ж и так ясно, даже не просто талантливая, а сверхталантливая, но как этот идиот, этот дурак, эта ничего не понимающая скотина посмела делать мне замечания, когда и читает-то наверняка по складам, шлепая губами?

В ярости забросил дурацкую рецензию в нижний ящик, в самый дальний угол, постарался забыть. И лишь совершенно случайно лет через пять-семь наткнулся, вытащил, прочел... И как обухом в лоб! Только-только вчера додумался до одного приемчика, чтобы сделать рассказ интереснее, а этот кретин уже тогда советовал так сделать!.. А дальше – хуже. Он советовал и вот это, как почистить, а я допер, что язык надо чистить от сорняков, меньше года назад... И вот это замечание идиота, похоже, тоже верное... Черт, так он же еще тогда советовал, как писать лучше! Если бы я, идиот, прислушался, то пять лет назад сумел бы резко поднять свой уровень! А так годы под хвост, ломился в окна, не замечая рядом открытой двери, изобретал велосипед...

Мораль этого длинного отступления в счастливое детство в том, что учиться необязательно на своих ошибках. Можно и на промахах того дурака, каким был автор этих строк.

Конечно, возглас оптимиста «Каким дураком я был!» подразумевает, что теперь о-го-го какой умный. Чем чаще вы будете исторгать этот возглас, тем... понятнее, да?.. Так что вывод: всяк, кто вас критикует, – работает на вас.

Лучше он сейчас, в рукописи, чем потом – читатели тиража. А тот, который говорит просто приятные слова, конечно же, милый человек, слушать – одно удовольствие. Можно жену и тещу позвать: слушайте, дуры, что люди обо мне говорят, но...

Ну а самый простой способ, повторяю, можете записать, у кого с памятью туго, – свою рукопись дайте почитать другу, как чужую. Мол, дал вот один, просил прочесть и сказать свое мнение, но мне все некогда, не прочтешь ли, а я ему скажу твое мнение, как свое. Тут очень важно выдержать лицо и голос. Особенно когда друг начнет щипать из написанного перья. Вытерпеть, не бросаться защищать гениальное произведение. Не обзывать идиотом и не бить по голове. Лучше дать еще кому-нибудь.

И еще. Даже лучший друг может ошибиться. Но если пятеро почему-то говорят, что вы пьяны, то не спорьте, а идите спать.

Это не для работы над текстом, а для мировоззрения писателя:
Всякий, кто вас критикует, – работает на вас.

Как мы строим фразы?

Давайте после такого «базового» немного о языке, из которого строится произведение. Вообще-то о языке говорить проще всего, это начальный уровень, доступный почти всем, потому большинство редакторов, да и критиков, в первую очередь цепляется к языку произведения.

Проще потому, что это арифметика литературы, они ее хоть и с трудом, но все-

таки понимают. И в самом деле могут заметить и с торжеством указать пальцем на ошибку. Она заметна и доказуема. И хотя находятся упертые, что на «стрижено» все равно скажут «брито», но друзья же поправят: «Федя, ты не прав. Даже нам, малограмотным, видно».

Язык – это наше орудие, сказал Ривароль, пуская его в ход, следует позаботиться, чтобы пружины в нем не скрипели.

Теперь примеры.

О крайне низком уровне пишущего говорят предложения-нематоды. Или солитеры, так даже точнее... Так, щас я тькаю наугад во «Всемирную библиотеку», теперь наугад – в прозу... Так, вот середка какого-то романа... Привычная фраза: *«Он взял свои рыцарские доспехи и долго шел с ними по длинному залу королевского дворца к выходу»*. Эти две фразы, связанные союзом «и», называются, как уже сказал выше, предложением-нематодой. Абсолютно плоские, как ленточные черви, фразы.

Да, так пишет абсолютное большинство авторов, мы к этому привыкли и не замечаем. Но если кто-то хотя бы неосознанно избегает таких фраз, сразу же отмечаем их изящество и красоту. Хотя что там изящного? Просто без ошибок, и то уже хорошо.

Ту фразу можно сказать вроде бы так же, но иначе. К примеру: *«Он взял свои рыцарские доспехи, а портреты со стен длинного зала королевского дворца хмуро наблюдали, как он их нес к выходу»*. Портреты можно заменить статуями, вельможами, слугами, барельефами, даже стенами... Чуть выше классом, уже не единицу, а добротную двойку заслуживают фразы типа: *«Он взял свои рыцарские доспехи, долго шел с ними по длинному залу королевского дворца к выходу, поздоровался с королевой, бегом сбежал по ступенькам длинной лестницы, выскочил во двор, подозвал коня, сел на него верхом и поехал на фиг»*. Ну не на фиг, но поехал.

Такое однообразное перечисление вообще-то недопустимо, ибо фраза тянется, как ленточный червь, но только теперь, благодаря запятым, похожа на длинную гусеницу с ее сегментированным телом. Дабы фразу спасти, ей надо придать объем. То есть сказать то же самое, но бросать взгляды с разных точек. Например: *«Он взял свои рыцарские доспехи, портреты провожали его взглядами до самого выхода, королева ответила на поклон, ступеньки весело простучали под его сапогами, солнечный свет ударил в глаза, конь подбежал на свист, он сел на него верхом, мир рванулся навстречу...»*

То есть все то же самое, но приобретается некая стереоскопичность. А если убрать эти «свой», «свои», «его», уточнить, кто на кого сел, то и вообще станет приличнее. Уже на двойку с плюсом. А для публикации достаточно писать даже на двойку. Если же вытянете на тройку, то гарантирован неплохой гонорар и массовые тиражи, это уже топовый уровень нашей десятки «лучших».

Избегайте фраз-солитеров! Знаю, трудно, но избегайте. По возможности. Пусть не все, но побольше, побольше.

Тоже о языке, но уже с другой колокольни

Я уже говорил выше, что в литературе все нужно не в лоб, а некими хореографическими танцами пчел. Это не писатель, который напишет: «Рыцарь рассердился» или «Рыцарь обрадовался». Писатель создаст узор, скажет настолько иначе, что не будет упомянут ни рыцарь, ни его сердитость, но у читающего в мозгу вспыхнет яркая картинка именно рассерженного рыцаря!

Это, пожалуйста, выделите для себя отдельно, все-таки на этом держится литература. И где-нибудь запишите так, чтобы постоянно попадалось на глаза.

А вот теперь по поводу совершенствования в языке вынужден сказать и нечто противоположное. Хотя такое сказать трудно... Кошунственно даже! Ведь всякий, кто находит в книге погрешности в языке, тем самым как бы косвенно вопит во всю пасть, что уж он-то выше автора, умнее, грамотнее! Не просто вопит, а подпрыгивает и указывает на себя чисто вымытым, как ему кажется, пальцем: смотрите на меня! Только на меня!!! Я – грамотнее Шекспира!!!

Да, таких – тьмы и тьмы. Каждый хвастает перед таким же «грамотным»: вот,

смотрите, я у писателя Г. нашел неверный оборот, да и у писателя К., а что уж говорить о филигранности их текстов... Когда возникает дискуссия о языке, тут же эти эстеты начинают о Бунине. Помните у Маяковского в «Облаке в штанах» что-то вроде: ...когда начинают говорить, как был велик Пушкин или Данте, так мне кажется, что разлагается в газете огромный и жирный официант!

Говорят и говорят о замечательном языке Бунина, о тщательно построенных фразах, точных образах, гармонии глаголов и уравновешенности стиля... и прочих милых вещах, которые почему-то считаются основными... Честно говоря, я сам через эту дурь прошел. Ну, это сейчас называю дурью, а раньше считал, что язык – не только важное, а самое важное. Даже – единственное достояние литературы. Ну, максималистом я был всегда.

К счастью, я умею учиться быстро. Никто из нас не рождается с готовыми знаниями, но у одних переход со ступеньки на ступеньку отбирает месяцы, а то и недели, а у других – десятилетия. Я постигал литературное умение очень быстро. И успевал увидеть не только жилки на листочке дерева, но и весь лес целиком. А взгляд на лес... настораживал. Все эти эстеты, как попугаи, говорят о Бунине, но что-то странное, даже подозрительное в этом говорении! Попросишь такого назвать что-то из Бунина, тут же затыкается, словно получил кувалдой в зубы. Либо с трудом вышепчет: «Темные аллеи». Где-то слышал, такие же, как и он, называли! Вот труды Толстого, Достоевского или того же Шекспира – у всех у них язык хромает! – назовет увереннее. А с Буниным – облом. Почему?

Да потому что восприятие любого человека, пьяного грузчика или высоколобого эстета, остается восприятием нормального организма! Замечает сильные характеры, внимает новым идеям, с удовольствием погружается в новые темы, сопереживает Ромео и Джульетте. Психически здоровому человеку плевать, какой там вязью выписаны словесные кружева, если от сочувствия слезы бегут по морде!.. Бесконечное совершенствование языка – бег на месте. Даже если самый скоростной бег.

Конечно, определенный уровень должен быть у каждого писателя, иначе сильные натуры не изобразишь, но не станется ли так, что ухлопаете два-три десятка лет на доводку языка, а за это время нахлынет такой поток новых слов, заимствованных и сотворенных, что все ваши усилия коту под хвост?

Язык устареваешь слишком быстро. Дело не только в том, что никто из нас не в состоянии прочесть как древнее, но родное «Слово о полку Игореве», так и недавних Тредиаковского и Державина, а в том, что «Одиссею» читают и смотрят доньше!.. Повторяю: никто на всей планете не в состоянии оценить красоты языка гомеровской «Одиссеи». Возможно, там рассыпаны перлы, над которыми древний грек ржал во все горло, в урон своей эллинской пластичности, кричал: «Ай да Гомер, молодец, сукин сын!» – но это можно только предполагать. Текст в наличии, но сам народ эллинов канул то ли в Лету, то ли в Тибр, то ли в анус. Красоты языка, аллегории и метафоры, которыми уснастил поэму Гомер, давно гавкнулись, а мы видим только тему, идею, образы, мысли...

Понятно, над чем надо работать? Ведь Одиссей не мертв, в то время как давно околел его язык, как сгнули эллины – носители того языка. «Одиссея» породила множество клонов: те же рэмбы и всякие герои афгано-вьетнамо-чечено-сербо... вернувшиеся и не признанные в родном доме! И еще породит.

В литературе язык вообще устареваешь стремительно. Уже не только в Штатах «Войну и мир» переводят как «War and Peace», уже и вы считаете, что это верно! Мир в прежнем значении означал общество, забыли? Вы можете составить об этом мире представление по словосочетаниям «мирские заботы», «мирская суета», «мирянин»... То есть мир – это общество, обыденность, повседневность, в отличие от духовного мира, духовных забот.

Вы как понимаете эпитафию на могиле Сквороды, которую он придумал для себя сам: «Мир ловил меня, но не поймал»? Что он был ярим поджигателем войны? Или что люди ловили, а он, как быстроногий заяц, убежал?.. Сейчас бы он сказал: «Общечеловечность ловила меня, но не поймала», а «Войну и мир» надо издавать под названием «Война и общество», так правильнее, хотя, конечно, так длинно и уже не худпроизведение, а какой-то трактат на тему насильственной глобализации.

Да что там не понимающий старинные идиомы простой человек, если на уроке

литературы современная учительница объясняет детям: «В старину люди были гораздо чувствительней, их добрые чувства можно было пробуждать лирой, а это меньше рубля!»

Бесконечное совершенствование языка – бег на месте. Даже если самый скоростной бег.

Часть 3

И снова немного о базовом

Так, что-то уж очень много серьезного, и все по языку, все по языку, надо крутнуть штурвал в другую сторону. Нет, не к бабам, это потом, а сейчас вспомнил тут еще одно из базовых правил. Как уже говорил выше, намеревался, понятно, всю книгу строить по прямой, а мы все – инерционники, собирался расположить по классической схеме. То есть вначале базовое, затем о теме, идее... ну, как в школьном учебнике, затем про образы, характеры, а потом о всяких там прибабасах – языке, способах его чистки, обработки. Но это не учебник и... какого черта? Почему каноны, созданные в век гусиных перьев, должны оставаться канонами и в век компов? Я уже говорил: теория литературы – это не учебник по математике, где не освоишь интегралы, пока не овладеешь простейшим сложением-вычитанием. Да и деление-умножение тоже вроде бы обязательны.

Написанный текст можно не только править с любого места, но и... писать! А что? К примеру, редкую книгу профи начинает с первой главы. Если в черепашке вертится удачный эпизод, который хорош только в середине книги, что же, ждать, пока до него дойдет очередь?

Да не в том дело, что забудется, хотя все возможно, но утеряется свежесть, яркость, уйдут краски, доводы. Попробуйте описать, как вас в троллейбусе облаяли, через час, а потом – через неделю! Две большие разницы, верно?.. Крупная вещь практически всегда пишется кусками. Даже рассказ – ломтиками. Иной раз крохотнейшая юмореска пляшет от удачно придуманной концовки. Так что и это расположение материала вполне, вполне!..

Хотя, конечно, как говорят на рынке, возможны варианты. Если буду готовить другое издание, вдруг такое случится, можно будет поискать и другую форму.

В учебнике или инструкции, как и в любом художественном произведении, главное – подействовать на читателя. Как можно с меньшими усилиями заставить его принять то, что написано, дабы те силы, что останутся, направить на... Во завернул! Таких фраз, кстати, надо избегать. Как сложных, так и особенно вычурных и пышных. Они как раз говорят не об уме пишущего, а об убогости.

Умный способен пояснить сложное понятие на пальцах, а дурак и простую истину так завернет, что сто мудрецов вспотевут, как кони, разгибая.

Не только большой роман, но и повесть, рассказ, даже юмореску можно писать кусками: хоть с конца, хоть с середины!

Если хотите стать профессионалом – не попадайтесь

Кто-то скажет, что для писателя мой возраст еще не зрелость, а для дипломата так я совсем школьник младших классов. Но все же я успел пообщаться с многими писателями. Самыми разными. И вот хочу сказать вам, читающим книги, а также молодым писателям, которые еще не знают этих мэтров так же хорошо, как знаю их я: лю-ю-ю-ю-юди!.. Не верьте им! Дурят вас всех, дурят!..

Нет, про романы и повести молчу, не знаю. Там, может быть, все и правильно говорят. Я про неадекватность того, что вещается с трибуны перед читателями и говорится за столиком в буфете под коньячок, на даче, на рыбалке, словом, в теплом кругу друзей или просто сообщников, а мы все – профи – в чем-то храним свои общие профессиональные тайны, даже несмотря на яростную войну группировок, тусовок и даже друг с другом.

Так вот, одна из этих тайн: никто не говорит правды, никто из этих величаво рассказывающих с трибуны перед восторженными дурами о муках творчества, о внезапном озарении, о творческом процессе, когда якобы неделями мучается, не в

состоянии написать ни одной строки, а потом ночью во внезапном озарении срывается с простынь, бессонницей рваных, бросается к гусиному перу и стучит, стучит, стучит им по клавише, выдавая шедевр...

Вот пишу эти строки и вижу, с какой злостью смотрит иной автор, привыкший распускать павлиний хвост перед бабами. Я ж, гад, срываю покровы с такой тщательно оберегаемой тайны, выдаю цеховые секреты простому народу, да нас же, писателей, меньше уважать будут без такого ореола таинственности и творчества...

Чуть позже, получив в конверте за это шоу, он в буфете деловито рассказывает «своим», что встает ежедневно в семь утра, пьет кофе и садится за работу. Пишет по пять-шесть часов, потом перерыв, а затем снова пишет. Или пашет. Как токарь, как столяр, которому надо для нормы столько-то деталей, так и он отрабатывает какое-то количество строк.

Но – это для своих. А свои, тут же за столиком, деловито сообщают нюансы своих режимов: я, мол, сперва зарядку и обтирание холодной водой, а потом за гусиное перо, а я, говорит третий, сперва кофе, чтобы проснуться, потом зарядку, а затем лишь за гусиное перо. И не пять часов, а только четыре, но зато не позволяю мимо двери ходить даже жене и детям, чтобы не мешали, у меня каждая минута в работе...

И все мы понимаем, что на следующем выступлении перед лохами все будут рассказывать ту же красивую сказку о музе, творческом озарении и прочей фигне. Ну, хочется людям чудесного, хочется гороскопов, ясновидения, предсказаний, Бермудского треугольника, хилеров, восточных единоборств, тайн творчества, именно тайн, а не привычного распорядка работника труда, пусть умственного или творческого, но, увы, труда, а не оз-з-з-з-зарения!

Будьте трезвым профи, а не восторженным искателем чудовища Лох-Несс.

Еще одна распространенная гадами ложь...

В конце концов, писатель тоже в немалой степени шоумен. Ну а эта книга, как вы уже поняли, для тех, кто все же предпочитает скучноватую правду об этом увлекательном ремесле, где хватает и пота, и скучной черновой работы, но есть место и творчеству, и вспышкам озарения, на которых, увы, не только романа не сделать, но даже рассказа... но они тоже есть, есть, несмотря на общую прозаичность работы!

Не у всех хватает... и хватит клепки придумать самому сюжет, идею, героев. Даже выбрать тему не по силам. Но печататься хочется до свинячьего визга! Даже не для того, чтобы перевернуть мир и сделать его лучше, как должен мечтать каждый будущий писатель, а хотя бы чтобы увидеть себя, любимого и обожаемого, на страницах печати!.. Такой сразу ищет обходные пути полегче...

А что, думаете, только на рынке при покупке арбуза вам втирают очки? Или продажные журналюги? Политики?.. Как же! Среди тех, кто так красиво умеет говорить о вечных ценностях и неизмеримой мудрости Древних Знаний, – почти все брешут, за исключением одной-двух прибацанных овечек, случайно попавших в их волчью стаю практических хыщников.

В ход идет глубокомысленный бред, на который почему-то так легко попадаются лохи, что все люди во все века – одинаковы. Мол, природа человека все та же, меняется только одежда! Да-да, сам читал. Мол, потому-то человек эпохи Древнего Египта думает так же, как римлянин, а тот думает и поступает, как современный москвич или ростовчанин...

У кого-то за этим лапшеразвешиванием стоит жажда поскорее нахватать жабьих шкурок, у кого-то примитивная лень и нежелание рыться в источниках, познавать описываемую эпоху, а у кого-то – таких тьма! – откровенная дурость. Вот и прут по страницам исторических романов или исторической фэнтези стада героев, что ведут себя как тинейджеры с Тверской, а принцессы и всякие там княжны по моральным установкам похожи на шлюшек с той же улицы.

Именно эти втиральщики красиво и с отрепетированными дома перед зеркалом жестами утверждают, что в мире существует всего семь, пять, три сюжета... Все вы эти

басни слышали. Слыхали, слышали! И верили, есно. Такое свойство нашей психики – верить необычному. В голову не приходит простакам, что эти умельцы просто обосновывают свое право на примитивный плагиат. А те, кто это тиражирует... конечно, среди них и сами плагиаторы, но еще больше простосердечных придурков, что с восторгом подхватывают все из рубрики: «А знаете ли, что...»

Это в самом деле все интересно и необычно, а раз необычно, то западет в голову. Мало кто из таких эрудитов сможет сказать, в каком году Александр Невский разбил шведов или немцев или чему равно число «пи», зато про уйму зубов улитки и прочую дребедень запоминают крепко.

Такой же бред, но уже не безобидный, – про ограниченное количество тем, идей, сюжетов. Когда все уляжется, когда будут приняты законы, когда станем цивилизованнее, а нецивилизованных будут штрафовать даже за брошенную мимо урны на улице обертку от мороженого, то дойдет дело и до этих... пропагандистов ограниченного числа сюжетов, идей, образов, тем, как лоббистов плагиата.

А пока... Просто не ловитесь на эти трюки. Вы будете для них, Настоящих Воров, всего лишь ширмой, прикрытием.

Бросилась бы Анна Каренина под поезд в 2000 году?

Маленькое замечание...

Во многие простейшие вроде бы истины, изложенные здесь, трудно заставить поверить как раз потому, что все вы – начинающие, хотя некоторые из вас уже публикуются. Профессионал поверит уже потому, что либо сам дошел, либо вот-вот дойдет, уже созрел, чтобы поверить сказанному, однако начинающему трудно объяснить по причине, о которой говорил вначале. О необходимости дерзости и самоуверенности, доходящей до наглости! Что хорошо для самой работы писателя, плохо для его обучаемости.

Даже самый дерзкий и самоуверенный согласится, хоть и с неохотой, что дважды два равняется четырем или что вес в сто кг больше, чем в девяносто девять, но попробуйте ему доказать, что в его произведении слишком много слов-сорняков! Он тут же вам возразит о музыкальности фразы, об особом стиле, иной ткани и некоем ритме, который у него есть, а вот вы, тупой и нечуткий, не воспринимаете... Словом, наговорит много красивой и многозначительной лабуды, за которой для профи на самом деле ничего нет.

Однако же как-то учиться надо, где-то приходится смирить гордыню. Не все вы пока что умеете. Но смирите ее на время, скажите себе, что вот сейчас послушаетесь это старого хрыча, все-таки он профессионал и много дельных приемов нарыл, а потом я обгоню и его, и всех остальных на свете! И тогда уже они будут меня слушать!

Годятся все причины, чтобы заставить себя учиться, работать, строить, творить. Потом причины можно и отшвырнуть, но результат уже будет!

Неприятная тема, но – необходимая. Мат в литературе

Повбывав бы гадов! Но это мое личное. Но я вам рассказываю законы литературы, а не те, которым следую сам. В искусстве расстановки значков на бумаге есть правило, которое лично мне как серпом по одному месту, я супротив него всегда наперевес с вилами, но, что поделать, оно существует. На уровне тех же дважды два, когда не поспоришь.

Формулируется примерно так: любая словесная конструкция в произведении оправданна, если логически мотивирована. То есть любая ругань, любой мат, любая непристойность имеют право на присутствие в литературном произведении, если без нее образ неполон. Или если это помогает в раскрытии характера...

Но, конечно же, если можно обойтись другими средствами, то обходиться... нужно обязательно. У меня, к примеру, тридцать романов, но мата нет. Хотя изображал... всяких.

И все-таки, все-таки постарайтесь обходиться без этого плебейства, когда аристократ демонстрирует свою близость к конюхам.

В каком времени у вас действие?

Можно не сразу начинать с офилигранивания языка, но работать над ним надо всегда. До образа читателю еще надо добратся, но слабо или сильно пишет автор, ему видно с первой же фразы. Бывает достаточно прочесть первый абзац, чтобы понять, что такое убожество лучше стереть...

Да, по языку проще. И заметнее. Как читателю, так и самому пишущему. Кто-то из великих сказал: «Одному правилу следуй упорно: чтоб словам было тесно, а мыслям просторно». То есть вычеркивай к такой матери те слова из уже написанной фразы, без которых можно обойтись. Это самый простой и эффективный способ улучшить язык.

По правде говоря, половина умения писать держится на умении вычеркивать. Ведь умно пишут многие!.. Но умно написать недостаточно. Надо – ярко. Яркость достигается, кроме прочих приемов, еще и емкостью. Пословицы тем и сильны, что все лишнее убрано, остались только самые необходимые слова. Это запоминается! Это действует. Увы, вычеркивать трудно. Даже не потому, что непонятно, какие вычеркивать, какие оставлять. Просто – жалко.

Самая простая работа – это выпалывать и выпалывать слова-сорняки. Возвращаться, просматривать поле заново свежим взглядом и выпалывать еще. Все сорняки не перечислить, каждый пишущий тяготеет к разным, но есть и масса общих, таких как «свой» или «был», что пестрят в каждой фразе. Да и вредят эти сорняки не только тем, что мешают яркости.

Казалось бы, что неверного в написанном: «*Вошел человек. Это был мужчина высокого роста, одет был хорошо...*»? Но прицепляешься невольно: слово «был» по нормам языка адресует в прошлое. А что, сейчас этот вошедший уже стал, наверно, роста низенького? А то и вовсе сменил пол? А одет либо плохо, либо вовсе голый?

После того как работа закончена, начинается прополка. Сорняки, увы, надо убирать, убирать, убирать...

Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому

Это сказал великий Ларошфуко, и хотя не о литературе вовсе, но очень к месту и здесь. Да, опыт показывает, что умельцы языка абсолютнейшие импотенты, когда касается дело создания главного, чем сильна литература, – образов!

Ладно, о языке придется сказать еще, ибо ему придается значение не просто огромное, как он того заслуживает, а просто космическое, что все-таки перебор. Как-то в последнее время несколько раз попадалась ссылка на авторитет школьного учителя, который не принял какое-то сочинение современных писателей... А, собственно, почему мы должны слушаться школьного учителя? Литературный язык делают такие, как мы, а школьный учитель, как попка, повторяет малышне то, что устаканилось, выжило, уцелело от нашего словотворчества. Более регрессивной фигуры для новотворчества, чем школьный учитель, нельзя и представить, потому брать его сентенции за авторитет – извините...

Вообще можно бы, конечно, отгавкнуться чем-то вроде: писатель N вяжет крючком золотое шитье, а я клепаю танки. Или трактора, если кому-то танки не нравятся. И моим читателям плевать, что на броне видны следы от кувалды. У ажурно вышитой салфетки и у трактора – разное назначение, потому к их отделке – разные требования. Это тоже довод, но неполный. Упрощающий. Все гораздо сложнее. Но остановиться на этом надо, так как хорошо подобранные доводы, да еще по-барски сказанные снисходительно и высокомерно, могут вызвать у начинающего писателя комплекс вины и послать его в болото, хотя совсем рядом есть твердая почва.

Когда человек находит у какого-то писателя ляп, то этим прежде всего хвалит себя: какой я грамотный! Когда морщит нос и заявляет, что такого-то не читает из-за обилия

корявых фраз, то этим громко кричит, что вот я какой изысканный, тонкий, чувствующий прекрасное, замечательный, умный, гениальный, красивый, и вообще, все вы – тупое быдло, годны только на то, чтобы целовать меня в то место, где спина теряет свое благородное название. На самом же деле филигранный язык – это виртуозная игра на одной струне. Можно восхищаться таким скрипачом: как играет, как играет! На одной струне, а как играет! Но у скрипки не случайно четыре струны. Можно, играя на одной струне, встать еще и на уши – восторгу слушателей не будет предела. Но к искусству такая игра не приблизится.

Виртуозным языком чаще всего пытаются скрыть неумение... писать. Да, виртуозное владение языком – это доведенное до совершенства трудолюбие посредственности. Когда человеку и сказать нечего, нарисовать могучие образы не умеет, как и создать сильные или хотя бы заметные характеры, он до скрипа кожи вылизывает фразы, перебирает слова.

Предвижу упрек: сам изысканно писать не умеет, вот и гавкает на других. В... э-э... бессильной злобе ярится!.. Увы, не стал бы спорить, пусть у несчастных оставалась бы иллюзия, что они превосходят, что они – боги, а я где-то в грязи, не в состоянии поднять голову даже до уровня их подошв.

Честно, не стал бы спорить: нельзя отнимать у людей последнюю иллюзию, что хоть в чем-то лучше других. Иначе сопьются от безысходки и никчемности, а то и начнется стадное – двойное сальто с высоких балконов на асфальт... Но дело касается молодых ребят, которые учатся писать, потому вынужден сказать, увы, правду. А критики с большими желудками пусть с балконов, не жалко...

Виртуозное владение языком – доведенное до совершенства трудолюбие посредственности.

А нельзя ли пойти таким путем?

Но, казалось бы, почему не совершенствовать язык до тех пор, пока не искоренить все неточности, ляпы, корявые сравнения? Все-таки неуважение к читателю – выпускать роман с ошибками!

Нет, я не защищаю выпуск «недоделанных» романов. На такое кощунство никто не осмелится. Но аксиома и то, что любое произведение можно совершенствовать до бесконечности. А значит – всю жизнь писать один-единственный роман. И помереть, не дописав, так как писатель, в отличие от спортсмена, с возрастом не теряет мастерства, а все приобретает и приобретает. До последнего смертного вздоха!

Но чем чревато писание одного-единственного произведения, я уже говорил. Надеюсь, не у всех уши с дырой, кто-то да запомнил. Не хочу повторяться. Скажу только, что писатель должен писать много. Ибо язык можно совершенствовать всю жизнь даже в одном-единственном рассказе, а вот идеи, образы, характеры – только от романа к роману.

Пуанкаре однажды горько заметил: «Никогда еще я не закончил ни одной работы, не испытав чувства неудовлетворенности тем, как я ее отредактировал, или принятым мною планом».

А Монтескье так и вовсе сказал убийственное: «Моя болезнь состоит в том, что я пишу книги, а написав, стыжусь их».

Ну и что же, остановились они и вылизывали одну и ту же? Нет, понимали трезво, что, сколько ни работай наждачком и даже бархоткой, микроскопические трещинки все равно где-то есть, останутся.

Правда, тогда встает другой вопрос: почему в одном романе не сделать все? И язык, и образы, и стиль...

Да, теоретически достижимо. То есть написать языком Бунина, и чтобы в романе – шекспировские образы, толстовский размах, динамика Чейза, утонченность Чехова, философичность Камю... Но пока что никому ни в одной стране такое не удалось. Ни в прошлом, ни в настоящем. Побаиваюсь, что не удастся и в будущем. Крамольная, но здравая мысль: эти вещи несовместимы.

Впрочем, вам стоит попытаться это сделать. Даже если не получится, то с хорошего коня не стыдно упасть.

Спесь иного рода

Я везде с охотой подчеркиваю свою неученость, хотя, если совсем уж честно, признаюсь, это тоже спесь своего рода... Грузчик кичится университетским дипломом, а профессор – объемом бицепсов. Так вот, я везде предпочитал скромно упоминать, что я мастер спорта, но помалкивал, что в свое время был, несмотря на запрет властей, внесшей меня в «черные списки», принят по конкурсу на элитные ВЛК, то есть двухгодичные Высшие литературные курсы в самом Литературном институте. Выше для повышения писательского мастерства места просто не существовало. Думаю, не существует и ныне!

Принимались туда по большому конкурсу только самые талантливые и обязательно молодые члены Союза писателей СССР, лауреаты литературных премий, возраст до 35 лет, о которых уже точно известно, что все – крупные алмазы, которым нужна некоторая огранка, чтобы стали бриллиантами.

И хотя меня оттуда дважды пытались... за конфликты с маститыми преподавателями, строгаши висели по году на доске, но я ВЛК с блеском окончил. На семинарах профессора-лингвисты заносили на карточки мной придуманные или выкопанные в памяти слова, почти пару лет я блистал на ВЛК как виртуоз языка.

Но, овладев филигранным языком, не остановился, а пошел дальше. А что дальше? Дальше – образы, характеры, идеи. Увы, обычно – в ущерб языку, потому что вынужденно двигаешься дальше, оставляя авторскую речь, как и речь героев, недостаточно отшлифованной. Почему? Да просто не хочу участи Бунина, о котором многие слышали, но которого не читают. И уж точно мало кто назовет его героев, его идеи, образы, характеры.

Предпочитаю участь тех авторов, которые создали образы Одиссея, Айвенго, Наташи Ростовской, Гамлета, Д'Артаньяна, Обломова, Дон Кихота, Рахметова, Тараса Бульбы, Дон Жуана, Хлестакова, Изольды и Тристана, Уленшпигеля...

Ощущаете разницу?

Да, это так: литература – это не язык, а образы.

Кстати, проблемы перевода

Уж молчу, что виртуозы языка заранее отказываются от переводов! Но тут умолкаю, так как уважаю политические взгляды, если они есть. Возможно, эти люди – ярые националисты и не хотят, чтобы проклятые иностранцы читали их шедевры? Хочу лишь сказать, что немало произведений... не хочу указывать пальцем, при переводе на русский язык только выигрывают в языке! А переводят их как раз за образы, характеры, яркие идеи, новый блистательный сюжет...

Надеюсь, я сказал достаточно, чтобы вы наконец определили основное направление усилий? Так что у пишущего есть выбор. Язык – одна из струн скрипки. Совершенствоваться в языке – это овладеть игрой на одной струне. Скрипач, который намеревается достичь успеха в консерватории, а не в цирке, учится играть сразу на всех струнах.

Вроде бы ясно: «Одиссею» и «Слово о полку Игореве» переводят и читают не за красоты языка.

Так в чем же дело?

Вот чем, в частности, забиты прилавки книжных лотков

Поговорим о себе. У многих начинающих авторов от этого слова текут слюнки и чешутся руки, хотя прилавки и так заполнены этим самым добром. Но почему его так

много, а вы, дорогие друзья начинающие... или уже начавшие, признайтесь, тоже наверняка с него начали?

Дело в том, что пробуждение сознания начинается не с момента, когда ребенок начинает говорить или ходить в детский садик. Это пока что послушная клеточка большого организма семьи. Сознание пробуждается, когда ребенок начинает замечать, что не все так правильно, как он считал! С этого момента и начинается бунт против родителей, общества, то есть начинается осознание себя, отделение от мнения и взглядов мира.

Ребенок все начинает говорить наперекор: на белое – черное, на стрижено – брито, на классику – маст дай, на выброшенную родителями дрянь – рулез... Иногда даже угадывает, белое в самом деле оказывается черным, то есть незамысленный взгляд успел заметить раньше старшего поколения изменения или трещины в незыблемом фундаменте. Словом, резюмирую: очень долго еще будет длиться у вас этот период стеба и оплевывания... Справка: у 99% населения это до конца жизни, но мы о них не говорим, то лишь переносчики генетической информации от прошлых поколений в будущее, а вот вы...

Точно так же начинается и литературный путь. Сперва начинающий не в состоянии придумать дельное сам, стебается... или стебется?.. над всем, что в поле зрения. Остро высмеивает – он так считает! – политиков прошлых эпох, героев, полководцев, писателей и ученых, богов и дьяволов, по-своему трактует разные кульминационные повороты истории, всякий раз превращая этих героев в пьяниц, бабников, параноиков, идиотиков... это начинающий считает верхом своей литературной мысли.

Начинающих, естественно, намного больше, чем продолжающих, ведь в процессе естественного отбора многие уходят с писания книг в торговлю рыбой или водкой. Потому этих «шадеевров стеба» намного больше, чем книг, в которых говорится о чем-то серьезно. Но, конечно, не только поэтому. Как вы знаете, всем нам, даже очень умным и серьезным, гораздо легче стебаться над чем-то, чем выдвинуть умную идею, тему для обсуждения, создать образ, блеснуть собственным творением.

Да и что бы вы ни создали и ни придумали, сразу отыщутся умники, что начнут стебаться над вами... А так иногда хочется отойти от мишени, в которую стреляют, и самому попускать стрелы! Не важно во что: в Сталина, Гитлера, христианство, коммунизм, демократов, древних богов и богатырей... У нас эрудиции хватит, чтобы раздраконить всех и доказать, что все это маст дай и что только мы одни на свете умные.

Понимаю, что разбором стеба наступил очень многим на большую мозоль... Тем более вам, начинающим, что значит – молодым. В массе своей молодым. В оправдание и пояснение добавлю, что я сам, ессно, прошел этот путь. Детский стеб над всем и всеми, потом юмористика... это уже другое, надо придумывать свое, а не измышлять над тем, что создали другие, а затем медленное всплывание к собственным серьезным идеям, темам, сюжетам.

Потому в моем наезде на стеб нет ничего оскорбительного, чесс слово! Стеб – необходимый этап осознающего свою личность индивида. Просто стеб – самое легкое, что есть в юморе, самое низшее, самое доступное для любого подростка. Стебаться может каждый! Юморить – уже немногие. Сочинять серьезное – вообще единицы. Ну, в сравнении со стебистами, ессно. Или стебарями. Я просто деликатно... ну, меру моей деликатности вы уже знаете... напомнил, что на этапе стеба побывать всем можно и даже нужно, но задерживаться надолго... гм... все равно что задержаться в общем развитии. Тем более нельзя там оставаться на всю жизнь.

Сейчас, когда всем на все наплевать, причем – наплевать демонстративно, с гордостью, вот какие мы лихие, крутые, современные, для подпорки даже придуман такой тезис, что, дескать, «Дон Кихот» – не что иное, как стеб над рыцарством, ничего более, потому мы лишь продолжатели славных традиций и то, что срем в подъездах и пачкаем стены, это лишь продолжение, начатое великим Сервантесом!

Ни фига подобного. «Дон Кихот» писался с болью об уходящем прекрасном веке рыцарства, благородстве, что вытесняется вот этими, что стебуются над всеми и вся, что стараются опустить рыцарство до своего уровня, до грязи, в которой живут, да не будут

чистые и благородные им живым укором...
Взрослейте скорее!

Не стыдитесь, все с этого начинали. Или почти все. Но только не задерживайтесь надолго в коротких штанишках.

О себе еще вдогонку

Насчет смеха и стеба я уже сказал. Вообще у вас, как писателей, будет масса критиков по принципу: «Зелен виноград». Я имею в виду не профессиональных критиков, а огромную массу завидующих неудачников, которые не в состоянии писать сильно и ярко, заявляют, что они-де и не хотели опускаться до такого упрощенчества, они-де тонкие и одухотворенные, у них мало читателей (жена и теща), но зато тонкие, богатые душой и тонко чуйствующие, а это для настоящего художника важнее.

То есть они настоящие, а вот вы, которых уже приметил массовый читатель, – ненастоящие. Здесь очень важно не дрогнуть, не поддаться, не устыдиться, что вы, оказывается, не такой вот тонкий и изячный, и не пытаться писать «тонко и изячно», чтобы угодить этим эстетам. Заставив вас, слона, пищать мышинным голосом, они и силу слона превращают в мышиную.

Да, на воображаемой «золотой полке» у нас найдется место для одного-двух, а то и больше произведений в жанре стеба. И тиражи у них – иное произведение классика не наберет за все века издания! Но не надо путать значимость произведения с популярностью. Как ни послушно руководство Нобелевского комитета волосатой заокеанской руке, но и оно никогда не рухнет до такой глупости, чтобы кинуть премию пусть самому непопулярнейшему роману-стебу.

Да и сами вы должны чувствовать разницу между королем, что создает законы, начинает войны, перекраивает границы, и его шутом, что бегаёт следом и передразнивает, высмеивает, пародирует! Да, мы всегда с великим удовольствием слушаем этого шута, но все-таки, согласимся, разница между Александром Македонским и его шутом весьма и весьма.

Помните, вы – лучше всех! И вы всем это докажете своими работами.

Крылья бывают и бумажными

Я ни в этой книге, ни где-то еще не говорил и не говорю об издательском процессе, о способах втюхать рукопись, заключить договор повыгоднее и прочей ерунде, что волнует только заведомо слабого автора, который знает, что он слаб, и понимает, что навсегда останется слабаком.

Но вопрос о сроках сдачи рукописи к нему не относится, хотя и стоит близко. Ответ один: никогда не планируйте никакие сроки!.. Нет-нет, не сам литературный процесс, а сроки сдачи. У творчества такая особенность: сперва идет легко, пишется много, потом начинается рутинная работа, а в конце обычно автор с отвращением домучивает главы, то и дело отвлекаясь на все, на что удастся отвлечься на «законном» основании: сходить в булочную, чего никогда раньше не делал, вынести мусорное ведро, хотя это обязанность тещи, выгулять собаку или пойти помочь соседу помыть машину и прибить в прихожей вешалку.

Казалось бы, к творческому процессу это имеет отношение мало, то есть на него не влияет, но, увы, мы сами зачастую ставим себя в такие рамки, что начинаем спешить, ускорять работу: ведь пообещал же закончить к такому-то числу!

Поэтому, когда начали какую-то вещь и она у вас пошла, побежала, полетела... то не рассчитывайте, что если сегодня вы даете пятьсот, тыщу, две, три, пять тысяч знаков в сутки, то и через неделю у вас будет тот же темп. Но окрыленный новичок обычно сразу же прикидывает, что при таком темпе он за год напишет три, пять, семь книг. Начинает на это рассчитывать, а это уже опасно. Он может еще пообещать, а то и сболтнуть, что еще опаснее... так как попытается сдержать обещание, чтобы не прослыть пустобрехом... И вот пошли страницы серые, вымученные, пресные, вялые, пустые,

скучные...

Бывалый автор знает, что на книгу уходит всегда времени гораздо больше, чем кажется в начале процесса. Потому профессионал никогда не планирует... жестко.

К тому же проклятая особенность, знакомая всем профи, когда плановая книга вымучивается полгода-год, а неплановая пишется сама!

Никогда не обещайте точные сроки! Во всяком случае, пока у вас не будет с десяток книг. Тогда уже будет опыт...

Выбор аудитории... возможен ли?

Стоит сказать еще про выбор аудитории. Любой хотел бы понравиться всем, но нет таких оптимистов, которые на такое чудо рассчитывали бы всерьез.

На свете нет писателя, актера, музыканта, политика, ученого и так далее, который нравился бы всем. Увы, приходится довольствоваться частью аудитории. Большой или малой. Можно – средней. Можно также огромной или мизерной, бывает все. Нередко для расширения популярности автору приходится жертвовать качеством, за что злорадные критики тут же радостно возят автора тейблом по фэйсу, а то и фэйсом по битому стеклу. У слабого автора тут же отговорка, что, дескать, пишет высокоинтеллектуальную прозу, а простому быдлу этого не понять, потому такие крохотные тиражи.

Правда, в истории литературы немало таких неприятных для эстетов примеров, как, скажем, Шекспир. Постоянно его в пример ставлю, как вы заметили, ну, так это же Шекспир, а не Вася Пупыркин. Он понятен и самому тупому быдлу, но... такие случаи стараются обходить, не замечать, ибо возражать, увы, невозможно. Итак, на какую же аудиторию ориентироваться: на крохотную интеллектуальную или же на широкую простонародную?

В первом случае можно о себе говорить скромно, как про элитную звезду, во втором – жить на широкую ногу, наслаждаться известностью, покупать и дарить женщинам дорогие вещицы... Везде свои плюсы, но и свои минусы. Как поступить правильно?

Да просто плюньте на сам выбор аудитории! Просто пишите. Пишите сильно, пишите остро, пишите без оглядки. Вы – центр вселенной, ее мозг и одновременно ее душа. От вас зависит, как пойдет дальше развитие цивилизации, культуры, нравственности, религии, каким быть обществу, людям, отношениям между людьми!..

И что же, когда перед вами такая задача, которую вы, кстати о птичках, вполне способны решить, так не мелочно ли оглядываться на аудиторию, критиков, родню, власти, законы, мнение тусовок? Все это – временное, существующее только в данный момент.

Завтра будут другие власти, другие законы. Пишите на века, тысячелетия. От вас зависит, каким быть властям и законам через тысячу лет!

От вас зависит, как пойдет дальше развитие цивилизации, культуры, нравственности, религии, какими быть обществу, людям, отношениям между людьми!

Тонкости с аллитерацией и прочими бантиками

В последнее время очень уж часто говорят об аллитерации, о недопустимости двух слов подряд с одной буквы, мол, нарушается звучание фразы, сбивается ритм, стилистика летит к черту... Но так ли это?

В самом деле, нарушается ли? Сбивается ли?.. Да, безусловно. Но только для тех, что читает по складам, шлепая губами. Я, к примеру, достаточно грамотный, чтобы читать сразу целыми блоками. Думаю, что и вы тоже. Сейчас трудно найти подвижников, что читают, водя пальцем по строчкам. Мы же читаем когда по пять-семь слов, когда по десять, а иногда и абзацами – если текст не усложнен, шрифт удобен, а свет бьет не в глаза, а падает так это шелково на страницу.

Такая прекрасная вещь, как аллитерация, была изобретением тех неспешных

времен, когда читали по складам даже дворяне. А книга на все имение была единственная, как у иных сейчас сберегательная или кредитная...

Аллитерация и доныне заметна тем эстетам, кто при чтении водит пальцем по буквам и шевелит губами. Зато тем, кто живет в современном городе... Нет-нет, я не призываю всех в большой город с его стремительным ритмом! Многим не по силам, им бы на природу, в деревню, где коровки, овечки, удочки и твердая уверенность, что завтрашний день не будет отличаться от вчерашнего. Словом, решайте сами: кто вы и для кого вы.

Аллитерация – изобретение тех неспешных времен, когда читали по складам даже дворяне. Она и доныне заметна тем эстетам, кто при чтении водит пальцем по буквам и шевелит губами.

Идеи обезвреживаются только идеями

Красивая фраза «Я ненавижу ваши взгляды, но готов отдать жизнь, чтобы вы могли их свободно высказывать», приписываемая поочередно огромному числу деятелей, – абсолютно лжива. Именно в тех странах, где якобы родилась эта фраза, запрещено огромное количество книг, взглядов, идей. Возьмем самую известную – «Майн кампф» Гитлера. Только что ее запретили в очередной стране, «приобщившейся к демократии», вы слышали новости. Об этом сказано с гордостью, несчастные идиоты... А запрещение, как вы все понимаете, – это неспособность и неумение возразить. Идеи обезвреживаются только другими идеями, а не запретами.

Вы в состоянии генерировать эти идеи! В состоянии переубедить противника, а не просто заткнуть ему рот. Вы в состоянии из противника сделать верного соратника, если правильно расставите на бумаге буквы.

Конечно, для этого надо еще иметь новую идею, но самое смешное в том, что идеи приходят в головы и малограмотным в литературном плане, а те любую идею легко угробят неумелой подачей.

Если будете оглядываться на запреты, существующие в данный момент в данном обществе, то уже ничто великое не потянете! Или станете оглядываться на те приманки и подкормку в виде премий или грантов, что существуют опять же в данный момент и в данном обществе.

Пишите то, что считаете нужным. И то, как считаете правильным. «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца...» Имейте мужество или нахальство писать, не оглядываясь на мнение родни, критиков, давление придурков в Интернете... хотя если бы только придурков – было бы проще, не поддаваясь издательствам, что хотят скорый ходовой товар, не поддаваясь эстетам, что требуют писать для избранных.

Никому не поддаваясь! Вы – центр мира, мозг и сердце живой развивающейся вселенной, вы ее мысль, вы определяете, как ей развиваться, какой быть!

Писатель – вне политического строя, даже вне общества. Как пастух всегда вне стада.

«Писатель N пишет все хуже и хуже...»

Все мы не раз это слышали, кто в адрес громких имен, а кто-то и в свой, увы, бывает и такое. Более того, иной раз, читая произведение, что вызвало такой отклик, в самом деле ловишь себя на такой мысли...

Но всегда ли писатель действительно пишет «все хуже и хуже» или же это читатель что-то истолковал неверно? Читайте внимательно, многим из вас придется пройти по этой дороге!

Особенность писательского труда в том, что автор профессионально и за деньги ломает голову над какими-то, скажем, высшими нравственными проблемами. В это же время его читатель треть жизни вынужден отдавать службе, где ломает голову, как правильнее рассчитать несущую балку, а над нравственными проблемами ломает голову, если ломает, в оставшееся время. И если оно остается, конечно. Вот здесь и начинаются

ножницы...

Дело не в том, что писатель изначально умнее. Он просто дольше и старательнее над чем-то напрягает мозги, идет мыслью дальше, глыбже и ширше, а то и ширшее, углубливает, как говорил последний генсек, извилины, в результате чего автор быстрее читателя уходит по дороге, по которой старается вести и читающего. Читатель не успевает за таким быстроногим – и вот в результате, взяв с прилавка новую книгу, говорит с разочарованием: да, исписался... Какие книги выдавал вначале! А теперь бабки зашибает, текучка заела, вообще непонятную муть пишет...

Я себя скромно причисляю к тем, кто пишет все лучше, но, чтобы так уж не отрываться от тинейджеров, они ж тоже наши, время от времени пробую возвращаться и выдавать что-нибудь в понятном всем духе экшен. Уверяю, любой автор «умных» книг в состоянии писать и яркие динамичные вещи! Это просто. А если и говорит, что не в состоянии, то лишь от страха, что жена, дети, тещи и прочие станут нажимать, чтобы что-то такое написал и «всем показал», «утер нос».

Уверяю вас, невыносимо трудно сделать шагок назад! Для творческого человека это невероятно трудно. У некоторых на этой почве начинаются длительные и мучительные простои. Писать «умно» – это заранее идти на крохотный тираж и разочарование бывших поклонников, а писать боевичок – противно...

На насилие над обществом мы все хоть сейчас, а вот над собой... У меня высокие разряды слесаря по ремонту заводского оборудования (РЗО), высший разряд столяра, я чинил всю электрику и всякие там утюги, начиная от действительно утюга и кончая телевизорами, но едва стал профи в литературе, так с тех пор не забил ни единого гвоздя в своей квартире, не вкрутил лампочку, не заменил перегоревший шнур! У меня сразу портится настроение, когда надо что-то сделать по дому, как автор интеллектуальных романов кривится, когда ему советуют брать пример с автора модных боевиков!

Едва ли не единственный пример, когда такой вот автор изысканнейшей прозы, Владимир Набоков, чтобы отвязаться и доказать, написал простейшую бульварную вещицу, рассчитанную на низкие – и тем самым широкие вкусы... Я говорю о «Лолите», если кто все еще из танка не вылез. Набоков заработал на ней в сотни раз больше, чем за все «умные» романы, посмеялся, одержав победу, и... продолжал творить изысканнейшие литературные кружева, видимые лишь немногим!..

Так вот для читателей «Лолиты» Набоков после нее «исписался», «писал все хуже и хуже».

Наверное, путь Набокова верен. Нужно время от времени выдавать и книгу для самого широкого круга.

Довольно частая уступка слабости

Мне приходилось не раз видеть, что очень часто плохо прописанная вещь выходила в печать вовсе не из-за слабости или бесталанности автора. Особенно такого, кто уже показал себя хотя бы разок! И, конечно, не желание заколотить бабки причина, хотя читатели чаще всего объясняют слабость вещи именно жаждой заработать!

Вовсе нет, это как в спорте: кто научился прыгать в высоту на два метра, тот и дальше может брать эту высоту... если соберется, сосредоточится, сконцентрируется. Конечно, никто не против притока бабок, но все же авторы не столь меркантильные, чтобы ради лишней пары тысяч долларов губить книгу!

Но... они могут ее погубить или хотя бы немало подпортить по другой причине. Творческой, как ни странно. Дело в том, что роман – не рассказ, когда заканчиваешь... да где там заканчиваешь, еще до середины не доберешься, а в голову уже стучат три великолепнейших сюжета, четыре идеи и восемь удивительных тем, где можно развернуться во всей красе!.. Но не бросать же эту вещь на полдороге? Да какой полдороге, три четверти уже сделано! И так вот уже штук пять написанных наполовину и десять – начатых...

И вот автор, сцепив зубы, кое-как торопливо заканчивает тот роман, который совсем

недавно выглядел ослепляюще прекрасным, оригинальным, новым, обещающим, повергающим и тэдэ, и тэпэ. Наконец-то возьмется за настоящий, в котором сумеет выразить все, а себя показать во всей непомерной мощи!.. И все начинается сначала...

Что можно посоветовать? Во всяком случае, если вы будете видеть камни и ямы, подстерегающие вас впереди, а я на них указываю пальцем, приходится, то обойдетесь и без моего совета.

Предупрежден – вооружен!

Нигде, как в литературе, не проявляется в полной мощи правило: лучшее – враг хорошего.

Как насчет шуток, приколов, анекдотов?

Верно – в произведении, особенно в серьезном, можно, а иногда и нужно позволять себе шуточки. Иначе мозг устает очень быстро, восприятие читающего снижается. Шутка – это отдых, где вы за одну-две секунды отдыхаете так, будто полчаса любовались природой. Желательно, конечно, чтобы шутки были придуманы вами... но, положив руку на сердце, разве вы всегда рассказываете анекдоты, придуманные вами лично?

Как и в любом разговоре с друзьями, коллегами, даже с незнакомыми, вы иногда употребляете крылатые словечки, так же они уместны и в произведениях, иначе ваша литература не будет отражением действительности.

И все-таки отдельные крупинки юмора – одно, а сплошное юморение – другое. Любое безудержное юморение, стеб, хохмы – признак незрелости. Я уже говорил, как проявляются первые признаки взросления ребенка? До этого он смотрел на вас с открытым ртом, на такого огромного, сильного, всемогущего. Долго смотрел и считал вполне искренне сильным, большим и всемогущим. Но потом вдруг как-то случайно совершил для себя открытие, заметив, что кто-то из ваших друзей выше ростом. Вернее, видел это и раньше, но не сознавал. А вот теперь увидел и понял.

И после этого уже мчится лавина открытий, что вы – не самый сильный, оказывается, и что это у вас не так, и вот то у других лучше... И пошел-поехал детский бунт низвержения отцовского авторитета!.. Заодно и всего на свете. Быстро взрослеющего ребенка не устраивает ничего, он высмеивает и относится скептически ко всему, что видит, слышит, осязает, обоняет... То же самое в отношении политики, искусства, баб-с, заграницы, соседей...

В литературе то же самое. Долгое время ребенок смотрел на книжки, как на нечто не критикуемое, как на некую фундаментальную данность. И ревел, когда волк съел семерых козлят или Красную Шапочку. Но потом вдруг открыл для себя, что все это брехня. И пошло-поехало! Все авторы – дрянь, только вот господин N еще ничего, но и тот, если разобраться, – полное дерьмо...

Начиная писать сам, практически каждый начинает хохмить, пародировать, высмеивать, тем самым утверждая свое превосходство над теми, кого пинает. Высмеивается все: история, государственный флаг, политика, литература... а если взять, к примеру, область милой мне фэнтези, то здесь косяком идут рассказы и повести про пьяного Илью Муромца, про лаптеватых богатырей, что нашли компьютер, и т. д. и т. п.

Уже говорил, признаюсь, сам побывал в этом переходном возрасте, ведь начал как юморист, публиковался по всему Советскому Союзу, мои рассказы и юморески звучали по Всесоюзному радио и по «Маяку», запустил в обращение кучу ехидных анекдотов, получал всесоюзные литературные премии как сильнейший юморист... но когда повзрослел, то перешел в следующую стадию, когда отвечаешь на вопрос: ладно, высмеивать можешь, а вот самому что-то создавать слабо?

Однако, создавая свое, тут же попадаешь под обстрел таких же точно юных острословов. У некоторых, правда, уже борода до пупа, но по развитию, понятно, еще личинки. Им легче: критиковать и высмеивать готовое всегда проще. Но я сейчас говорю с теми, кто либо повзрослел, либо уже подходит к рубежу, за которым начинается взросление.

Можно, конечно, остаться на всю жизнь личинкой, ведь аксолотли живут и даже размножатся в стадии личинок, лишь немногие переходят в стадию амбистомы, то есть полного имаго, но все же, когда еще есть возможность вырасти... надо попытаться вырасти! Хотя, повторяю, в детских штанишках прожить легче. В жизни это называется шизофренией, но в литературе гордо именуется законами жанра!

Не задерживайтесь в детском литературном возрасте. Детей любят все, но кто с ними считается?

А как насчет особенностей... К примеру, в фантастике?

Да вообще странно, я ни слова о фэнтези или хотя бы о фантастике в целом. Как будто в фантастике другой алфавит! Или для ее чтения надо омарсианиться. У читающего фантастику такая же порция крови бродит по большому... или малому, не помню, – кругу, оmyвая поочередно мудрый мозг, горячее сердце и похотливые гениталии, как и у читателя классики. И потому приемы воздействия на читателя фантастики те же.

То есть правильно расставить кодовые знаки на бумаге. Если хотите, назовите их для загадочности рунами. Надо с помощью букв возвести мощное красивое здание, а кого туда поселить: фантастов, лавсториков или истористов, – можно решить потом...

Еще раз, потому что это очень важно: любая постройка начинается с изготовления кирпичиков. Будут кирпичи высокого качества, из них можно построить любой дворец... как и хлев, увы, но из хреновых кирпичей можно построить только хлев. Да и то до первого дождика. Язык и есть те кирпичики, из которых строится вещь. Когда я читал «Аэлиту», «Петр Первый» или «Хождение по мукам», я не чувствовал, где фантастика, где исторический, а где роман на тему Гражданской войны. Язык совершает чудо присутствия, соучастия: я изничтожил гада Тускуба на Марсе, прорубал вместе с Петром окно в Европу, метался между красными и белыми...

Половина моих книг в жанре историческом и «основного потока», но половина – в фэнтези. Возможно, потому, что фэнтези и есть самый древний и самый емкий жанр. Все эти видения и откровения древних жрецов, затем – христианских мудрецов, богословов, пророков – не из того же жанра? Все утопии, все религиозные и этические учения?.. Ведь где грань между видением, пророчеством, грезой и мечтой?.. Коммунизм был несбыточной грезой, потом стал мечтой, затем – учением, его даже взяли воплощать в жизнь! И чуть-чуть не воплотили. А сколько этих фэнтезей определяют нашу жизнь и донныне?..

Разве христианство, ислам, буддизм, вера в приметы, чтение гороскопов, соблюдение примет, правил этикета не относится к этому жанру?.. Но если брать конкретно книги, а то я увел вас в сторону, то в фэнтези наши желания видны по-детски откровеннее, без прикрас. Ну, вы ведь уже привыкли, вас не смешит, что есть удивительные миры, где графья ходят стадами, как гуси, баронов пруд пруди, герцог на герцоге сидит и герцогом погоняет, а уж насчет королей так и плюнуть некуда: обязательно попадешь в венценосную особу. Зато крестьян и всяких там простых нет вовсе. Бывает, появляются в случае крайней надобности, потом бесследно исчезают...

Если кто-то из нашего мира по какой-то случайности попадает в прошлые века, то непременно всаживается в тело графа, барона или герцога! Обязательно богатого, молодого, красивого, знатного, который владеет всеми видами оружия, знаком с магией, а подвалы забиты сундуками с золотом.

Да-да, эти удивительные миры – «наше прошлое». Или просто фэнтезийный мир, где атрибуты прошлого ну просто обязательны. Престолюдин там, судя по романам, повторяю, редчайшая редкость. По крайней мере, надо прочесть десятки романов, чтобы наткнуться на промелькнувшее упоминание о престолюдине. Зато горгон, драконов, вервольфов, троллей и прочих гномов – пруд пруди, но очутиться в теле престолюдина... нет, это было бы слишком большой удачей! И просто невероятной фантастикой.

В фэнтези вам тут же предложат отвести принцессу из пункта А в пункт Б, дадут в спутники уродливого гнома, дабы оттенял вашу красоту и силу, или же красивую

девушку... ессно, владеющую всеми видами оружия и так далее. А то гнома и девушку сразу. Ну, все понятно вроде бы?

Собственно, фэнтези все больше превращается из жанра, где авторы изощрялись в придумывании невероятных миров, в обычные грезы подростка, которому сразу дай волшебного коня, волшебный меч, непомерную силу и вообще все-все.

Попробуете удержаться на магистральной линии, то есть в создании собственных фантастических миров?

Нужна ли предельная точность в деталях, если речь идет

о художественном произведении?

Однако вот вы написали и даже издали роман, но тут же из рядов знатоков раздаётся знакомый клич: па-а-ачему меч героя заточен с одной стороны, а рукоять в семь дюймов длиной? Ведь известно по раскопкам и трудам известных раскопщиков, что в том веке мечи начали затачивать с двух сторон, хоть и не до конца, а рукояти делались не в семь с половиной дюймов, а только в семь!!! Неверно!!! Плохо!!!

Ну что сказать, ну что сказать? Я сам как-то попался на такие придирки. В «Троих из Леса» поменял сабли степняков на мечи, так как сабли у степняков появились намного позже, их изобрели и стали пользоваться, как мне подсказали, гунны. И вот я вымарывал везде сабли, ставил вместо них «мечи», и когда получалось, что меч на меч, то начинал вертеться как уж на сковородке, пытаюсь как-то достичь хотя бы прежнего эффекта.

Вообще-то ситуацию не стоит доводить до абсурда ни в какую сторону. Конечно же, мушкетер должен орудовать шпагой, рыцарь – мечом, а повар – поварешкой. Но читателю до лампочки, какая шпага: трехгранная, четырех- или шести-. Или же вовсе круглая по сечению. То же самое и к мечу. Писатель должен описывать ощущение от меча, а не сам меч! «Он взял меч, на рукояти осталось место еще для двух ладоней, а мышцы вздулись по всему телу от усилий не уронить...» Этим сказано иносказательно, что меч велик и тяжел.

Кому нужна точность – пусть читают справочники, энциклопедии.
Литература – это впечатление!

Идем дальше

Если же автор вместо передачи ощущения от меча в руке с точностью до миллиметра выпишет длину, сообщит точный вес и марку стали, то заслужит лишь похвалу от фидошей, но испортит текст. А с ним и впечатление, а значит – книгу. То же самое и к коням, попонам, стремянам, уздечкам. Описывая с похвальной точностью конский загубник, можете не углядеть героя. Или злодея, который подкрадывается со спины с ножом в зубах!

Да, согласен, нужно немалое нахальство, чтобы попытаться не обращать внимания на мнение «знатоков». Тем более без кавычек, действительных знатоков.

На вас будут нападки, будут обвинения в неточности. Слушайте внимательно, но помните: на всех не угодишь. Замечания принимать надо только те, которые работают на ваш роман. С помощью которых его можно улучшить. В любом случае ссылайтесь на англичан с их Эскалибуром!.. Да что там Эскалибур... Недавно по ящику увидел штуку покруче. Шла очередная экранизация подвигов короля Артура и его рыцарей Круглого стола. Так вот там пара персонажей – негры. Или, как теперь говорят, англичане афро-азиатского происхождения. Сэр Ланселот Озерный пока что еще не черный, но вот пара рыцарей уже чернее обугленных головешек.

Понятно, стирание расовых различий, то да се, но все же как-то дико видеть известных героев неграми, в ту эпоху на островах Британии не подозревали, что за их островом есть еще земли. А в Африке не предполагали о существовании Оловянных островов, то бишь Англии!

Политкорректность – уступка ханжеству. Не знаю, как вы с этим в жизни, но

в литературе – ни Боже мой, не смейте!

В литературе прошлое такое, каким хотим видеть

Мы знаем еще большую халтуру, созданную с поистине голливудским размахом! Не имея истории, славного прошлого, штатовцы умудрились своих вшивых и грязных пастухов представить крутыми и постоянно стреляющими героями! И с каждым годом это пастушьё становится все круче, шире в плечах и выше ростом, обладает уже нечеловеческой убойной силой...

И вот уже по всему миру идут эти вымытые всеми шампунями, стерильно чистые и белозубые ковбои, у которых скот пасется сам, навоза не бывает вообще, а они только стреляют с двух рук, никогда не промахиваясь. Поистине Штаты – страна с непредсказуемым прошлым! Но добились же! Уже не только самые недоразвитые верят в то, что такие ковбои были. Уже и полуразвитых удалось убедить...

Это к тому, что мы, как часть мировой цивилизации, не можем игнорировать закономерности, как говорят в Госдуме, и оставаться в стороне от мирового процесса и общемировых тенденций. Как сказано, а? То есть все врут о своей великой истории. Все ее переиначивают, как хотят, а хотят, понятно, себе предков покруче и с плечами пошире! И только Россия – уникальная страна, где своих предков стараются втоптать в грязь как можно глубже. И в дерьме утопить. И на могилах сплясать, на памятники наплевать...

Не надо дурью маяться, люди. Всем же ясно, что при дворе князя Владимира... это десятый-одиннадцатый века, воины были куда круче артуровских вооружены, дрались постоянно то с печенегам, то с ляхами, то всякие племена покоряли! А «рыцари» короля Артура... это пятый век!.. и вооружены гаже, и доспехи самопальные, из коровьей кожи, и дрались только друг с другом. Но если почитать художественную литературу, которую делаем мы сами, то нашампуненные рыцари короля Артура скачут в полных рыцарских доспехах восемнадцатого века, а наши герои все еще в звериных шкурах бьются каменными топорами!

Мы – часть мировой истории. В частности – истории Европы. Все-таки нужно заимствовать чужой опыт.

Так как все-таки: «правильно» или художественно?

К сожалению, читатель все глотает!!! Но если так, то не будем жить по двойным стандартам, которые ввел Петр Великий и которые потом поддерживались всеми властями, вплоть до нашего времени: иностранцам все лучшее, а себе объедки. То есть еще один довод, помимо литературного, почему можно не очень-то считаться с историей и ее летописями.

Боюсь, что этот непристойный довод окажется весомее, ведь многие привыкли смотреть на Запад как на образец. Там брешут, выставляя своих дикарей рыцарями? Так не будем же своих блестящих доспехами витязей в угоду Западу наряжать в звериные шкуры!.. Да и вообще... Во главу угла – результат. Что вы хотите достигнуть произведением? Вот и достигайте. Не обращая внимания на число пуговиц.

Да, живем на этой земле и среди этих людей... Других, в смысле лучше, – нет. Может быть, на Марсе?.. Но мы здесь, на планете Земля. Среди людей, которым еще миллионы лет карабкаться до совершенства. И выдавливать из себя раба, обезьяну, свинью, крокодила, медузу, амебу... Следовательно, приходится учитывать век и нравы. Что делать, нас обязали родиться в этот век и в этой точке пространства!.. Можно найти себе подобных и упиваться своим совершенством, но я предпочитаю поднять все человечество хотя бы на миллиметр.

Потому и надо ориентироваться на восприятие простого человека. Массового. О нем в самом деле надо говорить много и не по разу, так как вся литература, да все искусство зиждется на восприятии.

Кто этого все еще недопонял, пусть дальше не читает, а начнет штудировать

записи моих лекций сначала. Увы, приходится объяснять такие простые и понятные вещи! Но тем не менее будьте готовы, что после выхода любой книги десятки доброжелателей будут учить вас, как правильно изображать гранатомет, линкор или политику Монтгомери.

Как поступить? Да просто не обращайтесь внимания. Это в целом хорошие люди. Они искренне уверены, что если «изобразить правильно», то роман станет лучше. Ну, как, к примеру, когда начали выходить фильмы о Джеймсе Бонде, я помню, как покатывались со смеху наши разведчики и околоразведчиковые писатели. Заполняли газеты ядовитыми заметками, что это все нелепость, что за такое поведение любого разведчика выгнали бы в три шеи, что там ошибка на ошибке!.. И чтобы показать «как надо», было выпущено несколько убогеньких фильмов... Убогеньких, зато правильных во всех деталях. Где они?

А неправильные фильмы с Бондом и сейчас смотрят с удовольствием по всему миру. Когда я выпустил свой первый роман, такой читатель, перелистнув последнюю страницу и отбросив мокрый от слез платок, начинал торопливо строчить письмо с указаниями, как правильно изобразить политику России, как устроен автомат Калашникова и какой курс иены был в тот день в указанном регионе земного шара... Но на фиг мне это?

Читающий проливал слезы – вот главное! Он сам был готов со связкой гранат броситься под вражеский танк, только бы жила Россия, – вот задача, которую я, кстати сказать, выполнил! А «как правильно» – это для справочника.

Как правильно – это уже не литература.

Правильно – у вас, а не в жизни.

Признаки удавшегося романа. И неудавшегося

Вам будут постоянно писать и говорить, что в ваших книгах слишком много жестокости... или слишком мало, что хорошо бы губы Василия Петровича приставить к лицу Семена Моисеевича, а вот подбородок Автандила Гундаревича лучше бы Васе Пупыркину...

Это почему-то считается основой литературного анализа и вообще вдумчивой литературоведческой критикой: что добавить, что убрать или что исправить, дабы вещь стала исчо лучше. Честно, в детстве я сам так полагал, а на черном рынке среди таких же фанатов глубокомысленно доказывал, что если бы автор П. образ такого-то героя малость смягчил, а такого-то героя ужесточил, а мавзолей к тому же покрасил в зеленый цвет, то роман был бы намного лучше...

А в самом ли деле стал бы лучше? Если подумать? В самом ли деле пьеса «Ромео и Джульетта» стала бы лучше, если бы герои не погибли, а счастливо поженились, как в многочисленных дамских романах? Если бы Отелло не удавил блондинку, а занялся бы с нею безопасным сексом?.. То есть вы в самом деле уверены, что советуете правильно?

Конечно же, уверены. По крайней мере, девяносто девять процентов человечества уверены неколебимо и твердо. Но я обращаюсь к тому одному проценту, что сейчас заколебался. Это, конечно, нечестно – отбирать у литературных критиков кусок хлеба с маслом, нередко еще и с икрой, но все-таки скажу, что единственным верным критерием литературного произведения является его экспрессия. То есть подействовало на вас или нет. Захотелось ли вам хоть на минутку после прочтения этого романа сделать мир лучше?

А иначе получается невероятнейшая глупость: проливают слезы над одним романом, а затем в угоду услышанному мнению в своей тусовке расхваливают язык, стиль и прочие детали какого-то неработающего, но объявленного модным или авангардным механизма!

Удался роман или нет, можно судить только по одному признаку: подействовало или нет?

Все жанры хороши, кроме скучного. В самом деле, надо ли уходить в экспериментирование с формой? В науке говорят: даже отрицательный результат полезен. Он показывает, что в том направлении ловить нечего. То же самое и в литературе.

Так вот, давайте все же признаемся, что все эти акмеисты, постмодернисты, имажинисты, киберпанки, джет чуки и все прочие нынешние новые, что экспериментируют со словом и формой, что они – экспериментаторы. Результат пока что всех этих поисков – нулевой.

Но спасибо им за то, что искали. Другие, как стадо баранов, перли по пути реализма, потом – соцреализма, а теперь просто разбежались по сочному лугу вседозволенности, чтобы понятнее массовому читателю, ибо лучше получить по рублю с десяти миллионов, чем по сотне с тысячи интеллектуалов. Это, конечно, не значит, что в литературе ничего больше придумать не возможно. На самом деле где-то еще есть золотая жила...

Но, старый крокодил, понимаю, что на ее поиски можно убить не одну сотню лет, а жизнь намного короче. А что-то сказать хочется вот прямо сегодня, а не через сто лет. Так что вот вам карты, решайте сами.

Трудно искать там, где до вас искали тысячи человек. Но кто знает ...

У всех свои высоты, но только рекордсмен видит и другие вершины... сверху

Может показаться, что вместо того, чтобы поощрять к экспериментированию в литературе, я сразу же загоняю молодых авторов в довольно узкий коридор. Шаг вправо, шаг влево – попытка к бегству, и все такое.

Однако давайте признаемся, что есть тропки, по которым уже прошли другие, намного раньше. И уперлись в тупик. Но есть тропки, куда никто не ходил... Понятно, что лучше искать на неизведанных. Но насчет загоняния в узкий коридор... гм... Я в очень непростой ситуации, честно! Когда начинающий приносит свою первую рукопись маститому автору – это я о себе, но потом коснется и вас, так что слушайте внимательно, – то ждет, ессно, только похвалы. Как бы ни уверял, что примет любое заключение!

Вот тут и возникает та самая щекотливость. Я снова сравниваю ситуацию со спортом, где все так просто, так ясно. Вот начинающий приходит к мастеру и говорит, что он, к примеру, великий прыгун. Или силач. Мастер молча указывает на планку на высоте два метра или на штангу. Сам он, как уже известно, берет высоту в два с половиной метра или поднимает штангу в полтонны. Начинающий прыгает, прыгает, снова прыгает, но выше, чем на полтора метра, прыгнуть не может. Или не в состоянии поднять штангу в двести килограммов. Всем все ясно, в том числе и начинающему. Он точно знает, на сколько именно он отстает от мастера...

Не та ситуация в литературе. Щекотливость в том, что мастер точно видит, на сколько именно начинающий недопрыгивает, в то время как начинающий непоколебимо уверен, что он прыгает даже выше этого занюханного мастера! Ибо к тем разбросанным по бумаге буквам у него все время подключено собственное воображение, что дает другую картину, не ту, которую видят другие читающие.

Потому мастеру приходится особенно туго. Такой же начинающий у другого начинающего заметит одну-две ошибки, а в остальном все о'кей, но мастер заметит в себе. Потому не может сказать всей правды, это будет слишком... да-да, слишком. Это будет кувалдой меж ушей, если говорить очень мягко!

Чем выше мастер, тем более жестоким может быть его приговор... если не слукавит, не пожалеет новичка, не скажет лишь четверть правды, а то и вовсе смолчит про ошибки. Да и не в доброту дело. Новичок просто не поймет. Заявит, что мастер к нему придирается. А раз так, то какой он мастер? И вообще – пишет плохо, слог корявый. Сюжеты краденые, анекдоты чужие, герои – серые...

Тот, кто на малой высоте, о высоком судит по его подножью.

Может показаться, что я всячески подчеркиваю право сдавать в печать... невычищенные тексты. Не говоря уже о том, что у многих это вообще вызывает сильнейшие подозрения, мол, а умеет ли такой автор вообще писать... и вообще различает ли он текст вычищенный и невычищенный, но возьмем глобальнее – не входит ли это в противоречие с принципами культуры языка и литературы вообще?

Во-первых, как это ни звучит кощунственно, но культура языка и литература – это две большие разницы, как говорят в Думе. Культуру языка я оставляю специалистам по культуре языка, а я говорю только о литературе. Делает ли сильное произведение, над которым вы плакали и волновались, слабым неудачная фраза, невычищенный кусок текста? И связанный с ним другой вопрос: делает ли слабое произведение сильным безукоризненный язык, идеально вычищенные от сорняков фразы?.. Нет, не надо это гоголевское: вот если бы нос такого-то приставить к лицу вот того, а затем еще добавить брови вот этого господина!

Мы берем то, что есть.

Итак, что считать литературой вообще? То, что волнует, задевает, заставляет спорить и менять взгляды, или же ровное милое произведение, в котором ни сучка ни задоринки, все тихо и гладко. Ну, знаете ли, как вот если вы сидите на кухне с милым интеллигентным человеком за хорошо сваренным интеллигентным кофе, ведете интеллигентные беседы о культуре, о низком уровне масс, о быдле, над которым так приятно чувствовать полное превосходство и пинать его, а потом расходитесь очень довольные беседой и общением.

Правда, говорили как будто с самим собой, ничего не добавилось, не убавилось, но время провели приятно... Даже приятно во всех отношениях, если вы достаточно продвинутые в общечеловеческих ценностях. Да, это тоже считается литературой. На самом деле именно эти произведения и составляют основную массу литературы, а их авторы очень хорошо устраиваются в жизни, получают премии, позируют перед телекамерами, их называют Лучшими, Лицом Культуры, Совестью Нации и так далее.

Однако проходит десяток лет, становится ясно, что это вовсе не литература. Хотя ее авторы успевают урвать дачи, премии и пр. подачки со стола феодала. Их труды сдаются в макулатуру, и вдруг с удивлением обнаруживается, что Настоящую Литературу делают совсем-совсем не эти мелькающие на страницах газет лица.

Я понимаю, велик соблазн поскорее появиться на страницах газет! Велик соблазн поскорее угодить вкусам широкой публики, собрать гонорары, красивых женщин. Но все же постарайтесь сперва пойти по дорожке, которая приведет к Настоящей славе. Она труднее. А эта, когда для успеха надо всего лишь потрафить вкусам культурного большинства, никуда не уйдет! На нее спуститься можно в любой момент.

Спуститься – не подняться, это под силу всем.

Не опускайтесь до уровня «общего» вкуса. Вы – лучше, что бы вам ни говорили и как бы это ни говорили. Держитесь!

Кстати, очень распространенное опасение, что рукопись «украдут»...

Да, мне еще в самом начале литературного пути встречались ребята, что панически боялись отправлять свои рукописи куда-то в издательства или журналы, боялись даже относить лично... из-за опасения, что украдут!

Да, вот так просто возьмут и напечатают под своей фамилией. Эдакая завышенная оценка своих вещей. Дескать, все – шедевры, и крайне заниженная оценка чужих способностей, мол, все дураки. И плюс еще и все воры, только и думают, как украсть и на чужом в писательский рай въехать.

Сразу скажу, опираясь на богатый жизненный опыт: все, кто боится отдавать вещь в издательство – «а то возьмут мою гениальную рукопись и напечатают под своей фамилией», – безнадежны. Это уже клиника. Тот, кто пишет, не страшится: украдут эту – напишу десять других. В старинное время, когда в самом деле были рукописи, то есть написанные от руки, такое иногда случалось. Раз на тысячу присланных рукописей.

Скажу о себе: у меня за все время публикации по журналам и сборникам украли две вещицы. Но это – примерно на двести публикаций. А если учесть, что принимали не с первого захода, то процент потерь даже не один-единственный, а гораздо меньше.

Но совершенно другая ситуация в век Интернета, когда эта же «рукопись»... надо бы другой термин, отправлена, может быть, в десять других издательств, лежит на компах десяти друзей и выставлена на сайт в Интернете, где легко доказать как авторство, так и дату появления.

В плане обворовывания писатели сейчас самые защищенные люди на свете. Можно обворовать слесаря, банкира, министра, даже самого президента, но писателя обворовать невозможно. Все мое достояние – это тридцать моих романов. Эти файлы не только у меня на диске, но и в издательстве, где издают сейчас, есть и в издательстве, где издавался раньше. Лежат на сервере в Инете, разошлись на дисках по пользователям. Если воры вломятся в мою квартиру, они вынесут всего лишь вещи, то есть крохи, но не коснутся богатства, что обеспечивает мое небедное существование.

Так что из квартиры за время моего отсутствия могут унести разве что ерунду всякую: вещи, мебель, деньги, но не утащат мои файлы :-).

Не страшитесь придуманных призраков! У вас будут реальные препятствия.

Эпиграфы – брать или не брать?

Всем хочется, чтобы своя вещь выглядела как можно красивше. Потому многие начинающие старательно увешивают свои простенькие опусы множеством эпиграфов.

У многих потом переходит в привычку, дурную, скажем сразу, привычку. Все-таки эпиграфы – нечто сродни плагиату, когда на свой чурбан навешиваешь чужие кружева. Да плюс еще и костыли. Конечно, это сильно сказано: «сродни плагиату», мягше надо, понимаю, все-таки не плагиат это, конечно, а украшение, однако это украшение с чужого, как говорится, плеча.

Украшая свое произведение эпиграфами, вы тем самым признаетесь, что оно – хроменькое, убогенькое. Ну не может оно существовать без костыликов! Да и странновато выглядит эта ворона в павлиньих перьях, где после яркого и красочного эпиграфа идет серенький, как дохлая мышь, авторский текст. Эффект, прямо сказать, комичный. Во всяком случае, противоположный тому, чего добивался слишком уж изобретательный автор.

Старайтесь обходиться без костылей. Во всяком случае, ваши костыли видят и другие!

Новое в литературном деле: проверка грамматики и орфографии

Компьютерные технологии позволили не только быстро набирать тексты, но и, что для многих просто спасение, сдавать в издательства практически грамотно написанные произведения.

Это же так здорово: печатаешь себе, а оно подчеркивает красным, сигнализирует, что такое-то слово напечатано с ошибкой. Простейшие ошибки компьютер исправляет сам, ну там напиши я слово «сслово» или «сллово» – тут же исправит на «слово», в затруднительных случаях просто подчеркивает красным и по нажатию левой кнопки на мышке предлагает кучу вариантов замены.

Правда, услужливость бывает и назойливой, я вот только что писал в предыдущей книге про компьютер «Блю Джин», который создает компания «Майкрофост», так вот всюду этот услужливый дурак «Блю» исправлял на «Блюю», так ему, видите ли, понятнее. В то же время нельзя ввести автозамену: вряд ли слово «Блю» буду употреблять еще когда-то. Или чаще, чем «блюю».

Словом, в целом прекрасная технология, работать помогает здорово. Однако же, оставив орфографию, грамматику я отключил раз и навсегда. Что хорошо для старательного ученика школы или школьного учителя, убийственно для писателя.

Мне кажется, что программу для проверки компьютером грамматики составлял тот

же редактор, который всегда подчеркивает красным фразу с несогласованными частями предложения. Мол, ошибка! К примеру: «Вышел я вчера на улицу, иду по ней, и вдруг навстречу мне Петр Карамазов!» Здесь компьютерной программе и недоумку редактору не нравится, что в первой части предложения – прошедшее время, во второй – настоящее, а дальше вообще черт-те что, и он начинает черкать, руководствуясь своими убогими школьно-институтскими познаниями...

Помните, в вопросах грамотности вы должны быть не позади школьного учителя, а впереди. Вы должны знать не только нормы русского языка, но и то, что еще не стало нормой.

Так что плюйте на все правила, добивайтесь звучания фразы, эффекта!.. Фраза должна действовать на читателя. Все остальное – фигня. Правила, если они и есть, устанавливаете вы сами.

Школьный учитель – вам не указчик!

Нужна ли точность в описании?

Нет, скажем точнее: нужна ли в описании точность? Как вы уже знаете, в русском языке от простой перестановки слов совершенно меняется смысл. Не забывайте об этом или хотя бы вспоминайте иногда. Лучше – чаще :-).

Время от времени читаю романы о давних временах, вплоть до каменнопещерных, где древние и средневековые герои ох какие умные и деликатные, экологию берегут, пингинов спасают, равновесие в природе блюдут, зубы чистят пепсодентом, общечеловеческие ценности ухитряются блюсти со своими крепостными простолюдями, которых, оказывается, вовсе и не секут на конюшне...

Эти авторы ухитряются еще и свысока поглядывать на тех, кто изображает героев такими, какими те должны быть согласно эпохе. В средневековой Европе и короли были неграмотными и не имели привычки мыться! На королевских пирах посуду давали вылизывать собакам и тут же накладывали новую порцию каши с мясом... Этих придурков, мнящих себя гениями, которые говорят «новое слово», море. Но вы – не они? Вас, надеюсь, немного? Помните, большинство не право всегда.

Но в то же время нельзя перегибать палку и в сторону скрупулезности в деталях. Восприятие человека, как Восток, – штука тонкая. Помню, ребятней мы вслед за юным тогда Утесовым пели: «Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика, но и молдаванки и перессы обожают Костю-моряка». Прошли годы, и какой-то умник отчетливо растолковал нам, что слушаем не ушами, а другим местом: Молдаванка и Пересыпь – это пригороды в Одессе, где живет шпана, рыбаки да биндюжники, они же извозчики, и что надо петь «...но и Молдаванка, и Пересыпь...».

И сразу пропала большая часть очарования, ибо сознание дразнили эти таинственные перессы. И хотя каждый из нас понимал, что это не персианки... персианок мы уже знали по той единственной, которую Стенька в набежавшую волну, но при звуках этого непонятого слова перед глазами вспыхивали яркие и пахнущие восточными сладостями богатые гаремы, Гарун аль-Рашид, Али-Баба и пещера с сорока разбойниками, слышался рев боевых верблюдов и свист сабель из-за этих таинственных пересс... А оказывается, там всего лишь о местных Люберцах и Долгопрудном!..

Такие уж мы люди, читатели, нам нужна известная свобода для воображения. Не говоря уже о том, что излишняя детализация вообще раздражает, как четко видимая тюремная решетка. Все эти точности, которые «знатоки профессий» требуют от писателя, практически всегда неминуемо приведут произведение в могилу.

Держитесь на расстоянии от знатоков, что берутся вам подсказывать, а то и настойчиво учить, даже поучать, как «правильно».

Устоявшиеся глупости, но... устоявшиеся. Уже непоколебимые

Похоже, в моем сумбурном изложении основ литературной деятельности допущен промах... Надо было гораздо раньше сказать про устоявшиеся глупости, против которых

бороться... не стоит. Их массы, но возьмем только одну, постоянно бросающуюся в глаза. Для иллюстрации.

Во всех рыцарских романах, какая бы эпоха ни изображалась, рыцарь всегда в полных доспехах, шлем с опускающимся забралом и прочими наворотами, характерными для заката рыцарства, когда в руках их противников появилось огнестрельное оружие. Напоминаю, что полевая артиллерия была применена крестоносцами в битве при Грюнвальде, кажется, в 1442 году. К примеру, в знаменитом английском фильме «Эскалибур» рыцари короля Артура скачут в подобных сверкающих доспехах, хотя англичанам ли не знать, что «рыцари» короля Артура ходили едва ли не в звериных шкурах и бились каменными топорами?..

Однако в восприятии простого человечка прочно утвердилось, что если рыцарь – то обязательно в таких вот доспехах, что с головы до ног, каждый пальчик и каждая фаланга пальчика в отдельном доспешке, а сам рыцарь... ну, просто душка.

Если же автор рискнет показать в своем романе, что рыцари Круглого стола одевались согласно той эпохе, дрались тем оружием, которое было на самом деле, согласно опять же археологии, летописям и пр., то читатель почувствует себя обманутым. И то лишь в случае, если книга написана очень убедительно и талантливо. В этом случае читатель просто вас обругает и придет бить стекла в вашей квартире и поджигать вашу машину за оскорбление его чувств, святынь и пр.

А если роман будет на обычном уровне, то лишь отбросит в сторону, как «искажающий историческую действительность».

Возможно, эти устоявшиеся глупости – вовсе не глупости, а наше подспудное желание видеть мир именно таким и только таким? И любой другой вариант, пусть даже самый точный на взгляд историка, для вас неверен?

Ну и как писать: правильно или красиво?

Как поступать, ведь надо же правду?.. Гм... Это звучит кощунственно, но, простите, в самом ли деле надо? Если это научная монография – то просто обязаны. Если научно-популярный труд – тем более, детям врать просто нехорошо. Нельзя. Неприлично. Опасно для поступательного движения цивилизации. Но если это художественное произведение?

Чесс слово, здесь вступают другие законы. Какие? Первое – надо определиться, что вы хотите сказать своим произведением. Показать, как жили тогда люди? Верно, тогда в самом деле вы обязаны скрупулезно следовать археологии и летописям. Если же, к примеру, собираетесь воспеть любовь Ланселота к жене короля Артура, то так ли уж важно, какие доспехи носит Ланселот?

Однако предположим, что вы одели его в те доспехи, какие носили в те века. То есть вместо блистающего красавца на страницах романа выведен грязный... да-да, привычку мыться занесли в Европу рыцари после крестовых походов, позаимствовав ее на Востоке! – диковатый, абсолютно неграмотный, в доспехах из грубо выделанной кожи, с плохим мечом из сыродутного железа...

Уже вижу, как кривятся читающие: все воспринимают слово «рыцарь» только в одном значении: нашампуненный красавец с голливудовской улыбкой и манерами Д'Артаньяна. Весь в железе с ног до головы. Щит с гербом, на шлеме перья из редких птиц.

Читатель в шоке, все привыкли именно к оголливуженному рыцарю! Вы это понимаете и мастерски начинаете переламывать восприятие читателя, перевербовывать в свою веру, менять его представление, убеждать в своей правоте. Конечно, все это надо делать мастерски. Все! До последнего слова. До последней буквы.

Ведь надо переубедить не просто читателя, а перецеголять все те романы, которые были написаны на эту тему ранее. И на протяжении всего романа надо постоянно поддерживать этот новый образ, подпитывать его, дабы читатель не вернулся к старому, привычному, родному с детства.

И вот ваш роман написан. Мастерски, гениально. Допустим, что все приняли этот новый образ, что вообще-то маловероятно. Но все же 90% читателей, если не больше,

почувствуют себя обворованными вами. Обворованными подло и незаслуженно. За что унизили их славного Ланселота – зеркало всех доблестей?

А теперь самое главное... Ведь роман собирались писать о любви, войне и тэдэ. Какая, к черту, любовь! Вы плюнули читателю в самую душу. Он все равно возмущен и придет бить стекла, вы об этом уже знаете, так о какой любви к женщине может идти речь?.. Невозможно драться за душу читателя, перевербовывая его таким образом, и говорить еще и на другую тему. Пусть даже за любовь. Не получится о любви! Вот просто не получится.

Два арбуза в одной руке не удержишь.

Вы пишете литературное произведение. При чем тут правда жизни? Правда искусства куда важнее.

Еще один пример для любителей точности...

Для тех самых, которым надо очень подробно объяснять, как именно повязка сползла с головы на колено! Которым прежде всего дай точность в произведениях. Абсолютную правдивость!.. А то, что Айвенго так и не был узанан ни отцом, ни любимой, их не коробит. И то, что граф Монте-Кристо без всякой маски общается с людьми, его предавшими однажды, тоже нормально: не узнали!.. Любимая женщина, кот орая мечтала выйти и за него замуж, не узнала!..

Но если для произведения надо, чтобы отец не узнал родного сына, которого не видел всего пару лет, вот и не узнает! Надо для сюжета, чтобы леди Ровена час расспрашивала Айвенго о нем самом, но не узнала, – будет сделано! А ведь последний раз виделись и целовались от силы те же годик-два назад! Да и модные в одно время маскарады – смешно, когда лишь глаза чуть прикрываются полумасочкой, оставляя открытыми рот, нос, щеки, шею... Когда муж встречается на балу с собственной женой, кот орая лишь глаза прикрыла полумаской, а сейчас кокетничает с ним, а он ее не узнает!

Ну можно ли найти большую условность в искусстве? Он не узнает женщину, кот орую час назад мял в постели, знает глубину ямочек на щечках, подбородок и форму губ, вовсе не прикрытых маской, знает ее голос!..

Или если классики, то можно? Но они не родились классиками, тоже спорили с дурачем. А классиками стали потому, что шли своей дорогой, не слушая доброжелательных ревнителей справочников. Так что вывод: точность для произведения – обязательна. Всегда сверяйтесь с энциклопедиями. Справочниками. Картами. Точными моделями одежды и пр. необходимыми вещами.

Но!.. Если все это или что-то из этого хоть в малейшей степени повредит ткани произведения, то на фиг эту точность! Пусть ее ревнители читают справочники. Главное – произведение. Главное – взволновать душу читателя. Сделать человека лучше. А если стоит выбор: дать ему более подробное и точное описание «хорошо сбалансированного меча» или сделать читающего честнее и благороднее, то уж точно можно пожертвовать точными данными: пусть расходятся слюни на перелистывание справочника по металлургии.

Ладно, еще один маленький пример, уже не из области рисования словами, а кистью. Взгляните на шедевры величайших художников Возрождения! Вот Персей красиво сражает Медузу, вот святой Георгий тычет копьём змея – оба в полных рыцарских доспехах XVI века! Думаете, художникам знатоки не подсказывали, что Персея надо обязательно в легкой тряпке и с коротким ножиком, что тогда гордо именовался мечом?

То есть, подумать только, настойчиво предлагали рисовать благородных героев неотличимыми от простолюдинов!.. Стоит посмотреть на дебелых баб фламандских художников, т.е. Афродит, Венер и прочих терпсихор! Что же, Рубенс не знал, какие были эллинки? Ха, потому он и Рубенс, а не Ваня Пупкин, что знал, но делал по-своему.

Впрочем, многие художники слушались знатоков. «Знатоков» пишу без кавычек, так как они действительно знатоки, специалисты. Но знатоки в вооружении, местности или обычаях – еще не знатоки в литературе, живописи, человеческой психологии.

Да что долго объяснять, за нас говорит Дарвин: художники и писатели, которые

слушались знатоков и писали «правильно», где вы? Вымерли в процессе естественного отбора. Непослушные Рембрандты, Тицианы да Веласкесы – выжили.

Классиками становятся те, кто идет своей дорогой, не слушая ни критиков, ни доброжелателей.

Если закрыть глаза или сунуть голову в песок, враг не исчезнет

Хотелось бы обойти одну неприятную, очень даже неприятную тему, неприятнейшую, но если бы «обойти» значило «убрать», я бы это с великой охотой сделал. Все мы предпочитаем говорить о Высоком и Вечном, но, к сожалению, в нашей жизни есть не только это самое Высокое и Вечное.

Как ни печально, Высокого и Вечного встретится намного меньше, чем очень даже не высокого. Тема большая и прегадкая, даже не хочется ее и касаться. Но ведь если некоторые законы не преподавать дома, то их преподадут на улице?

Вы помните... или читали про времена, когда запятнавший свою честь тут же стрелялся. Достаточно было уличить офицера или чиновника, что передернули при игре в карты или присвоили что-то чужое, тут же уличенный удалялся в укромный уголок и пускал пулю в лоб. Или в сердце, кто как любит стреляться больше.

Теперь же настало время, когда воруй все, до чего дотянутся руки. Воруй прилюдно, воруй нагло, а когда тебя поймут, тут же в суд на обидчиков!.. Пришло золотое время адвокатов, судебных тяжб, юридических тонкостей. Но сейчас, в насквозь проюридизированном мире, осталась область, куда нога юриста почти не ступала. Где все еще по старинке надеются на совесть, на честь, на то, что чужое не возьмут, так как, ха-ха, «чужое брать нехорошо».

Это литературные произведения. Почему даже страшно касаться? Потому, что многие не воруют только потому, что не знают, какие сокровища там лежат. И которые можно воровать безнаказанно. И наживаться! Юридической защиты нет абсолютно. Нет, она, конечно, есть, но это как пьяненький сторож у ворот ликеро-водочного завода, который не открывает ворота машинам с краденым, зато рядом в заборе огромные дыры, через которые постоянно несут водку и коньяк целыми ящиками.

То есть воровать книги целиком нельзя – плагиат, можно под суд угодить, хотя что-то не слышал о таких процессах, даже отдельные главы нельзя драть слово в слово... можно под статью попасть, хотя самое страшное наказание в таких случаях – покачивание головой со словами: «Ну что ж вы? Говорят, это нехорошо...» Однако можно драть эпизоды, удачные фразы, мудрые находки и пр. С десяти книг по мотку ниток, вот и собственное произведение!

Не надо ссылаться на Шекспира, что, по слухам, якобы взял для «Ромео и Джульетты» некую повесть итальянского автора и сделал из нее пьесу, переделав совсем немного. Дело в том, что если даже это правда, то, напомним, в те далекие времена понятия авторского права просто не существовало! Всяк был волен брать чужое и не только переделывать, но и вставлять целиком в свои сборники.

Да-да, точно так же стихи, скажем, Ломоносова преспокойно разные сочинители вставляли в свои поэтические сборники, или стихи Сумарокова, даже Державина. И только Пушкин положил этому конец, став основателем и авторского права, ибо именно он обосновал недопустимость подобных деяний и доказал, что литература – это серьезно и относиться надо серьезно, так что воровство стихов – тоже воровство.

Не будем указывать пальцем, но и среди достаточно известных имен есть авторы, которые... не просто заимствовали, а брали по-крупному. Кто-то из них сразу начинал не со своего, скажем так, кто-то пробовал создавать шедевры с нуля, но не получалось, а публиковаться хотелось, вот и...

Но, как мы знаем, даже в наше насквозь проворовавшееся время, когда уже и не воровство вроде бы, а рынок, рынок, – многие все-таки не воруют. Почему же мы должны относиться к ворам с пониманием?

Где эта тонкая грань между плагиатом и заимствованием?

Конечно, на самом деле никто не свободен, как бы этого ни хотелось, от заимствований. Это и невозможно: если не брать, к примеру, характерные словечки и расхожие фразы, подслушанные в быту, то не удастся создать нужную атмосферу.

Когда описываешь быт хакеров, то пользуешься их сленгом, когда говорят старые профессора, то и сам меняешь язык... и так далее. Этот спектр заимствований начинается от использования ярких слов и услышанных в метро словечек до полного плагиата. С полным уже понятно, а вот как с неполным, частичным и прочими неприятными вещами?

УК здесь разводит руками, вопрос завис пока на уровне морали. А мораль понятно какая в последнее время... Но мы ведь пишем на века, не так ли?.. Имена свои стараемся держать чистыми. Ведь необязательно побывать в тюрьме, чтобы в приличном обществе не подавали руки, а за спиной называли вором!

В России автором закона об авторских правах является, кто бы вы думали, наш великий Александр Сергеевич. До него любой мог взять понравившиеся стихи другого человека и включить в свой сборник. Потом наступила эпоха революции с ее экспроприацией. Снова можно было брать чужое по принципу «грабь награбленное». Все, что принадлежало капиталистам, можно было брать и пользоваться. Сотни старых песен были переделаны в революционные, а понравившиеся книжки переписывались и издавались как свои. Например, «Приключения Буратино». Последний неприятный отголосок – переведенная достаточно вольно на русский язык повесть Френка Баума «Волшебник страны Оз».

Все это осталось безнаказанным, эти вещи преспокойно переиздавали, авторы и наследники пожинали богатые плоды подобного «творчества», так что еще удивительно, что по их стопам не бросились толпы таких же беззастенчивых золотоискателей! Похоже, наша страна, знаете ли, не совсем подлая!

Частичное использование чужого материала встречается гораздо чаще. Это перекройка чужих сюжетов, использование чужих повестей и романов как основы для своих. Что здесь сказать? К стыду россиянина, должен признать, что в России, которая никогда не была демократичной и где демократией пока и не пахнет, отношение к этому явлению ничего общего не имеет с моралью и совестью, а только с феодальной личностью.

Если Пастернака передерет Вася Пупкин, то Вася мерзавец, а если Пастернак Васю, то пусть Вася ему ноги целует, благодарит за честь. А если еще и присутствует некий подтекст вроде кукиша советской власти, а ныне – президенту, ах какие мы смелые, то публика вообще приходит в восторг и своему кумиру прощает все.

Тут как бы присутствует, что на войне не до соблюдения законов. Хотя, правда, непонятно, при чем тут автор, у которого воруют. К сожалению, любое преступление... даже проступок, оставаясь безнаказанным, порождает соблазн у нестойких духом. А, чего скрывать, мы все в какой-то мере нестойки.

Давайте, друзья, держаться. Несмотря на то что кто-то украл и его не посадили. Несмотря на то что кто-то украл и разбогател. Несмотря на то что кто-то украл, разбогател, а его даже не осудили вслух. Может быть, в самом деле не заметили... все еще не заметили...

Это не относится, понятно, к былинам, народным песням, анекдотам, шуточкам, колким словечкам. Их создавал народ, а значит – и наши предки. Так что мы имеем право на свою долю наследования, вот и пользуемся. Но автор, который своим умом, трудом и бессонными ночами что-то создавал, на что тратил силы и жизнь, – он нам не родственник. У него брать все-таки права не имеем. Как бы ни оправдывали свое заимствование, но все-таки понимаете, что берете чужое...

Конечно, весь мир бардак, а люди – твари, но все-таки нельзя воровать даже у тварей. Просто нельзя, без всякой логики. Нехорошо. Неэтично. Недостойно. Конечно, читая романы других авторов, можно попасть под обаяние образов, тем, сюжетных ходов. Можно даже не удержаться и позаимствовать какой-то ход, но в этом печальном случае все-таки надо обогатить и обязательно сделать лучше.

Именно из-за этого иному при советской власти прощались... не буду указывать

пальцем, в какой-то мере уж очень чрезмерные заимствования из других авторов. Но все же лучше этого не делать. Тогда было хоть какое-то слабенькое оправдание: они-де боролись с тиранией советской власти! А для этого, дескать, все средства хороши...

У вас этого оправдания нет. Себя, конечно, можно оправдать в любом случае, но оправдают ли читатели?.. Вы сильные, ребята! Пишите сами. Свое.

Не надо искать эту грань между плагиатом и заимствованием. Лучше держаться подальше даже от грани. Ведь дерьмо пачкает не только прикосновением, но и запахом, видом, близостью.

Как заставить читателя сочувствовать парню в белой шляпе, а не в черной?

Ладно, как сказал Маяковский, героям достаточно воздали дани, теперь же поговорим о дряни. Или, скажем иначе, об отрицательных героях. Отрицательные – необязательно дрянь, но все-таки раз уж не положительные, то с их изображением в произведениях есть свои интересные особенности.

Нередко молодые авторы спрашивают: почему у них хорошие герои получаются такими неинтересными, а всякая дрянь – ну просто картинки? Если бы только у одного, а то у всех та же беда...

Мне кажется, что я говорил раньше, но это было давно, несколько лет назад, так что повторю. Одно из обязательных требований литературы – не отождествлять себя с героем. Не влюбляться, что свойственно всем начинающим писателям. С холодной беспристрастностью выбирать только то, что надо для интриги, сюжета, обрисовки образов.

Если надо, то позволять его бить, топтать, даже бить сильно, хотя, понятно, этого автор делать ох как не любит! Конечно, не увечить, это же видно по всем фильмам и сериалам, где мелкие злодеи толпами погибают в момент, когда в их сторону пару раз пальнут из лука или пистолета, но герой, получив всю обойму в упор, будучи сбитым тяжелым грузовиком и вдобавок попав под каток, встает помятым, но с оправданной жаждой мщения!

Но даже в самых дешевых и непрофессиональных голливудских поделках герой вовсе не супермен! А если и супермен, то находится еще суперменистее, кто долго его бьет, таскает мордой по битому стеклу... царапин нет! – и только ценой нечеловеческих усилий или особой хитрости герой все же на последнем издыхании побеждает... Уф!

Да, героя нужно время от времени либо бросать в камеру пыток, позволять обижать, чтобы дальше его жестокая расправа над мучителями выглядела оправданной. Если бы, скажем, Чак Норрис, который сейчас победно идет в бесконечном сериале, выйдя на улицу, начал молотить руками и ногами прохожих, это вызвало бы к нему неприязнь. Но когда ему врежут по морде, а его подружку в который раз почти изнасилуют, порвут на ней блузку, то даже самая мирная монашка в моменты сладкой расправы кричит: «Да что ты его арестовываешь? Убивай на месте!»

Это стандартный ход, его видно на всех кассовых фильмах, пример – «Рембо», в мировой литературе – самый первый из ремб – Одиссей. Прием в том, что героя три четверти произведения бьют, топчут, обижают, он сам то и дело стучается мордой о дверь, ничего не понимает...

За это время читатель успевает проникнуться не только сочувствием, но и наполниться жаждой от мщения. А потом, когда герой идет крушить мерзавцев, что пьют и гадят в его доме, да еще хотят его жену Пенелопу, то мы не только оправдываем избиение пятидесяти женихов, но и жалеем, что сами не попинали их трупы ногами.

Вывод: благополучный герой – неинтересен.

Наверное, потому, что мы сами не совсем... благополучные, потому и герои должны быть, мягко говоря, понятны нам. Близки. Нам и читателям.

Герой ли маленький человек Достоевского?

Еще пару слов о хорошести героев. Нас так долго при советской власти заставляли

говорить о наших великих предках только хорошее, что с той поры, когда стало «можно говорить все», до сих пор все шарахаются в другую крайность!

Обгадить их всех, толстых сволочей, которые царствовали, водили в походы, изобретали, мыслили, писали... Да и не только о предках. О современниках тоже только хорошо. И обо всем вокруг. Только о Западе можно было плохо, а вот про нашу Великую Родину... Но вот после навязываемого сверху Чернышевского, ох эти школьные программы, победно пошел ма-а-а-аленький человечек, которого воспел Достоевский. С его ма-а-а-аленькими страстями, которые страстями назвать – до глубины души оскорбить шекспировские страсти.

У меня от Чернышевского остались воспоминания, как о строителе хрустального дворца будущего. Стерильно чистого, сверкающего, блистательного, где и люди такие же чистые, нашампуненные, вымытые, с начищенными зубами, все в смайлах, только смеются и поют, поют, поют... В то же время хорошо помню, как Достоевский писал затравленно, что вот не хочет он жить в хрустальном дворце! Что, когда всех начнут переселять в хрустальные дворцы, он спрячется в грязном подвале, будет жить с крысами, а потом наберет бульжников побольше и погрязнее да ка-а-а-ак начнет швырять в этот хрустальный дворец!..

Да что там, мы все понимаем героя Достоевского, еще как понимаем... Ломать – не строить. И проще и приятнее. Самому вымыться труднее, чем обрызгать грязью другого. А когда это кидание грязью еще и приветствуется, когда за это платят, когда за это платят больше, то удержаться ох как трудно!..

Косяком пошли разоблачения, статьи, а потом и романы, где все и вся заполнено грязью, дерьмом, где герои не просто антигерои, а вообще мелкое дерьмо.

А если нужно было коснуться священных имен, ну, там того же Достоевского или Чайковского, ну какое начиналось смакование, кто из них какой гей подориентации! Да и читается чернуха не в пример лучше. Все-таки, читая, какой такой-то великий был, оказывается, сволочью, читатель как бы гладит себя по голове: а я не такой, я лучше. Или чаще: ну, он тоже не лучше...

Увы, все эти шараханья из стороны в сторону – не литература. Ни та, когда всем пририсовывали ангельские крылышки, ни эта, когда все в дерьме по уши.

Литература не прощает шараханья из стороны в сторону. Пишите как есть, а не подстраиваясь под сегодняшнюю конъюнктуру.

Давайте признаемся, что сейчас авторы сильнее...

Но разве Пушкин или Достоевский не создавали безукоризненных героев? Вроде бы у меня концы с концами не сходятся, если очень уж не присматриваться.

Хорошо, когда у большого писателя есть поклонники, но эти люди становятся опасны, если получают доступ к рычагам, прессе, массмедиа. Самоотверженно и бескомпромиссно они пытаются навязать поклонение своему богу. А в нашем мире, когда всем все по фигу, крохотная группка фанатов может хоть Зимний дворец взять, хоть Васю Петькина встатить на пьедестал. И вот тогда этот в самом деле великий человек становится Величайшим и Непревзойденнейшим.

Разумных людей это, понятно, раздражает, морщатся, но разумность у них почему-то идет рука об руку с нихренанеделаньем. Толстовцы такие вот, непротивленцы. В отличие от истерических дураков они-то знают, что любое достижение человеческой мысли, духа или мышц перекрывается новыми достижениями. Знают, но супротив устоявшегося мнения идти не решаются. Уже решено, что это неинтеллигентно. Кем решено? Неизвестно, а спрашивать неприлично. Так принято! Увы, все течет, все меняется!

Хотя почему «увы»? К счастью. Иначе не было бы прогресса. Но если в спорте не поспоришь: сто килограммов на штанге современного штангиста это сто, а не семьдесят на штанге чемпиона прошлого века, если современный автомобиль развивает скорость больше, чем рекордное авто начала века, то в искусстве, где вроде бы нет четких стандартов, время словно застыло.

Произведения великих мастеров объявлены непревзойденными. Как в живописи, так и в литературе. Хотя, конечно же, это не так. Как ни печально это признавать писателю, но как он пишет лучше мастеров прошлых веков, так и в следующем столетии будут писать лучше его. Это если трезво, без истерики... Да, Пушкин велик как никто в свое время. Он первым ввел в обиход русский язык, этого нельзя забывать! Ведь в так называемом высшем свете России говорили только на французском. Точно так же, как за полсотни лет до того – на немецком. Да, в той же России. Потому Данте и велик, как никто из итальянцев, он первым написал вещь на итальянском языке, но только дурак или обманщик будет утверждать, что поэты двадцатого века уступают Пушкину или Данте.

Потому нетрудно строчить продолжения под Пушкина, Лермонтова, Толстого, как делают борзописцы. Необязательно эти сиквелы слабее! Пусть даже на том же уровне. Точно так же подделки под Тициана или Веронезе приходится отличать только с помощью спектрального анализа, что говорит только о том, что современный художник средней руки рисует лучше мастеров тех времен. Но, простите, уровень конца XX века намного выше уровня людей прошлого или позапрошлого! Честь им и слава, что в то дикое, невежественное время сумели создать такие произведения! Но соревноваться с ними – это то же самое, что гордиться тем, что удалось побить рекорд первых Олимпийских игр! Дружок, превзойди современные нормы...

Сейчас все еще кощунство сказать, что Проскурин или, скажем, Астафьев по языку и образности выше Бунина или Набокова. Те овены ореолом мучеников, а эти – подумать только! – коммунисты. Но что делать, в литературе не так все ясно, как в математике. Однако все же есть критерии, по которым видно, что Астафьев, Проскурин и даже ругаемый всеми Бондарев – опять же ругаемый не за литературу, а за председательство над Союзом писателей СССР! – они выше по классу литературы, чем уважаемые классики тех лет. Увы, даже того столетия. Не календарного, а того неспешного, когда книги читали в кресле на веранде собственной помещичьей усадьбы, когда из Петербурга в Москву месяц с лишним... А то и заставляли крепостного читать, дабы не утруждаться.

Бунин выгранивал каждую строку, а Астафьев еще и выгранивает каждое слово в этой строке. Он настолько красочен, что, любясь каждым словом, оборотом, метафорой, чувствуешь физическое наслаждение, восторгаешься так, что уже не важно, как и чем закончится повесть, настолько ярко, четко, профессионально.

И все-таки мало кто наберется смелости сказать, что язык Астафьева ярче бунинского.

Вы должны это уметь признавать, иначе останетесь в том дремучем веке, когда потолком были вещи Бунина, Тургенева, а то и Третьяковского.

Сколько в русском языке времен?.. А двадцать девять не хотите?

Вдогонку, раз уж речь зашла о таких мелких кирпичиках, то вскользь упомяну о таких тонкостях, что будут доступны вам много позже. Много-много позже!.. Всего несколько слов о временах, которыми писатель должен уметь пользоваться лучше, чем депутат или член правительства. Взглянем на **прошедшее время**. Итак:

Прошедшее длительно повторяющееся, давно прошедшее: хаживал, куривал, любливал, пивал... Записали?.. Дальше – произвольное мгновенное энергичное: приди. Запоминайте, запоминайте, можно и выписать, потом будете пытаться применить... Императивное – приходил, результативное – пришел...

Прошедшее время может быть как совершенного вида – махнуть, так и несовершенного – махать. Записали? Есть произвольное – и махни, произвольное – мах... рукой, к примеру. Давнопрошедшее – махивал, начинательное: ну махать... Многовато? Да, начинающему это ни запомнить, ни использовать. Я это только для того, чтобы поняли: я вам пока что предлагаю только базовое. И то, чувствую, у многих голова пухнет и тоска зеленая в глазах. И все симпатии к этим, которые так хорошо и сладко поют, что учиться писать не надо, это само...

Ладно, для тех, кто еще может учиться:

Из **настоящих времен** стоит упомянуть пока что не больше двух: общее – планеты обращаются вокруг Солнца, Вселенная расширяется, и тому подобное, и активное – она красит губы, орел со мною парит наравне, а из **будущего** тоже пару времен для начала, но на самом деле русский язык очень богат, времен в нем двадцать девять... Итак, совершенное – махну, несовершенное: буду махать. Еще раз предупреждаю, это уже филигранная доводка, на которую мало кто решается. Мало у кого остаются силы и время... а надо еще выдержать давление издательств, родни, читателей и особенно пустого кармана!..

Понимаю, почему у вас такие вытаращенные глаза. Никто никогда, ни в школе, ни в вузах не говорил вам, что в русском языке времен больше, чем эти школьные три: прошедшее, настоящее и будущее, а здесь я столкнул вам на головы такую лавину!

Не забывайте повторять старые уроки:

К филигранной обработке приступать тогда, когда произведение вычищено до блеска. А это такая редкость! Приступать, когда с деревьев уже сняты все таблички с надписью «Дерево», когда есть сдвиг в характере главного героя, а это единственная мера таланта!

Деление на жанры

Как известно, кроме таких слов, как «проза», «поэзия», «фантастика» и другие, встречаются и такие вроде бы понятные, как «комедия», «трагедия», «драма».

Почему вроде бы? Разве с самого начала не понятно? Еще со школьной скамьи застряли между ушей эти названия. Что-то даже навязло в зубах, несмотря на нелепость определений.

Но в чем разница между этими жанрами? Понимаю, велик соблазн сказать, что комедия – когда смеются, драма – когда страдают, а трагедия – когда погибают! В смысле, главные герои, а мелочь вообще не в счет. Да еще желательно, чтоб погибали в красивых позах и с высокими словами на устах. Я сам учился по таким учебникам, и сейчас ничего в них не изменилось.

Бред, бред полнейший. Из той оперы, когда опрятная домохозяйка в ужасе называет трагедией, если разобьет чашку. Увы, герои могут погибнуть все, но это еще не трагедия.

Но... что тогда трагедия? А трагедия – когда обе стороны правы! Даже древние греки это понимали и пользовались в своих пьесах. Кажется, в «Антигоне» царь велит казнить героя и строго по закону бросить его труп непогребенным. Кто похоронит преступника, да примет смерть. Его племянница Антигона тайно хоронит брата, а когда ее уличают, с достоинством отвечает, что хоть поступила противозаконно, но человеческие законы не могут отменить законов более высоких, установленных богами...

Не правда ли, современно: по закону или, напротив, по совести?.. Царь в ужасе, но вынужден замуровать свою любимую племянницу в пещере, ибо царь должен подавать пример послушания закону, на этом держится любое демократическое общество. Не правда ли, современно?.. Итак, вот верное определение трагедии: когда обе стороны – правы.

Правда, сейчас с трагедиями негусто. Обывателю жаждется счастливый конец. А заокеанская страна обывателей породила целую индустрию с этими «счастливыми концами»...

А чтобы было веселее, вдобавок герои там постоянно бросаются тортами, то и дело поскальзываются на банановых корках и долго хохочут над пинками в зад... Литература – лицо страны. Странно, если бы при больном желудке всей страны не выступали прыщи на морде.

На поприще литературы, то есть сейчас, когда рухнули финансируемые государством институты литературоведения, наступила золотая эра пиратства в книгоделе. Печатать можно все, а значит, и писать можно все. Даже с грамматическими ошибками, ведь крупное издательство должно выпускать что-то около ста книг в месяц.

А пока профессиональные писатели все еще проливают слезы о падении нравов и не хотят «пачкать руки», бойкие мальчики вовсю строчат романы. С грамматическими ошибками, не обращая внимания ни на какие литературные законы... В издательстве в целях экономии сидит один редактор, который за неделю пропускает по сорок романов.

Записывайте, это очень важно:

Трагедия – когда обе стороны правы.

Еще о некоторых литературных приемах в копилку молодого автора

В доперестроечную эпоху редактору давался один роман на три-восемь месяцев, в зависимости от объема. Круто? Понятно, что, даже будь современный редактор в самом деле грамотным, он все равно не в состоянии выловить все грамматические новации нынешних авторов бестселлеров. Хотя, если честно, это и верно.

Автор обязан сдавать рукопись вычищенную и абсолютно готовую к печати. А редакторы должны организовать отдельное агентство, где за одну плату правят грамматику, за другую – опечатки, по более высокой берут за исправление великой дури на дурь поменьше. Но это случится, когда ситуация устаканится как в стране, так и в литделе.

Сейчас уже народ успел нажраться, к примеру, порнухой. Раньше хватало все подряд, как шпана, так и крутые интеллектуалы, а сейчас рьяными покупателями остались только сдвинутые на этой почве. То же самое и с чернухой.

Теперь, к слову, о литприемах профессионала. Каждый со временем обрастает любимыми, но я назову наиболее характерные, самые простые и в то же время самые надежные. Не забывайте про них, они делают сухое изложение живым и образным.

К примеру, простое сравнение. Можно, к примеру, долго и подробно описывать нос своего героя, а можно написать коротко: «как у пеликана», «как у поросенка», и у читателя сразу возникают определенные образы. С этим приемом соседствует еще один: преувеличение. Понятно, что не бывает у людей пеликаньих носов. Не бывает и человеческих такой длины. Даже вполтину пеликаньего не найти! Но все же сразу возникает образ человека с длинным вытянутым рубильником.

И самая высшая математика начинается с арифметики. Усвойте сперва ее уроки. Без нее нет ни интегральных уравнений. Ни тензорных.

Сколько должно быть героев в произведении?

Сегодня в последний раз попробовал поиграть в «Железный трон», плюнул и бросил. Широко разрекламированная и самая ожидаемая байма вызвала разочарование. По крайней мере у меня. А мои, как знаю по опыту, вкусы самые обычные, то есть совпадающие со вкусами большинства нормальных, здоровых людей.

В команде создателей игры не оказалось писателя-профессионала, который подсказал бы, что вести шестерых персонажей... чересчур. Распределяется внимание, что-то вечно упускается, вынужден заниматься не основной задачей, а судорожно вспоминать, кто из шестерых что умеет.

За века уже было найдено золотое число персонажей. Один – хорошо, здорово, можно выписать со всех сторон, внимание читателя не будет потеряно. Недостаток – надо держать только в населенных пунктах, дабы могли свершаться диалоги. Двое – уже лучше, могут общаться друг с другом, даже при переходе через пустыню или дремучий лес. Правда, общение несколько линейное: вопрос – ответ. Трое персонажей – прекрасный вариант: в памяти держатся все три с легкостью, зато общение приобретает объем. Четверо – тоже прекрасно, читатель все еще держит в памяти и четыре образа, но уже малость труднее выписывать их автору. Пятеро... гм... трудновато. А уж шестеро так и вовсе... если не провал, то непрофессионализм!

По-вашему, откуда все это: три мушкетера, три богатыря, три солдата Киплинга,

три медведя, три поросенка?.. Нет, религия здесь ни при чем, даже Троица стала троицей, а не двоицей или четверицей только потому, что безымянный писатель четко понимал этот закон, который я вам выкладываю на блюде.

С четверными уже потруднее, разве что трое мушкетеров с примкнувшим к ним гасконцем. С пятью совсем туго! Думаю, вы мало вспомните героев, где пятеро. Нет, не пятеро персонажей, не надо называть романы Васи Пупыркина, я имею в виду пятерых героев. А уж шестеро... Совет старого крокодила: не умножайте ни героев, ни событий без острой необходимости.

Лучше один эпизод расписать ярко и красочно, чем сказать о трех скороговоркой. Лучше повести одного-двух-трех героев, но описать их всех, наделить жизнью, чем перечислить сотню крутых бойцов, которые будут отличаться только по именам.

Запишем для напоминания себе, любимому:

Не умножайте ни героев, ни события без острой необходимости!

Кстати, раз уж заговорили об именах...

Имена должны быть не только разные, а... очень разные. К примеру, за фамилиями: Ноздрев, Собакевич, Коробочка, Плюшкин, Хлестаков – явно вырисовываются и разные люди. А вот другие примеры: Иванов, Петров, Сидоров, Ерофеев... При всей разности они кажутся одним человеком. Как и – Гордон, Диксон, Рольсон, Пальсен, Ульсон... Или имена каких-то фантастических персонажей: Ультанахбегуэ, Эльтуганхкегеке, Онтакрукегекеза, Куоткугакабе и так далее.

То есть имена должны быть разными даже по визуальному ряду: длине, разным окончаниям, ударениям.

Сошлюсь на классику фантастического жанра: в повести «Страна Багровых туч» действует группа героев: Быков, Юрковский, Даугэ, Крутиков... А теперь сравните с массой романов, где даже фамилии одинаковые, как доски в заборе!

Вывод:

В изображении героев нет мелочей. Все должно работать на их индивидуальность. Внешность, характеры, одежда, даже имена и клички.

Упадок или подъем литературы?

Сейчас, как я считаю, для литературы – раздолье, свобода, возможность расцвета, ибо нет самого страшного, что было при прошлом режиме: засилья партаппарата.

Но в то же время литература, потеряв значение единственной оппозиции власти, становится просто одной из... сфер деятельности. А в демократическом обществе в отличие от тоталитарного этих сфер много и вершин тоже много.

Раньше, к примеру, только спортсмены, писатели и дипломаты были «выездными», т.е. могли ездить за рубеж в деловые и творческие поездки, сейчас это доступно всем. Раньше не было таких сфер деятельности, как бизнес, предпринимательство, куда сейчас ушла масса энергичного и талантливого народа, словом, в застойном тихом обществе к литературе волей-неволей было приковано все внимание. Эта была единственная отдушина и для того, чтобы сказать нечто свое, и для того, чтобы услышать иное от очередных откровений генсека.

Советская власть – это высшая точка взлета престижа писателей, их значения. Это высшая точка перевала. Вообще от пещерных времен до коммунистического режима значение литературы только росло. Медленно, неуклонно, однако росло. В наш век уже поняли и признали, что писатели – выше королей, президентов, канцлеров. Теперь мы говорим «Дон Кихот» или «Сервантес» и совсем не представляем, какой король в то время правил Испанией, за что тогда воевали, какие были битвы, в которых Сервантес

бывал ранен, а потом и вовсе потерял руку...

Или – Шекспир. Да, Англия тех лет дала Шекспира, это ее вклад, а не династии бесчисленных драчливых королей... Но что сейчас? С точки зрения нормального писателя, привыкшего к поступательному течению жизни, – какой-то обвал!.. Писателей снова перестали уважать!.. Любой лавочник, что торгует перед домом арбузами, уже выше по рангу...

И все-таки смешны стоны об упадке литературы сейчас и попытки сравнивать ее с временами Пушкина и Толстого. Сейчас любой старшеклассник пишет лучше, чем писал Пушкин, но само общество стало другим, и лишь потому, что перестало быть монолитным, грубо раскрашенным в две-три краски, уже никогда-никогда литература не будет пользоваться таким влиянием, как в давние времена Пушкина, Толстого, Бунина.

Тогда на всю Россию была горстка вообще грамотных, которые просто умели читать. А на тех, кто ухитрялся эти слова как-то складно составлять, смотрели, как на колдунов, магов, волшебников. Создавались легенды, что к ним снисходит вдохновение с небес, только так можно писать стихи, прозу... Да и сами литераторы, что с них возьмешь – люди-с! – охотно поддерживали сказочку о своих вдохновениях, экстазах творчества...

Сейчас пишут все. Не только грамотны все, но и пишут все. Стихи, рассказы, романы. Тут же публикуют в Сети. Записывают на лазерные диски. Понятно, что это не закат литературы, когда умеют и пишут все! Это ее богатство, ее расцвет. Просто всплеска не так видно, потому что еще ярче зацвели и привлекают всеобщее внимание такие необычные для российской земли цветы, как частный бизнес, предпринимательство, компьютерные технологии...

...Была очень короткая ночь, когда рушилось традиционное книгоиздание, разорялись издательства, типографии не знали, кому втюхать никому не нужное оборудование – совсем новое, ультрасовременное, цифровое! – но сейчас-то книг издается и покупается, несмотря на пиратствующих в Сети, во много раз больше, чем покупала и читала «самая читающая страна в мире»!

Просто сейчас в богатом, развитом обществе очень много вершин, и вершина литературы сейчас не единственная, как было в давние времена, а одна из...

Ну, не знаю, в самом ли деле лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе?

Можно сказать проще: для всякого рода халтурщиков – упадок, а для честных авторов – подъем, да еще какой подъем! Да, и в этих условиях еще есть халтурка, но уже совсем мизер в сравнении...

Поговорим о таком новом явлении, как литературные сериалы

Еще десять лет назад это было однозначно – отвратительно. Потому в первом издании «Как стать писателем» этому вопросу уделялось внимания больше, было и полемического яда больше.

Сейчас противники сломлены, растоптаны, рассеяны, а уцелевшие погавкивают из темных углов интернетовских форумов, уже укрывшись под никами.

То есть полная победа, но на всякий случай закрепим для нового стаза писателей, чтобы, не дай бог, не было даже временного помрачения.

Есть тип людей, что автоматически выступают против любых новаций. Не буду говорить про древние времена, но, когда я перешел на пишущую машинку, многие из пишущих товарищей гневно осуждали меня, ведь при печатании теряется... ну вы знаете, что можно наговорить! Когда появились первые персоналки и я в девяностом приобрел двушку, все считали меня совсем уж пропащим: как можно печатать на компьютере?

К слову сказать, двух-трех из них мне удалось пересадить с пишущих машинок на компы, но уже через десяток лет – сразу на пни.

Эти же люди всегда доказывали, что любые сериалы – плохо. Почему, спрашивал я. А потому, отвечали мне победно, что разве Толстой писал сериалы? Или Достоевский?

Да, действительно, Толстой не писал сериалы. Многим кажется, что это звучит убийственно для тех, кто пишет романы «с продолжением». А могут сослаться еще и на

Шекспира или Гомера. Нет, на Гомера нельзя, у него «Одиссея» – прямое продолжение «Илиады».

Но вот Шекспир – в самый раз. У него там такая мочилочка, что на последней странице уже и ступить некуда, чтобы не в лужу крови, там труп на трупе, все гибнут, попробуй напиши продолжение! Разве что «Восставшие из ада»...

Ну а серьезно, как эти придурки не понимают, что если математика не остановилась на арифметике, а техника – на производстве паровозов Черепанова, то и литература не застыла, а живет и развивается!

Да, Толстой не писал циклы романов, и Шекспир не писал, но в то время и женщины не смели выйти на улицу в мини-юбках. А вот в наше время и Толстой бы набивал на компе продолжения своих хитов. Что, случайно весь мир помешался на сериалах? Хоть кино, хоть телевидение, хоть книги, хоть компьютерные игры?

Конечно, придурку приятнее себе говорить, что весь мир рехнулся, а вот только он такой здравый, все еще гусиным пером пишет, аки Лев Толстой, верность классике хранит, но мы-то еще не совсем зашоренные!

Сериалы или циклы романов – совершенно новый жанр. Отрицать его на том основании, что Толстой такого жанра не знал, так же дико, как отрицать существование неизвестной Толстому радиосвязи или компьютеров.

О профессионализме

Раньше выпустить книгу, в которой подавались бы советы, «как стать писателем», воспринималось бы как кощунство, но теперь подобных пособий выходит все больше. Я просмотрел некоторые из них и не скажу, что все они дрянь или что все шедевры. Однако многие написаны то ли потому, что автору захотелось по(убрано цензурой)здеть, скажем мягко, на культурные темы, то ли потому, что теперь за это не забросают камнями и гнилыми помидорами, – не знаю, но тексты оставляют ощущение некой детскости и общесловности.

Пусть авторы не обижаются, я никого не хочу обидеть, но все же новичкам, которые хотят набить руку в этом нелегком ремесле, надо ориентироваться все же на тех, кто занимает высшие строчки рейтингов по продажам. Это единственный объективный рейтинг. Вряд ли стоит прислушиваться к глубокомысленным поучениям автора, кое-как опубликовавшего одну-две книги и теперь поучающего, «как писать книги».

Конечно, есть шанс, что, как писать, лучше знает человек, не написавший ни одной книги, но вы сами понимаете, что такая вероятность исчезающе мала, а вот мастерская чемпионов по тиражам и продажам, если открыта для обозрения, может дать во сто крат больше.

Неважно, как вы относитесь к автору! Слушайте, что он подсказывает.

Вдогонку к теме о сериалах

Среди противников серийных романов существует утверждение, я слышал его часто, что, мол, закон «Продолжение всегда хуже первого романа» никто пока не отменял.

Ну, во-первых, лучше бы выразиться мягче: не закон, а правило, ибо все мы знаем случаи, когда продолжение намного лучше первого романа, а в этом случае можно сослаться на то, что исключение только подтверждает правило, в то время как с законом такую штуку не сделаешь.

Во-вторых, такое правило или закон никто не устанавливал, оно выведено на основе большого числа прочитанных книг или просмотренных фильмов. А большое чисто – это всегда среднее число. Сильные авторы – они не средние. И, понятно, они всегда вне рамок общих правил. Их продолжения в одинаковой степени могут быть как более слабыми, так и более сильными.

Продолжение популярного романа может быть как сильнее, так и слабее.

Более слабым кажется чаще всего из-за того, что уже потерян эффект новизны.

Очень больной вопрос – снижение грамотности. Есть ли выход?

В современном обществе просматривается пугающая поначалу, странноватая и в то же время многозначительная тенденция снижения грамотности.

Наверное, нет на свете человека, кому такая вещь нравится, включая самых малограмотных, но все-таки она есть. Я могу проследить ее на собственном опыте. Когда учился в школе, была такая дисциплина, как каллиграфия. Писали не просто грамотно, но и «правильно», то есть с нажимом по главной оси буквы, полунажимом на второстепенной и «волосным» – на соединении. Конечно, большое значение придавалось завитушкам в буквах. Особенно в заглавных. А на уроках немецкого... кто в те времена знал о существовании английского? – учили два шрифта: простой и готический.

Ладно, признаюсь, у меня по каллиграфии была единица, я первым в школе... несмотря на протесты учителей – перешел на авторучку, что суживала возможность каллиграфии, а потом и на шариковую – та отменила каллиграфию вовсе.

При первой же возможности с великим облегчением перебрался на механическую печатную машинку: это избавило от муки выписывать буквы. Один удар по клавише – и все! А теперь так и вовсе – комп! Современным школьникам не надо зазубривать правила склонений и всякие исключения из правил: программа правописания тут же выявит ошибки и предложит варианты исправления.

По идее, я должен был бы негодовать: я мучился, зубрил, так и вы теперь зубрите, как в наше старое доброе время! Но зачем? Помню, дед учил меня пользоваться огнем и кресалом. Под каким углом бить и как раздувать трут. Но не лучше ли современному человеку не забивать голову этими устаревшими знаниями – да-да, знания тоже могут быть устаревшими, – а заполнить освободившиеся клеточки новейшей информацией?

То есть мы видим наступление нового мира, где смысл становится важнее формы. Он и был, но теперь не боится об этом заявлять. Ведь правописание нетрудно проверить в Word'e, и если человек этого не делает, он сознательно пренебрегает правилами вчерашнего дня.

В то же время сторонник старых устоев скажет с убеждением, что текст надо вылизывать самому без всяких словарей, справочников и чуть ли без знания правил грамматики.

Конечно, править и даже вылизывать надо, но до какой степени? Один филолог, прочитав «Ярость» и вытерев слезы, принес мне с подчеркнутой фразой и спросил: считаю ли я, что эта фраза написана верно? Нет, отвечаю честно, здесь немотивированное несогласование времен. Он кивнул, довольный, показывает мне другую: а вот здесь? Я смотрю, снова киваю: да, ты прав. Здесь подряд два слова-сорняка. Он спрашивает меня: согласен ли я на основании этого, что мои романы – дрянь? Нет, отвечаю я так же честно. У него глаза становятся как у гигантского омара, прямо на стебельках, снова указывает на то же место: ну как? Отвечаю: хреново. Он: так почему же?... Да потому, отвечаю.

Если выйти на улицу, то люди вроде бы живут на переходе из двадцатого века в век двадцать первый. Дома дивных конструкций, новые марки машин, высотные автомагистрали, вот у нас в Южном Бутове строят легкое метро с эстакадой... Если войти в любой офис, то как будто попадешь в век двадцать второй: компы с плоскими экранами, факсы, принтеры, сотовые телефоны с экранами, Интернет, оптоволокно, следящие телекамеры... Но вот в литературе все еще век тот, девятнадцатый.

Да ладно, возьмем время ближе, до контрреволюционного переворота демократов. В тогдашнем регламентированном обществе писатель мог издать только одну книгу в три года. Мои книги того периода тоже вылизаны! А что еще делать целых три года? Да и не захочешь, чтобы редактор, он же цензор, завернул роман, придравшись к какой-то стилистической мелочи.

Сейчас же можешь издавать столько, сколько напишешь. Так буду ли вылизывать незначительные шероховатости в стене моего громадного могучего замка, чье предназначение совсем в другом? Да-да, его стены должны защищать. Мне плевать на

затейливый узор, которым можно бы украсить каждую гранитную глыбу.

Я лучше построю еще один замок! Еще выше, громаднее, с толстыми стенами, высокими башнями. И без узоров на стенах. А пушки отолью без тех затейливых единорогов и грифонов, что старательно отливались на старинных пушках. Ну об этом уже говорил, однако важные вещи надо повторять, это как уроки, которые надо заучить на всю жизнь.

Сила произведений – не в кружевах. Вылизывать шероховатости начинайте не раньше, чем убедитесь, что построить громадную могучую крепость вы не в состоянии.

Больной вопрос: чистота русского языка. Но в самом ли деле больной?

Время от времени слышу о том, что настали ужасные времена для русского языка. Мог ли представить великий Пушкин, что когда-то наступит такой ужас?.. Мог ли подумать Лев Толстой... А что сказал бы великий стилист Бунин?

Ну и так далее, все это со скорбными лицами, вздохами и прочими ужимками, что значитца: вот мы, единственные радетели и хранители живаго великарусского языка, только мы зрим его опоганивание и засорение всякими макаронизмами.

Да, судя по частоте дискуссий, в самом деле больная тема. Больная тема, именуемая чистотой русского языка. Странновато только, что все лингвисты, академики, профессура, президенты, министры культуры, домохозяйки и дровосеки – все на этой стороне баррикады, а по ту сторону... вроде бы никого. Или нечто темное, безликое и безымянное, именуемое просто Зло. Все с этой стороны сражаются за чистоту, а с той стороны ни слова, что надо-де язык загрязнять. Но сражение идет. На иностранные слова, как и новопридуманные... неологизмы, если кто помнит по школе, – идет охота. Их клюют, топчут, загоняют в неведомые глубины, но они как-то выживают. К тому же появляются новые, тихой сапой влезают в священный русский язык, исконно посконный, чистый и незапятнанный...

Вообще-то, как мы помним с детства, культурному и образованному человеку чистота русского языка глубоко по... словом, глубоко. Действительно культурный и образованный пожмет плечами: какая исконность, неизменяемость? Попробуйте прочесть «Слово о полку Игореве» на родном языке! Вообще полистайте наши российские книги, изданные до реформы русской орфографии Петра Великого! Сумеете без переводчика? А ведь всего триста лет прошло!

Какой же мерзавец забрасывает к нам эти макаронизмы? Этого мерзавца зовут русским народом. Или считать русским народом только тех, кто ходит за сохой, а наши программисты – это кто, марсиане? Все мы – русский народ. А он принимает эти слова, переваривает, заставляет служить себе. Заимствуя иностранные слова, мы обогащаем русский язык. Ибо если, скажем, в английском driver означает извозчика и компьютерную программу, то у нас это уже совершенно разные слова и значения. Как, скажем, ныне привычные славянский «конь» и печенежская «лошадь», скифский «топор» и русская «секира».

И так во всем. Как в компьютерном мире, так и везде, где нас обогнали или просто прошли слишком близко. Они вынуждены брать свои привычные слова, расширяя значение одного и того же слова, а мы расцветиваем свою языковую палитру. Я пишу письма и мэйлы, а они только мэйлы, хоть гусиным пером на пергаменте, хоть на Silicon Grafics.

Люди, которые «блюдут чистоту языка», почти всегда хорошие люди. Честные и добрые. Искренние. Они в самом деле заботятся о русском языке. Что еще сказать? Только повториться, что обычно это очень хорошие люди. Ну а ум не всем даден, как и понимание или кругозор. Чин академика легче получить, чем еще одну извилину. Ну, кажется им, что, предохраняя русский язык от сленга или макаронизмов, они служат Отечеству. Вот и предохраняют! Что можно сказать? Все-таки не грабят прохожих в подворотнях, не открывают липовые фирмы...

Это не в обиду им сказано, я их даже люблю, но все-таки надо защищать тех, кто

пишет книги, статьи, очерки. Я имею в виду, их надо защищать как от мерзавцев, так и от хороших людей. Тех, которые совершенно искренне говорят: слушай сюда, потому что все остальные – дураки. Я люблю Отечество, уже поэтому я прав всегда и во всем.

Знаете ли, я его тоже люблю. И ничуть не меньше вас. Но вовсе не хочу огораживать свой участок таким высоким забором, чтобы даже соседей не было слышно.

Расширяйте язык, используйте все средства, все краски, все возможности!
Рассматривают здание, а не состав кирпичиков.

Самая распространенная болезнь – гусеничность

Да, все мы пишем гусеницами. Но это не значит, что их нужно оставлять. Вот только что написал фразу «Олег начал присматриваться к деревьям, нахмурился, посмотрел по сторонам, затем пустил коня в чашу» («Возвращение короля»). Это нормально, у всех так пишется. Плохо, что абсолютное большинство в таком виде и оставляет.

Но я – профи, привычно исправил на «Олег начал присматриваться к деревьям, на лице появилось озабоченное выражение, конь под его рукой свернул в чашу». Не бог весть как красиво, обычная проходная фраза, но убрана гусеничность, сразу выдающая малограмотность автора, и появился взгляд с трех точек, что придает любой фразе объемность.

Т.е. повторяю еще раз: любой автор пишет коряво, гусенично, с обилием сорняков, лишних слов, объяснений и прочего словесного мусора. Разницу между туповатым начинающим и блестящим профессионалом замечаем прежде всего по тексту: оставлен ли мусор или же убран. И не важно читателю, устали глаза у автора вычитывать или по тупости вообще не понимает, что это мусор, результат один: книга пылится в магазинах на полках. Автор же начинает рассказывать на тусовках, что читатель до его книг не дорос, у издателей кривые руки, а торговля так и вовсе не умеет продавать книги.

Боритесь с гусеницами везде и всюду! Текст станет лучше на порядок.

Пять минут производственной гимнастики для писателя?

Сейчас на клавишах пишут предупреждения типа как вот на моей беспроводной: Warning: some experts believe, that use of any keyboard may cause serious injury. Consult statement on the back of the keyboard.

Ну а на этом баке кейборда длинный перечень возможности жутких заболеваний, которые могут возникнуть от использования этой клавиши, от использования любой клавиши, от вообще нахождения за компом больше десяти минут.

На коробках с баймами тоже появились подобные жуткие предостережения, и в завершение всех этих страстей даются рекомендации: через каждые десять минут прерывайте байму и вставайте, пройдите по комнате, помедитируйте...

Ага, щас!.. У меня там гады наступать начинают, я не успел выстроить защиту, надо что-то предпринять срочно, а я встану? Да ни в жисть.

В баймы я режусь по двенадцать-четырнадцать часов, не отрываясь от монитора. Иногда и ночь захватываю целиком, ничего не случается, а играю со времен диггеров, когда пришествие «Принца», «Golden Axe» и «Crime wave» знаменовало неслыханный скачок в баймостроении.

И ничего со мной не случается, все это фигня и тупые пугалки для деревенских попов. Однако же, когда дело касается литературной деятельности, здесь в самом деле рекомендую время от времени отрывать зад от стула (даже если карта прямо прет!), пройтись по комнате, посмотреть в окно, хлебнуть кофе...

Нет, даже не для того, чтобы спасти зрение от проклятого тем же деревенским попиком дьявольского экрана, а чтобы чуточку освежить мозг и снова взглянуть на то, что пишете, чуточку иначе.

Дело в том, что когда начинаем писать (это касается всех, и самых опытных в том числе), то сперва скрупулезно придерживаемся правил, которые помогают делать текст живым и волнующим: не забываем о внешности героев, о времени суток, помним, чем

пахнет вокруг – свежескошенным сеном, крепким кофе или навозом, но постепенно увлекаемся самим сюжетом, динамикой, экшеном, и через некоторое время диалоги повисают в воздухе, уже и непонятно: кто кому это сказал и почему вдруг на пароходе, если разговор начался за столом в офисе?

Помните, в старое доброе время была такая обязательная производственная гимнастика? Для вас дело не в гимнастике, а в необходимости перерывов.

Часть 4

Писатель, хочет того или нет, но всегда боец. Даже если совсем не боец...

...и ни с кем не воюет. Все равно литературу не случайно классифицировали не как «культуру», а как «идеологию и пропаганду».

Хотите этого или нет, но в силу своей профессии вы не просто в гуще сражения, вы на острие атаки врага!.. Вам отовсюду вдалбливают всеми способами, что вы, если хотите стать писателями, обязаны прежде всего ориентироваться на красоту языка, на звучание фразы, на подбор звучащих в унисон слогов!

Вам увлеченно рассказывают о величайшем значении аллитерации, стыдят и упрекают, что вы не готовы отдать этому всю жизнь... Апеллируют к вашей интеллигентности, давят на ваши комплексы, всеми силами стараются увести от главной дороги литературы, где они слабы, где вы их легко побьете.

На самом деле не побьете никого, если будете перебирать слова, чтобы выстроить в фразе половчее, еще половчее, а потом еще и еще половчее. И будете в этом крохотном болотце, именуемом красотой русского языка... хотя, если честно, как это вас ни покоробит, русский язык не самый богатый на свете.

В том же близком ему украинском больше значений, синонимов, он ярче и звучнее, но в русской литературе... не в языке, в литературе! – есть та мощь, которой лишены многие языки, в том числе и яркий, как цыганское платье, украинский. Нет-нет, о необходимости вытютюливать фразу будут говорить не только враги, тайные или явные, но и чистосердечные придурки, кот орым это вдолбили в голову раньше вас.

Вы будете выгравировать фразы, добиваясь чистоты и утонченности, полновесного звучания, яркости и колоритности, но ежедневно в наш язык приходят десятки новых слов, часть остается, и вот уже ваш тщательно выписанный роман смотрится устаревшим, старинным, неинтересным. Ибо выстроен на красоте и звучности языка, который уже через пару лет начнут относить к тургеневской эпохе... а кто, если честно, читает даже великого Тургенева?

Вас таким образом сразу выбивают из рядов будущих сильных писателей. Выбивают, дав ложный след. Отныне вы уже не соперники. Им и тем, кого проталкивают.

Это очень хороший прием инфистской войны, в которой в отличие от реальной вы не видите, кто друг, кто враг, и потому не можете дать отпора.

Еще раз: вы – лучший! Делайте только то, что усиливает ваше произведение, обогащает. И пусть говорят что хотят. Победа будет за вами.

Так что же, если не язык, самое важное в литературном произведении?

Самое важное, над чем должны работать, это новизна темы, идей или хотя бы образов. Образ – на последнем месте, понятно, тема или идея важнее, но все же как трудно найти новый образ! Зато когда найден и удачно прописан, то достаточно произнести лишь слова «Обломов», «Отелло», «Дон Кихот», «Дон Жуан», чтобы сразу встали образы во всей титанической мощи!.. Человека можно назвать хоть лодырем, хоть обломовым, всяк поймет, что имеется в виду. А сколько прекрасных образов, с точки зрения профессионала, вывел Гоголь? Собакевич, Чичиков, Манилов, Плюшкин, Хлестаков, Коробочка, Тарас Бульба, Хлестаков...

Хотите задачу? Как-то в конце не то 60-х, не то в начале 70-х я попал на совещание детских писателей. Один из князей литературы с трибуны как раз обещал золотые горы тому, что придумает образ русского детского героя. Ведь косяком идут по России английские Винни Пухи, итальянские Чипполино, шведские Карлсоны, всякие там буратины и пиноккио... Чуть позже какой-то чебурашка появился из восточных стран, подозрительно прижился, шпиён проклятый, с чужим крокодилом дружит, мог бы с русским медведём!.. Словом, тому, кто придумает своего детского героя, тому

лауреатствы любые, ордена и премии сам выбирай: какие хочешь и сколько хочешь. Квартиры, дачи, машины, баб и прочую мелочь – без счета! Бери, пользуйся, только дай своего, национального.

Помню, как наивные ломанулись! Нахрапом хотели, за один вечер... Но задачка, кстати, так и не решена. И хотя советская власть рухнула... но при чем тут, какая власть? Своего героя стоило бы создать в любом случае. Теперь понятно, что такое удачный образ? И как легко его найти :-).

Как я уже сказал выше: любой материал сдается! Если, конечно, приложить достаточно усилий. Попробуйте, кстати, решить эту задачу. Кто сумеет – получит тиражи и популярность, при которой Гарри Поттер будет выглядеть микробом.

Поговорим о словах-сорняках

Уже само понятие «сорняк» говорит о том, что такие слова подлежат искоренению. Всюду, где их удаётся обнаружить.

Убирать, вымарывать, выпалывать, ибо понимающего раздражают, а непонимающему попросту портят впечатление. Перечислить их все немислимо, укажу на один, едва ли не самый частый, и по нему можно понять, что я пытаюсь объяснить. К примеру, когда начинающий хочет написать фразу: «Он сунул руку в карман», то, умничая, обязательно уточняет: «Он сунул руку в свой карман», из чего сразу понятно, какой честный, не полез шарить по чужим карманам. Или: надел свое пальто, взял свой зонтик, и так далее и пр., что понятно англичанину, у них эти his и her обязательны, но вам-то зачем подражать гнилому Западу, который не сегодня, так завтра вообще затопчем?

Если умничающий новичок хочет написать, что кто-то кивнул, то обязательно уточнит, что кивнул головой, как будто можно кивнуть чем-то еще! Есть умельцы, которые составляют фразу еще круче: «Он кивнул своей головой». Такие книги можно сразу отбрасывать, ибо по сиим перлам виден общий уровень творения. Иногда встречаются чемпионы: «Он кивнул своей головой в знак согласия»! Здорово? Но и это, как говорит одна на телевидении, еще не все. Однажды я встретил вовсе шедевр: «Он кивнул своей собственной головой в знак согласия, соглашаясь со своим собеседником»! Ну, тут уж унтер Пришибеев с его утопшим трупом мертвого человека – вершина стилистики. Кстати, тот стилист на очередном росконе еще и премию получил! За литературное мастерство, а вы что подумали?

Совет: сорняки удобно убирать, когда «не пишется». Все равно ведь время идет, текст стоит, как примерз, а взгляд скользит по строкам, абзацам, там и сям цепляется за шероховатости. Самое время исправлять, подчинять текст. А исправлять будет гораздо легче, если будете знать, что именно вымарывать.

Там внизу как-нибудь соберусь и дам поразвернутее список слов-сорняков, которые надо убирать и убирать.

Одному правилу следуй упорно: чтоб словам было тесно, а мыслям просторно!

© *Кто-то из классиков.*

Какие группы слов мы знаем? А какими пользуемся?

Буквы, как известно, собираются в слова. Слова бывают как обиходные, которыми пользуемся, так и диалектные, жаргонные, сленговые, канцелярские, макаронизмы, официальные и так далее, дальше загибайте пальцы сами. Если перечислить все, то придется разуть всю семью и дюжину подружек. Из ста тысяч русских слов... у Льва Толстого, как клянутся толстоведы, словарный запас под 400 тысяч, на долю обиходных приходится меньше четверти процента, но именно они составляют девяносто восемь процентов нашей речи. К слову о журналистике и писательстве: чем меньше журналист выходит за рамки обиходных слов, тем его профессиональный уровень выше, в то время как писатель должен употреблять обиходные слова лишь в том случае, если не нашел слов «закруговых».

Насчет круга позвольте на примере. Нарисуем круг. Побольше, побольше. Ну хотя бы размером с велосипедное колесо. А теперь в серединке еще один круг, крохотный. Размером с лесной орех.

Если от крохотного кружка провести прямые линии к большой окружности, то этот шедевр изобразительного искусства станет еще больше похож на огромное велосипедное колесо.

Вот все это и есть наш словарный запас. Маленький кружок в центре – это слова обиходные. Ими пользуемся каждый день во всех случаях жизни. Вот эти дольки лимона... сейчас надпишу на каждой... ага, вот это – слова, что пришли из ФИДО и компьютерного жаргона, это – новейшие заимствования вроде «консенсусов», «пиаров», «имиджей» и прочей хренотени, а вот это, напротив, – слова диалектные, существующие только в определенных местах огромной России... это вот – вовсе так называемые устаревшие, хотя они могут обрести и другую жизнь, с другим значением... Это – жаргонизмы, это – макаронизмы, канцеляризмы...

В серединке, где этот крохотный кружок, слова обиходные. Масштаб, понятно, не соблюден, иначе обиходку пришлось бы рисовать с амебу средних размеров, а границу остальных слов русского языка проводить по орбите Солнечной системы... Если писатель употребляет слова из центра, то в лучшем случае уподобляется журналисту, который быстро пересказывает автокатастрофу, чтобы тут же переключить ваше внимание на курс доллара. Слова здесь привычные, обкатанные, картину ими не нарисуешь. Даже при огромном таланте и огромном мастерстве.

Талант, даже дикий, инстинктивно стремится подальше от центра в поисках ярких, незатертых слов, что прикуют внимание, вызовут определенные ассоциации. От редких слов пахнет свежестью, читатель сразу ощутит ветер, запахи, услышит грохот, стук...

Вывод:

Если хотите стать журналистом – пользуйтесь только словами из яблочка!
Если хотите сделать прозу яркой, красочной, волнующей – ищите слова от центра как можно дальше.

Сделайте мне красиво!

Это понятное желание каждого читателя. Автор это знает и старается изо всех сил. И тем не менее профессионал должен избегать украшательства текста. Понимаю, трудновато. Это уже как бы на пути от простой арифметики к алгебре. К примеру, написал человек фразу: «Не стреляйте в лебедей». Чувствует, банально. И он добавляет то, что считает литературностью: «белых». На слух неискушенного человека звучит вроде бы красивше: «Не стреляйте в белых лебедей».

Доморощенный эстет отыщет в этой фразе музыкальность, особый ритм и прочие красоты. Но даже этот неискушенный чувствует в этой фразе фальшь, неискренность, хотя не понимает, что именно не так... И человек грамотный – их теперь как собак нерезаных – сразу: а в серых можно? Тогда уж в черных вовсе дуплетом? Ну а раз сознание за что-то шероховатое цепляется, то кто-то копнет и глубже: в лебедей не стрелять, а в гусей можно? И в голубей? И собак, и кошек?.. Да и про людей не сказано, что этих двуногих стрелять низзя!..

То есть писать надо все-таки просто. Не примитивно, а просто. Настоящая простота подобна яркому солнечному лучу в чистом воздухе. И только профессионалы знают, что с виду простой солнечный свет при разложении не такой уж и белый!

То есть вы должны следовать правилам: нужные слова в нужном месте – раз, произведения прекрасны как раз отсутствием прикрас, главным достоинством писателя является знание того, о чем писать не нужно. Это, понятно, в дополнение к тому, что сказал раньше.

Украшательства чаще всего вызваны малограмотностью автора.
Старайтесь ее хотя бы не показывать!

Я вроде бы уже говорил про сдвиг в характере...

Ладно, если и говорил, то это слишком важная тема, чтобы не сказать еще раз, лучше запомнится. Вообще это запишите в разных местах, чтобы натыкались почаще.

Почему продолжение всегда или почти всегда хуже первой книги серии? Потому что если в первой книге герой может пройти путь от дурака к мудрецу, от труса к герою, то что остается на вторую, на третью?

Можно, конечно, искать бесчисленные клады, провожать все новых и новых принцесс из пункта А в пункт Б, завоевывать для себя королевства, но если герой на последней странице все тот же, каким и появился на первой, если в характере не произошло изменений, то, как бы блестяще ни был написан роман, он просто еще одна доска в заборе! Пусть даже из хорошего дерева. Пусть выстругана хорошим мастером.

Поэтому в романе... для малых форм это необязательно, там другие законы, – так вот в романе, который претендует на призовое место, герой в конце должен уйти и нравственно иным, чем появился на первых страницах.

Он должен, как говорили в старину, либо «перевоспитаться», либо просто подняться на очередную ступеньку. Не карьеры, понятно. Он просто должен понять в жизни нечто важное. То есть должен произойти **сдвиг в характере!** Выделите болтом, цветом, скопируйте в буфер и пропастите в самых неожиданных местах.

Сдвиг в характере! Сдвиг в характере! Запомните, запишите, повесьте на стену.

Проекция своей дурачности на всю галактику

Мне трудно поверить, что пишущие фантастику такие уж полные-преполные идиоты, что сами верят, будто в XXIII и тем более XXX веке люди будут с такой же психологией, взглядами и даже привычками, что и сегодня!..

Я сам застал то время, когда мужчины стрелялись по любому поводу, «смывая кровью пятно с чести», а обесчещенные, то есть попросту изнасилованные или даже согрешившие плотью женщины бросались под поезд, с крыши, топились и вешались и всячески кончали с собой, «ибо стыдно в глаза смотреть».

Когда я говорил о таком, то идиоты с соплями до полу тут же с пеной у рта начинают спорить, доказывая, что это нехорошо, в смысле – кончать с собой, но мы плюнем на придурков и пойдем дальше. Дело не в том, хорошо это или плохо, а в том, что взгляды меняются очень радикально. Совсем недавно человеческие жертвоприношения были вполне обыденным делом, угодным морали и просвещенному обществу!

Но вот по далеким векам ходят дяди с атомными бластерами и суперкомпьютерами в наручных часах, которые, говорю о дядях, интеллектом не отличаются от нынешних тинейджеров. Тех самых, что собираются в подъездах, гадят, расписывают стены и поджигают ящики. Они летают по всей Вселенной... даю справку: только в нашей галактике около 100 млрд. звезд, а во Вселенной 100 млрд. галактик!.. но взгляды и психика у этих героев – сегодняшнего пэтэушника, который знает только свой двор, а дальше – чужие!..

Интриги, заговоры, попытки создания звездных федераций и попытки раскола звездных империй – это все списано с эпохи феодализма. Смешно и говорить, что это может повториться хоть в какой-то мере. Ребята, Интернет настолько изменил мир, что он, мир, никогда уже не будет хоть в малой степени похож на предыдущие! Печально это или радостно... то и другое, да еще и тревожно, но это так. Нас, нашу планету, ждут совершенно невероятные эпохи.

Так что все эти конструированные миры будущего, что на полках книжных магазинов, – брехня. А раз брехня и автор сам это знает, то отпадают все требования насчет достоверности и остается только одно: должно быть интересно. Литературно. Правильно написано.

А если знаете, что пишете брехню, то не надо косить под «научную фантастику», это сужает палитру, связывает руки. Если уж брехня, то должна быть очень интересной.

«А вот мне все друзья говорят, что я написал клевый роман...»

Еще один совет профессионала: никогда не ссылайтесь на мнение друзей и знакомых! Они всего лишь люди. Нормальные. И сколько бы вы им ни твердили, что хотите услышать о своем произведении правду и только правду, пусть самую горькую, но всяк видит по вашим глазам, вашему чересчур небрежному тону, что страстно жаждете услышать только восторженный отзыв. А все остальные – дураки, идиоты, ничего не понимают, завистники, сволочи...

Всяк, даже самый тупой из ваших знакомых, знает, что, глядя на штангистов в соревновании или прыгунов, легко сказать, кто чемпионистее: кто поднял штангу тяжелее или кто прыгнул выше. И в то же время знают, что с книгой доказать правоту не так просто. Недаром даже у фигуристов целая толпа экспертов, да и то оценки разные...

А с книгой так и вообще черт-те что! Не зря же какой-то обиженный дурак запустил расхожую среди таких же обделенных умением писать фразу: нет плохих книг – есть плохие читатели!.. Ваши знакомые вам скажут, что у вас все гениально, замечательно, клево, класс! Скажут, глядя прямо в глаза честным таким, светлым взором. Никому не хочется терять друга из-за такой мелочи! И почему не сделать другу приятное? Хочешь услышать похвалу, ну вот тебе и похвала... А чем выше похвала, тем друг ближе. Как там, в детском мультике: а кто похвалит меня лучше всех, тому дам большую сладкую конфетку...

Но в то же время все мы, даже не эксперты, видим, когда соревнуются фигуристы-мастера, а когда на лед выходят третьеразрядники. А если новички, то вообще коровы на льду! То же самое и с книгами. Сейчас я вам рассказываю, как войти в ранг мастеров. Войти в десятку сильнейших. А карабкаться к первому месту – дело вашего труда, упорства, пролитого пота.

Друзья вопреки поговорке правду не скажут. Всяк предпочтет сохранить хорошие отношения... Оценка ваших вещей должна быть анонимной.

Рецензии нужно не только уметь писать, но и правильно читать

Не верьте хвалебным рецензиям, в конце которых вам отказывают в публикации по какой-то мелкой, не относящейся к литературе причине.

Я сам, перебравшись в Москву, некоторое время подрабатывал рецензиями. Нелишне рассказать, как делаются рецензии, которые вы получаете.

Я успел застать время прошлого режима, когда все было намного строже, ибо в руках государства, но и тогда... вот захожу в редакцию, спрашиваю, нет ли подработки. Редактор кивает на стопки рукописей: возьми штук пять из «самотека». Я спрашиваю: а можно десять? Нет, говорит, хотел зайти К., а ему тоже жрать почему-то хочется. Или для заначки на баб, но это не важно. Смотрю, а у него на столе рукопись «Тихого Дона», а сверху «Война и мир». Понятно, это гад оставил для себя. Тоже рецензирует. По правилам рецензировать надо все, что публикуется, но что скажешь о классиках? А платят за листаж. За толщину рукописи, если кто в подлодке. Так что понятно, халяву себе, а где надо хоть чуть погорбатиться – нам, подработникам.

Итак, беру штук пять рукописей, а лучше – шесть-семь, если все-таки выпросил, тащу домой. Быстро листаю первые страницы: так, бред, и это бред, и это... Гм, а четвертая вроде бы чего-то стоит. Посмотрим дальше... А-а-а, тоже бред, это только первые страницы как-то сумел, явно где-то содрал... Пятая и шестая тоже чушь, дальше читать не стоит, уже ясно. А вот седьмая... гм, седьмую стоит прочесть. Та-а-ак, а из этого автора что-то сделать можно.

Конечно, если не заартачится, что скорее всего, а выполнит все пожелания, которые на самом деле ультиматум, если говорить честно... Итак, за вечер одолев все семь

романов, тут же пишу рецензии. На шесть из них – одинаковые, авторы же не узнают, что только имена подставляю другие, все из разных городов вовсе!

В рецензии говорю, какая великолепная рукопись, какой изысканный и образный язык, какая волнительная тема и как своеобразно и музыкально решено, создано, показано и пр. А в самом конце: так жаль отклонять эту талантливейшую рукопись талантливейшего автора, так как в этом издательстве нет такой серии... или есть, но уже полный комплект, а потом, видимо, закроем, и что горячо рекомендуем обратиться в другое издательство. Лучше послать к конкурентам, пусть и они потеряют время, а вообще-то рукопись талантливая, автор талантливый и пр.

А как иначе? Только такие рецензии и можно писать. Иначе жалобами к директору, главному редактору, министру культуры засыпят, а то и по судам начнут таскать. А вот к вежливому отказу с кучей похвал хрен прицепишься!..

Зато та рукопись, где что-то можно сделать, подвергается нещадному разному. Критикуешь сюжет, подсказывая, как лучше повернуть, ругаешь слабо прописанные образы, корявый язык, штампы и пр. А в конце: если автор сделает эти исправления, то рекомендую эту книгу издать массовым тиражом.

То есть как бы автор ни ярился, читая рецензию, конечно же – злую и несправедливую, но если не полный идиот, то втянет язык в место, где спина зовется уже иначе, и быстро переделает, как указал тренер.

Так что еще раз, если у вас на руках хвалебная рецензия – это не аргумент. Никто не любит, когда его вызывают к шефу и спрашивают: зачем обидел человека? Мало того что рукопись зарубил, да еще и обидел! Мягче надо, мягче. И самое страшное: перестанем давать на рецензирование!..

Сейчас рукописи в издательства идут валом. Если раньше всякий раз приходилось перепечатывать на пишущей машинке – вторые или третьи экземпляры не принимались! – то теперь, в век принтеров, емэйлов, Инета... Раньше рецензия по инструкции должна была быть не меньше чем на пяти страницах. Теперь же зачастую умещается на одной. А то и в одном абзаце. Конечно, в этом случае место остается только на то, чтобы автора назвать гениальным и... отказать. А чаще просто отвечают: извините, нам это не подходит. Почему? Просто не подходит. Следующий!

Отзыв должен быть один: «Рекомендуем к изданию массовым тиражом».

Интервью с писателями, дискуссии по жвачнику – это для публики. Вы – не публика!

Вчера смотрел по телеканалу «Культура» интервью с писателем N. Долго и красиво рассказывал, что свои рассказы всегда читает друзьям, все на ура, и только тогда он в печать... Телеведущие слушали и поддакивали, все отрепетировано, все налажено, все слова и выражения просчитаны.

Сцена. Хорошо поставленная сцена для публики. Но это, повторяю, для публики, а вы сейчас не публика, а те, кто сами будете поворачивать колеса и штурвалы за сценой, так что я вам и рассказываю то, как оно за сценой. На экране я сам видел, как... одного моего знакомого мэтра корреспондент спрашивает с придыханием в голосе: как, дескать, рождаются великие замыслы, а мэтр, напыжившись и приняв глубокомысленный вид, рассказывал о некоем сне, который он воплотил в жизнь, или некоем озарении... Словом, у него есть такой дар, которого у остальных свиней нет.

Но я-то знаю его как облупленного! И спит он, как бревно, без всяких творческих снов, и работает каторжно... Но такие высокопарные рассказы звучат, признаю. Они нравятся как самому мэтру, так и корреспонденту, а экзальтированные теледуры вовсе в восторге. Дескать, существует же на свете нечто непознанное, высшее, что озаряет избранных!..

Вы не смущайтесь, и если просят, то почему не молотить ту же чепуху? Слушателям, а особо – слушательницам, это нравится. Но упаси небо самим поверить в этот бред! Не все, что продаете, стоит жрять самим.

За сценой не так красиво, верно. Зато видите мир таким, каков он есть.

Болезненный вопрос: как реагировать на критику читателей, специалистов, знатоков...

Не пугайтесь, когда у вас находят ляпы, ошибки и пр. Это не столько потому, что вы такие уж неумехи, а чаще всего потому, что человек, который находит у автора ляпы или даже грамматические ошибки, во весь голос хоть и молча, но вопит всем: смотрите, какой я грамотный! Я у писателя ляпы нашел! Я умнее, я грамотнее, я интеллектуальнее, тоньше, сенситивнее!!!

Ладно, простим ему эту простую человеческую слабость, чтобы можно было простить тогда уж и себе. Ведь я, всюду подчеркивая, что в седьмом классе сидел два года, а из восьмого выгнали за драки и хулиганство, тем самым точно так же молча даю понять, что я – талантище и все то, что написал и придумал, – моя личная заслуга, а не всяких там профессоров, что ежегодно выпускают обширные стада баранов с бумажками о высшем образовании.

Ну а если этому читателю больше не в чем самоутвердиться? Не обижайтесь, собирайте все выловленные ляпы и ошибки, благодарите и... в большинстве случаев просто выбрасывайте. Это в случаях, когда вас учат «как надо» писать. «Как правильно». Но в одном случае из ста стоит прислушаться и поправить.

Всякий, кто находит у вас ошибки, косвенно хвалит себя, но заодно бесплатно работает на вас!

Очень частый вопрос, на который я никогда не даю ответы...

Это о взаимоотношениях авторов с издательствами. Какие взаимоотношения, все просто... Вы пишете, издательство публикует... Или в смысле, как отправлять? Да сейчас все просто: хоть в рукописи, хоть в распечатке, хоть на дискете, сидюке, зет-флеше, емэйлом...

Нет, не это? Для меня существуют только такие. Но, оказывается, начинающих больше интересует, не как написать хороший хитовый роман, а как подать себя, чтобы приняли, как раскрутить, как рекламировать, как создать свой имидж и прочее-прочее.

Пусть я буду выглядеть отставшим от жизни... хотя на самом деле я ее обгоняю, но я таких советов не дам. Более того, твердо стою на прежнем: хорошая книга пробивается без всякой рекламы, раскрутки и прочей дряни. А «раскрученные» авторы, как вы могли заметить, вскоре сникают, уходят с надутых первых мест в десятые, сотые, а то и пропадают вовсе. Брехня, что без раскрутки ни один автор в современных условиях не выплывет наверх. Не хвастаюсь, но у меня, к примеру, никакой раскрутки не было: ни одного интервью газетам и телевидению, ни одного фото, ни одного рассказа о своей гениальности, ни одной рекламы в метро или по ящику. Но если книга того стоит, то любой купивший ее говорит знакомым: купи, не пожалеешь! Я всю ночь читал!!! А сейчас перечитываю снова и снова.

От одного человека эта лавина катится дальше, набирая массу, тиражи, объем, переиздания. Но если книга слаба, то, как ни раскручивай, читателя не обманешь. Умелой рекламой можно заставить купить одну книгу, но дальше при одном упоминании имени автора будут воротить нос, и уже даже гениальные книги того же автора будут пробиваться с трудом. Пишите – хорошо! Ярко, интересно. Если одного читателя привлекают философские аспекты, другого – интересные идеи, третьего – тщательно выписанные образы, четвертого – драки, кровь и много трупов, то сделайте такую вещь, и она потрясет мир, а вас сделает богатым и толстым. Такую мешанину сделать невозможно? Ха, а что же такое шекспировский «Гамлет»?

Не тратьте силы на то, чтобы протолкнуть рукопись! Иначе вам придется тратить такие же силы и на проталкивание второй, третьей... А дальше проталкивать будет не легче, а труднее.

И все-таки, как попасть в печать в первый раз?

Вопрос все-таки для всех животрепещущий, ведь в каждое издательство ежедневно приходят тысячи романов!

Ну, не тысячи, десятки – да, приходят. Однако рецензент с первых же строк в состоянии определить примерный уровень читаемого. Если безнадежен – бросает читать, отказ. Если близок к публикуемости – читает дальше. А потом либо отказ, либо рекомендация к публикации. Но вы ведь уверены, что ваша вещь – шедевр? Хорошо, берем этот вариант. Рецензент видит, что рукопись – шедевр. Тут же докладывает зав. редакцией. Тот смотрит – действительно шедевр. Докладывает главному редактору. Тот не верит, ибо шедевры – редкость, сам читает. Хватается за голову, бежит к директору. Быстро прикидывают, сколько по максимуму могут вам заплатить и... нет-нет, вас не приглашают в издательство!

Вам посылают письмо по емэйлу или с курьером с галантнейшим предложением назвать место и время, чтобы встретиться и обсудить условия сотрудничества. Будьте уверены, что явятся, оставив все свои дела, самые высокие чины издательства. Явятся и будут вам предлагать самые высокие ставки, самые высокие гонорары, самые выгодные условия сотрудничества... Взамен будут просить только одного: чтобы вы хотя бы в течение трех-пяти лет отдавали все рукописи только им.

Если не согласитесь, они и это проглотят, ибо это мир рынка: кто предложит больше, того вы и вправе выбрать. Просто будут вам предлагать по максимуму. И забудьте нелепые рассказы, что издательство обманывает своих авторов! Конечно, там коммерсанты, в убыток работать не будут, но ни за что не захотят потерять талантливого автора! Это не только прибыль, но также имидж издательства. Каждое гордится звездами, которых удалось переманить...

Абсолютная истина: ни один талантливый автор не бывает потерян! Ни одна яркая рукопись не отвергается... навсегда (это я о «Ярости» :-)).

Рейтинги, рейтинги, списки бестселлеров, топ-листы...

В последние годы они множатся, как мухи на дохлой корове. Но в самом ли деле это мнение общества?

Конечно, приятно, особенно начинающему, видеть, как напротив его фамилии появляются цифры. Как фамилия поднимается в списке вверх... Даже если он сам туда заходит и голосует за себя, что в Интернете обычное дело... Увы! Если вы собираетесь быть в самом деле писателем, пусть даже, как говорят высоколбые презрительно, пишущим на потребу быдлу, все равно вы не должны идти у этого быдла... или высоколбых, не важно, – на поводу. Пусть даже эти рейтинги в самом деле составляются на основе опросов читателей. А читатели, увы, не всегда, не всегда... И не шибко, тоже, что еще увее. К тому же их легко повернуть в любую сторону, как муравьев пахучим запахом, а они... как муравьи, так и читатели – будут считать, что по-прежнему идут прямой дорогой к коммунизму.

Видно же, что абсолютное большинство просто заходит на сайт, читает новости и уходит. Голосует один из пятисот, это данные статистики. А этот пятисотый – особая личность. На него ориентироваться... К примеру, есть многочисленная группа знатоков, как они себя считают в ФИДО, где эти любители фэнтези ведут бесконечные дискуссии о форме ушей эльфов Толкина и отличиях этих ушей от ушей эльфов Васки Собакина, пишущего под красивой заграничной фамилией Роланда... э-э-э... нет, не Роланда, а Гарольда... или не Гарольда, но это не важно. Главное, чтобы не пахло этим поганым русским духом.

Эти любители фэнтези любое литературное произведение оценивают не по степени его воздействия, как надо оценивать любое произведение искусства, будь это музыка, литература, архитектура или скульптура, а по точности изображения «хорошо сбалансированного меча», мать его, как же насточертел, или тех же ушей эльфов, троллей или фей.

То есть в их тусовке оживает старое доброе совковое время, когда от писателя требовали не столько писательские качества, как умение проникнуться производственным процессом рабочего-сталевара, когда ценилось количество часов, проведенных писателем на целине, БАМе, великих стройках коммунизма, в архивах,

исторических музеях...

Фидошники предадут анафеме роман, над которым рыдали, потому что у героя меч с двумя выступами на рукояти, а, по историческим данным, в это время ковали мечи с тремя выступами!!! Все, он дурак. Ничтожество, его читать не стоит, его книги стоит предать осмеянию, а из рейтингов убрать вовсе. Вот такие старички в юных телах, вот такой выверт советской эпохи с ее дикими требованиями. Эксперт – это существо, которое перестало мыслить, ибо оно знает!

Я остановился на них, по-своему милых и хороших ребятах, действительно знающих фэнтези, как никто другой, но оценивающих как-то странно, потому что если ориентироваться на их рейтинги, то наверняка сразу задушить в себе писателя. А какой-то начинающий начнет ориентироваться, потому что глас масс – глас божий, к тому же они в самом деле читают все, знают все, фантастику любят самоотверженно... Но если вы писатели, то создаете литературные произведения. А это значит, действуете на воображение. То есть имажинисты. Писатели-имажинисты. А те, которые... гм, знатоки, остались верны соцреализму. Ну и хрен с ними!.. Уйдут, как ушла советская власть.

Ваша задача – тревожить сердца. Чтобы человек ударился в слезы: как я мог жить свиньей? Вот с сегодняшнего дня стану совсем хорошим, праведным, начну старушек переводить через улицу! Даже если очень упрутся. А точным описанием закалки меча, седла, географически верным описанием излучины реки – нет, сердца не встревожите. Справочник все равно круче!

Ваша задача: волновать сердца, исторгать слезы, делать людей лучше и чище. Взволнуете ли техническим справочником?

Что можно в произведении, а чего нельзя

Все сказанное применимо к любой художественной литературе. Если кто сгорает от нетерпения услышать именно о фантастике, единственном лит жанре, заслуживающем внимания, то начнем, только очень коротко, в одном абзаце, опять же с базы. Годика в три-пять человек начинает рисовать, в четырнадцать – сочинять стихи, в два дцать – писать рассказы, в двадцать пять – тридцать – фантастику. Конечно, плюс-минус небольшое количество лет.

Замечено, что у творческого человека сперва начинает работать воображение, потом – сердце (ах, стихи!), потом мозги, а для перехода в стаз фантаста требуются уже очень хорошие мозги, способные не только думать, но и создавать миры, генерировать философские идеи. Конечно, не все дорастают до высшего стаза, большинство остается в простой прозе, еще больше – всего лишь в поэтах или художниках, но мы-то высшая раса, верно?

Тут, полагаю, никто не станет спорить, это же ясно, только мы, пишущие фантастику, – арийцы, все остальные – низшая раса, вне зависимости от национальности, расы, партийности, сексуальной ориентации и принадлежности к эльфам, гномам или паладинам.

Редакторов, которые говорили бы, что можно, что нельзя, – уже нет. Но полная свобода от всех правил тоже чревата. Новичок, ошалев от свободы, пихает в свой роман, а то и в крохотный рассказик пришельцев из космоса, динозавров, мутантов, хренонавтов, сумасшедшего профессора и умных роботов... и вообще все, о чем успел услышать хотя бы краем уха. Получается редкая дрянь, вкусив которой даже читатель не всегда поймет, что же не нравится. Ведь вроде бы круто, а из бластеров палят даже динозавры и тараканы!..

Уэллс вошел в классику еще потому, что в каждой вещи было одно-единственное фантастическое допущение. «Человек-невидимка» – приключение ставшего невидимым в привычном реальном английском городке. «Война миров» – марсиане высаживаются в Англии... и все. Больше фантастических допущений нет. Дальше страшная реальность. И так в каждом романе, рассказе, повести.

Нет такого, чтобы в одной вещи, пусть преогромной, встретились динозавры и пришельцы из космоса, звездолетчики и франкенштейны. Зато одно-единственное

допущение позволяет обыграть его со всех сторон, показать свой класс. Яркое цыганское платье не бывает стильным. Уже потому, что слишком яркое, пестрое...

История развития человечества – история запретов. Не позволяя себе делать то или другое, человек выдвигал из себя животное. Не позволяя себе пихать в роман все, что душа просит, человек из любителя, пишущего «для себя», превращается в профессионала.

Никто вас не держит за руки, вы можете пихать в свои произведения все. Потому вам хуже всех – вы должны хватать себя за руки сами.

Огонь, вода и... самое трудное, медные трубы

Может быть, это и не стоило бы начинающим... но ведь не зря говорится – береги честь смолоду? Давайте проскочим через эти нелегкие будни, когда пишете, конечно же, замечательные книги, а всякое тупье отказывает в доступе к большим тиражам, когда заставляют переделывать, иначе в работу не берут вовсе, когда публика та-а-а-ак медленно привыкает к вашей гениальности, а вам самому это давно ясно...

Но вот это поняли самые сметливые, потом поняли и все тупые. Вы прошли огонь и воду, все вытерпели, вынесли, и – наконец-то! – пришла слава. Со всех сторон бегут женщины, ради которых все и делается, президент предлагает орден Спасителя Отечества, Академия искусств приглашает нагнать выю под лавровый венок, пионеры несут красный галстук, а монархисты предлагают вам титул потомственного дворянина... нет, сразу князя.

Огонь и воду вы прошли, начинается испытание медными трубами! Увы, я что-то не вижу, чтобы хоть один наш писатель его прошел... Во всяком случае, сразу вот так припомнить не могу. В голову лезут всякие там... ладно, не будем показывать пальцем, вы сами их прекрасно знаете, этих гениев, целующих руку Власти в обмен за орден! А вот человека сразу так с ходу вспомнить не могу. Ладно, вполне возможно, что им будете именно вы.

Основным Заповедям Творца практически никто не следует. Если кто и следует, хотя, повторяю, я таких не могу вспомнить... то разве что инстинктивно. Первая заповедь – самая трудная, просто невысказанно трудная: творящий не должен принимать наград! Ни официальных из рук властей, ибо тем самым становитесь им на службу, а служивый писатель – это, знаете ли... ни даже из рук общественных комитетов, клубов, фондов.

Дело не только в том, что все кем-то да контролируются. Все равно эти группки собираются по интересам. Получив премию из рук кружка по защите бабочек, уже неловко сказать, что гусеницы грызут листья и наносят урон садам! Если взять из рук Нобелевского комитета... ну, настоящего творца обязательно бы смutilо море крови, пролитое динамитом, на крохи от продажи кот орого учреждена эта премия!

Конечно, обидно смотреть, как щеголяют в орденах и медалях молодые и старые брежневы, вот и берут сами. Но на свете есть и другая награда! Об этих, премияносцах, спрашивают с недоумением: «Как ему удалось получить это звание? Не иначе как в родне с таким-то, или же его ставит кривой такой-то, а этот такой-то главный в их тайной распределителке...» Лучше, если будут удивленно спрашивать: «Как, вы все еще не лауреат?» – а властям будут писать письма, требующие присвоить вам хотя бы звание Героя Человечества. Сейчас заря Нового Мира.

В старом хорошо бы оставить и эту дикость, когда князек или просто атаман шайки милостиво одаряет из награбленного своих разбойников и своих шутов, что сумели угодить подхалимажем или развеселой песней. Не важно, как называется теперь этот князек: президент, премьер, или глава фонда, ведь шаман все равно шаман, если даже переименовался в папу римского, верховного муфтия, патриарха или архиепископа.

Где сверхлауреаты, Герои, лавроносцы советской системы?.. Всяк увидел их подлинную цену. Впрочем, видели и тогда. Как видят подлинную цену и нынешним лауреатам, лауреатикам и лауреатишкам – им несть числа. Каждая фирма, кружок, печатное издание плодит своих самых замечательных, самых талантливых, заодно

сбивая лохам их нетленные труды.

Конечно, при чем здесь наша Россия?.. Так и на Западе, все верно. Более того, там этих лауреатишек еще больше. Там те же фирмы, общества, фонды, кружки, движения... И все остервенело бьются за расширение, за сферу влияния. А брошенная со стола феодала кость шуту... ладно, барду – способна еще как повесить рейтинг феодала за счет благодарственной песни сытого певца!..

Сформулируем так: всякий, кто принимает орден или лавровый венок, записывается в челядь того, кто бросает эту кость. Даже если вам лавровый венок вручают от имени некоего общества, чистого и незапятнанного... Предположим невероятное, что это общество никем тайно не финансируется и не контролируется. Оно в самом деле чистое и незапятнанное. Но все-таки вы начинаете ему служить... Ведь просто неприлично кусать руку, которая вас гладит или кормит. Но тогда где ваша свобода?

Самое главное, самое важное, вы – творцы! Вы важнее, в миллионы раз важнее всех этих президентов и канцлеров, что будут вручать ордена!.. Вы – сердце человечества, а сердце важнее, чем даже мозг, ибо сердце приказывает, а мозг лишь придумывает, как лучше это выполнить.

Не записывайтесь в челядь даже очень знатных! Не нужно, вы сами – боги!

Осознайте свою мощь и не пицтите мышинными голосами!

Да, вы – писатели, владыки этого мира. Это только простой люд все еще по старине считает вершителями судеб президентов, канцлеров, даже королеву, папу римского и прочих коронованных или избранных, ха-ха, всенародным голосованием плебса, что за *rapem at citizens* проголосует хоть за козу в президентском кресле.

Вы давно показали свою мощь. К примеру, пару сот лет назад один из вас написал пьесу «Овечий источник», в которой феодал принуждает крепостную к исполнению ею обязанности первой брачной ночи. Разгневанные зрители сразу после премьеры пьесы разгромили имение ближайших аристократов, а потом пошли жечь их и дальше по стране, вешать, громить и вообще изничтожать как класс. Восстание не затихло, как ожидалось, ширилось и в конце концов привело к полной ликвидации того, что называем феодальными привилегиями.

Но и тот случай не научил относиться к писателям с достаточным почтением. Или осторожностью. Наверное, потому, что в массе своей писатели – достаточно тупые и недалекие твари, а нормальный человек судит по одному обо всех. Это, собственно, верно, но писатели – исключение. Ни один человек не может быть сильнее другого втрое или впятеро, а вот писатель может быть сильнее остальных своих собратьев, вместе взятых, в сто тысяч раз, в миллионы, в неизмеримое количество раз.

Меня лично ни одна из премий не впечатляет, а сам я давно и твердо отказался от любых премий. Дело в том, что даже самая престижная, элитнейшая из премий давно служит политике. Ладно, оставим подозрения, что члены присудителей куплены-перекуплены, как радостно подтвердит обыватель, он везде видит подкуп. Предположим, что там только честнейшие и добродетельнейшие мужи, радеющие о человечестве. Вот перебрали они лучших литераторов-социологов и собрались присудить премию...

И тут один из них... предположим, что без подсказки извне, хлопает себя по лбу и говорит: братцы, да что ж делаем? Третий раз подряд присуждаем европейцу! А ему: при чем тут европеец или не европеец? К тому же в позапрошлый раз получил испанец, в прошлый – англичанин, а сейчас дадим французу...

А тот, умный, кричит: да вы что, не понимаете, что таким образом мы льем воду на мельницу фашиствующих молодчиков, что тут же завопят о превосходстве белой расы? Нет, надо дать негру. Да не просто негру, а негру из самой Африки, чтобы поддержать этот черный-пречерный континент. Ему промямлят, что в Африке и литературы нет, как и науки, но тот возразит твердо, что такой ерундой можно поступиться ради великой идеи равенства рас, религий и народов. То есть во имя торжества общечеловеческих ценностей! И хрен с нею, справедливостью.

Торжество общечеловеческих требует на окровавленный алтарь эти крохотные ничтожные жертвы, как честность или справедливость... которые давно уже надо стереть в порошок и забыть о них!

Любому стоит просто взглянуть на списки лауреатов... Я бы сказал, что дело СССР живет и побеждает: мне в те времена однажды отказали в одном издательстве, мол, география перекошена, надо выправить. На мой вопрос: «Что это такое?» – мне объяснили, что слишком много было опубликовано из Харькова, вообще украинцев, надо опубликовать столько же текстов из Якутии... Не важно, есть там писатели или нет. Хоть кого-то. А потом еще и дать премию. Чтоб все видели: для советской власти нет любимых или нелюбимых регионов!

Если вы чего-то стоите, то вам не нужны все эти смешные звания и премии.

Время, место, погода, где происходит...

Вот сейчас вспомнил, что не сказал такую важнейшую вещь для любого автора, будь он начинающим или великим мастером: о времени и действии!

Обычно в голову приходит какой-то момент из будущей вещи, какая-то прекрасная идея, которую автор спешит запечатлеть, пока еще свежа, пока не стерлась, ибо завтра покажется уже не такой яркой, а через неделю для самого будет выглядеть неинтересной. И он записывает ее в виде самой идеи или же в виде сжатого диалога, что уже есть художественная ткань.

Чаще всего это вот, записанное по горячим следам, выглядит достаточно свежо, ярко, в таком виде и просится в произведение. В редких случаях в самом деле можно в таком виде, но и в этом случае начинается долгая и обязательная работа по оформлению.

Что это такое? В отличие от фильма, где сразу же появляется как герой, так и вся окружающая его обстановка, в тексте этого нет. Там – черные значки, именуемые буквами. В фильме герой еще не раскрыл рот, а мы уже видим: самец он или нет, молодой или старый, мелкий или крупняк, одет или так себе, хорош или ничего особенного...

Так же видим в самых мельчайших подробностях, зачастую излишних, где происходит действие: в помещении, на открытом воздухе, в летящем самолете, под водой или в пещере.

Конечно, почти всегда сразу же видим, зима или лето, ночь или день и прочие обязательные мелочи. В тексте это не возникает автоматически, как перед объективом телекамеры, потому вы постоянно должны помнить о таких мелочах, как весь окружающий ваших героев мир.

Признайтесь, вам тоже нередко встречались тексты, не только в Интернете, где можно встретить абсолютно все, но и в бумажных книгах, вроде бы прошедших строгий отбор в лице редакторов и корректоров, где герои беседуют, спорят, волнуются, а вы все еще не можете себе представить ни самих героев, ни обстановку: то ли они сидят за столом в кафе, то ли едут в троллейбусе, то ли бредут по снегам Антарктиды?

В старину этому придавалось столь большое значение, что Тургенев и авторы его эпохи заполняли первые страницы описанием погоды и места действия, постепенно-постепенно приближая к героям. То есть сперва погоду и описание края. Потом вдаль замечали крышу усадьбы, приближались, продолжая ее рассматривать, как бы наезд телеоператора для более крупного плана, затем все крупнее и крупнее веранда, в кресле сидит человек. Все ближе и ближе, видна его фигура, подробное описание фигуры, одежды, позы, наконец крупным планом лицо,двигающиеся губы, речь...

Мы были уже из другого времени, так что уже в моем детстве это пролистывали, стремясь поскорее добраться до действия, или, как сейчас сказали бы, до экшена.

Однако же без описания места действия, природы, погоды, времени суток и прочих мелочей – нельзя, ваше произведение потускнеет и рассыплется. Другое дело, сейчас нельзя это в тургеневском стиле, ибо читающий не станет перелистывать в поисках экшена, а просто отложит ваш шедевр и возьмет книгу другого автора: не тургеневские

времена – книг полно на любом прилавке!

Так что приходится вкраплять описания в сам экшен. Это намного труднее, но, что делать, как уже сказал или скажу ниже, сейчас общий уровень писателей намного выше, чем во времена Тургенева или Бунина.

Почаще возвращайтесь к тексту и проверяйте: не подумает ли читающий, что ваши герои прогуливаются под ясной луной, когда они у вас по замыслу лежат на пляже?

Что такое «боязнь белого листа»?

Да, верно, среди пишущих гуляет, как чума, от которой нет прививки, эта чертова боязнь белого листа, а теперь еще и пустого экрана компа. Это едва ли не самая распространенная болезнь пишущего. С ней может конкурировать только такая же патологическая тяга к писанию, то есть графомания...

Как известно, писатель – это человек, которому писать труднее, чем остальным людям. Потому и появился даже особый термин, настоящий наш бич, сам с ним сталкивался, это просто жуть!

А что, они в самом деле допускают, что у меня может быть страх перед белым листом бумаги? Вот уже и чашка крепкого кофе опустела, вот и детей на улицу, чтоб не шумели, пора начинать... но все слова такие неуклюжие, корявые, слабые! И вот часами автор бьется над первой фразой, наконец, плюнув, встает из-за стола и куда-нибудь в кабак к бабам за вдохновением...

Профессионалы все же как-то с этой боязнью листа справляются. Один мой знакомый просто начинает с первой попавшейся фразы, развивает тему, сворачивает на то, что нужно, а потом преспокойно выбрасывает первую страницу. Конечно, новичку такое не посоветуешь, он дрожит, как Кощей, над каждым словом, за вычеркнутую фразу горло порвет, а сам у себя буквы не вычеркнет!

Другой мой приятель поставил целью не давать себе простаивать дольше минуты. Знает, что страх перед белым листом может закрепиться, перейти в патологию... а все мы, пишущие давно, можем указать пальцем на одного из знакомых. Потому медленно, упорно, карабкаясь от слова к слову, он выдает нужные ему тысячу слов в сутки.

Не за час, как мог бы при «вдохновении», а за пять-семь часов каторжного труда, постоянно и через равные промежутки заставляя себя тыкать пальцами в клавиши. Не все время, правда, тыкая монотонно, иногда и строчит как пулемет, но когда накатывают оцепенение и этот страх, то все равно выдавливают из себя нужные буквы. Не останавливаются! Потом, правда, приходится этот корявый текст править. Но готовое править намного легче, чем вылавливать по букровке в пугающем космическом пространстве!

А читающему книгу все равно, как написано: по «вдохновению» или же автор просиживал задницу час за часом. Читатель смотрит на конечный результат: здорово или слабо? Мудрый и единственно верный критерий.

«Боязнь белого листа» профессионалу противопоказана. Это болезнь начинающих и любителей. А кем вам стать – выбирайте!

А если в самом деле не пишется?

Ну а если в самом деле не пишется? Ну не пишется, хоть убей! И ничего общего нет с боязнью белого листа! Голова тупая, ни одной мысли – даже после третьей чашки кофе! И так уже пятый день подряд. А то, что через силу набивается на клавише, – ну бред, бред... Даже править там нечего, надо выбрасывать сразу, а самому хоть красивое... или как получится – сальто с балкона десятого этажа на асфальт!

Ну да, если вы не профессионал и не стараетесь приблизиться к профессионализму, бросайтесь, не жалко. А остальные знают: всегда есть на бумаге или в файлах уже набранное, можно и нужно править, улучшать, добавлять, расширять, заострять и так далее. Работа на тот нередкий случай, когда, как говорится, нет вдохновения, а, попросту

говоря, в этот момент ничего яркого не лезет в голову. И вообще устал, в голове только серый туман.

Как видите, нет лекарства от, а есть лекарство для. Я говорю прописные истины, которые вы и так знаете: нужно, как простому токаря, садиться за свой литературный станок и дорабатывать написанное. Нет такой вещи, что при повторном прочтении показалась бы безукоризненной! Нет такой вещи, что после доработки стала бы хуже. Классики переписывали свои вещи по двадцать раз, всякий раз улучшая, но осталась работа и для двадцать первого.

Так что правьте, убирайте сорняки, ужимайте текст, выстругивайте, а потом накатит творческая волна, снова жар и лихорадочная спешка успеть записать мысль, образ!

Для настоящего писателя всегда есть работа над текстом. Только тот, кому никогда не стать писателем, скажет: я закончил, ничего нельзя убрать или добавить!

Почему дрянную книгу читают чаще всего куда охотнее, чем умную, правильную?

Да уж такова важнейшая особенность нашей психики, как восприятие правильности и неправильности. Увы, всякая правильность читателя угнетает. Правильный человек никому не интересен. Заставляет скучать. Хуже того, раздражает, как плакатные герои строительства коммунизма. вспомните, если не стыдно, каким именно тараном разбивали твердыню социализма!

Так было во все века: Робин Гуд всегда и везде популярнее, чем Фрэнсис Бэкон, мускулистый Конан интереснее первопечатников Гуттенберга или Ивана Федорова, а убийца Каин круче и тоже интереснее пресненького до тошноты Авеля.

Автор же, увы, обычно идет... вынужден идти!... на поводу желаний массового человека. Даже у нас, в недавно самой читающей стране мира. Вернее, у нас идут даже охотнее, просто бегут, ибо переели правильности и хорошеи. В русском кино косяком пошли вдогонку за штатовскими благородные киллеры, проститутки с сердцем пресвятой девы, владыки подземелий, аристократичные мафиози, а в фэнтези бросились изображать героев не совсем чтоб уж благородных, а как раз на стороне Зла...

Еще Вальтер Скотт горько жаловался, что ему никак не удаются благородные образы! Злодея пишет одним махом, сочного и яркого, запоминающегося, а вот даже Айвенго скучен, как овца в сумерках. Но он хоть дерется, что-то живое, а что сказать о леди Ровене и прочих главных героинях его романов? Так что, если писать только образы злодеев, роман может получиться ярче. Намного ярче, принесет повышенные гонорары, премии, внимание прессы, восторг читателей. Может быть, у него даже читателей будет больше. Но что это за читатели... Да и каким вы станете писателем?

Дилемма: правильный герой неинтересен. Даже раздражает. В неправильном видим что-то от себя. Пусть пока спрятавшегося. Так на чью сторону встать?

Даже у президента нет столько советчиков, как у писателя.

И еще – о новизне темы

Я ни на кого, упаси Боже, не намекаю, но можно вывести закон, что-то типа: чем глупее и невежественнее человек, чем он дальше от литературы, искусства, науки, спорта... тем безапелляционнее будет указывать, что надо сделать, чтобы улучшить книгу, картину, открытие, рекорд, финансы и так далее.

Это мы постоянно видим на примере доброхотов, которые указывают на несоответствие вооружения героев, на слабое освещение политики... хе-хе, в любовном романе, на неверно показанный монетаризм – в боевике про ревнивого мужа, на неточное освещение работы шестого члена на правой сяжке муравья – в другом боевике... В то же время недоумевают, как у нас получается, что такими недоделками заставляем их рыдать, скрежетать зубами, смеяться, негодовать, голосовать за правых или за левых...

Чаще все дело в новизне темы, срабатывает как раз она! Сама по себе тема может быть необязательно новой, иначе победителем был бы тот, кто, скажем, первым описал новый графический акселератор. Новизна темы чаще всего связывается с пересмотром устоявшихся взглядов на привычность. Чтобы рискнуть нарушить привычность, надо в еще большей степени, чем талантом, обладать просто смелостью. Даже бесстрашием, если хотите. Посметь сказать иначе, чем все приличные и благополучные, умные и всезнающие.

К примеру, все всегда знали, что баллада – высокий и благородный жанр. Возвышенный и одухотворенный. Также все знали, что самое низменное и скотское скапливается в солдатских казармах. Особенно это ощутимо было во времена викторианской Англии, когда джентльмены были настоящими джентльменами, а леди... о, это были леди!.. И не было более грубых людей, чем тупые солдаты, не находилось места гаже, чем казармы, где ничего не услышать, кроме грязнейшего мата...

И тут один сумасшедший выпускает первый сборник стихов с названием «Казарменные баллады». Я даже не пытаюсь пересказать, что это вызвало.

Но поэт остался жив. И выпустил второй сборник с еще более вызывающим названием – «Департаментские песни». А во всей Англии не было более скучной, рутинной профессии, чем департаментский клерк. Наш бухгалтер на его фоне еще орел! Но чтобы бухгалтер запел...

Да, с портретов Киплинг смотрит так, как и должен смотреть лауреат Нобелевской премии, пример для английских школьников и даже взрослых. Но не попал бы он на портреты, если бы не начал с таких скандальных пересмотров привычных уже литературных тем!

Не страшитесь идти наперекор всем литературным нормам. Классиков не смущали нормы, законы, комильфо – они писали так, как считали нужным.

Скандальность, нарушение норм, наркотики... Где грань, когда нужно остановиться?

Многие гении на окружающем фоне выглядели слишком уж скандальными личностями. Даже наши классики, с которых начиналась литература, Пушкин и Лермонтов, тогда не выглядели такими уж подстриженными, как рисуют их сейчас.

Сейчас среди непрофессионалов существует мнение, что наркотики стимулируют воображение. Что вроде бы открываются некие горизонты, новые миры, измерения, появляются новые краски... Посему, мол, писатели все наркоманы. Ну, как раньше, когда наркотиков не знали, все творческие работники были просто «алкоголики и развратники». Теперь же, когда слово «разврат» исчезло... сейчас тинейджеры даже не знают, что этим словом обозначались 99% всех утех между мужчиной и... женщиной, то чуть ли не непременным атрибутом писателя стали половые перверсии и наркомания.

Ну, насчет того, что среди творческих профессий гораздо больше наркоманов, алкоголиков, извращенцев и прочих вывихов, все верно. Но это не издержки профессии, а свойство характера – все попробовать самому! Благополучный член общества, неписатель, хоть и до свинячьего писка хотел бы вкусить запретного плода, да мораль не велит, и общественного мнения страшится, да и самого трясет, как попову грушу. А писатель, музыкант, художник – ничего не страшатся. Вот и ловят золотые медали и СПИДы вперемешку в отличие от благопристойного гражданина, что хоть и без золота, зато цел в своей премудропескаринной норке.

Понятно, что, будучи человеком любопытным, я попробовал не только йогу и сыроедение. На собственном опыте, да и опыте друзей говорю уверенно: брехня! Ни черта творческому процессу это не помогает. Напротив, тормозит. Да, глюки яркие. Да, балдеж, поплыл, все такое. Да, в этом состоянии могут сочиняться гениальнейшие стихи или проза... но только с точки зрения самого грезящего. А выйдя из такого состояния, стыдно смотреть на свой бред.

Я думаю, что многие сталкивались с этим явлением даже без наркоты. Во сне, бывало, такие стихи сочинишь! Иногда даже успеваешь запомнить. Проснувшись, быстро записываешь гаснущие строки шедевра. И с великим разочарованием видишь, что бред,

бессмыслица. А во сне восторгался озарением! Идиот.

Так что просто примите совет старого профессионала: не стоит. Не потому, что мама не велит или милиция грозит пальчиком, а из-за бессмысленности для настоящего человека. Всякая там дрянь пусть нюхает, ширяется – их не жалко, – а вы не тратьте силы и время на тупиковые дороги. Я по ним ходил, тратил годы, возвращался. Но кто-то из моих друзей не вернулся. Не стоит даже пробовать. По весьма серьезной причине: будучи, как теперь говорят, из неблагополучной семьи, будучи за драки и хулиганство изгнан из 8-го класса, после чего пошел бичевать по Советскому Союзу, я рано начал курить, пить, а потом познакомился весьма крепко с наркотиками. Так вот, если против алкоголизма иммунитет есть у каждого десятого... или сотого, не проверял, то против наркотиков... гораздо, гораздо меньше. К примеру, мне не составило труда бросить курить, как только увидел, что это превращает меня в раба привычки. В то же время в моем холодильнике стоят коньяки и вина. Распечатанные бутылки. Месяцами. Хочу – налью, хочу – не налью. Я не раб, зависимости нет. А если и оприходую пару стаканов коньяка, то наутро все равно не тянет повторить. Скорее наоборот.

Не то с наркотиками. У меня зависимость так и не появилась, но мои друзья попались едва ли не с первой дозы. Так что лучше и не пробовать. Тем более самое главное: это ничего не дает творчеству. Что здоровье гробит – плевать, нам жизнь не дорога. Не по-мужски цепляться за жизнь и даже за здоровье, но наркотики, даже самые изысканные, в самом деле не прибавляют ни воображения, ни таланта. Даже не стимулируют, как простая чашка крепкого кофе!

Поэтому тот, кто хочет схватить Жар-птицу за хвост, должен иметь ясную голову и недрожащие пальцы. Лучше избегать даже алкоголя, хотя, понятно, полностью в этом мире могут избегать только подвижники, а на редких встречах и прочих мероприятиях приходится, еще как приходится, дабы не слыть белой вороной. Но это на встречах. А дома разве что крепкий чай или кофе.

Писателю противопоказано слабое здоровье и расшатанные нервы.

«Я не знаю, какая строка у меня будет следующей...»

Как часто мне приходилось слышать эту брехню! «Я не знаю, какая строка у меня будет следующей, так как я всего лишь иду вслед за моими героями. Они сами ведут себя, как считают нужным, а я всего лишь записываю, сам удивляясь их поступкам...»

Звучит здорово, так и хочется поверить. Почему хочется? Да все потому же, что до свинячьего писка жаждется телепатии, ясновидения, телекинеза, Несси, снежного человека, озарений, Бермудского треугольника, деревьев-людоедов, жизни на Марсе, золотой рыбки, джинна из бутылки...

Проще говоря, осточертела эта обыденная жизнь, хочется то ли Конституции, то ли севрюжины с хреном. И когда вот такое брехло начинает разводиться лохов насчет озарения и собственного поведения героев, то это и есть таинственный мир, в котором может происходить все... в смысле не все, конечно, «все» на фиг, а то самое, что так хочется, чего так жаждется, о чем так грезится в полудреме.

Мол, автор – нечто необычное, он принимает сигналы из космоса (раньше – от Бога), он сам не понимает, что делает и говорит (ну как шаман, через которого говорит и раздает автографы Бог Великих Охотников), он только записывает, записывает, записывает, как записывали ребята раньше его: Моисей, Мухаммад и прочие, кому посчастливилось услышать голос Бога. Писатель, как сами понимаете, в этом же ряду :-).

И слушатели верят охотно, так же как дети верят в Деда Мороза и фокусников. Только взрослые в Деда Мороза уже не верят, а вот в озарение и собственное поведение литературных героев – еще как! И накинутся на того, кто посмеет указать на серую жизнь и напомнить, что не сидят джинны в бутылках, а золотые рыбки не ждут, когда же наконец подойдем к аквариумам.

Ладно, пусть верят, если им это скрашивает жизнь, но вы, будущие профи, должны знать правду. Все разговоры про неожиданные поступки героев – обыкновенный (вымарано цензурой) и ничего больше. А также – (тоже вымарано). И (вымарано), где

(вымарано)!!!

Хуже всего, когда это говорится не для восторженных дур или искателей Несси, а для молодых писателей, которых так легко сдвинуть хоть вправо, хоть влево, но еще проще – притормозить, чтобы не забегали вперед, не собрали ягоды первыми.

Так вот, я общался со многими, очень-очень многими писателями в Союзе писателей СССР (я принимал партийные взносы от прозаиков Московской писательской организации), знаю их кухни, а также знаю литературные кухни авторов прошлых лет (напоминаю, кроме профессии литейщика, у меня есть нехилое литературное образование), так что я знаю, что говорю, когда утверждаю с полной уверенностью: эти вот с рассказами о «собственном поведении литературных героев» брешут, как поповы собаки!

Более того, очень часто даже невооруженным глазом видно, как автор принуждает героя делать совершенно противоестественные их характерам действия, чтобы подгадать к заранее сочиненному финалу.

Словом, еще раз: продумывайте произведение от начала и до конца. Если не удастся, то обязательно продумайте начало и конец. Желательно вообще их написать первыми, а уж потом вымучивать середину, что еще долго проступает как в тумане, вы представляете смутно, как поведете героев, что с ними произойдет... но уже твердо должны знать, зачем пишете роман, чем его закончите, какие идеи проведете недрогнувшей рукой!

То есть все профессионалы знают, что они делают! А пишут, не ведая, что они пишут, либо графоманы, либо (непечатно).

Писатель всегда работает по разработанному им самим плану. И, приступая к крупной вещи, всегда знает, чем ее закончит!

Фи, как вы такое читаете? Здесь же сплошной экшен!

Что-то с памятью моей случилось... Поправьте меня, если я в чем-то ошибаюсь. Вот ну не могу припомнить ничего из мировой литературы, от Гильгамеша до сегодняшнего дня, ни одного произведения, которое обошлось бы без душераздирающих страданий, боли, мордобоя в том или ином виде!..

Ну ладно, это у меня такой вывих, но вот смотрю на «Золотую полку» мировой литературы... Да не мою личную, ведь о вкусах не спорят, а на некую канонизированную. Не говорю уже о Шекспире – слишком часто его в пример ставлю, знаю, но не Васю же Пупыркина? – у него вообще сплошная мочилровка, просто прохаживаюсь взглядом по шедеврам...

Так, «Одиссея» Гомера вообще породила кучу боевиков, которые повторяют ее один в один. Ну, помните, как Одиссей после десятилетней войны во Вьетнаме... или Афгане, не помню, кое-как добрался домой, а его не только встретили без оркестра, но еще и наплевали на его заслуги, сказали: а на фиг нам та война, мы тебя в эту Трою не посылали. И вот бывший герой в своем доме застаёт грабеж, а его жену и ребенка притесняют и обижают... И вот тогда-то, доведя наши сердца до кипения, автор совершает мстительную, вообще-то не совсем юридически оправданную, но так нам понятную: без суда и следствия убивает всех женихов числом пятьдесят, что явились свататься к его жене! А слуг и служанок, что общались с мерзавцами, казнит на фиг!

Ладно, скажу за вас, а вы поправьте, если что не так. Онегин убивает Ленского, Печорин – Грушницкого, Раскольников – старушку, Каренина сама под поезд... Ага, вот детские стишки великого Пушкина, где никого не режут и не убивают.

Но, простите, любого оцениваем по его рекордам, а не по подходам к штанге. Важно ли, как уже говорил, сколько Ботвинник сыграл слабеньких партий в детстве, рассматриваем только чемпионские! А писателей оцениваем по их лучшим книгам.

Мало ли что Дюма написал двести романов! Оцениваем по одному-двум. Иногда по трем-пяти, но остальные заведомо слабее. И если там без страстей и крови, то они не встанут рядом даже с сапогами трех мушкетеров!

Это просто для размышлений, если не хотите принимать на слово.

Подумайте, почему именно эти романы встали на «Золотую полку», а умные, но чуточку занудные – даже не запомнились.

Трудная задача для слабых. Посильная – для вас

Перед начинающим всегда проблема: какой роман писать – на тему, которую хорошо знаю, или на тему, которая нужна? В первом случае я наверняка напишу гораздо лучше, что естественно, но, что знаю я, знают и многие другие. Если на тему, которая нужна, то ее не знаю ни я, ни другие, так как едва-едва начинает вызревать в обществе. Здесь ставки гораздо выше. Если подниму этот груз, то разом сорву банк, а остальным придется кусать локти. Но и пролететь гораздо больше шансов...

Я, ессно, всегда беру только новые темы. Да, я тоже, как и другие, не знаю, как к ним подступиться. Да, мне, как и вам, проще написать очередной роман в стиле «мечей и колдовства», там все знакомо по сотням фильмов, сериалов конины, зенины и пр. супергероев, прыжков, кувыркания и мечемашества, не говоря уже о книгах не шибко умных авторов. Но я однажды написал и повесил над столом плакат «Любой материал сдается!». И мне эти новые темы сдавались, я всегда оснащаю свои романы новыми идеями, новыми сюжетами, интригами. И у меня читающие не могут сказать с уверенностью, что случится на следующей странице.

В литературе, как нигде, верно правило: если же кто сказал слова добрые и правдивые, но его не услышали – значит, он и не сказал их. Так, кажется, сказал Шукшин, тем самым обращая внимание на то, как сказаны слова «добрые и правдивые». И как вообще надо говорить слова, ведь они у нас вообще все «добрые и правдивые» по принципу: кто победил, тот и добрый.

Для того чтобы даже показать ярче и по-новому «борьбу Добра и Зла» (что, уже и вам смешно?), лучше всего найти новые, незатертые темы.

Любой материал сдается! И любые нехоженые дороги.

Совсем коротко...

Паскаль заявил однажды: только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать. Что ж, для автора-профессионала это только повод вернуться и переписать задуманное, на то он и профи, а для новичка это толчок к малодушию и трусливенькому желанию все же поскорее отнести рукопись в издательство, а там как-то пробить, просунуть, протолкнуть...

Что могу сказать? Только: лучше журавль завтра, чем синица сегодня.

Что такое «снижение образа»? Зачем оно?

От предыдущей темы до следующей: о снижении образа – рукой подать. Да, именно так: снижение образа! Безукоризненный человек, признаемся честно, не только неинтересен, но и чуточку противен. Даже подсознательно враждебен. Все-таки мы сами не идеальные, потому все идеальное нам как укор. Другое дело – вываленный в грязи герой!

Одно удовольствие смотреть на великого господина N или товарища N, чтобы господин Бивис не чувствовал себя обойденным, который идет пьяный в стельку, орет похабные песни! Это нам как бальзам по сердцу: а мы не такие, мы лучше!

В литературе это давно подмечено. Профессионал, преодолевая естественное желание сделать героя идеальным красавцем, дает ему какие-то отрицательные черточки. Понятно, ме-е-е-елкие, но все же приятно, приятно.

В 60-х появился даже термин «небритый герой». Снова зазвучала «Бригантина», на экранах и страницах замелькали благородные пираты, авантюристы, а гимном стало: «слова их порою грубы, но лучшие в мире книги они в рюкзаках хранят».

Итак, снижение как литературный прием. Призванный обеспечить более тесный контакт с читающим, обеспечить сопереживание. Вроде бы арифметика... даже детский

сад. Но за быстрым успехом, в погоне за популярностью у простого, даже очень-очень простого читателя... чтобы не назвать его настоящим именем, мы сами снижаем и уровень всей цивилизации. Ведь парадокс в том, что технический уровень все еще растет, а моральный стержень сгнил, вот-вот рухнет. И тогда коллапс будет... гм... немалым.

Потому пора бы перестать идти на поводу самого тупенького братка и выдавать шадевы о герое, который встал вот на путь Зла, такой вон крутой и мочит всяких рыцарей, насилует девственниц, выпускает на волю волков и драконов, поджигает поля, мочится на улице, убегает с уроков, разрисовывает стены матерными словами...

Не перегибайте с этим самым снижением образа! Это может вызвать только кратковременный интерес, потом от вас начнут отворачиваться. Весьма брезгливо.

Что с нашей психикой? Почему такой странный вывих?

Помните, однажды жена парфюмера при появлении мужа спрятала дружка в шкаф. Всю ночь просидел бедняга, окутанный запахами изысканнейших духов... А когда муж утром отбыл на работу, жена отперла шкаф... несчастный слабым голосом попросил: скорее, скорее дай понюхать дерьма!..

У нас литература все семьдесят лет сидела в запертом шкафу, но вот советская власть ушла, а она, переевшая сладкого, перенюхавшая шанели, жадно и самозабвенно ринулась с головой в запретное ранее дерьмо! И чего только не выплеснулось на страницы, на экран, на полотно... Бр-р-р... И все это жадно поглощалось теми, кто доселе сидел на сладком. Жадно и много.

И хотя сейчас всю нашу дурь и все наши промахи принято валить на советскую власть, это так удобно, когда не мы виноваты, а тот, кто даже не в состоянии оправдаться, но, если честно, не советская власть виновата.

Ну не можем сидеть только на сладком! При виде хрустальных дворцов Чернышевского так и хочется «а-ля Достоевский» швырять в их сверкающие стены из грязных подвалов булыжники. И чисто русский характер ни при чем. Это везде. Вот включил телевизор, а там снова показ «Трех мушкетеров», выключил, но успел ощутить симпатию к главному герою, хотя умом понимаю, что вообще-то это бездельник и дурак. Половозрелый дурак с умом десятилетнего мальчишки. Но – сочувствую. Свой. Ну, главному всегда сочувствуешь, так как обычно ассоциируешь себя и свои интересы с ним. Вообще сочувствуешь первому, кто появляется, потому главного надо выводить на сцену всегда раньше его противников. Но здесь не только это...

А вспомните дурацкую сцену, где он вытаскивает шпагу супротив Атоса, Портоса, Арамиса. И если бы не полиция, то эти не признающие законности и порядка люди перебили бы друг друга. Или если бы полиция появилась чуть позже. Ну а так эти люди... у бандитов свой кодекс чести и свои, понятно, интересы – сразу же объединились и дали отпор полиции, убив семерых, если не ошибаюсь. Семерых честных и законопослушных граждан, которые всего лишь выполняли свой долг, охраняли город мирных граждан и их детишек с невинными слезинками. А наш молодой бандит сумел даже серьезно ранить самого крутого Уокера!

Трое мушкетеров – братки, бандиты, которые оказали сопротивление полиции и даже не были за это повешены. Все верно. Соглашаясь с этой непривычной, но глубоко верной трактовкой, я должен буду по инерции согласиться и с выводами... Интересно, что дальше.

Ну и где ваши симпатии? На чьей стороне? Увы, наверняка на стороне бандитов. У нас настолько глубоко заложен инстинкт неприятия порядка, законности, дисциплины, учебы, что Робин Гуда всегда считали лучше его противника, шерифа. Пугачев ходил в народных героях, а сейчас, когда пришла свобода от всего, когда на экраны и прилавки книжных магазинов наконец-то выплеснулась вся та грязь из наших душ, которой раньше стеснялись, когда жизнь проститутток, мафиози, наемных киллеров стали изображать намного красивее, романтичнее и престижнее, чем жизнь ученых, изобретателей, просто

честных и добропорядочных людей, то... мы оказались к этому готовы!

Более того, мы это жадно ждали и, стыдно сказать, желали!.. А какой отклик находит примитивный детский лозунг мушкетеров: «Один за всех – все за одного!» Омерта, так сказать. Не важно, прав этот один из наших или нет, он свой. Дети еще не разбираются в высоких истинах, для них важнее: «Наших бьют!» А что наши не совсем правы, это плевать. Ну, самый типовой признак любой бандитской группировки.

Что же заложено в нашей психике? Вроде бы понятно, что даже эти вот книги и типографии, в которых печатаются наши труды, созданы благодаря ненавистному порядку, дисциплине, учебе, то есть гвардейцам кардинала! Вопреки тянущим назад в анархию и беспредел мушкетерам... однако же сочувствуем этим лихим браткам... правильно я назвал этих бандитов?

Да хоть гангстеры, мораль и законы чести у них одни и те же. И только для своих, в то время как у гвардейцев кардинала – для отечества.

И все же, все же в счет идет, сколько хлеба вырастили, а не сколько съели! Сколько построили, а не разрушили. Сколько супа сварили, а не число тарелок, в которые плюнули. Пик антигероев уже прошел. Человек – то существо, которое, увы, без глотка дерьма жить не может, но ему также надо и глоток чистого воздуха, доброе слово, руку друга.

Кто-то успел сорвать куш на воспевании дерьма, но теперь ситуация обратная: мы все в шкафу с дерьмом. По уши, и некому сказать: не гони волну.

Самое время распахнуть дверь в Доброе, Чистое, Светлое

Вспомнить о Чести, Достоинстве, Любви. Честное слово, ну очень уж хочется глоток чистого воздуха!

А раз хочется, то самое время делать это Доброе-Чистое-Светлое!!! И зарабатывать на этом. А что? Литература в целом делается не подвижниками, а честными, добросовестными профессионалами. Которые, подчеркиваю, честно и добросовестно делают свое дело.

Но если им не платить, основная масса вынуждена будет зарабатывать чем-то другим. Останутся подвижники, которые, недоедая и недосыпая, будут писать безгонорарно. Не стыдясь сидеть на шее родителей, жены, родственников, друзей. Но, как я уже говорил, литература, как и наука, не держится на подвижниках.

Сейчас благоприятное время для тех, кто захочет выбраться из дерьма и писать о Чистом, Светлом, Одухотворенном...

И надеяться, что маятник не качнется в обратную сторону.

Не качнут.

Литература в целом делается не подвижниками, а честными, добросовестными профессионалами. Которые, подчеркиваю, честно и добросовестно делают свое дело.

Неограниченный алмаз выглядит хуже ограниченного бульжника

Господи, когда же переведутся те идиоты, что заявляют: «Я хочу поделиться с читателем своими мыслями». Только что перестал пачкать пеленки, а уже стремится поделиться своими мыслями!.. Мыслями! Своими!.. И не смешно ему, всерьез уверен, что читатель должен жадно наброситься читать его драгоценные мысли.

Вернее, перелопачивать кучи дерьма в тщетной попытке найти эти громко объявленные мысли.

Ладно, предположим такое чудо, что там мысли в самом деле есть. Но создание литературного произведения сродни рассказыванию анекдота или интересной истории: вы следите за лицом слушающего и стараетесь донести до него всю соль ситуации, подчеркнуть все смешные и комичные ситуации, умело выделить умную мысль и, не давая заскучать, подвести к неожиданному финалу.

Так почему же этого не делаете в литературном произведении? Только потому, что не видите скупающих глаз читателя?

Нельзя жить вдохновением. Пегас чаще идет шагом, чем скачет.

Засилье хеппи-эндов – хорошо или плохо?

Хеппи-энды – чума нашего времени. Сплошь и рядом, везде и всюду торжествуют счастливые концовки фильмов, игр, книг, пьес. Что, собственно, и понятно: везде победила демократия, то есть ма-а-а-аленький маленький человечек, о котором так заботились Достоевский и прочие русские гуманисты. К власти пришел человечек с его маленькими интересиками, запросиками, потребностями.

Трагедии уже ему недоступны, он искренне считает, что в литературе должно все изображаться «как надо». И все должно завершаться счастливой концовкой и нравоучением, что вот, мол, добро побеждает всегда, надо только за него бороться.

Ушли в прошлое античные трагедии и заложенные ими высочайшие нравственные принципы, когда главные герои не могли ради поднятого ныне на пьедестал высшей ценности инстинкта сохранения жизни принести в жертву высшие жизненные принципы. Они гибли, вызывая у зрителей рев, слезы, очищая им души и поднимая самих зрителей до уровня этих героев.

Увы, современный общечеловек с его общечеловеческими принципами от трагедии шарахается. Моя бабушка, добрый и хороший человек, всякий раз зажмуривалась или отворачивалась, когда видела, как на экране один человек целится в другого из пистолета. Дай ей власть, она бы запретила все трагедии.

Сейчас она эту власть получила. Сперва она просто перестала покупать книги, «которые плохо кончаются», потом в литературных и прочих творческих кругах обосновала необходимость оптимистической литературы в противовес упаднической, что сеет неверие в силы человека, упомянула о необходимости воспитания молодежи в нужном русле, так что всякий, кто посмеет написать трагедию, сразу попадет в опасные смутьяны.

Та литература, «старая», не нуждалась ни в назидательных концовках, ни в хеппи-эндах, ни в приглаживании: «Ах, у этого ужасного Юрия Никитина в романах столько крови, жестокости!.. И столько мух!..» Нравственное содержание той литературы, старой, основывалось на полном доверии к нравственному чувству человека, ныне потерянному общечеловеками с их мелкими запросами.

Размывание нравственных чувств, ранее незыблемее горных хребтов, привело к тому, что сперва возникло недоверие, что этот общечеловечек не сумеет сам, без подсказки, отличить добро от зла, белое от черного, правую руку от левой, и пошли косяком хеппи-энды с назиданием... ну прямо церковные «Поучения...»! А потом и вовсе общечеловечек с общемировыми ценностями решил: а на кой ему вообще запоминать, что есть добро, а что зло? Да еще держать себя в каких-то рамках, пусть и оч-ч-ч-чень широких?

Да, сказал, общечеловечек, все дозволено. И добро, и зло. Вернее, нет ни добра, ни зла. Есть только мой желудок, мои гениталии, мой дом и мой огород. И все должно служить им. Наука, техника, искусство, литература.

Современному человеку уже непонятно, зачем древние писали трагедии, когда можно писать комедии, что раньше было «низким жанром» для слуг и рабов.

Напомним?

В литературе тоже есть, к сожалению, стадность

Насчет детских особенностей критикизма в литературе. Это вообще-то присуще не только литературе, а всей русской интеллигенции в целом. В отличие от просто интеллигенции русская интеллигенция так и не сумела выйти из детского возраста, когда ребенок разоблачает взрослых, разоблачает и разоблачает без конца, судит обо всем, всех и вся, но себя требует считать неподсудной. Видимо, из-за своего детства и соответствующей детству недоразвитости ума и неумения отвечать за свои слова и

поступки.

Это простой и понятный путь – критиковать и разоблачать, прикалываться, заполнять страницы отборным матом, выказывая этим свою круть и революционность, изображать признанных героев подонками, гомосеками, трусами и ворьем, находить во всех великих деяниях – будь это открытие Коперника или атомарной теории – экономические или фрейдистские мотивы, а то и простое желание пограбить.

По этому пути, как стадо леммингов, движется основная масса пишущих. От начинающих и до тех, кто получает смешные букеры или дискредитировавшие себя нобелевки. Но еще большая масса читающих охотно и жадно потребляет эту литературу. Охотно, жадно и с восторгом.

Человечку простому и очень простому, который в прошлом вывозил навоз из конюшен, а теперь избирает президента и влияет на политический курс, культуру и даже искусство, вообще на развитие человечества, – этому человечку жаждется читать, что и так называемые великие такие же твари, как он сам, тоже лгали, воровали, трусили, предавали направо и налево. А раз такие, то и он вроде бы уже не сволочь, а нормальный и даже порядочный представитель современного общества.

Эта сверхтема в искусстве, так сказать, социальный заказ общества. Того самого большинства, что в прошлом, повторяюсь, пахало землю, выращивало скот, вывозило навоз, ловило рыбу, копало канавы, куховарило, а теперь оно, получив право голоса, голосует рублем, что писать и КАК писать.

Конечно же, я не призываю вас всех писать «как надо». Мы все по жизни знаем, как не надо, мы готовы сказать всегда и почти всегда правы, а вот как надо... Потому в литературе столько антиутопий или альтернативных историй, их только полный идиот не напишет, а вот написать, «как надо», как вообще выровнять валютный курс, победить рак, улучшить демографию, – знают только лучшие представители нашей цивилизации, но они, к сожалению, уже работают слесарями, подсобниками, грузчиками, парикмахерами...

Есть тот сверхзаказ общества, который автор ни в коем случае выполнять не должен. Даже если за это обретет золотые горы.

Обычно автор начинает с выбора темы. Но не всякий

Писать, как вы знаете, можно обо всем. А с тех пор как рухнули все нормы, хорошие и нехорошие, писать стало можно и как угодно. Заполняя ли все страницы сплошным матом, смакуя ли некрофилию и копрофагию, рассказывать собственную жисть во всех подробностях – все это мы видим на прилавках, а это значит, что можно и вам.

Более того, все это выдается за многоцветье литературы, за ее богатство и пр., пр.

Но авторы-профи знают, а пора сказать и вам, что сами авторы прекрасно понимают разницу между автором, пишущим, скажем, на серьезные темы, и автором-юмористом. Хотя понятно, что аудитория юмориста, ессно, на порядок шире.

Ну как, к примеру, если человек идет работать не в театр, а в цирк, то хотя оба и люди искусства, но одного называют актером, другого – артистом. Разницу вы, понятно, понимаете :-). Во всяком случае, надеюсь, что понимаете.

Все базируется на естественном развитии человека. Как я уже говорил выше (или повторю ниже), человек сперва считает папу непогрешимым, а в подростковом возрасте начинает делать открытия, что папа, оказывается, не всегда совсем прав и что вообще не прав и ни черта не знает и все говорит неверно...

Беда только в том, что лишь один из тысячи успевает благополучно миновать этот возраст и перейти в следующий стаз, когда начинаешь после бурного критического периода что-то ПРЕДЛАГАТЬ сам. Остальные же остаются в этом счастливом возрасте навсегда. Ну, если бы человек жил двести или триста лет, то, возможно, дорос бы каждый и тоже перешел бы...

Другие же, понимая, что уже засиделись в критиканствующем возрасте, все же остаются в нем из-за великолепнейшей позиции: все можно критиковать, над всем посмеиваться (разве я сказал, что не за дело?), самые талантливые из этих засидевшихся в

довзрослом возрасте начинают микрореволюции в литературе: писать матом, шокируя публику и выдавая это за...

Ко всем запахам цветов можно добавить свой запах дерьма и полагать себя новатором, революционером и открывателем. Но все ли темы нужно разрабатывать?

Тупоумие или просто желание срубить капусту?

Конечно же, без смеха нельзя смотреть на серьезность авторов, что выдают такую «научную фантастику», где и через сотни и даже тысячи лет люди передвигаются на звездолетах, где создаются звездные империи, баронства, графства, народ дерется в духе ковбоев на бластерах, а то и вовсе на мечях, пусть даже «световых», где все тот же мир с его дуростью, коррупцией, ворьем, болезнями, смертностью, престолонаследием, подпольной торговлей наркотиками, борделями и пр., пр., пр.

Конечно же, это творят либо самые тупые из авторов, не способные понять, что успехи генетики и нанотехнологии уже через десяток лет так изменят повседневную жизнь, что про звездолеты даже придуркам будет говорить так же неловко, как сейчас писать о таких средствах доставки на Луну и Марс, как телеги и кареты, либо откровенные халтурщики.

Ведь про звездолеты писать намного проще, это те же фургоны переселенцев или каравеллы Дрейка, просто бери любой роман Дрюона и переписывай, заменяя арбалеты на бластеры, а рыцарские доспехи на сервокостюмы. Даже титулы можно оставить прежние, вот так и появляются всякие женские сериалы о звездных династиях, вызывающие восторг у недалеких разумом и только что вылупившихся из яйца личинок.

Так что «science fiction» по инерции пишет о космосе в стиле Циолковского и господина Вальтера Скотта, а отечественная с подачи Стругацких плюс к такому мышлению еще и, к примеру, всю высмеивает даже попытки реализовать такую мечту человечества, как бессмертие. У братьев это особенно ярко в «Далекой радуге», где двенадцать человек стали бессмертными, а затем одиннадцать человек покончили с собой, а двенадцатый, последний, бессмертный и настолько неуязвимый, что его и звездные катаклизмы не берут, все как-то не соберется, но жизнь его пуста, бесцельна, уныла, никчемна, бесцветна, отвратительна, гадка, нелепа и т.д.

Конечно, это полнейший бред, но, к сожалению, толпа придурков бросилась по этому пахучему следу, косяком пошли произведения, где герой попадает в автокатастрофу, ему остается жить на операционном столе пять минут, и тут появляется некий гений и предлагает, так как спасти его биологическое тело невозможно, переселить его «я» в механическое тело. Герой после долгих колебаний соглашается, живет некоторое время в могучем бессмертном теле, а затем, опять же после долгих мук, заявляет, что так низзя, и – кончает жизнь самоубийством. Проверьте, эти произведения косяком шли по всем журналам, альманахам, сборникам, входили во все авторские.

Хрень наиполнейшая, ведь бессмертие – извечная мечта человечества, на этой мечте возникли и сейчас кормятся многочисленные религии и секты, всякий хотел бы жить дольше, чтобы реализовать себя без спешки.

Я не понимал сперва, почему все мои рассказы о бессмертии возвращают, не пошел тогда и вариант с «Тремя из Леса», зато анекдоты и афоризмы, которыми я сыпал направо и налево в эру молодости, охотно берут под лейблом юморесок. Увы, я шел против генеральной линии не только коммунистической, но и той, что гордо именовала себя инакомыслящей, хотя печаталась всюду, избороздила за счет Литфонда весь мир, настроила себе престижных дач в Переделкине и сумела внушить читателям, что вот она, т.е. эта часть интеллигенции, как раз и выразитель всех и всяких чаяний.

Хрен там выразитель, если даже в таком показательном случае, как отношение к бессмертию, выдает несусветную хрень! Причем не как один из вариантов, а как обязательные взгляды интеллигента, а кто думает иначе – тот вовсе не человек, а так, трансгуманист какой-то, постчеловек, зачеловек. Не будет, мол, никакого другого будущего, кроме как прямого продолжения нашего, а разница будет только в том, что

ряды наши будут плотнее, а морды ширше.

Когда-то будут составлены антологии самых нелепых картинок и предсказаний будущего, так вот туда войдет вся эта дурь, где в космосе летают вполне себе обычные люди на космолетах, звездолетах и прочих кораблях! То, над чем уже сегодня умные люди ржут в три горла, а завтра будут ржать все.

К счастью, при нынешнем устройстве общества засилье чьего-то вкуса в литературе невозможно. Пример – я, замечательный, который очень многим не нравлюсь, ну и пошли они все, спокойно публикуясь, вызывая бешеный вой противников, ну и что?

Прошло время сталинистов, прошло!

Одно дело – пренебречь техническими данными меча или автомата...

...другое – являть миру некомпетентность в базовых вопросах, которые должны знать в самом деле все, все знают, да и поправить намного легче, чем подробно описывать, чем отличается танк одной модификации от другой.

К примеру, меня всегда умиляет, когда читаю про Атлантиду и приключения ее героев: а откуда атланты знают, что им нужно называться атлантами? Ведь так их называли совсем недавно. Платон просто сообщал о затонувшем не то острове, не то целом материке посреди океана.

Конечно, вряд ли для написания даже прекраснейшего литературного произведения нужно изучать результаты раскопок, но слова жителя этого загадочного материка: «Мы – атланты!» – вызывают ироническую улыбку. Все равно что, описывая быт Византии, позволять местным жителям называть друг друга византийцами.

Для малограмотных на всякий случай добавлю (грамотные могут это пропустить), что Византией данное образование начали называть совсем недавно, а так оно всегда было восточной половиной Римской империи, так и называлось Восточно-Римской, а наши предки звали ее жителей ромеями, но никак не византийцами: такого слова до недавнего времени вообще не было.

Но тем не менее по страницам книг всюду эти византийцы, называющие себя византийцами...

Не переходите грань, где пренебрежение техническими данными, вообще-то свойство сильного писателя, становится неграмотностью.

Если язык какого-то писателя темен и труден

Если язык какого-то писателя темен и труден, то это означает, что писатель этот не умеет и ясно мыслить.

Честерфилд

Когда не пишется, а писать бы надо и потому неприлично резаться в баймы или заняться еще чем-то эдаким, я ползаю по литературным форумам и пиратским библиотекам, все-таки нечто близкое к работе.

Наткнулся по адресу <http://www.russ.ru/krug/20030703...krit.html> на такие слова Романа Арбитмана: «...литература – в первую очередь предмет чтения и существует для читателя. Если же автор требует от читателя, чтобы тот совершал над его художественным текстом работу, нечто преодолевал, то скорее всего автор недоработал сам и попросту скрыл за благородной невнятицей, витиеватостью, живописным хаосом, за этаким импрессионистической манерой письма элементарный недостаток таланта и даже мастеровитости...»

То есть критик подробнее расписал краткую формулу Честерфилда для тех, кому надо разжевывать и объяснять на пальцах, а доводы выкрикивать в ухо. И все равно

такие слова всегда вызывают раздраженный вой этих самых разоблаченных, коих тьмы и тьмы: да что он себе позволяет! Да у нас, мол, своя самобытная манера, изысканный стиль, постгиперпанк, новое слово в литературе и все такое, а ты просто дурак и ничего не понимаешь в высоком искусстве.

Увы, уже говорил, что в литературе, к сожалению, не так заметны провальные места, грубые ошибки, просто дурость и неумение автора. Такое замечают только профессионалы, для остальных только смутное ощущение некой слабости текста, да еще жалобы, что произведение не зацепило. Это в спорте даже зрители задних рядов сразу видят, кто выше прыгнул, кто штангу толкнул тяжелее, кто кого поборол. Но даже в спорте не везде: недаром же в фигурном катании и в боксе по несколько судей, разные оценки просто приводят к общему знаменателю!

В литературе же, как в политике и медицине, почему-то все знатоки и специалисты. Все берутся подсказывать, как правильно писать, я об этом уже говорил, но это неистребимо: когда слесарь учит профессора, потому и повторяю: держитесь! Какие бы доводы вам ни приводили, как бы массово ни напирали.

Но опасайтесь не только этих слесарей, не важно, какие у них высокие посты, но и так называемых эстетов, которые создают новую литературу, ультрагиперпанк с кибероттенком и компоориентацией.

Крамольно такое говорить, но литература пока что не создала лучшего жанра, чем реализм. Да, реализм. Это не значит, что вам противопоказаны фантастические романы или ужасники, боевики или триллеры: просто манера подачи должна быть реалистична. То есть если пишете про эльфов и гоблинов, то они должны быть на ваших страницах реальны.

Пишите ясно и просто. У Гомера, Шекспира и всех-всех, кто вошел в классики, – ясный язык, четкая манера изложения, яркие образы и никакой работы «для себя», все – для читателя!

Очень модная вещь – антиутопия. А также – альтернативные истории

Не столько модные, сколько легкие. Потому и ломанулись толпы любителей халявы разрабатывать эту богатейшую ниву. Нет, не совсем халявы, конечно. Немножко поработать придется, но совсем немножко, ведь указывать на что-то плохо помытым пальцем и кричать «Не так!» в десятки, нет, в миллионы раз легче, чем самому сказать, как надо.

Правда, это в антиутопии стоит крик: «Не так!», в альтернативной же идут глубокомысленные рассуждения старушек на лавочке у подъезда: вот если бы да кабы Манька тогда вышла не за Сережку, что оказался потом пьяницей, а за непутевого Ваську, ставшего потом депутатом и отгрохавшего себе особняк за сто миллионов, вот бы...

Ерунда это все, конечно. Настоящие писатели не пишут ни антиутопий, ни альтернативных историй, однако кто стремится по-быстрому срубить капусты, того пусть не останавливает: ведь читают же? И не только старушки на лавочке, но и молодежь, у которых развитие на уровне лавочностарушачьего. А их рубль ничуть не легче рубля высоколобого. Так что можно зарабатывать и на альтернативных историях, но только не стоит забывать, что это не литература и не фантастика в ее высоком виде, а так, халтурка. Подработка, если вежливо.

Потому можно смело говорить, что лучшее пастбище для халтурщиков в жанре фантастики – альтернативная история. Конечно, это не литература, как не искусство, скажем, дурацкие ток-шоу или телеконкурсы типа «Кто дальше плюнет?», но ведь бабки зашибают побольше, чем ведущие писатели? Так почему же не строгать альтернативные истории, ведь пипл же хавает, а то и еще проще, хоть и гаже, – антиутопии! Этот поджанр настолько плотно смыкается с антиутопиями, что нередко их не различить. Но и то и другое идет на ура, писать же их можно левой ногой.

Ведь что может быть проще: придумать, что к власти пришел фашизм (расизм, тоталитаризм, попы, дебил, пожарные, дрессированная обезьяна – нужное подчеркнуть), а затем на протяжении всего романа разоблачать этих гадов, доказывать, что это

неверно, что это ошибочно, что вот смотрите, какие катастрофы, смертоубийства и землетрясения получают!

Конечно же, точно так же можно разоблачать демократов, гомосеков, извращенцев – вот каких они дров наломали... в смысле могли бы наломать, но таких антиутопий что-то не видно, это говорит прежде всего о том, что упомянутая выше категория сама берет за себя писать в этом прибыльном и легком жанре, потому своих не задевает :-).

Повторяю: антиутопии – это взять заведомую нелепость и с энтузиазмом ее разоблачать. Надеюсь, всем понятно, что для написания антиутопий не нужно хотя бы толику ума.

Ум нужен для того, чтобы работать в высшем и труднейшем жанре фантастики – утопии. То есть взять наш мир и написать, каким будет через какое-то количество лет. Обязательно – с другим строем, иной общественной моралью, обычаями, законами. Или еще лучше: каким мир должен быть. Без всякого введения элементов магии, мистики, инопланетян и прочих белых роялей в серых кустах из машины.

Правда, на утопиях богатым не станешь, да и тираж такой книги будет ниже, чем у халтурной антиутопии, альтернативных миров или боевичка в стиле меча и магии, однако вы покажете ваш класс, ваши мускулы, ваш ай-кью. Да и ваша же фиговина с колдунами на звездолетах будет приниматься теплее. Мол, мы знаем, этот автор – голова, а сейчас просто хохмит, расслабляется, как вот и мы :-).

Совет: пробуйте сперва штурмовать самую высокую из вершин. Не получится – тогда можно и эти невысокие кочки: антиутопии, альтернативные истории или галактические оперы.

Дело в том, что, когда начнете зашибать хоть малую денюгу на этих простеньких вещицах, и репутацию подпортите, как всякие умельцы, что пишут «продолжения» к великим, и сами расслабитесь, ведь холмики покорять проще, чем Эверест!

Очень серьезная угроза литературному делу – сетевое пиратство

Когда-то в Корчме меня долго доставал сетевой пират, имени называть не стану, не заслуживает подонок такой чести, который обвинял меня в «патологической жадности». То есть, уйдя из Центрполиграфа и еще не заключив договора с ЭКСМО, я выложил в Сеть ВСЕ свои тридцать три книги, но, когда уже начал работать по договору с ЭКСМО, в Сеть новых книг не выкладывал.

Пират их тут же сканировал и помещал на своем сайте, мотивируя... вы знаете, что любое воровство можно обмотивировать какими угодно высокими словами, так что опустим. Я же заметил тогда в дискуссии, что пират избрал для обворовывания и так самую незащищенную категорию людей: писателей, которые и без того едва сводят концы с концами. А то и не сводят, вынуждены где-то работать ради пропитания. А раз восемь часов в сутки занимаются чем-то другим, а писать могут лишь в оставшееся от службы время, то понятно, какие результаты у любителя...

Таким образом, сетевые пираты – те же свиньи под дубом, в поисках желудей подрывающие корни. Казалось бы, ясно: если книгу автора можно скачать бесплатно и не покупать, то автор не получит за нее гонорар. Следовательно, вынужден будет либо совсем уйти из литературы, либо писать урывками в свободное время. А это, повторяю, резко снижает уровень написанного. Только профессионалы добиваются высоких результатов, разве это не понятно? Как в спорте, так и везде!

Но общество развращено халтурой. Началось и расцвело при советской власти, когда стало не стыдно воровать с производства, все что-то да несли с завода, фабрики, стройки, учреждения. Поменялся строй, но дурные привычки так быстро не уйдут, к тому же реклама настойчиво призывает искать халяву, халяву, надеяться на халяву, не платить, а брать на халяву.

Но как реагирует общество на попытку спасти положение, показывает случай с Лукьяненко. Совершенно справедливо обосновав свое требование к пиратам – хотя мог бы и не обосновывать, право автора! – он потребовал убрать его произведения со всех

пиратских сайтов. И что тут началось?.. Все те, кто перевозносил его как Величайшего и Высочайшего, тут же завопили, что-де и писать не умеет, и ноги у него кривые, и вообще какой-то скользкий, вообще гад...

То есть шкурные сиюминутные интересы для простого человечка важнее всего на свете. Дай желуди вот щас, а там хоть трава не расти, хоть все дубы пусть засохнут! Это ж засохнут на следующий год, а мне надо щас.

Не знаю, как пойдет дальше, но вам с этой проблемой столкнуться придется. Пока вы еще не авторы, пока пробиваетесь – сетевые публикации как раз для вас, но то, что идет в печать, в Сети появляться не должно. Или на особых сайтах, где за скачивание с вас взимают какую-то плату. Иначе нашу литературу ждет резкий обвал.

Повторяю еще раз: хороших результатов добиваются только профи! Если снизите их заработки, уйду в другие области деятельности, а любителям халявы останутся произведения графоманов, от которых отворачивается любое издательство. Прочтите их сейчас, оцените уровень, качество.

Не стесняйтесь выступить против пиратов уже сейчас. Они гораздо больше угроза вам, чем мне. Мои книги уже все в Сети и во всякого рода «Библиотеках в кармане». Даже если убрать из Сети все до единой, то, уже знаем, что попало на диски, то попало, разойдется и между теми, у кого нет доступа к Интернету, а вот вам от такой ситуации еще страдать и страдать.

И, вполне возможно, именно вас этот беззастенчивый грабеж и без того самого обездоленного населения страны, я имею в виду писателей, и заставит бросить литературу: ведь и пишете хорошо, и публикуетесь, и все называют ваши книги отличными, но... если нельзя на этом прокормиться, то приходится искать другую работу!

Если брать по самой высокой мерке...

...по которой никто из нас не живет, то писатели основного эшелона должны писать о том, что может случиться с человеком, человеческим обществом, самим родом человеческим, а уж потом, если ничего такого в этот момент в черепашку не приходит, а кушать-то надо, тогда можно позволить себе какую-нибудь дурь в стиле бездумных шутеров или спэйсопер, а то и вовсе оголтелой юмористики, когда автор, так и не выросший из коротеньких штанишек, всю измывает над историей, культурой, нравственностью, закидывает какашками все, до чего может добросить...

Хотя нет, скажет этот Настоящий Автор, лучше уж подохнуть с голоду, чем опускаться до такого уровня. Или уйти асфальтировать дороги.

Увы или к счастью, я уже говорил, мир держится не на подвижниках, те могут куда-то вести, но не держать на плечах, как держат цивилизацию миллионы ученых, писателей, композиторов, инженеров.

И если этим ученым, писателям, композиторам, инженерам – не платить или платить очень мало, то цивилизация резко обеднеет, ибо на энтузиазме останутся работать единицы: по ночам разгружая вагоны с углем для пропитания, а днем пытаюсь ставить дрожжами от усталости и руками опыты или писать книгу.

В целом литература держится не на подвижниках, потому там есть место всем: и серьезной высококлассной прозе, и легким боевичкам в женском стиле, и полусонным грезам в стиле фэнтези. И еще много-многому.

Еще о языке, пока не забыл...

Не злоупотреблять причастными и деепричастными оборотами. Деепричастный оборот – всего лишь уточнение, бывает необходимым, но чаще всего показывает беспомощность автора, который все время уточняет, поправляет сам себя. Это выглядит суетливо, недостойно, заметно снижает авторитет автора, а то и опускает вовсе :-).

Ну, это не требует комментариев и уточнений. Просто избегайте... по

«...а из зала все кричат: „Давай подробности!“»

После выхода первого издания «Как стать писателем» многие высказывали пожелание, чтобы в переработанном и дополненном появились примеры, то есть тексты до чистки и после. Дабы можно было сравнить.

Все верно, вариант хорош, что сейчас и делаю. Для примеров я взял из Интернета ряд текстов, от признанных классиков, как то: Толстой, Чехов, Бунин, так и современных авторов. Некоторые из этих современных вполне успешно публикуются, у них тиражи, другие же только выставляют свои произведения в Сеть, надеясь, что заметят, оценят. Вот я заметил, оценил :-).

Классиков я называю, тексты современников беру без указания авторства, дабы меньше обид, но их тексты настолько характерны для всей массы пишущих, что вы без труда увидите в них свои промахи, ошибки, ляпы, упущенные возможности, о которых пока и не подзреваете.

Итак, взглянем на прекрасную повесть Льва Толстого «Казачья», там главный герой смотрит на вошедшего казака:

«Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам».

В этих двух фразах масса ошибок, если смотреть с учетом нынешних, более строгих требований к языку, чем во времена Толстого. Тех самых требований, с которыми вам придется считаться, если хотите, чтобы вас хотя бы заметили. К примеру, ну куда на фиг столько «была»? Уберите их хотя бы мысленно и прочитайте еще раз.

Ладно, если мысленно сделать это трудно, то вот этот текст без этих слов-сорняков:

«Широкая черкеска кое-где порвана, шапка заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда его небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам».

Не говоря уже о том, что это «было» подразумевает, что сейчас этого нет, т.е. черкеска уже заштопана, а шапка сидит прямо. Или заломлена набок. Или надвинута на брови. Во всяком случае, уже не заломлена назад, это точно.

«Одежда его была небогатая, но она сидела на нем...» Не говоря уже снова о «была», еще и масса абсолютно лишних уточняющих слов: его (а чья же еще?), она (эт понятно, что она, одежда), сидела на нем (ну а на ком же еще, как не на нем?). Да и сами слова: сидел(а, и) – стоял(а, и) в абсолютном большинстве случаев надо просто вычеркивать. Это сорняки. Попробуйте вычеркивать, и вы увидите, что текст ничего не потеряет, а только выиграет, станет более упругим.

Итак, пройдемся еще раз, уже по выправленному разок тексту:

«Широкая черкеска кое-где порвана, шапка заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда небогатая, но сидит с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам».

Как видим, из описательности уже превращается в картинку, а именно картинку видит перед собой герой Толстого, а не описание картинке.

И вообще, вы старайтесь убирать все лишние слова! К примеру, в моей предыдущей фразе вычеркните слова «вы» и «все» и посмотрите, потерял ли что-то текст?

Сочинять не так уж трудно, труднее всего – зачеркивать лишние ноты. Это сказал Брамс, но не правда ли, подходит?

Не могу удержаться, чтобы не щегольнуть знакомством с трудами такого автора, хоть я и литейщик с мускулами, как Достоевский. Он сказал: «Величайшее умение писателя – это уметь вычеркивать». Нельзя с этим не согласиться. Более того, в этой замечательной фразе стоит вычеркнуть слово «это», ибо краткость – сест. талант. или даже с.т.

Автор последнего афоризма добавил: искусство писать – это искусство сокращать.

Уровень исполнения виден сразу...

Как профессионалы или кандидаты в профессионалы, не обращайтесь внимания на возмущенный вопль дилетантов: как, на самого Толстого осмелились поднять руку? Да это же гений!.. Все верно, гений. Гений духа, гений мысли, даже необычайной, просто поразительной прозорливости. Но место ему именно в России, где духовность литературы всегда на первом месте, а виртуозность языка чуть ли не на последнем.

Но сейчас, когда на этом рынке очень тесно, надо подтягивать все тылы, не оставлять слабых мест. К тому же знакомство с автором все начинаем, взглянув на текст: правильно ли пишет? Интересно ли? Каков язык? Не секрет, что многие нынешние читатели откладывают знакомство с Толстым, напуганные тяжеловесной громоздкостью и неуклюжестью его языка. А жаль, из-за такой вроде бы мелочи не удастся познакомиться и с гениальными мыслями Толстого.

Не забывайте, что во времена Толстого практически вся Россия была неграмотной, читающих книги было немного, писателей – горсточка. Тогда читали в самом деле все книги. Не все попало в классику, не у всех пишущих – гениальность Толстого, но сейчас тяжеловесное и с множеством лишних слов, уточнений, объяснений, растолкований просто не будут читать. Даже не купят. Надо объяснять почему?

Ладно, некоторым надо указать пальцем: потому что рядом будут стоять книги других авторов, у которых текст даже при самом беглом взгляде выглядит чистым, ясным, легко читаемым.

А практически любой покупатель, прежде чем отобрать книгу для покупки, раскроет ее и бегло посмотрит один-два абзаца. Гениальные мысли так выловить трудно, как и понять закрученный сюжет, но уровень исполнения заметно и по абзацу. Не согласны?

Но, опять же, не перегибайте палку в другую сторону. Не начинайте снова и снова вылизывать текст, доводя до совершенства, в ущерб новым идеям, темам, образам!

О профессионализме древних авторов

Я уже говорил, что в современном языке недопустимы как такие сочетания: «кивнул своей собственной головой в знак согласия, подтверждая сказанное», так и самые что ни есть усеченные: «кивнул головой», ибо, кроме как головой, кивнуть нечем, а значит – уточнение глупое, лишнее, непрофессиональное.

Для интереса я ввел это «кивнул» в «Поиск» и прошелся по сборникам рассказов Бунина и Чехова. Сотни раз попадалось «кивнул», «кивнула», и только в рассказе Бунина «В Париже» отыскалась фраза: «Она кивнула головой и стала надевать перчатки». Это говорит лишь о том, насколько Бунин тщательно вычитывал текст, тогда не было компов, чтобы ввести в графу поиска искомые слова и чистить сорняки, повторы, неверные обороты и пр.

Следил за языком Шукшин, но вот в рассказе «Критики» встречаю такой перл: «... Тот согласно кивнул головой и сказал». Сразу и «согласно», и «головой». Но, к его чести, надо сказать, что это именно огрех, устал автор, глаз замылился, пропустил, а корректор не осмелился править великого. Или скорее всего зачитался и не заметил.

То, что авторы-классики делали чисто на интуиции, вы можете делать по «школе». Для них это вершина, для вас – норма.

Этой особенностью с ходу и не понять...

Читающие прекрасно допускают такой бред, как звездные империи, короли и бароны в невообразимо далеком будущем, драки на мечах, роботы у них там переговариваются сварливыми бабьими голосами, как будто радиосвязь отменена, но зато возражают против десяти и зарядов в восьмизарядном пистолете!

Потом я понял простенький закон, что лежит в основе такого отношения: прощают невероятное количество патронов в хорошем фильме и не прощают в слабом. В хорошем, здесь в смысле – сделанном цельно, монолитно, без претензий на документальность, на котором честно и открыто написано: «Развлечение».

А такой же, но сделанный с претензией на строгую точность, даже с обязательным указанием марки пистолета и сорта стали, сразу же подвергается более серьезному разбору, что и понятно, ему непростительно небрежное отношение к мелочам первого.

Пишите просто интересно. Как можно более интересно! И вам простится многое, что не простится другому.

Еще немного о себе. Ну трудно удержаться, чтобы не постебаться над самим стебом!

Очень многие писатели прошли через этот период, но мало кто в этом признавался. К примеру, выдающимся стебарем был такой серьезнейший и интеллигентнейший человек, как Чехов. Прочтите рассказы первых лет его творчества! Он писал много, его короткие рассказы выходили во множестве журналов, альманахов, издавались отдельными книжками.

Потом, перейдя в следующий стаз, он уже стеснялся этих публикаций, не переиздавал. Хотя это не столько стеснительность, а понимание, что между тем Чеховым и нынешним – огромная разница. И оставлять для потомства нужно лишь то, что создал сам, а не те перлы, пусть даже очень остроумные, где кого и как осмеял.

Чтобы никого не задеть, я обещал почаще ссылаться на себя, полагая себя типичнейшим представителем этой эволюционной ветви. Так вот, повторяясь, когда я осознал, что мир не такой правильный, как думается ребенку, что в этом мире папа и мама тоже какают, что некоторые вещи совсем не то, за что себя выдают... после чего с детским максимализмом решил, что везде притворство и все на свете – мыльные пузыри, что ничего чистого и святого нет, что все поступки и все-все объясняются либо экономикой, либо подавленными сексуальными влечениями... вот тогда-то я и развернулся со своими язвительными разоблачениями!

Мои юморески и шуточки публиковались по центральным журналам и газетам, по периферийным, выходили в сборниках и звучали по всесоюзному «Маяку». Я разоблачал и разоблачал несколько лет, этого оказалось достаточно для окукливания, переосмысления и перехода в следующий стаз: начал писать полнометражные серьезные рассказы, а насчет экономики и фрейдизма умолк: не все объясняется такими простейшими мотивами. Разве что для самих простейших, которые этими терминами жонглируют.

Подытоживая, объясняю для доступности на пальцах: в начале жизни писатель, как и все, роется в песочке, ходит с детским ведерком и не ругается матом. Потом начинается период самоосознания, т.е. отделения себя от окружающего мира и нещадной критики этого мира... или юморения – это зависит от характера и особенностей личности.

Объясняя на пальцах, раньше я писал на общую тему: «Как не надо», а сейчас – «Как надо». Прекрасно понимаете, что легче: ломать или строить, критиковать чужое или предлагать свое! Да и читателей в первом случае намного больше, ибо «как не надо» поймут больше, на это ума хватает даже у слесаря из вашего подъезда, а «как надо» – даже писатель семи пядей во лбу имеет самое смутное представление, да и то скорее всего ошибается.

Потому-то в жанре фантастики так много всякой псевдосерьезной халтуры типа антиутопий или альтернативных историй. Читаются они всегда легко, без претензий, ведь так приятно, уже зная, как лягут карты на самом деле, следить: «а что было бы, если бы да кабы...» Это выдается за изячную игру ума. Но мы-то знаем, что это на самом деле такое и как это назвать правильнее :-).

Прикидывайте: скоро ли сумеете выбраться из песочницы? Может, уже пора? Или проще остаться хохмачом навсегда?

Часть 5

Что лично убираю в романах я. По крайней мере, стараюсь!

Новые возможности компьютера позволяют вводить в «Поиск» слово и, щелкая по клавише, переходить по всему тексту от одного к другому, не просматривая все-все, как приходилось Толстому, Бунину, Чехову, Булгакову, Тургеневу.

Так очень легко убирать слова-сорняки. Жаль, не удастся смахнуть их все разом, потому что даже такие, к примеру, навязчивые сорняки, как «был» и «свой» во всех склонениях, в одном случае из ста все же необходимы. Потому и приходится просматривать вот так поштучно.

Какие слова убираю я, литейщик с мускулами? По крайней мере, стараюсь убрать вот это все стадо: был, было, была, были, он, его, ее, их, мой, моя, мои, все, это, уже, однако, вдруг, внезапно, ибо, только, что-то, который, которые, которая...

Естественно, перевожу глаголы из прошедшего, как все бараны пишут, в настоящее время. Я тоже, как и они, описываю происходящие события в прошедшем времени, но я, в отличие от начинающих, понимаю, что так неверно, возвращаюсь и выправляю. Ну... стараюсь это делать :-). В основном же абсолютное большинство авторов этого даже не понимает: действие происходит вот сейчас, в данную минуту, перед глазами героя, автор же пишет: «побежал», «полетел», вместо – «бежит», «летит»...

Повторяю, я не свят, потому не нужно находить в моих романах слова-сорняки и тыкать мне в нос: а ты, мол, сам почему пишешь с орехами? Если не хотите повышать свой уровень, не ищите повода, просто пишите, как пишется, не вычищайте свои вещи, я от этого ничего не потеряю, кто-то да примет мои советы старого битого профессионала как учебник и обойдет вас на литературной дорожке.

У меня этих сорняков меньше, чем у любого, потому что я все-таки выпалываю. После чистки романа он худеет на семь-восемь тысяч слов! Да, что-то остается, но я же сказал, что не добиваюсь филигранности текста, у меня задачи другие. Вас тоже учу только минимуму работы со словом, но все-таки этот минимум должен быть сделан! Иначе любая гениальная идея и тема будут испоганены чересчур уж неряшливым исполнением!

Выпалывайте, выпалывайте. Выпалывайте! Это хоть и нужная работа, но все-таки самая легкая. А эффект от нее заметен сразу.

Продолжаем разбор полетов на примере великих

Давайте посмотрим другую повесть Льва Толстого, еще более известную, яркую, красочную, «Хаджи-Мурат». Вот так начинается первая глава:

«Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой „любишь-не-любишь“ с своей прелой пряной вонью; желтая сурепка с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тот час же вянущие, цветы повилики.

Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется „татаринком“ и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в

середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, – он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. „Какая, однако, энергия и сила жизни, – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь“».

А теперь посмотрим этот отрывок еще раз.

«Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой „любись-не-любись“ с *своей* прелой пряной вонью; желтая сурепка с *своим* медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие, цветы повилики. Я набрал большой букет *разных цветов* и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется „татаринном“ и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Мне вздумалось сорвать *этот репей* и положить его в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но *это было очень трудно*: мало того что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, – он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконец, оторвал *цветок*, стебель уже *был* весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, *он* по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который *был* хорош в своем месте, и бросил его. „Какая, однако, энергия и сила жизни, – подумал я, *вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок*. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь“».

Не будем трогать первый абзац, разберем сразу второй, там промахи заметнее. Первое, что тут же бросается в глаза, обилие слов-сорняков. Те слова, что надо сразу же убирать, помечены курсивом и меньшим кеглем. Прочтите с ними и без них, ощутите разницу: смысл не изменился, но предложения стали более выпуклые и упругие.

В одном абзаце, пусть и большом, шесть раз слово «цветок», явный перебор.

Совершенно не нужны вставные слова и тем более предложения, объясняющие то, что и так видно через ДЕЙСТВИЕ. К примеру, если уберете фразу: «Мне вздумалось сорвать *этот репей* и положить его в середину букета», то сделаете благое дело, ибо дальнейшим повествованием: «...Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок» – автор и показывает, что ему вздумалось именно сорвать, и причем этот репей :-).

Сейчас нельзя писать «...который у нас называют „татаринном“ и который старательно окашивают», эти два подряд «который» убивают современный текст, ведь легко можно первое заменить на «его», а второе вообще опустить, получится: «...его у нас называют „татаринном“ и старательно окашивают».

Чтобы все нагляднее, рассмотрим тот же отрывок без этих слов-сорняков:

«Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой „любишь-не-любишь“ с прелой пряной вонью; желтая сурепка с медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие, цветы повилики.

Я набрал большой букет, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который называется „татаринком“ и *который* старательно окашивают, а когда нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть рук. Мне вздумалось сорвать и положить в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но мало того что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым завернул руку, – он был так страшно крепок, что я бился минут пять, по одному разрывая волокна. Когда, наконец, оторвал *цветок*, стебель уже весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который хорош в своем месте, и бросил. „Какая, однако, энергия и сила жизни, – подумал я. – Как он усиленно защищал и дорого продал *свою жизнь*“».

Во фразе:

«...который называется „татаринком“ и *который* старательно окашивают...» недостаточно просто вычеркнуть второе «который», но можно заменить другим словом, к примеру «его».

Получится: «...который называется „татаринком“, его старательно окашивают...» Кстати, всегда старайтесь при замене подбирать слово покороче. Хотя на один слог, но уже благозвучнее! Поэкспериментируйте на своих вещах, убедитесь.

И еще: современного человека уточнения ВСЕГДА раздражают. Это малограмотным в дореволюционной Руси надо было долго объяснять, но нам – не надо.

Потому фразу: «...который у нас называется „татаринком“, его старательно окашивают, а когда нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть *на него* рук» надо заканчивать на: «...выкидывают из сена покосники». И все, ведь и так речь о колючем репье, не надо объяснять, что о него можно уколоть руки.

Это то же самое, что снять с дерева табличку «Дерево». Толстой, как видите, эти таблички развешивал. Но в те дикие времена еще можно было, а то и нужно, а вам уже нельзя.

Да, вы должны писать лучше, чем Толстой, Тургенев, Чехов и все классики, вместе взятые. Но ведь все сейчас поднялось на качественно иной уровень: производство автомобилей вместо карет, Интернет вместо почтовых курьеров, даже рядовые спортсмены легко выдают результаты, что не снились тогдашним чемпионам. Почему писатели должны быть исключением?

Снова с удовольствием о новых возможностях компа

Я помню, как меня изумили и обрадовали новые возможности пишущей машинки. До этого я писал от руки, макая ручку со стальным пером в чернильницу. Частенько получались кляксы. Шариковых ручек тогда не было, но появились автоматические ручки, названные сокращенно авторучками, полые внутри, с резиновой пипеточкой сверху, чтобы можно было набирать вовнутрь чернила. Это значительно ускорило процесс написания, ибо не надо было носить ручку к чернильнице, погружать носик в эту красящую жидкость, стараясь не слишком глубоко, ибо чересчур много чернил на пере означает немедленные

кляксы, но и слишком мало тоже плохо, ибо после каждой буковки придется макать снова...

Так что переход на пишущую машинку позволил сразу же избавиться от нетворческого труда макания в чернильницу. Нужно было только заправить страничку белой бумаги в каретку – и можно стучать по клавишам. Стучать приходилось достаточно сильно, ведь должен подняться рычажок с напаянной на торце литерой и, с силой ударив по матерчатой ленте, ползущей перед листом бумаги, оставить отчетливый отпечаток. Не случайно первый десяток лет на пишущих машинках печатали только мужчины, это была тяжелая работа, явно не женская.

Но плюсы на порядок превосходили минусы. Первое: все буквы получались одинаковыми, вне зависимости, устал автор или нет. Более того, не приходилось разбирать почерк, это в первую очередь принесло облегчение редактору, но и сам автор сразу мог хватать взглядом большие куски текста, видеть взаимозависимость между словами и кусками фраз, чего не удавалось в рукописном тексте.

Конечно, всегда находятся люди, шарахающиеся от технического прогресса. Сейчас они доказывают, что лучше набивать текст на пишмашинке, а работающих на компе презрительно называют килобайтниками, в эпоху пишмашинки доказывали преимущества авторучек, а в эпоху авторучек говорили о прелестях работы стальным пером, которое нужно всякий раз макать в чернильницу, при этом обдумывать, мыслить и пр. Понятно, что гусиное перо еще лучше, его надо еще и заострять перочинным ножиком или мечом :-).

Но лучше, конечно, перочинным. Вы не задумывались, почему этот нож называется именно перочинным?

Наверное, уже не надо в этом издании доказывать преимущество работы на компьютере, чем на пишущей машинке, как приходилось в первом?

Какими примерами снабжать учебник?

После первого издания было много пожеланий снабдить второе большей подборкой наглядных примеров, что делать в тексте и как, чтобы он был лучше. Вот сейчас, когда готовлю второе, сперва хотел было начинать на примере классиков, так принято, а я что, не человек, тоже хотел бы избегать неприятностей, потом подумал, что классики жили в век извозчиков, много ли их тесты дадут для обучения сейчас?

В самом значительном романе Достоевского «Братья Карамазовы», который он писал уже под занавес, владея всей современной палитрой маститого писателя, первая, вторая и третья главы – полностью авторский текст без намека на диалог. Четвертая без диалогов почти до конца, только авторский текст, где абзацы – на страницу, а то и две.

А вот как начинается 5-я глава, где более-менее начинается динамика:

«Может быть, кто из читателей подумает, что мой молодой человек был болезненная, экстазная, бедно развитая натура, бледный мечтатель, чахлый и испитой человек. Напротив, Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток. Он был в то время даже очень красив собою, строен, средне-высокого роста, темнорус, с правильным, хотя несколько удлиненным овалом лица, с блестящими темно-серыми широко расставленными глазами, весьма задумчивый и по-видимому весьма спокойный. Скажут, может быть, что красные щеки не мешают ни фанатизму, ни мистицизму; а мне так кажется, что Алеша был даже больше чем кто-нибудь реалистом. О, конечно в монастыре он совершенно веровал в чудеса, но, по-моему, чудеса реалиста никогда не смутят. Не чудеса склоняют реалиста к вере. Истинный реалист, если он неверующий, всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду, а если чудо станет пред ним неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт. Если же и допустит его, то допустит как факт естественный, но доселе лишь бывший ему неизвестным. В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо. Апостол Фома объявил, что не поверит, прежде чем не увидит, а когда увидел, сказал: „Господь мой и Бог мой!“ Чудо ли

заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать, и может быть, уже веровал вполне, в тайнике существа своего, даже еще тогда, когда произносил: „Не поверю, пока не увижу“.

Скажут, может быть, что Алеша был туп, не развит, не кончил курса и проч. Что он не кончил курса, это была правда, но сказать, что он был туп или глуп, было бы большою несправедливостью. Просто повторю, что сказал уже выше: вступил он на эту дорогу потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему разом весь идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его. Прибавьте, что был он юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя, к несчастью, не понимают эти юноши, что жертва жизнью есть может быть самая легчайшая из всех жертв во множестве таких случаев и что пожертвовать, например, из своей кипучей юностью жизни пять-шесть лет на трудное, тяжелое учение, на науку, хотя бы для того только, чтоб удесятерить в себе силы для служения той же правде и тому же подвигу, который излюбил и который предложил себе совершить, – такая жертва сплошь да рядом для многих из них почти совсем не по силам. Алеша избрал лишь противоположную всем дорогу, но с тою же жаждой скорого подвига. Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе: „Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю“. Точно так же, если б он порешил, что бессмертия и Бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и в социалисты (ибо социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю). Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: „Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершен“. Алеша и сказал себе: „Не могу я отдать вместо „всего“ два рубля, а вместо „иди за мной“ ходить лишь к обедне“. Из воспоминаний его младенчества, может быть, сохранилось нечто о нашем подгородном монастыре, куда могла возить его мать к обедне. Может быть, подействовали и косые лучи заходящего солнца пред образом, к которому протягивала его кликуша мать. Задумчивый он приехал к нам тогда, может быть, только лишь посмотреть: все ли тут или и тут только два рубля, и – в монастыре встретил этого старца...

Старец этот, как я уже объяснил выше, был старец Зосима; но надо бы здесь сказать несколько слов и о том, что такое вообще „старцы“ в наших монастырях, и вот жаль, что чувствую себя на этой дороге не довольно компетентным и твердым. Попробую, однако, сообщить малыми словами и в поверхностном изложении. И во-первых, люди специальные и компетентные утверждают, что старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно, даже нет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет. Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие, или непременно должно было существовать, но вследствие бедствий России, Татарщины, смут, перерыва прежних сношений с Востоком после покорения Константинополя, установление это забылось у нас и старцы пресеклись. Возрождено же оно у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма еще не во многих монастырях, и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России новшество. В особенности процвело оно у нас на Руси в одной знаменитой пустыни, Козельской Оптиной. Когда и кем насадилось оно и в нашем подгородном монастыре, не могу сказать, но в нем уже считалось третье преимущество старцев, и старец Зосима был из них последним, но и он уже почти помирал от слабости и болезней, а заменить его даже и не знали кем. Вопрос для нашего монастыря был важный, так как монастырь наш ничем особенно не был до тех пор знаменит: в нем не было ни мощей святых угодников, ни явленных чудотворных икон, не было даже славных преданий, связанных с нашею

историей, не числилось за ним исторических подвигов и заслуг отечеству. Процвел он и прославился на всю Россию именно из-за старцев, чтобы видеть и послушать которых стекались к нам богомольцы толпами со всей России из-за тысяч верст. Итак, что же такое старец? Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот иску, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли. Изобретение это, то есть старчество, – не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней обязанности к старцу не то что обыкновенное „послушание“, всегда бывшее и в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным. Рассказывают, например, что однажды, в древнейшие времена христианства, один таковой послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него его старцем, ушел от него из монастыря и пришел в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился наконец претерпеть истязания и мученическую смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чтя как святого, то вдруг при возгласе диакона: „Оглашенные, изыдите“, – гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был извергнут из храма, и так до трех раз. И наконец лишь узнали, что этот святой страстотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже несмотря на свои великие подвиги. Но когда призванный старец разрешил его от послушания, тогда лишь могло совершиться и погребение его. Конечно, все это лишь древняя легенда, но вот и недавняя быль: один из наших современных иноков спасался на Афоне, и вдруг старец его повелел ему оставить Афон, который он излюбил как святыню, как тихое пристанище, до глубины души своей и идти сначала в Иерусалим на поклонение святым местам, а потом обратно в Россию, на Север, в Сибирь: „Там тебе место, а не здесь“. Пораженный и убитый горем монах явился в Константинополь ко вселенскому патриарху и молил разрешить его послушание, и вот вселенский владыко ответил ему, что не только он, патриарх вселенский, не может разрешить его, но и на всей земле нет да и не может быть такой власти, которая бы могла разрешить его от послушания, раз уже наложенного старцем, кроме лишь власти самого того старца, который наложил его. Таким образом, старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою. Вот почему во многих монастырях старчество у нас сначала встречено было почти гонением. Между тем старцев тотчас же стали высоко уважать в народе. К старцам нашего монастыря стекались, например, и простолюдины, и самые знатные люди с тем, чтобы, повергаясь пред ними, исповедывать им свои сомнения, свои грехи, свои страдания и испросить совета и наставления. Видя это, противники старцев кричали, вместе с прочими обвинениями, что здесь самовластно и легкомысленно унижается таинство исповеди, хотя непрерывное исповедывание своей души старцу послушником его или светским производится совсем не как таинство. Кончилось, однако, тем, что старчество удержалось и мало-помалу по русским монастырям водворяется. Правда, пожалуй, и то, что это испытанное и уже тысячелетнее орудие для совершенствования может обратиться в обоюдоострое орудие, так что иногу, пожалуй, приведет, вместо смирения и окончательного самообладания, напротив, к самой сатанинской гордости, то есть к цепям, а не к свободе.

Старец Зосима был лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков...»

И т.д., этот третий по счету абзац пятой главы вообще чудовищный по длине и прыжкам в сторону, а по современным меркам и требованиям литературы вообще не должен был оказаться в книге. Потому, подумав, я попросту продолжал править только что написанный роман, а те фразы, которые правил, помещаю здесь же чуть ниже.

Нет, сообщаю заранее, я не тягаюсь с Достоевским, но если хотите писать для его современников, вам в самом деле лучше изучать стиль Достоевского, но тогда, чтобы иметь успех, придется и переселиться в тот век. Если же хотите завоевать читателей в нынешнее время, лучше все-таки послушать Никитина. Все-таки козе понятно, что

романы, написанные языком Достоевского, читать не станут. Какие бы глубокие мысли там ни таились.

И еще одно очень важное слово. Всегда найдется идиот (это я вежливо, на самом деле их тьмы и тьмы), который вот щас заявит: что у Никитина за примитивные примеры, это же школа, это же элементарно, неужели этот выживший из ума маразматик ничего сложнее не может сказать, на такие примитивные азбучные примеры смотреть стыдно и пр., пр., пр.

Так вот, зайдите в любой книжный магазин, возьмите любую книгу любого среднего автора, откройте и прочтите хоть абзац. Вы увидите тьму сорняков, лишних слов, неверных оборотов, раздутый текст и так далее, так далее. Более того, возьмите книгу топового автора, сделайте то же самое: у него таких ошибок меньше, но и там есть, есть, есть!

А уже после этого решайте, стоит ли принимать во внимание «примитивные способы» улучшения литературного текста! Пройдите сперва школу, а про университеты поговорим позже. Если, конечно, сумеете усвоить школу, умник.

Увы, практически нет в России писателей, которые пишут ... грамотно.

Еще об особенностях работы на компьютере

Можно править до бесконечности, не видя количества предыдущих исправлений. Это очень важно! Поясню для тех, кто не застал работу на пишущей машинке или подзабыл особенности.

Первое, это вы вставляете в пишущую машинку чистый лист бумаги, который в процессе топтания клавиш усеиваете значками. В этом он похож на лист принтера, разве что качество печати на пишмашинке намного хуже, но дело не в этом. Главное, что текст появляется сразу на бумаге, а не на экране. Но вот вы начинаете править. Здесь слово заменили, там другое вычеркнули, эти пару слов переставили в другое место... В ровных красивых строчках на странице появляются зачеркнутые слова, а на полях условные значки, обращающие внимание на это зачеркнутое, исправленное или передвинутое.

Наконец видите, что на чистом листке исправлено... много. Это много каждый определяет для себя сам, но я знаю по опыту своему и множества писателей, с которыми общался в те времена, что здесь срабатывал некий рычаг в психике. Ага, мол, сделано достаточно, я хорошо поработал над текстом, вот сколько исправлений, в глазах рябит, видно результат моего труда... Теперь можно на перепечатку машинистке (хотя большинство писателей перепечатывали по бедности сами), затем в папку с завязочками, после чего надо везти в издательство.

Правда, как во всяком деле, есть исключение: крохотный процент от числа писателей, они, получив вот такой чистый экземпляр, снова замечали ошибки и снова начинали править, править, править, после чего, понятно, такой экземпляр в издательство уже не повезешь, только снова машинистке, снова платить или ухлопать несколько недель на перепечатку... Так что абсолютное большинство от этого шага воздерживалось. Да, они тоже замечали возможности улучшить текст, но здесь срабатывал уже не литературный, а чисто житейский принцип: править можно долго, снова и снова, но перепечатка стоит дорого, занимает время и деньги, а роман или рассказ сдавать давно пора, жратеньки нечего...

Добавлю, что по нормам сдаваемая рукопись должна быть вычитана и вычищена самим автором. Т.е. на страницу текста не больше пяти опечаток, не больше одного исправления. В книжных магазинах продавались всякого рода забеливатели с миниатюрными кисточками, корректирующая бумага, но это уже в последние годы существования пишмашинки, а раньше приходилось соскабливать напечатанную по ошибке букву бритвенным лезвием, а потом подолгу двигать лист в каретке, пытаясь попасть металлической литерой в то же самое место!

К чему это отступление в прошлое? Потому что у вас автоматически огромное преимущество над всеми писателями предыдущих времен. Вы поставлены в условия, когда на плечи не давит даже психологический груз: мол, ого, я наисправлял достаточно,

можно сдавать в издательство. Вы исправляете на странице или по всему роману текст столько, сколько видите огрехи. И всякий раз текст как будто только что напечатан. Но все лучше и лучше.

Вы автоматом попадаете в лигу требовательных к слову авторов, что исправляли, добиваясь совершенства. Вы никогда не станете автором, который, глядя на исправления, скажет: ого, хватит, пора сдавать в печать, у меня вся страница в исправлениях (признаюсь, я так работал лет двадцать-тридцать. Да и другие – тоже).

В вашем случае сбылась многовековая мечта всех писателей: избавиться от черного труда! Ну, пусть не полностью, но девяносто процентов черновой работы берет на себя компьютер. Что может быть слаже?

Особенности работы на компьютере (продолжение)

Так что у вас огромное преимущество перед авторами прошлого поколения, что из-за каждого исправления на странице вынуждены были перепечатывать всю страницу! Многие, отпечатав на машинке, а еще раньше написав рукой, – я это время застал! – отправляли в печать в таком виде, хотя тот же требовательнейший к слову Бунин мог заметить в последнюю минуту в своем тексте «он кивнул головой», но как только представил себе этот ужас переписывать заново текст, он мог махнуть рукой: ладно, пусть идет в таком виде.

Вы, конечно же, такого не допустите :-)). Вы будете править, вычеркивать, писать другими словами, не обращая внимания на то, какой ужасной выглядела бы страница, если бы вы писали на листе бумаги! Вы будете править до тех пор, пока не увидите, что текст совершенен, исправлять больше нечего.

Правда, Word позволяет видеть также и все исправления, причем расцветить их различными цветами, но эта функция для графоманов. Настоящий писатель не должен обращать внимание на то, сколько пота пролил, это не мерило творчества, мерило – умело вылепленная, чистая и без огрехов вещь.

Далее. Нормальный автор, начиная крупную вещь на тему, в которой он даже силен – скажем, в истории или фантастике, – обычно обкладывается энциклопедиями, словарями, атласами. Желательно с хорошими цветными иллюстрациями, с подробнейшим не только описанием одежды или оружия тех времен, но и – верх желания! – фотографиями, чтоб уж комар носа не подточил.

Комп позволил творческой личности еще больше освободиться от черновой работы, чем пишущая машинка. У меня на харде несколько гигабайтов забито только картинками художников самого Валеджи и всего его направления, а также отдельно множество директорий вроде «Животный мир», «Растительный мир», «Архитектура», «Мосты», «Люди», «Небесные тела» и множество-множество других, где великолепные слайды, высококачественные фотографии, мини-сценки из фильмов.

Плюс ко всему тут же в готовности всевозможные энциклопедии, гораздо более емкие, чем все выпущенные на бумаге, видеоролики, показывающие, к примеру, как бежит крокодил, как именно паук ест муху, а рыцарь пытается выгащить из-за спины двуручный меч :-).

Все это можно держать в окошке, одновременно набивая текст, а глаза время от времени поглядывают на картинку или на россыпь цифр, объясняющую зависимость скорости ветра на рассеивание пуль из «калаша».

Да, именно девяносто процентов черной работы, если не больше, делает компьютер. Вы уже не землекоп с лопатой, вы в чистом костюме за рычагами сверхсовременной землеройной машины. Да, все еще роете землю лично, а не лежа на диване через спутник, но... вспомните, как творили Толстой, Достоевский, Чехов, Булгаков, Астафьев...

Особенности работы на компьютере (продолжение)

Более того, вот только что автор одного нашумевшего романа рассказал, что для

написания пользовался редактором карт для игры Stronghold. Теперь к большинству современных игр прилагается редактор, позволяющий создавать свои карты, миссии, кампании, что замечательно для баймеров, но еще полезнее для авторов книг. В этих играх все юниты: танки, самолеты, пушки всех видов и всех времен и народов – воссозданы с ювелирной точностью.

Но главное преимущество такого танка или конного рыцаря из игры перед картинкой из энциклопедии в том, что я могу его поставить на сильно пересеченную местность, посмотреть, как он бежит, стреляет, повертеть во все стороны, увеличить или уменьшить, заглянуть вовнутрь...

Понятно, что ни у Булгакова, ни у Набокова, не говоря уже о Толстом, таких возможностей не было. Не отказался бы Лев Николаевич, не отказался бы от мощного компа, где выстроил бы на экране все русские и наполеоновские войска, нажал бы на «Тест» и проверял бы разные варианты, менял бы, записывал бы на бумаге удачные образы и ситуации...

У вас теперь есть компы, так что сразу же начинайте пользоваться всем богатством, что свалилось вам на голову. Большинство авторов, даже молодых, просто не понимают этого, пишут по старинке, этикие львы николаевичи и дostoевские, забывая, что Лев Николаич одним из первых приобрел фонограф и даже пытался приспособить для записей своих литературных работ!

Эти технические прибаамбасы, конечно же, не научат писать лучше, но невероятно облегчат вашу черную работу, которой у вас все равно будет больше, чем вам того бы хотелось, и которую все творческие люди ненавидят всеми фибрами и жабрами.

Распространенное заблуждение, что...

...писать нужно только тогда, когда «пишется». Нет ничего опаснее этой мысли: это значит, что очень скоро вы перестанете писать вообще!

Да-да, у меня всегда под рукой живые примеры, посмотрелся за долгую жизнь, так что знаю, как говорят герои боевиков, что говорю. И что делаю.

Хотя, конечно, у сторонников писания по вдохновению вроде бы железные аргументы: нельзя, мол, вымучивать из себя тексты, они будут серые, безжизненные, словом – вымученные.

Вроде бы верно, но по аналогии посмотрим на другие профессии. Про спорт уже молчу, если вас это достало (догадываюсь), возьмем близкие творческие: сможет ли музыкант высокого класса хорошо играть, если оставит себе только выступления на звездных концертах, а дома не будет мучить себя на гаммах, не станет разучивать трудные пассажи и постоянно шлифовать технику исполнения? Или, скажете, ему такая черновая работа нравится? Да не смешите мои тапочки! Черный труд не любит никто. Даже чернорабочие.

А ведь мы взяли для примера простого исполнителя! Композитору же, как догадываетесь, приходится этой черной работы делать намного больше.

Но когда разговор о других профессиях, вы – да, согласны, что в каждой есть немало неприятных «черных» или черновых дел, которые делать не хочется, но, увы, надо. И только вот литературу делать надо тогда, когда «пишется»!

Бред. Во-первых, всегда есть возможность править, для этого вовсе не требуется вдохновение.

Во-вторых, когда правите, возникают варианты, как переделать весь абзац, чтобы звучал ярче, а то и весь эпизод. Сделайте это, не пожалее!

В-третьих, в процессе писания новые яркие идеи и темы возникают гораздо чаще, чем на прогулке, в баре или на вечеринке. Хотя и там возникают.

В-четвертых, надо приучать себя к систематической работе. А литературный труд – тоже работа.

«Ни дня – без строчки», м.б., и перебор, однако приучить себя к систематической работе нужно обязательно. Без нее нет писателя.

Это хамское «Я так вижу!»...

Дураки, графоманы и снобы с чрезмерно завышенным самомнением любят произносить: «А я так вижу!» В этой фразе есть нечто глубоко хамское, оскорбляющее тех, для кого предназначена. А мне, к примеру, как любому нормальному, здоровому человеку со здоровой психикой, глубоко наплевать, как и что он видит. Мне нужно, чтобы это увидел я – читатель или зритель! Чтобы увидел ярко, образно, чтобы меня впечатлило, чтобы я разрыдался, рассмеялся, сопереживал и таким образом окатарсился, очистился, возвысился.

А он, видите ли, так видит! Да пошел ты, козел... Прошло то время, когда всякий грамотный был чудом, а на пишущего рассказы или романы смотрели, как на отмеченного Богом, над которым летают музы, а под ним скачет крылатый конь. Сейчас время профессионалов, которые УМЕЮТ.

Время любителей, которые «вот так видят», прошло и никогда не вернется, разве что после всепланетной ядерной войны наступит новый каменный век.

«А я так вижу» заранее отвергает всякую возможность критики, улучшения, исправления. «А я так вижу» подразумевает, что все вы – тупой скот, ни хрена не понимаете в высоком искусстве. «А я так вижу» – это полный тупик в наше время, никогда не произносите эту фразу, забудьте о ней, забудьте вообще о том, что вы видите сами, а рисуйте то, что должен увидеть читатель ваше произведение.

Читатель – ваша мишень. Вы должны воздействовать на него, именно на него, а для этого должны сперва понять, как видит мир он, а потом уже стараться раскатать его видение и заставить его посмотреть на вещи и события так, как хотите вы.

Обязателен ли конфликт в произведении?

Помню, были дискуссии о возможности «бесконфликтной» литературы. Не знаю, что такое бесконфликтная, но, по-моему, ее вообще нет и быть не может. Даже в мирных зарисовках природы и жизни бабочек присутствует конфликт: то ли с нашим восприятием природы, а его нужно переломить и заставить нас смотреть на природу иначе, то ли на примере травки и бабочек что-то объяснить конфликтное из нашей жизни, как на примере пестиков и тычинок показать примитивность (или мудрую сложность) нашего секса и перейти к тому, почему геев надо на виселицу.

Нет конфликта, нет и драмы. Противник может быть на сцене и вне ее, за кулисами, но он непременно присутствует в драме. Это определение принадлежит Бернарду Шоу, но оно распространяется и на всю литературу.

Конфликт заложен вообще в самой основе жизни. Конфликт начинается у человека еще в утробе, длится всю жизнь, но homo не одинок: в конфликте с окружением каждое растение, каждая букашка, без конфликта только смерть, да и то... гм... никто еще это не подтвердил. Может быть, конфликт и Там, а литература, как отражение жизни, не может обходиться без изображения конфликта.

Так что, если вы придумали красивую тему, идею, образы и уже отчетливо видите скачущих рыцарей и машущих им из окон башен белыми платочками красивых дур, видите отчетливо, даже потрогать можете, в этом все мы хохлы, все же не спешите переносить это на бумагу или в файл, пока не придумаете и не продумаете саму суть конфликта. Т.е. кто за что будет давить за горло Дездемону, бросать огрызки яблок вслед славному рыцарю Дон Кихоту, конфликт с кем или с чем бросит полную телом Каренину под колеса электрички.

Если нет конфликта или же он жидковат, притянут за уши, неубедителен и прочее, то читающий чувствует себя обманутым и, как после крутейшего боевика с множеством разбитых и взорванных автомобилей, пожимает плечами: а из-за чего вся эта бодяга? Фигня какая-то...

Т.е. никакие страсти, крики, слезы, страсти-мордасти и падающие в

пропасть автомобили с вопящими блондинками не спасут произведение, если в нем нет достоверного конфликта.

Еще немного про образность

Помню, в детстве поразила ироническая фраза про коммунизм: «Он полагал, что при коммунизме только нажмет кнопку, и жареная курица в рот влетит!» И хотя понятно, что никакая курица в рот не влезет, раздерет, а если и влезет, то человек задохнется, но это абсурдное по логике преувеличение придает ту самую необходимую литературному произведению образность, которая и дает шанс остаться в Литературе.

Но, повторяю, не занимайтесь образностью специально, нарочито до тех пор, пока не пройдете предыдущие ступеньки. Ну хотя бы выловите простейшие баги, мусорные слова и пр. А то несколько нелепа ваша метафора рядом с «согласно кивнул головой»! В этом случае выглядит попросту краденой.

Когда я вижу «Она наморщила свой узенький лобик» в произведении современного молодого и весьма плодовитого автора, мне даже не надо вспоминать, что это фраза из рассказа Чехова «Мечты», я просто понимаю, что она уворованная (вы это можете проверить простейшим «поиском»), как и еще очень многое в произведениях этого автора, потому что вся остальная ткань за исключением таких же украденных кусочков – на уровне дошкольника.

На классиков ссылаться не стоит: они шли оцупью по неизведанному. Во времена Пушкина рифма «очи – ночи» и «любовь – кровь» была новой, это сейчас за них в шею из любой редакции. Бунин убирал свои «согласно кивнул головой» интуитивно, и если они еще и встречаются по его многотомникам, то в меньшем количестве, чем у современного Васи Пупыркина, который уже обязан знать и выполнять необходимую прополку начального уровня.

Подождем с метафорами. Сперва – школьный курс! Все десять классов. После каждого – экзамен.

Будьте стойкими!

Ежедневно слышу стенания, что авторов заставляют отказываться от каких-то идей в произведениях, перекраивают им сюжеты, заставляют вставлять голых баб-с с пистолетами и пр., пр.

Чушь какая-то. Никто никого не заставляет, не выкручивает руки, не тащит на Лубянку, не разбивает при допросах молотком пальцы и не ссылает в пермские лагеря. Даже не запрещает уходить со своей непринятой рукописью в другое издательство. А их теперь масса.

Сошлюсь на собственный пример не из такого уж обожания себя, любимого, а потому что живу в это время и ссылки на судьбы моих романов уместнее, чем на Пушкина, который жил в эпоху карет, кремниевых пистолетов и неграмотной России. Итак, я закончил в 1994 году роман «Ярость». Тогда я сотрудничал с «Центрполиграфом», все было хорошо, но когда они прочли этот роман, то отказались наотрез. Что делать, понес по издательствам. Реакция была единодушной: ни за что!.. Отовсюду. Ну, «отовсюду» это значит, что обошел, вернее, Лилия обошла десяток наиболее крупных, там прочли, ужаснулись и отвергли. Дошло до курьезов: самое оперативное и цепкое издательство на современном рынке ЭКСМО, едва слышав, что есть свободный роман Никитина, уже известного автора по «Троим из Леса», тут же выразило живейшую заинтересованность и – внимание! – сразу же выплатило гонорар полностью. Вперед. Чтоб, значит, конкуренты не перехватили.

Да, а дальше самое интересное... После этого в издательстве этот роман прочли. Все пришли в ужас, редактора отказались работать с этим произведением, предпочитая уволиться, но только не прикасаться к нему. Главный редактор позвонил и с раскаянием сообщил, что роман печатать не могут. И объяснил почему. Я тут же предложил вернуть деньги, еще не все съедено, остальное дозаял бы, но в

ЭКСМО благородно отказались. Их прокол, мол, их и убытки.

Пришлось занять денег под жуткий процент, издал книгу тиражом в пять тысяч за свой счет. К счастью, разлетелась в момент, запустили второй тираж, отдали долг, а тем временем подошла вторая книга – «Империя Зла». Выпустили и ее точно так же, за свой счет.

«Центрполиграф», который беззаботно печатал и печатал «Троих из Леса», выразил заинтересованность в приобретении этих романов, но... чтобы их собственный автор, нанятый со стороны, из двух романов сделал один, убрав «усе острые моменты», оставив, а то и добавив, стрельбы, погони и голых баб-с. Я отказался. Там настаивали, повышали суммы гонораров, все-таки поручили тому автору, и тот сделал, но я отказался даже читать тот шедевр. Последняя сумма, которая мне предлагалась за отступление, – сто тысяч долларов. Согласитесь, сумма немалая.

Вместо этого написал третью книгу, «На Темной Стороне», и снова издал за свой счет. Это значит – крохотным тиражом, сам следишь за прохождением заказа в типографии, сам получаешь, грузишь на грузовичок, везешь в квартиру или арендованный склад... Приходилось арендовать бытовку, это такой вагончик на колесах, где переодеваются рабочие, ибо в квартиру не повезешь – своей не было, снимал однокомнатную, где жили вдвоем: я, Лилия и собака Хрюка. Да и вся прибыль от продажи уходит на уменьшение долгов и выплату процента.

И лишь когда написал четвертую книгу, «Центрполиграф» с большими колебаниями сдался, принял сразу четыре, ибо три предыдущие продаются уже два-три года, и ничего не произошло, небо на землю не рухнуло, а мусульмане страну все еще не захватили. Разве что автора угрожали пристрелить, убить, поджидали в подъезде. Не мусульмане, а как раз православные. В «Центрполиграфе» романы сразу пошли тиражами побольше, принесли немалую прибыль, хотя и вышли с запозданием в несколько лет. И все же даже в «Центрполиграфе» они вышли за несколько лет до 11 сентября 2001 года, когда самолеты террористов протаранили Твин Пикс и мир стал приближаться к тому, что предсказано в романах.

Начался бум «Ярости», множество авторов спешно бросились писать на подобные темы. Я же в предисловии той четвертой книги сообщил, что навсегда закрываю для себя эту серию. Кто хочет – пусть продолжает. Да, сейчас самое время продолжать и продолжать, стричь купоны, но мы ведь творцы, верно? Деньги нас не интересуют... вернее, интересуют, но только как побочный результат.

К чему этот длинный экскурс в историю? Будьте стойкими. Мне, знавшему более тяжелые времена, когда попадал в «черные списки» и действительно был отлучен от литературы, мое имя было запрещено упоминать в печати и на телевидении, а работать снова приходилось грузчиком, мне смешны эти стенания, это патетическое детское негодование, что вот сразу в первом же издательстве не приняли вашу нетленку и не поцеловали в зад со слезами счастья и благодарности!

Во-первых, издательств много. Во-вторых, многие гиганты, вроде Сильверберга, издавали свои первые книги за свой счет и продавали на улице, в метро, у входов в супермаркеты. Будьте стойкими. Не хотите переделывать свое произведение по требованию редактора – не переделывайте. Теперь за это не сажают. Не принимают ни в одном издательстве? Что ж, если вы уверены, что написано все же хорошо, то наберитесь смелости, а любому автору нужно нечто большее, чем смелость, см. выше :-), издавайте за свой счет! Нет денег? Займите, продайте что-то.

Бойтесь? Страшно рисковать? Тогда признайтесь, что и не претендуете на высокие места. А просто хотите приобрести нормальную, хорошую профессию, чистую и благородную, общаться с интересными и умными людьми, писать хорошие, добротные книги без всяких жутких идей или попыток изменить мир.

Это нормально и не вызывает нареканий, ничто не держится на подвижниках, те служат только запалом, а все: наука, искусство, литература, политика – создается и держится усилиями сотен, а то и тысяч добросовестных высококвалифицированных наемников, что хорошо и доброту выполняют свою работу и получают за это хорошую оплату.

Не хотите переделывать свое произведение по требованию редактора – не переделывайте. Теперь за это не сажают. Не принимают ни в одном издательстве? Опубликуйте за свой счет!

Давайте попробуем не лицемерить?

Давайте будем справедливыми и откровенными. А говоря откровенно, мне абсолютно неинтересно читать подробнейшие описания жизни и быта богомольных крестьян в произведениях Бунина. Все слишком тупые, неразвитые, забытые... Впрочем, такие же и помещики. И даже их любовные страсти не трогают, это все равно как зашел бы в музей антропологии и наблюдал ритуалы жизни далеких от меня и абсолютно ненужных мне папуасов.

Это если говорить об основополагающих вещах в любом произведении: темах, идеях. Сама ткань тоже хиленькая и серенькая. Правда, Бунин находит множество оттенков для описания этой серости, но все-таки серость есть серость, она неинтересна вообще. В мире Бунина есть только забытые богомольные крестьяне и нихренанеделающие помещики и помещицы. Там нет войн, нет террористов, нет проблем с ростом преступности или растущей распущенности, нет наркомании, рэкета, нелегального распространения оружия, знакомств через Интернет, инфляции, наступления НАТО на восток, проблем однополрой любви, наступления ислама.

Подозреваю, что абсолютному большинству психически здоровых людей тоже абсолютно неинтересно читать Бунина и прочих бытописателей прошлого века, но они, вслед за депутатами Госдумы, надувают щеки и важно говорят, что читают и перечитывают этого, как его... ага, Бунина!

И надо ли ныть, что сейчас тупая и такая-сякая молодежь не читает стилиста Бунина, а читает, страшно подумать, Васю Пупыркина? Вот так враз взяла и отвернулась? Читала-читала, а потом враз перестала?.. Объясняю на пальцах, да, интерес пропал в самом деле быстро, в течение жизни моего поколения. Даже в течение части моей жизни. При мне Буниным восхищались и читали захлеб, а потом перестали. Но, напоминая, за это времястряслась НТР. Т.е. я родился и часть жизни прожил в бунинском мире: богомольные бабушка и дедушка, дома под соломенной крышей, быт, который абсолютно ничем не отличался от быта древних полян и древлян, я даже огонь умею добывать огнем, дедушка научил... Да, тогда Бунин писал о нас, мы его читали.

Сейчас мне абсолютно неинтересно подробнейшее описание мира людей, которые полагали, что за околицей деревни уже Край Света, когда помещики пороли крестьян просто так, а кладезем премудрости считался вечно пьяный деревенский дьячок.

У Бунина, простите, нет того, что делает литературу вечной: идей, сюжетов, тем, образов. Я уже говорил, а если не говорил, то скажу ниже (и еще раз повторю), что Одиссей Гомера вечен уже тем, что на его основе куются бесчисленные рэмбы, герои корейско-вьетнамско-афгано-сербско-чеченской войны, что вернулись, потрясая медалями, а тут новые русские греки хозяйничают в их доме, обижают родных, пристают к жене... Про лодыря говорят: ну и обломов же, про бабника: вот наш донжуан идет, про ревнивца: души этих дездемон, дорогой Отелло.

Так что из великого наследия даже древнейшей литературы кое-что остается и для нас, но это «кое-что» вовсе не язык, а темы, идеи, образы.

Вас еще достанут ученые дураки и дуры...

Как-то одна ученая дура, думая меня уесть, ехидно заметила, что в романах Никитина нет прилагательных, а только существительные да причастия. Не поддавайтесь ученым крысам от филологии, ибо прилагательные чаще всего просто подставляют автора.

Вот у него, классика, фраза: «Он поцеловал ее красивую изящную руку». Сразу же напрашивается справедливый вывод, что другая рука у нее некрасивая и неизящная. Тут уж, если очень припекло сказать прямо здесь, что рука у нее красивая и изящная, то

давайте выкручивайтесь либо в другой фразе, либо отделяйте это определение запятой, к примеру: «Он поцеловал ее руку, взгляд скользнул по изящной и красивой линии...»

Ладно, сейчас начну шарить по библиотечке, вот уже с именами:

Бунин. Рассказ «Руся».

«Кроме того, она была художница, училась в Строгановском училище живописи. Да она и сама была живописна, даже иконописна».

«— Да ничем. Уехал, и делу конец.

— Почему же ты не женился на ней?»

Понятно, что если убрать «же ты» и «на ней», то фраза прозвучит куда ярче, выпуклее и сжатее. Такие слова-сорняки мы рассыпаем всюду, их рассыпают все, даже классики, но отличие классиков от основной массы пишущих в том, что такие слова все же отлавливали и дэлэйтили. И хотя у Бунина этого добра хватает, но у современного среднего автора в сто раз больше :-)

Вот с какой фразы начинается рассказ Бунина «Зойка и Валерия»:

«Зимой Левицкий проводил все свое свободное время в московской квартире Данилевских, летом стал приезжать к ним на дачу в сосновых лесах по Казанской дороге».

Не говоря о том, что вся фраза попросту журналистская, в ней одна информация, но нет картинки, вы сразу замечаете непростительный сорняк: «свое». А чье же еще, возникает вопрос. Остановившись, взгляд замечает и второе лишнее словцо: «все». Да еще стоит рядышком. Выбросите их оба, прочтите. Что-то потерялось?

Смотрим дальше: «строго смотрела в свой дневник и одним назначала день и час будущего приема, а других вводила в высокие двери приемной, и там они долго ждали вызова».

Здесь опять сорнячки «свой» и «они». Уберите их и прочтите снова. Исказился ли смысл? Нужны ли эти уточнения, что она смотрела не в чужой дневник, а именно в свой, а в высокой приемной ждали вызова именно они, а не кто-то еще?

Им, классикам, было еще «можно», однако они уже правили, чистили, выгранивали, подготавливая новую ступеньку, а то и этаж в прекрасном здании литературы.

Разбор полетов великих классиков...

Вот самый знаменитый рассказ Бунина «Темные аллеи», что дал название лучшему сборнику его рассказов: «Приезжий сбросил на лавку шинель и оказался еще стройнее в одном мундире и в сапогах, потом снял перчатки и картуз и с усталым видом провел бледной худой рукой по голове – седые волосы его с начесами на висках...»

Ну, уточнение, что приезжий оказался в одном мундире и в сапогах, навевает на игривые мысли, а где же забыл штаны, но кроме того, если быть точным, здесь прилагательные как раз оказывают медвежью услугу. Если уж смотреть с позиций современного автора, то Бунин «бледной худой рукой» сообщил, что у приезжего вторая рука не бледная и не худая, не зря же уточнил, что провел по голове именно той из рук, которая бледная и худая. И что провел не ладонью и даже не пальцами, а ухитрился всей рукой, от самого плеча.

Кстати, убирайте и такие сорняки, как «потом» и «его». Без них текст все-таки яснее, чище, опрятнее.

И, конечно, фраза безобразна гусеничностью. Сейчас в хорошем издательстве сразу в шею автора, который дает подряд столько глаголов: «сбросил, оказался, снял, провел...» Это даже ниже уровня успевающего школьника. Современные требования не такие уж и строгие, но все-таки даже средний автор знает о третьей точке (не пятой). Т.е. если, к примеру, вместо слов: «и с усталым видом провел бледной худой рукой по голове» это же самое сказать не линейно, а, к примеру, «рука его (!) поднялась к голове, бледная худая ладонь приладила волосы», то вся фраза станет намного более объемной.

Это, знаете ли, аксиомы. Но известно и то, что во времена Бунина мировой рекорд по поднятию тяжестей был на том уровне, что сейчас повторяют школьники-старшеклассники. Так что вам писать надо получше Бунина. Бунину можно было писать так т о г д а, а сейчас бы уже нещадно правили. А то и вовсе не приняли бы такие тексты.

Фразы-гусеницы – вторая чума молодого писателя после слов-сорняков. Избавляться от них труднее, потому что надо не просто выпалывать, а исправлять.

К счастью, это нетрудно.

Уместное напоминание

Пишу и вижу, как эстеты морщат нос, это напоминает эпизод, когда на концерте муж, глядя на выступающую молодую певицу, говорит с восторгом: «Какая у нее ко лоратура!», а жена: «Бесстыжий! Лучше слушай, как она поет!»

В этой книге говорю о кухне писательства, а те, кто не желает видеть кухню, возмущаются тем, что препарирую высокое и красивое, алгеброй гармонию... Если это исходит от читателей, то по-своему правы: за столом не говорят о кухне, что, понятно, может отбить аппетит, на столе все должно смотреться красиво.

Однако те, кто учится готовить, кто хотел бы постичь тайны мастерства приготовления очень вкусных вещей, должен заранее смириться, что будет видеть не только прекрасно зажаренного гуся, уже с коричневой хрустящей корочкой, исходящего умопомрачительным запахом, начиненного разваренной и поджаренной гречневой кашей, яблоками, обложенного обжаренными перепелками, но и тушку только что зарезанной птицы, в мокрых окровавленных перьях, обосравшуюся в жуткую минуту, когда ее ножом по горлу, и что нужно будет ее ошпаривать, удалять перья и т.д.

Неважно, что видите и кухню тоже, зато читателю подаете уже готовое блюдо. От вас зависит, насколько оно ему покажется удачным.

Что такое идея произведения, что понимают под сверхидеей?

Итак, подведем итог. Один из первых вопросов, на которые должен ответить себе автор, прежде чем начинать писать: а зачем? Не в житейском смысле. Здесь все понятно: чтоб бабок побольше, а потом вина, баб-с и жену соседа. А в, так сказать, более высоком. Что хотите сказать этим рассказом или романом?

Просто захотелось написать милую сценку? Описать свою жизнь? Или интересный случай? Чью-то интересную жизнь? Если так, то эти вещи сразу обрекаете на забвение. Это, конечно, не значит, что если выберете новую и гениальную идею, то вашему роману суждено бессмертие, там впереди еще много подводных камней, но, по крайней мере, есть шанс на бессмертие, а вот если пишете бесцельно, то шансов нет вообще. Никаких. А чудес не бывает, как бы ни хотелось.

Да, были такие авторы, даже прекрасно владели слогом, но сейчас забыты, а всех их знаем только под общим названием «бытописателей». Литература, как и все созданное человеком: наука, политика, спорт, экономика, этс – к чему-то зовет, тащит, от чего-то предостерегает, не пускает, развивает.

Т.е. вы обязательно должны определиться: вы за большевиков аль, напротив, за коммунистов, за культуру или прогресс, за Тьму или Свет, за Добро или Зло, за рыцарей или драконов, хотите ли, чтобы ваши дети учились с неграми в одной школе или же предпочитаете апартеид? Ибо в каждой вещи великих это обязательно присутствует, у кого явно и в лоб, у кого-то вкрадчиво, у кого-то совсем шепотом, вроде двадцать пятого кадра, когда после прочтения книжки чувствуешь, что начал смотреть на знакомые вещи как-то иначе...

Ну а если о сверхидее, то это просто надувание щек перед простаками и женщинами. Сверхидея – та же идея, только сказанная с придыханием, с приподниманием себя, любимого, на цыпочки, с ударением на слове.

Словом, сверхидея – это для непрофессионалов.

Без идеи нет произведения, потому не стоит ничего начинать, пока не определитесь ясно и четко: для чего, зачем, что именно хотите сказать и на какие свершения подвигнуть читающего?

Техника техникой...

Великая вещь Word, многих научил грамотности, да и мне, честно говоря, подсказал, как надо писать некоторые слова, а то я привычно писал «черезчур» и «желуди» и не понимал, почему этот дурацкий комп подчеркивает эти простые и понятные слова. Щелкнул правой кнопкой мыши, чтобы посмотреть, чего эта железяка хочет, и поразился, что, оказывается, нужно – «чересчур» и «желуди», как будто я не человек, а не знаю что, москаль, к примеру, что даже «пиво» не может сказать, как люди.

Но и слишком доверять этому усердному помощнику тоже рискованно. Вот сейчас уже я за ним усердно выправляю. Упорно, сволочь, вместо знаменитого суперкомпьютера «Блю Джин» пишет «Блюю Джин». Так вот и может пролететь незамеченным, потому что «блю» подчеркивает пожарным цветом и требует принять меры к исправлению, а «блюю» идет тихохонько.

На корректоров не больно рассчитывайте, как раз такой шедевр и пропустят. Зато не пропустят читатели. Эти гады ничего не пропускают!

Самый строгий и придирчивый корректор – вы. Иначе не стоит начинать.

Как-то для авторов «Княжеского пира»...

Был такой проект, достаточно успешный, развившийся из романа «Княжеский пир», о богатырях князя Владимира и его знаменитых пирах. Тогда около десяти молодых ребят, до того не имевших книжек, написали романы, объединенные этой темой, те были изданы в одной серии.

Я принимал участие в становлении серии, в Корчме иногда подсказывал, предостерегал, кивал на какие-то находки, которые проходят незамеченными.

Вот одно из тех писем, сохранилось:

Авторам КП: никогда, НИКОГДА не поддавайтесь на совет доброжелателей типа «пишите только о том, что знаете». При всей его слесариной очевидности, он порочен уже тем, что зачеркивает не только фантастику, но литературу вообще. Добавление еще одной доски в забор – не литература. Это зарабатывание на писанине, но не литературе.

Литература – это новые темы, идеи, образы, характеры. А новое обязательно с торчащими углами, сучьями. Писатель – это конструктор, архитектор, а не образцовый столяр, что из года в год выдает одинаковые и потому безупречные табуретки. Ну ладно, если кого-то это обижает, то назовем и этого столяра писателем, но тогда введем градации или ступени для писателей. Так вот, я хочу, чтобы вы сразу делали Литературу.

И не обращайтесь внимания на этих... среди которых немало вполне хороших и искренних людей. Ну не дано им больше, а развиваться дальше не хотят и не умеют. Им и так хорошо. Они уверены, что уже достигли вершины. Может быть, и в самом деле достигли. Своей вершины, естественно, своего потолка.

Любая утопия в сто тысяч раз... неизмеримо!... ценнее лучшей из антиутопий, ибо нечто ПРЕДЛАГАЕТСЯ! Любой роман с любой мыслью ценнее любого романа без мысли, хотя всем нам иной раз приятно почитать порнушку или ладно скроенный боевичок. В любом случае это от вас не уйдет :-)) Если не получится делать Литературу. Но штурмовать надо сразу самую высокую и сверкающую вершину!

С хорошего коня, как уже говорил, не стыдно и упасть. Но зато не будет грызть червячок: мог бы, мог стать Лучшим из лучших, но не осмелился, всю жизнь ходил по протоптаным дорожкам!

Насчет заданности сразу поднимается волна, что это-де не литература. Что писать надо так, когда автор сам не знает, куда он придет. Вот пишет себе, а куда герои идут, то идут, а сам автор вроде бы за ними только следует :-). Этот детский подход объявляется единственно литературным методом. А все остальное – ремесло, что ничего общего не имеет с творчеством.

К сожалению, знавал достаточно взрослых авторов, которые этой хренью кокетничали, хотя, как потом выяснялось, все-таки ввали. Пишут профессионально, составляют на отдельном листочке план, расписывают, кто кого зарежет, куда пойдут и чем закончится роман, вывешивают перед глазами, чтобы ни на шаг в сторону, однако же в интервью рассказывают, что начинают писать, сами не знают, о чем, а куда герои пойдут, туда и они за героями...

Ну не принято в двадцать первом веке говорить о музах и Пегасе, однако же страсть как хочется выделиться из всего этого серого быдла, прикрикнуть, подражая классику: «Умолкни, чернь непросвещенная!» – вот и придумали хитрый ход насчет героев, что идут сами по себе, автор же следует за ними, то есть опять же Божественная воля ведет руку автора, опять же пишет не он, а Высшая сила, а он – Избранный, Особый, слушает глас богов...

Если бы в самом деле так, пришлось бы в ремесленничество зачислить практически все написанное, нарисованное, снятое, сбаймленное, выкультуренное. Не надо быть профи или профессиональным и очень проницательным критиком, чтобы заметить заданность во всех тех боевиках, что косяками идут по всем телеканалам. К примеру, завязшие в зубах два напарника-детектива, когда один обязательно негр. А если показывают отдел общим планом, там обязательно в нужной пропорции мексиканские рожи и азиатские. И время от времени, чтобы не было сомнений, звучат будто невзначай имена вроде «Хуан Гонсалес» или «Никуято». И, конечно, строгая пропорция женщин, чтобы феминистки не придрались. И плевать на истину, что далеко и не везде это так.

Читатели и зрители поприродвинутее замечают такую заданность не только в боевичках, но и во всех вещах, получающих премии на Каннах, нобелевки и всякие Оскары, однако же эту заданность, знаете ли, можно высмеивать, что мы охотно и делаем, но в то же время это и есть реализация принципа: поучать, развлекая.

Или, скажем, тесать кол на голове тех, кто, кроме боевиков, ничего не читает, объясняя, как надо держать вилку, можно ли бежать по эскалатору и гнать ли всех чужаков из России.

Та-а-ак, еще одна подборочка из классиков...

Бунин. Рассказ «В Париже»:

«Она кивнула головой и стала надевать перчатки».

Два крупных промаха в одной короткой фразе: «кивнула головой» и второй членник гусеницы.

Бунин. Рассказ «Ночлег»:

«Старуха кивнула девочке головой».

Без комментариев, уже знаете.

Бунин. Рассказ «Кавказ»:

«...носильщик, обтирая мокрую руку о свой белый фартук, взял на чай и вышел».

А мог бы обтереть и о чужой зеленый фартук.

Бунин. Рассказ «Весной, в Иудее»:

«Я скакал до самого Иерусалима, глядя вниз на свой сапог, по которому, пенясь,

лилась кровь».

Уточнение, чтобы читатель не подумал, что автор мог смотреть на множество чужих сапогов там, внизу.

Чехов. «Дама с собачкой»:

«— Можно дать ему кость? — и когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо: — Вы давно изволили приехать в Ялту?»

Без комментариев.

Чехов. Рассказ «Именины»:

«Он вытер платком свой бритый красный подбородок».

А мог и чужой вытереть. А вытер не просто свой, а тот из своих, которых бритый и красный. Небритые и бледные оставил в слюнях.

Чехов. Рассказ «Княгиня»:

«...у вас в сердце свой собственный бог».

Чехов. Рассказ «Мечты»:

«Первый идет вразвалку, глядит по сторонам, жуёт то соломинку, то свой рукав, хлопает себя по бедрам и мурлычет, вообще имеет вид беспечный и легкомысленный; другой же, несмотря на свое тощее лицо...»

Тоже уточнение не случайное, ведь мог жевать и чужой рукав, хлопать по бедрам прохожих...

Чехов. Рассказ «Мечты»:

«...морща свой узенький лобик...»

(Понятно, что чужой лобик морщить никак не могла, потому «свой» абсолютно неуместно. И когда вижу эту фразу у современного автора, то понимаю: не дорос, ворует бриллианты вместе с деревянным ящиком, не замечая разницы в цене.)

Чехов. Рассказ «Мечь»:

«Когда уснула его супруга, он сел за стол и после долгого раздумья, коверкая свой почерк...»

А мог бы коверкать и чужой!

Чехов. Рассказ «Нахлебники»:

«...поставил свой толстенький четырехногий самоварчик из красной меди. Не будь у Зотова этих привычек, он не знал бы, чем наполнить свою старость».

Ладно, дальше без комментариев, сами попробуйте понять, где в приведенных фразах сорняки и почему такое у себя обязательно нужно убирать.

Чехов. Рассказ «Нахлебники»:

«...подошел к станку и подставил свой собственный лоб...»

Чехов. Рассказ «Счастье»:

«...он поглядел вокруг себя, остановил свой взгляд на белеющем востоке».

Чехов. Рассказ «Каштанка»:

«...свинья подняла вверх свой пяточок и весело захрюкала. По-видимому, ей было очень приятно видеть своего хозяина, кота и Ивана Ивановича. Когда она подошла к коту и слегка толкнула его под живот своим пяточком...»

Чехов. Рассказ «Событие»:

«Обеспокоена одна только кошка. Вытянув свой хвост, она ходит по комнатам...»

Чехов. Рассказ «Беспокойный гость»:

«Сквозь шум леса слышны были звуки, какие слышит напряженное ухо во всякую бурю, так что трудно было разобрать, люди ли это звали.

Охотник и его собака были мокры до костей».

Нехорошо издеваться над промахами, но лучше сейчас, чем потом, когда у вас выйдут книги, а такие же, как и вы, зубастенькие щенки примутся терзать ваш труд.

Есть еще вот такой литературный прием...

Вот сцена в моем ироническом романе «Трехручный меч», где главный герой и король сидят за столом и ведут беседу. Говорят, говорят, а в это время:

«В сторонке через зал прошел, громко топя задними ногами и звякая золотыми шпорами, огромный рыцарь в полных доспехах. Забрало опущено, в одной руке длинное турнирное копье, в другой треугольный мальтийский щит с эмблемой летящего дракона. Его блестящий шлем отражал блики от роскошной люстры, а начищенные латы красиво контрастировали с каменными блоками, из которых сложена стена замка, вдоль которой шел».

Герой и король продолжают беседу, но через некоторое время «тяжелый лязг прервал мои глубокомысленные рассуждения. Через зал обратно движется тот же огромный рыцарь. Теперь в руке угрожающе покачивается боевой топор с узким лезвием, левый бок закрывает щит с эмблемой спящего дракона. Светильники в медных пастях бросают яркие блики на выпуклое железо: возникают блестящими точками на лбу над забралом, медленно перемещаются на макушку, а оттуда сползают на такой же блестящий затылок».

Король и герой продолжают беседу, попутно пируют, затем: «Пока я прожевал и проглотил ляжку дракона, прежде чем ответить, у самой двери возник мерный лязг, усилился. В трех шагах от стола, где мы пируем, медленно шел рыцарь. На этот раз доспехи погнуты, от щита отколот краешек, а от рыцаря пахло крепким потом. Но блики от люстры все так же отражаются от блестящего железа, а тени по дальней стене метнулись еще причудливее и угловатее».

Дальше беседа и пир продолжают, рыцарь проходит еще пару раз, наконец «рыцарь, снова погромыхая доспехами, прошел через зал. Теперь в руках поблескивает странная алебарда с тремя жуткими рогами. Я наконец врубился, это для антуража, иначе могу забыть, что я в старинном рыцарском замке, а когда провожаю его взглядом, то попутно зрю узкие готические окна-бойницы, зарешеченные толстыми железными прутьями, а также замечаю массивные медные светильники, вбитые в щели между массивными камнями, толпу придворных, это дает ощущение многолюдности, заодно слышу их сдержанный говор. Вообще-то должен бы слышать и тогда, когда не смотрю на них, но в этом я эксгибиционист... нет, солипсист, для которого существует только то, на что смотрит. А вообще-то на свете есть даже солипсисты в квадрате, это хохлы, для них существует только то, что щупают».

Да, вот именно, чтобы не забыть, где находятся ваши беседующие герои, надо время от времени напоминать как-нибудь ненавязчиво, вроде ах-ах случайно, а заодно и

бросать взор в сторону, чтобы дать ощущение 3-D, ну вы понимаете...

Не мешает еще вспоминать о температуре, день сейчас или ночь, а то в большинстве произведений вовсе непонятно: зимой или летом, на ветру стоят или сидят на корточках, да и вообще – самцы или самки?

Ну, эти важные детали я вам напомним еще не раз. Сам о таком забываю, а вы забудете тем более!

Впрочем, могу и забыть напомнить, так что запоминайте лучше сразу :-).

Не мешает еще вспоминать о температуре, день сейчас или ночь, а то в большинстве произведений вовсе непонятно: зимой или летом, на ветру стоят или сидят на корточках, да и вообще – самцы или самки?

О характерах героических и негероических

Как ни грустно это признать и как бы это ни хотелось, но все же скажем правду: юмор героическому характеру противопоказан. Не зря говорили древние греки: трагедии – для благородных, комедии – для рабов. Юмор практически весь основан на снижении образа, на разоблачении героических реалий, на истолкованиях, что Александр Матросов просто поскользнулся на скользком льду, Гастелло трахал бортпроводницу, а Троянская война возникла из-за недопитой бутылки водки.

Мы смеемся над великими людьми, над великими деяниями – это защитная реакция нашего мелкого и трусливого «я» на требования общества быть героями, подвижниками, творцами и пр. Мы старательно разоблачаем этих героев и подвижников, тем самым оправдывая себя. Иначе нам неуютненько пришлось бы в мире великих образов, надо бы тянуться за ними, а так не хочется ничего делать, нам бы просто жить, чувствовать себя уже на вершине достигнутого, чтобы уже прямо сейчас балдеть, оттягиваться и наслаждаться достигнутым.

Не самый лучший, но зато легкий способ сравняться с героями и подвижниками – это стянуть их за ноги с небес в наше теплое болотце. Этим юмор и занимается.

Возвращаясь к литературе, вспомним все яркие образы в литературе: Гильгамеш, Ахилл, Одиссей, Роланд, Тристан и Изольда, Гамлет, Отелло, Анна Каренина, Базаров, Онегин, Печорин, Павлик Корчагин... там юмором и не пахло, авторы прекрасно понимали, что любая шуточка снижает героическую фигуру.

Когда уж очень невтерпех, для этого существует такая ипостась, как «спутник героя», которому юморить можно за двоих. Это Санчо Панса, дед Щукарь и великое множество, вы сами их вспомните, которые, как доктор Ватсон, оттеняют достоинства своего героя. Тут могут возразить, что Шерлок Холмс как раз и юморил нередко, но сам Шерлок при всей популярности образа все же задумывался не как герой, он и не есть герой. Гораздо больший герой, к примеру, его противник Мориарти, а Холмс – те ножницы общества, что выстригают всех, что слишком высовывается за рамки этого общества, его законов и правил, убирает всю героичность, индивидуальность и делает его одинаковым и законопослушным. А вы можете себе представить героя законопослушным?

Вывод:

Если уж создаете героический образ, то все шуточки, иронию и прочие признаки юморения, явные и неявные, – искореняйте нещадно. Что позволено быку, то не позволено Юпитеру.

Еще раз о филигранности текста

Филигранят текст пусть те, кто ничего больше в произведении не может. Им не дано создавать образы, не дано поднимать новые темы, придумывать новые идеи... так пусть же хотя бы привлекают взор школьной отделанностью текста! Уже это само по себе хорошо, ведь, согласимся, совсем мерзко, если бы к отсутствию образов, к заезженным

темам, идеям – еще и серый, невычищенный текст!

Но все-таки «лучший по языку», виртуоз подгонки слов, мастер аллитераций и прочих мерехлюндий – это ученик, который остался в первом классе на второй год, на третий, на четвертый... Остальные переходят в следующий, что-то осваивают, изучают, а этот, который все еще в первом, – зато в нем самый лучший!

Когда искусствоведы твердят, что надо совершенствовать язык до бесконечности, это мне напоминает наставление старой гусеницы молодой: нет, мол, ничего потом! Просто умираешь – и все.

Увы, у гусеницы превращение в куколку, а затем в бабочку происходит с неизбежностью движения звезд, а вот у писателей развитие чаще всего так и останавливается в стадии гусеницы, где они до бесконечности совершенствуются в языке, оттачивают стиль.

Ладно, пусть бы так, но если бы еще не учили других, что только это и есть литература!

Вырабатывайте иммунитет к требованиям этих очень уж настойчивых ребят из позапрошлого века!

Скрипка на матче по боксу

Наверное, я уже повторяюсь насчет этого изящества, уже заклинило, но все потому, что меня больше всего долбают эти долбодятлы из детского сада и мне эта проблема кажется такой уж важной.

Но покажется важной и вам (если сейчас вас пока не... клюет), как только попытаетесь перейти на следующую ступеньку, или, скажем по-другому, посмеете вылупиться из кокона. Посмеете попытаться вылупиться.

С формальной точки зрения мои критики правы, однако в данном случае я вижу простое, элементарное недопонимание. Человек забрел на соревнование по боксу, а решил, что он на скрипичном концерте. Отсюда и требования!

Объясняю на пальцах: литература – зеркало нашей жизни. В нашей жизни есть место скрипичному концерту и удару правой прямой в челюсть. И то и другое, увы, не только нужно, но и необходимо. Такова селяви. И то и другое надо развивать. И то и другое развивают. Играют все тоньше и виртуознее, а удары в челюсть становятся все сокрушительнее. Странновато, если на боксерском матче эстет начнет эстетствовать во все корки чемпиона за неэстетичный хук или неvirtуозное па задними ногами...

Ни фига странного, именно такие отзывы видим сплошь и рядом на книги. Книги, как и вся наша жизнь, отражают все. И высочайшую виртуозность, и удары кувалдой по железным костылям. Когда вижу афиши концертов, я ищу те, которые заставят меня взволноваться. Выронить слезу. Окатарситься. Но это достижимо только на тех концертах, где мелодии просты. Сильная мелодия всегда проста.

Через улицу могут давать концерт виртуоза-скрипача, что ошеломит знатока массой своих фиц, фенек и прочих мелизмов. Там раскроют хлебала от восторга, но это будет восторг от вершины и з я щ е с т в а, но не мощи, силы, ибо мощь и сила в их случае – синонимы грубости.

Есть книги, авторы которых делают упор на изящества языка, на виртуозность стиля. В данном случае неважен сюжет, идея, тема, образы, главное – словесные кружева.

Есть – с упором на идею или образы. Не буду приводить примеры из классики, скажу только, что я иду по этому пути. Мои книги должны действовать «весомо, зримо», и потому сетовать, что мой терминатор с кувалдой в железных лапах недостаточно красиво исполнил па перед ударом по атомной бомбе, – это даже не смешно... для тех, кто понимает комизм ситуации. Увы, абсолютное большинство не понимает.

Да и хрен с ними. Но это у меня шкура толстая, а у вас?

Помните: они – позапрошлый век. Их требования – требования того времени. Ваши читатели живут в двадцать первом веке. Возможно, будут жить и в двадцать втором.

Сразу вспоминаются шутеры а-ля из глаз и ларокрофтовские. Проще говоря, первые идут от первого Wolfstein'a, а вторые вообще от самых первых диггеров и шамусов. Написал и подумал, что, когда начинал писать этот труд, такое сравнение не пришло бы в голову, персоналок не существовало, а сейчас это наиболее зримый пример.

Когда из глаз героя, то самый важный плюс – полное сопереживание. Это вы бежите, стреляете, на вас нападают, вы отбиваетесь, прыгаете, влетаете в окна, хватаете полуголых красоток, бьете в челюсть всяких разных, кто не успел спрятаться. Да, это громадное преимущество, но, увы, почти единственное.

Фигурка героя в стиле «яяяя», которой управляете в байме или при чтении книги, это все-таки не вы сами, а ваша кукла, которую ведете через препятствия. Это по ней стреляют, а не по вам. Конечно, за нее тоже переживаете, она ваша, и если убьют или хотя бы ранят, чувствуете некоторые угрызения совести: надо было баймить лучше, но все-таки это не вы!

Однако же стиль «яяяя» дает неизмеримо больше возможностей в плане выбора красок, мест действия, недоговоренностей.

Вы можете писать то об одном герое, то о другом, которые за сотни миль, а вот от первого можно описывать только то, увы, что перед глазами.

Конечно, это тоже общие законы, из них существуют исключения, но этих исключений весьма и весьма немного. Я имею в виду, что и от первого лица можно писать так, что никакого сопереживания не будет, но не это исключение, как вы понимаете, а исключение – когда роман написан от третьего лица, но вы, наблюдая за чужой фигуркой, все его беды и тревоги воспринимаете как свои.

А кто лучше: прыгун в воду или в высоту?

От советов «своих» отбиваться труднее

Есть очень большая группа хронических неудачников, которые винят в своих неудачах все что угодно, но только не себя. Вы их уже встречали и еще встретите, так вот: не дайте себя столкнуть с победного, хотя и трудного пути! А столкнуть могут, аргументация у них отточена, отработана, отшлифована. Отшлифована, понятно, в попытках объяснить жене и соседям, почему у других получается, а у них – нет.

Я говорю об авторах, которые «...никогда не унижутся до того, чтобы писать на потребу издателю». Эти авторы обычно начинают рассказ с того, что вот однажды они принесли в издательство свой шадевр, а там тупые сказали: вот если сделаешь сцены, что у тебя трахаются на каждой странице, не слезая с коней, тогда возьмем. А я, мол, сказал гордо, что никогда не унижусь до такого позора! Я хочу, мол, честно смотреть в глаза детям.

Говорят обычно очень красиво, верно, с пафосом, с придыханием в нужных местах, а мы, понятно, в данном случае только киваем и соглашаемся. Ну что еще сказать, когда человек говорит вроде бы очевидные вещи? Да, конечно, нехорошо писать такие книги, нехорошо уступать таким требованиям.

И как-то за кадром остается, что книжный рынок вовсе не завален книженциями, где трахаются на каждой странице. Вот я в данный момент читаю фантастику и могу с уверенностью заявить, что мне такая вещь прошлый и позапрошлый год не попала ни в НФ, ни в фэнтези. А если другим и попадает, то, полагаю, им приходится подолгу выискивать ее в горах книг, где эротикой и не пахнет.

Так откуда же эти требования? Почему не предъявляет издатель мне, множеству других читаемых авторов, чьи книги на всех прилавках?

Могу сказать – почему. Потому что издательство всегда руководствуется вкусами читателей. Оно не станет не то что настаивать, даже предлагать не станет автору впихнуть хоть одну эротическую сцену в книгу, если читатель этого не требует. А читатель не требует. А вот не требует – и все! Как не требует горы трупов. Это кровавый маньяк Шекспир всегда устраивал бойни, подлаживаясь под кровавые вкусы

современников, у него всегда в последнем акте трупы плавают в лужах крови, а наш читатель – гуманист и общечеловек. Его и сексом не удивишь при этом общедоступном занятии, это такое привычное и скучноватое из-за повторяемости дело, что такие сцены только испортят книгу, а вот наткнуться на новую идею, тему, образ, сюжет – блеск!

Так что не поддавайтесь их уговорам писать на вечность. Боккаччио всю жизнь трудился над атласом Африки, зарабатывая себе вечность, а сонеты Лауре писал на полях рукописи, считая их сиюминутным баловством!

Друзья бывают опаснее врагов, когда это в литературе.

Хотите нетленку?

Часто отвечаю на вопросы в Корчме, особенно в отделе «Откровенный Разговор», на вопросы, какими признаками должна обладать нетленка, сам начал формулировать эти принципы. Да, так бывает, когда что-то разъясняешь долго другим, наконец начинаешь понимать и сам. А если точнее, то начинаешь формулировать, ибо раньше понимание оставалось на уровне смутной интуиции, чувств, озарений, уверенности, но в спорах постепенно оттачиваются и критерии, и формулировки.

Итак, нетленка должна иметь новую идею. Желательно еще, чтобы и новую тему. Но можно и порознь. Хотя ударнее – вместе.

Второе: какие бы в обществе ни свирепствовали вкусы, какие бы взгляды ни преобладали в данный момент (ну к примеру, сейчас в моде дурь, охватившая недоумков, что добро и зло – относительны, мол, вчера это зло, сегодня уже добро, а послезавтра так и ваще...), но нетленка должна прочно стоять на твердых критериях.

Третье: яркие образы. Желательно – новые.

Точный и ясный язык.

И, возможно, последнее: жанр должен быть чист. Ну можно ли представить, что Толкиен в свой причудливый мир ввел, скажем, пришельцев из космоса, восставших роботов или перемещения во времени? Или то же самое введет кто-то из многочисленных авторов, продолжающих бесконечный цикл о Конане? Конечно, дико. А вот современные придурки такое делают постоянно и еще утверждают, что шедевры рождаются «на стыке жанров».

Пестрота хороша только на цыганском платье. Хорошее платье шьется в одном стиле.

Сроки работы над романом

В детстве много читал, почти везде в предисловиях или послесловиях наткнулся на такие строки: «...автор работал над этим романом десять лет», «...автор писал это произведение двенадцать лет», а вот, помню, в восхитившем меня романе «Сказание о казаках» было сказано, что «...автор работал над этим романом двадцать лет».

Да, все верно, так и было. Я не только застал, но и полжизни провел еще в той эпохе, когда писали весьма и весьма неторопливо. Сам писал, правда, уже быстро, но это я – человек новой эпохи, а все вокруг писали еще по-обломовски. Да и к чему спешка, если жизнь все та же, ничего не меняется...

Но все в мире ускоряется, лавина изменений нарастает не только в науке и технике, но даже в морали и взаимоотношениях, что я показал в «Мне – 65». Сейчас автор, который пишет десять или двадцать лет, рискует оказаться просто непонятым, ибо за это время не только рухнул СССР, но и на смену одним ценностям, казалось бы незыблемым, пришли совсем другие, и любители размахивать окровавленными простынями или мазать ворота дегтем остались с раскрытыми ртами на обломках своих вековых... да что там вековых – тысячелетних ценностей!

Отсюда вывод: пишите в своем темпе, который лично вас устраивает. Ни в коем случае не подстраивайтесь под «общепринятое» мнение, что, мол, быстро пишут только халтурщики, а нетленки создаются десятилетиями. Хемингуэй пять лет писал роман «У ручья в тени олив», прохладно встреченный читателями и критиками, но за

написанную в три дня «Старик и море» (деньги срочно понадобились!) получил Нобелевскую премию.

Помните, любое общественное мнение – хоть старух на лавочке у подъезда, хоть продвинутых писателей – всегда устаревшее, всегда косное, всегда отражающее вчерашний день. Даже если это мнение некой замкнутой и не очень многочисленной тусовки. Это устаревшее для вас уже потому, что устоялось, сложилось, отражает какие-то ценности вчерашнего и, может быть, даже сегодняшнего дня. Но вы-то пишете для дня завтрашнего?

Да-да, чтобы иметь успех у сегодняшних читателей, писать нужно для завтрашних!

Писатель может идти в ногу с общественным мнением, но только потому, что его взгляды в данный период времени совпадают с мнением общества, а вовсе не потому, что он им руководствуется.

О типовухах

После одной из попоек, где маститый автор долго убеждал меня в гениальности некоего молодого автора, который уже успел за свои три-пять книг собрать весь мыслимый и немыслимый мешок наград, премий и званий, Лилия спросила на обратном пути с недоумением: а что, в самом деле столь гениален?

Я замялся с ответом и, пока она вырубивала на магистраль, начал показывать на вырастающие по обе стороны дома. Ну, вы сами знаете, как редко в нашем и вообще в любом городе увидишь действительно оригинальное здание, что высится как лебедь или хотя бы гусь среди коротконогих уток. Остальные же – стандартные коробки различной модификации, сохранности и ухоженности.

Так вот у этого расхваливаемого автора стандартная коробка, однако, в отличие от большинства таких домов, подъезд не загажен, в лифте лампочки горят, даже зеркало привинчено, на этажах чисто, стены не размалеваны всякими мерзостями, что стыдливо именуются граффити. Даже перед входом в дом автор поставил большую каменную вазу, а в ней – цветы.

При нашей общей загаженности, что домов, что литературы, такое вот воспринимается с великим чувством облегчения. Когда автор работает над языком, выпалывает сорняки и, как бухгалтер, следит за однокоренными словами – не дай бог встретятся в одной фразе! – это хорошо, это нужно, это надо поощрять.

Конечно, шедевром архитектуры дом от этого не станет, но он и не участвует в конкурсах таких уровней. Он проходит по разряду симпатий жильцов, живущих в таких же типовухах. Это ваш путь, это то, к чему нужно стремиться...

...если вы уже обломались в попытках построить действительно оригинальное здание. Но если силы есть – начинайте с главного. Сперва задумайте такое, чтобы ваше здание было видно издали, чтобы всякий заметил и... что-то сказал. Пусть даже: ишь, херню какую-то выстроили!.. Это лучше, чем мазнут взглядом по длинному строю типовух и даже не заметят. Даже ту, ухоженную типовуху, рассмотрят, только войдя вовнутрь и поднимаясь на нужный этаж. Но и там каждый понимает, что эта ухоженность – предел для типовухи. А вот в здании оригинальной конструкции можно развернуться.

Не приступайте к написанию рассказа, повести, романа – пока не отыщете оригинальную идею! Пока не придумаете для нее оригинальную тему. Поверьте и проверьте на своем опыте: оригинально построенное здание в любом городе заметно издали! Вы о нем помните. Вы о нем можете рассказать другим.

Стройте нечто оригинальное. Так труднее, но вас заметят!

Два пути в литературном деле

У вас всего два пути в литературе. Как, впрочем, и в жизни. Либо вы работаете над собой, становитесь ценностью, и тогда к вам бросаются все менеджеры с просьбой почтить своим присутствием их фирму, либо сразу же начинаете завязывать связи с

«нужными людьми», льстить им (читайте Карнеги), кланяться, носить в зубах за ними тапочки, смеяться их шуткам, подставлять свой зад, делать вид, что все это вам очень нравится, вы просто в восторге... а не посмотрите ли между делом мою рукопись?

Сразу скажу, что по первому пути идет меньше одного процента искателей, по второму – абсолютное большинство. Почему? Ответ очевиден: в первом случае вам нужно несколько лет накачивать мускулы, если вы спортсмен, с утра до вечера терзать скрипку или писать и переписывать роман, добиваясь лучшего звучания каждой фразы, оттачивая и еще раз оттачивая сюжет, интригу, повороты и зигзаги, а во втором можно сразу же, не каторжана себя, начинать карабкаться по служебной лестнице, если мечтаете о карьере, или же проталкивать рукописи, если мечтаете стать писателем.

Т.е. написали нечто, посмотрели с позиций: всякое дерьмо печатают, у меня ничуть не хуже, и это вот свое дерьмо, которое вообще-то дерьмом не считаете, несете в издательство. Но так как обычно сразу облом, то начинаете искать пути, как же все-таки «пробить», «протолкнуть», добавив к куче серой литературы еще одну книжку. Я не сказал, к куче дерьма – еще одну каплю, оцените, но с точки зрения потребителей это выглядит именно так.

Более того, появилась целая философия насчет того, что без связей и раскрутки ни один автор – так и говорят! – ни один автор не будет опубликован, прочитан, куплен, а бессовестные дельцы тут же подсуетились и выпустили ряд брошюр с интригующими названиями типа «Как устроить книгу в издательство», «Как пробить рукопись к печати» и пр.

Из-за многочисленности подобных авторов создается впечатление, что вот они и есть литература. А вот те, кто пишет так, что к ним директора издательств сами ездят с бланками договоров, – это какие-то мутанты, уроды, на них равняться ни в коем случае нельзя. И вообще эти авторы какие-то не такие: этот вот известен своими нелиберальными высказываниями, а этот чересчур либеральными, а вот такой-то вроде бы у кого-то шубу украл...

...но скажите мне, калеки и калекши: где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче? (Маяковский)

О неравноправии в гонорах

Среди начинающих авторов ходит много слухов, как издательства обирают авторов. Сами авторы, которых никто не обирал, охотно поддерживают и распространяют эти слухи. Почему? Ну а чем плохая причина, чтобы объяснить знакомым бабам причину бедности? Ясно же – обирают. Тем более что поверят охотно. Мол, трудом праведным не наживешь хором каменных. Беден, значит – честен!

Начинающие, для которых система оплаты является китайской грамотой, абсолютно уверены, что их обирают, им недоплачивают, их книги выпускают дополнительными тиражами, с которых авторам не платят вовсе, и пр., пр.

Рискуя снова остаться в одиночестве... а, плевать, я всегда в одиночестве!.. объясню, что такое могло быть только в так называемую эпоху первоначального накопления капитала. Да и то с мелкими издательствами, что создавались только для того, чтобы урвать и раствориться.

Сейчас же издательство, если дорожит репутацией... нет, если бережет и не желает терять авторов, то для них делает абсолютно прозрачную калькуляцию стоимости книги, всех расходов на бумагу, типографию, транспорт, аренду, зарплату редакторам и пр., пр. а вот оставшаяся доля и есть гонорар автору. Он не может быть выше, ему просто неоткуда взяться, разве что выпустить книгу тиражом побольше. Но для этого автор должен писать намного лучше. Так что все в руках автора.

Да, брендовому платят значительно больше. Не на порядок, но в разы – да. Причина станет понятной, если проследить процесс превращения принятой рукописи в книгу. Работает редактор, корректор, художник... все получают за подготовку к печати зарплату. Не скажу, что большую, но и не малую. Так, нормальную. Книга запускается тиражом в 5—10 тысяч экземпляров. Это норма. Прикиньте, сколько сотен долларов

только редактор—корректор—художник получают за подготовку одной-единственной вашей книги – это тоже вычитается из ее стоимости! Или прибавляется, как хотите.

Теперь берем книгу раскрученного, хотя термин неверен и придуман уязвленными неудачниками, которые не могут признать, что соперник пишет лучше, а предпочитают приписывать его успехи раскрученности. Ладно, пусть. Книга раскрученного не только уходит большим тиражом, но и каждый год идут ее допечатки. По несколько раз в течение года. Всякий раз по 5—10 тыс. экз. На эти тиражи уже не требуется ни редактор, ни корректор, ни художник. У издателя не горят нервы в страхе: а вдруг не купят? Над ней не ломает голову отдел рекламы: как бы заставить купить упрямого читателя?

Так вот посчитайте, сколько издательство экономит на таких допечатках. Эта зарплата редакторов, художников и пр. и есть та добавка, что существенно повышает рояльи раскрученного автора.

Хотите получать много? У вас нет другого пути, как писать л у ч ш е!

О «завышенных» требованиях

По следам первого издания пошли письма типа того, а где развитие характера, к примеру, в цикле о Джеймсе Бонде? Или о Тарзане?

Должен заметить, что товарищи путают популярность произведения с его значимостью. Конечно же, литературная безделушка может привлечь больше внимания и собрать большие тиражи, чем умная и глубокая вещь. Мы это видим на каждом шагу.

Но все равно в НАСТОЯЩИХ произведениях развитие характера происходит обязательно. Даже в такой коротенькой вещи, как «Муму», главный перс рассказа покидает его не тем бессловесным рабом, каким вступил на первую страницу! Преображается Евгений Онегин, преобразуются герои авторов других книг, что не случайно входят в классику.

Словом, я вам показываю в этом учебнике, как можно достичь САМОЙ ЧТО НИ ЕСТЬ вершины, как войти в десятку самых величайших писателей всех времен и народов. А литературного и чисто финансового успеха можно достичь и чуточку раньше, не надрываясь так уж. Это я тоже показываю на примерах, ибо все мы люди, всем пишущим хочется и в самом деле нужно жить литературным трудом, а не писать по ночам в свободное от вообще-то неприятной службы время, взбадривая себя чудовищными порциями кофе и энерджайзеров.

И желательно хорошо зарабатывать, чтобы вообще не думать о деньгах, а писать свободно и раскрепощенно.

Думайте сами, решайте сами, все равно выбирать вам.

Совет, который дать необходимо, хотя вы ему, конечно же, не последуете

Помню, лет тридцать тому с помпой проводили грандиознейший опыт по передаче мыслей на расстояние. Одна группа поднялась на Эверест и передавала оттуда мысли-образы по картам Зенера, другая опустилась на подводной лодке на дно Тихого океана, чуть ли не в Марианскую впадину, и там принимала. Или передавала, неважно.

Я не мог понять этой дури. Не научились передавать из комнаты в комнату, а берутся на такие расстояния? Да это то же самое, что фокусник выходит в длинном халате, расшитом звездами, в шляпе с колпаком, а пока мы таращим глаза на его странную одежду, он дурил нас, лохов.

Начинающий обычно берется писать про мечи и колдовство, напихивает драконов, принцесс, блистающих латами рыцарей, гремят клинки, реками льется кровь, с грохотом взрываются звездолеты размером с планету, а мутанты в который раз пытаются захватить Земную Галактику.

В этом случае не только желание писать о том, что самому было бы интересно читать, но и подсознательное понимание, что нужно надеть шляпу с высокой тульей, черный длинный плащ с широкими рукавами и делать многозначительные пассы, иначе читать не станут.

Конечно, настоящий автор сумеет описать так утренний поход в булочную за свежим хлебом, что не оторвешься, все увидишь и прочувствуешь: и свежесть воздуха, и шелест струй поливальной машины, и ароматный запах из раскрытых дверей булочной, но то настоящий, а «ненастоящие» вынуждены прибегать к допингу – звону мечей, стрельбе из гранатомета в упор, мату, расплесканным мозгам по стенам квартиры...

Совет: все же попытайтесь описать поход в булочную. Или не в булочную. Научитесь делать интересными бытовые сценки. И чтоб обходилось без крика, мата, рвания рубах на груди. В этих простых сценах заметнее ошибки, промахи, которые могут проскочить мимо сознания в динамичном боевике, но потом все же царапнут и оставят осадок.

Если этим языком, настоящим писательским, напишете потом хоть боевик, хоть ужастик, хоть фэнтези – цены не будет такому произведению. И его никогда не забудут. Как не забывают «Мастера и Маргариту», «31 июня», «Властелина колец» и многие другие книги, написанные знатоками языка.

Обходитесь без фейерверков в текстах. И без компьютерной графики.

Займствовывать или остерегаться?

Конечно, никто из нас, пишущих произведения, наполненные действием, сам лично никогда не прыгал с вертолета на крышу автомобиля, что мчится со скоростью сто восемьдесят миль в час, не бегал по крышам вагонов экспресса, на каждом сшибая вниз под колеса по два-три противника... как и не дрался с инопланетянами в звездной системе зеленой звезды Темный мир Зла.

Это я к тому, что у всех у нас могут встречаться более или менее похожие эпизоды схваток, сражений, погонь: да и кроме того, положа руку на сердце, разве они в самом деле не одинаковы? И не случайно голливудские сценаристы на что уж изощрены в придумывании разных трюков, однако мы из фильма в фильм видим одни и те же сцены у разных авторов, как будто дерут друг у друга.

Нет, не дерут, просто здесь слишком уж мал выбор вариантов. Это длинное вступление к тому, что у вас тоже могут встречаться эти одинаковые погони или схватки на мечах, но вы ни в коем случае не должны брать одинаковые идеи, темы, строить одинаково сюжеты!

Все эти антуражные схватки в космосе на гиперлазерах или рыцарские поединки на мечах – одежда, которую мы все носим. Она все-таки одинакова, несмотря на все старания разнообразить и не быть похожими на других. Но отличаемся от других не одеждой, верно?

Там вот допустимо, когда у автора N поединок на мечах похож на такой же поединок в книге автора М, но недопустимо, когда и у него герой везет принцессу или княжну из пункта А в пункт Б! Вообще для наших авторов этот сюжет должен быть изъят из обращения, так как еще в восьмидесятых, когда к нам хлынула американская фантастика, мы прочли сотни произведений на эту тему, да еще и у каждого есть фильм на кассете или на диске «Конан-варвар» и «Конан-разрушитель». Точно так же автор должен избегать остальных заезженных идей, тем, сюжетов.

Разве это так уж трудно или даже невозможно? Но вот «Трое из Леса» – первое на тему бессмертных героев, именно та тема, которая не допускалась при предыдущей власти, «Княжий пир» – попытка создать третий центр легендаристики, наряду с двором короля Артура и монастырем Шаолинь, «Я живу в этом теле» – первое в том жанре, что все мы помрем, так что же делать, как с этим жить, «Ингвар и Ольха» – ну и что, если даже Рюрик немец, «Скифы» – как из горстки энгузиастов вырастить совершенно другое государство и даже народ, «Ярость» – принять для России ислам и решить этим все проблемы, «Чародей...» – призыв посмотреть правде в глаза и принимать завтрашние меры прямо сейчас, «Земля...» – другой неожиданный вариант решения наших проблем...

Новых идей и тем для произведений – масса, нужно только оглядеться, а не идти тупо по следам таких же баранов, что обыгрывают одни и те же темы. Запомните правило: в память врезаются произведения только с **НОВЫМИ** темами, с

НОВЫМИ идеями, НОВЫМИ образами.

А что врежется в память, то делает вас известными, знаменитыми, дает высокие тиражи, приносит высокие гонорары и позволяет вам реально влиять на общество!

Не забывайте о главном. Идеи – новые, яркие, неожиданные, бьющие в цель...

Приходится доказывать очень простую истину...

Объясняю терпеливо и доступно: доказывать такую простую истину приходится. Слишком многие полагают, что и в таких областях, как литература, музыка, пение, спорт и пр., – пробиваться нужно, как, например, в очередь на распределение строго ограниченного количества водки.

Причем эти многие как раз мне симпатичны. Я сам из числа тех, кто не умеет пробиваться, потому мне эти люди... понятны. Но для них единственный выход – делать лучше! При советской власти это не играло роли: на редакторских местах сидели чиновники, что печатали себя и приятелей, а сейчас такое издательство прогорит. Оно **ВЫНУЖДЕНО** печатать то, что люди хотят читать.

Потому снова и снова доказываю, как в свое время доказал в Харькове, как доказываю и сейчас время от времени :-). Да, пробиваться нужно вещам сереньким, их действительно пишется и предлагается к печати больше, чем способен проглотить рынок, но стоит только написать лучше, и такая вещь сразу будет замечена и редакторами, и читателями. А чтобы написать лучше, нужно всего лишь дольше над нею поработать. Здесь пробиваться нужно только через собственную лень, никто посторонний не помешает.

Пишите лучше других, остальное придет само!

Не понимаю...

Ну почему, почему автор не стремится написать лучше, еще лучше вообще создать самый потрясный роман на свете, а с бараньим упрямством пытается пробить в печать слабенькую вещь, которая не принесет славы ни ему, ни его издателю? Наоборот, придется стыдиться серости, ведь читателя не обманешь!

Ведь уже доказано на пальцах, что хорошую вещь пробивать не нужно. Она пробивается сама. И сама уже из года в год собирает тиражи, выходит дополнительными изданиями, т.е. автору не нужно прилагать титанические усилия, чтобы заинтересовать рецензента, редактора и всех-всех, кто хоть чем-то может поспособствовать выходу в свет!

Разве такое понять трудно? Так в чем дело?

О «продолжениях»... скажем по врожденной деликатности так

Некоторые авторы «дописывают» произведения классиков, я сам видел в печати книги про дальнейшие приключения Ихтиандра, Наташи Ростовской, Печорина... и др., ну вы таких знаете. Одна дама похвасталась, что ее сын начал писать продолжение одного известного романа, такой талантливый мальчик, такой талантливый!

Этого гениального ребенка надо было просто выпороть и строго объяснить, что продолжать чужие вещи – то же самое, что подрисовывать в картинках дядям и тетям недостающие детали. Или расписывать стены непристойными рисунками.

Существуют литературные студии, где и самых маленьких учат писать. Творить. Самостоятельно. А хвалить за написанное продолжение – это хвалить за воровство или подталкивать к нему. И хотя есть такие, которые доказывают, что брать чужие вещи и помещать в Интернет, не спрашивая авторов и не слушая их протесты, – правильно и законно, это лишь следствие, что юридической базы еще нет, а моральные установки, что чужое брать нехорошо, у них отсутствуют.

Любое продолжение чужой вещи – недопустимо. И неважно, что по этому поводу нерасторопный закон еще ничего не успел сказать: сами понимаем, что это – нехорошо. И потому, несмотря на соблазнительные возможности такого воровства, на самом деле подобных примеров не так уж и много. Ну разве не могли бы другие авторы, подобно некоторым немногим, ринуться в переписывание и дописывание мировых шедевров?

Не спасет даже временная наша юридическая неустроенность. Ну такая же была, когда А.Толстой переписал «Приключение Пиноккио». Тогда население даже не поняло, что это переписанная чужая вещь. На этой книге выросло два-три поколения, лишь теперь стало известно, что и как, и... образ А.Толстого потускнел. Не поддайся он тогда лозунгу «Грабь награбленное!», не тронь чужую вещь, сейчас он был бы чище. А так... запачкан, запачкан мародерством.

Даже в наше время, когда хватать чужое совсем вроде не стыдно – рынок, все же нехорошо. И такое оставляет след.

Берегите честь смолоду.

Один из способов ужатия текста

Есть хороший метод, как убрать все длинноты, лишние фразы, не говоря уже о словах-сорняках. Это посчитать количество слов в тексте, делается это простым кликом по «Статистика» в привычном Word'e, а затем поставить целью ужать текст на десять или пятнадцать процентов. Чтобы меньше было конфликтов с самим собой, с которым всегда можно договориться, надо принять как аксиому, что любой редактор и так от вас потребует ужать, почистить, убрать лишние эпизоды и пр. и пр.

Так вот, когда у вас будет четкая цель, от которой отклоняться нельзя, то сразу же обнаружите, что именно убрать, что почистить, что сократить. Главное же, что все вроде бы останется в неприкосновенности: и сюжет, и характеры, и динамика, но только... сюжет пойдет быстрее, характеры станут ярче, образы обретут рельефность, динамика станет круче.

Конечно-конечно, убирать всегда жалко, кто спорит, сам знаю, но вам ведь надо подействовать на других? А другим подавай текст без сорняков, длиннот, провалов, и чтоб у всех характеры, и диалоги быстрые, четкие, не страдающие косноязычием и обилием слов, которые в разговоре не употребляем.

Редактор – не враг, он лишь посредник между вами и читателем.

О ломках стереотипов

Все настолько привыкли к тому, что «Если в первом акте ружье висит на стене – то в последнем должно выстрелить», что пора уже выстраивать противоположное: «Если ружье на видном месте – то стрелять не должно». Все-таки литература ценна еще и элементами неожиданности, непредсказуемости! Ну что за скука читать произведение, где заранее все известно!

Ведь одна из высших похвал, когда об авторе говорят, что в его произведениях не угадаешь, чем закончится. А высшей, пожалуй, высшей в этом роде такое: «Читая страницу, никогда не знаешь, что произойдет на следующей!» И как тут с обязательно стреляющим ружьем?

Понимая это, еще в «Троих из Леса», когда в первой книге еще в лесу с великим трудом добывают цвет папоротника, я... повел их дальше, так ни разу не использовав этот цветок. Читатели, воспитанные на предсказуемости героев, сразу же завопили, что вот здесь автор лопухнулся, забыл, у него ружжо не выстрелило!

Да, не выстрелило. Потому что все ждали, что выстрелит. Один из видов оружия остался незадействованным. Нас уже приучили, что герой идет в бой, обвешанный оружием, подобно Шварценеггеру в «Комmando»; сперва стреляет из гранатометов, потом из крупнокалиберных пулеметов, затем из помповых ружей, из «калашей», «узи», а затем уже выхватывает из кобуры, из-за пояса спереди, сбоку и сзади, а также из-за голенища сапога – многочисленные пистолеты и стреляет, стреляет, стреляет... А когда

заканчиваются патроны, хватается за добрый десантный нож и тоже, того, чудеса виртуозности. А босса уровня, ессно, рвет на части, как Тузик тряпку, голыми руками.

Но это, знаете ли, слишком уж как в детской сказке: нашел Иванушка три волшебных камешка и все три использовал в нужные моменты. Именно все три, так как у злодея оказалось три жизни. А вот если бы у злодея оказалось жизней четыре, то, как уже понимаем, Иванушка нашел бы четыре камешка. И всеми четырьмя поочередно выстрелил. Лишнего остаться не должно.

Но ведь в реальности сколько покупаем лотерейных билетов, которые не выигрывают, сколько получаем дипломов о высшем образовании, которыми не пользуемся, сколько у нас остается неизрасходованных патронов и снарядов!

Вывод:

«Если ружье висит на стене... стрелять не должно!»

О плохой погоде

Конечно же, будут появляться весьма странные люди, вы уж сами назовите их поточнее, которые будут на форумах и в печати объявлять, что вы украли у них задумку и сюжет их гениального произведения, безобразно испортили и поспешили выпустить в таком виде. Кто-то договаривается до того, что у него «были украдены исходники» и вот теперь появилась поспешно сляпанная вами книга...

Как реагировать? Не знаю. Я в таких случаях сперва заводился, доказывал, что моя книга вышла намного раньше, чем претендент называет дату начала своего черновика, «исходников». К счастью, так и получалось, ибо претензии и к «Троим», и к «Я живу в этом теле», и к другим возникали уже на восьмой-десятый год издания, когда «пострадавший» наткнулся на двадцатую допечатку тиража, и мне нетрудно было указать на более ранние публикации в других издательствах, где и обложки другие, и года выпуска стоят.

Но мне просто везло, ибо я не старался выпускать сразу большими тиражами, меня больше устраивало, чтобы каждый месяц шли допечатки. В этом случае мне постоянно что-то да капает, к тому же я вижу самое главное: пользуется мое произведение спросом или нет. Хуже, если бы сразу большим тиражом. Тогда бы эти странные люди сразу начинали предъявлять претензии...

Наверное, с этим поделаться ничего не удастся. Придется просто терпеть, как терпим плохую погоду, приход зимы или слякотной осени, спам, трояны или червей. Конечно, пытаемся защититься, как можем, но можем очень мало. Приходится с этим жить, нельзя же перебить всех дураков, сумасшедших и даже дебилов. Хотя порой очень хочется.

Так что в простых случаях опровергайте, когда можно опровергнуть простой репликой, указав, как получалось у меня, дату опубликования, соответствующей первому классу школы обиженного, а в более трудных случаях просто отмахнитесь и занимайтесь своим делом. Повторяю, гавкающих собак по дороге очень много. Всяких-разных.

Если останавливаться и во всех бросаться камнями – никогда не дойдете до цели.

Ложные ориентиры

Главная беда начинающего, что смотрит на опубликованную слабую книгу и говорит себе: и я так могу!.. И вот, взбодренный слабой книгой, сам пишет нечто на этом уровне. И очень негодует, возмущается и недоумевает, почему «их» публикуют, а его – нет. Но дело в том, что в его случае как раз и вступает в силу закон, что, мол, троллейбус не резиновый, все не влезут.

Действительно, книжный рынок способен проглотить какое-то определенное количество книг, не больше. Но ярких интересных книг в году выходит от силы десятков, ну пусть даже пять десятков, это если брать все-все жанры, в то время как покупается все-

таки несколько сотен названий. Вот эти несколько сотен и есть та серость, глядя на которую начинающий радостно восклицает: «И я так могу!» Но он забывает или не знает, что серости предлагается авторами в тысячи раз больше. Вот среди серости и существует как раз конкуренция, когда при отборе к печати срабатывает скорее случайность, чем какие-то достоинства рукописи.

Но если же вы напишете выше среднего уровня, хоть чуть-чуть лучше этой серости, то вы пойдете вне всякой конкуренции. Ибо, повторяю, редактор должен отобрать для печати тысячу книг из миллиона присланных, но если ваша книга на уровне первого десятка или первой сотни...

Да, повторяюсь! Но все равно: пишите лучше других! Это самое важное.

И все-таки самое главное для литературы – идеи

Новые идеи, без которых она просто не сможет выжить в новом технологизированном мире. Если останется со старыми приоритетами, мол, главное – язык, язык, язык, ну да еще и образ, ей уготована участь орнамента на всякого рода национальных сорочках: на русских – свои, на украинских – свои, на индейских – свои...

Ссылка на классиков не катит: перед Толстым и Достоевским не стояли такие задачи и даже не распахивался такой простор. Мир был неизменен и двигался только по Божьей воле, в той литературе не могло быть почвы для таких книг, как «Скифы», «Имаго» или «Земля наша богата и обильна». Я не хочу сказать, как сейчас кто-то вскинет, что эти книги написаны хорошо или плохо, я говорю о самом уровне идей. В том прошлом, классическом мире не могло быть и мысли, что человек может выдвинуть идеи, которые изменят лицо общества, перевернут мировоззрение, а сейчас мы знаем и про Маркса—Ленина, и про аятоллу Хомейни, и про многое другое, так что скрупулезное вытютюливание образов отошло на задний план под натиском новых средств литературы.

Но именно это новое и может спасти литературу, давайте признаемся, но сколько можно пытаться прятать голову в песок, пол-то бетонный: в современных условиях литература обречена. Расцвет ее был в то время, когда не было ни радио, ни телевидения, и резко начал снижаться в эру компьютеров и Интернета. Завтра станет бесполезным украшением, вроде лаптей на стене или бутафорских мечей в прихожей. Да, красивым, но бесполезным, если главные усилия останутся на прежнем вытютюливании языка, который меняется уже не раз в тысячу лет, а чуть ли не раз в год, и на следовании прежним канонам насчет примата образов, классической композиции и следовании классикам.

Сейчас во главе угла должны быть поставлены идеи. Сильные, новые, оригинальные. Литература должна выбраться из все суживающейся ниши, где процветала и развивалась тысячи лет, и постараться завоевать новые, еще не занятые, только-только возникающие по мере развития общества и технологического прогресса.

Возможно – только возможно! – самому мне это очень не нравится, но писатели будущего вынуждены будут все чаще прибегать к соавторству. И даже не вдвоем, как иногда практикуется в наше время, а по несколько человек. Необходимость в этом испытал даже я, индивидуалист, хотя, забегая вперед, скажу, что мне уже поздно меняться. К примеру, после выхода «Зачеловека» многие сетовали, что снова женские образы у Никитина картонные, бледные, он их едва обозначил, что совершенно справедливо, я это видел, но меня бесило, что надо вот остановиться, вернуться по тексту и тщательнее расписать несколько страниц, где нет ни новых идей, ни мыслей, то есть проделать то, в чем я был первым в Литературном институте четверть века назад: в чисто ремесленном деле – проделать очень простенькую работу!

Да, необходимую, признаю. Но это в тот момент, когда я, дописывая «Зачеловека», уже начал первые главы «Земли...», романа с новыми идеями, новыми предложениями, способными вызвать шок и возмущение в обществе, как вызвала, к примеру, «Ярость». И вот я должен оставить эту работу и вернуться доделывать то простенькое, чему научился десятки лет тому и что вообще-то умеет простой литературный ученик:

дочистить язык и сделать более выпуклыми образы второстепенных персонажей?

Этот длинный пример сводится к тому, что возникнет необходимость такую вот работу перебрасывать на соавторов, которые еще не достигли уровня генерирования новых идей, но уже научились филигранной работе с языком. Это как раз их этап в данное время, так что шлифовать язык и образы они возьмутся со всем рвением. Еще возможен в такой связке соавтор, который силен в придумывании хлестких реплик, в умении недоговаривать и держать в напряжении сюжет, и т.д.

Т.е. требования в новом мире повышаются ко всему на свете, и если литература останется на прежнем уровне, то я уже говорил, какая участь ожидает нашу любимицу. Вполне вероятно, что так сейчас нелюбимое мною соавторство в том будущем станет необходимым для выживания: один человек не сможет на требуемом высоком уровне сотворить все составляющие произведения. А если и сможет, то уж очень противно натуре творца месить глину для будущей скульптуры, а то и вовсе копать ее где-то на болоте, когда это можно поручить подмастерьям.

Ничего нет обидного быть какое-то время подмастерьем: а как вы думаете учиться литературному мастерству? Как в прошлые века: на собственном опыте? Это просто было во времена Даниила Заточника: достаточно уметь читать и писать, сравнительно легко во времена Толстого – всего лишь писать лучше остальной тысячи грамотных в России, труднее во времена Шолохова – писать надо лучше тысячи пишущих, но это не сработает в нашем сложнейшем и очень продвинутом мире, где пишет миллиард грамотных и высокообразованных людей, знающих мир и откровенно стремящихся на литературную вершину.

Без новых идей литература мертва.

У нашего народа всегда романтика преобладала над разумом

То ли дело практичнейший Запад: у них все страсти накалялись только ради борьбы за трон, за золото, за стадо коров.

Боги угоняют друг у друга стада коров, Зигфрид убивает дракона ради золота, а потом все нибелунги гибнут, не в силах отказаться от проклятого золота.

Все «Хроники Амбера» лишь о том, кому сесть на трон, ради этого хлещут реки крови, брат брату выкалывает глаза, убивают десятки тысяч людей, горят города, убийства, убийства, убийства...

В США и рыночной России уже не замечают, что, по этим старым меркам, красавец Конан вообще-то редчайшая тварь, сволочь, подлец. Это же паразит, мразь, подонок, это антигерой – но читают взахлеб, ставят фильмы, снимают мультики, делают компьютерные игры... А ведь этот герой идет с окровавленным мечом в руке с одной-единственной целью, которую время от времени повторяет вслух: «Я хочу завоевать для себя королевство». Вдумайтесь! Не создать, как создавали сотни сейчас полузабытых героев, как, скажем, Кий, что пришел на пустое место, выбрал удобную гору и начал строить город, или более ранние Рем и Ромул, что в незаселенной местности вдвоем начали строить город, чтобы пригласить туда жить всех обездоленных, обиженных, беглых рабов... У нас на заре истории Лех, Чех, Рус пришли на пустые земли и создали свои племена, из которых выросли государства, Вятко и Радим сумели из своих семей на пустых просторах вырастить вятичей и радимичей, Рюрик пришел по зову, но Конан стремится именно завоевать готовое! Вторгнуться в королевский замок, убить старого короля и его семью, вырезать всех детей, даже в колыбели, чтобы потом не претендовали на корону, сесть в еще теплое кресло и зажечь... на халяву! Не в этом ли вся привлекательность? В халяве? Русское ли это слово – халява?

Лишь одна светлая вещь в памяти: «Властелин колец». Не за трон, не за золото, а в самом деле – за счастье для всех! Но, увы, спасение мира поручено сказочным существам, а пара присоединившихся к ним людей идет против Зла лишь потому, что с помощью этих сказочных существ надеется восстановить свои права на королевский трон, поскорее опустить задницу на кресло власти, а там уже наслаждаться и властью, и богатством, жрать в три горла и ни перед кем не отвечать!

То ли дело это странное образование, получившее название «русский народ». Здесь изначально выкристаллизовалось это бесшабашно-романтическое: «Воровать так миллион, а любить так королеву», «Пан или пропал», отсюда «Он землю оставил, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» – Че Гевара с Хоттабом тоже из этого отряда, не надо кривить душой, будем справедливы хотя бы к павшим.

Этот же народ первым взялся строить то, о чем Запад осторожно мечтал пару сот лет на кухнях: царства добра и справедливости на всем свете, царство Божие на земле! Это так и называлось – «Коммунизм – светлое будущее всего человечества!». И литература наша изначально была ориентирована на сеяние доброго и вечного.

Конечно, все мы с жадностью читали западную гниль, в каждом из нас гнильца и даже гнильча выше крыши, но, когда и отечественные авторы пошли по западному пути и начали своих героев сталкивать лбами в борьбе всего лишь за трон и жратву, наши читатели ощутили дискомфорт, перестали брать такие книги.

Да, вот так: им о таком писать можно, а нам нельзя, мы ж духовные. Вот так и работайте в этой узкой щели!

Что позволено быку, не позволено Юпитеру.

Почему все-таки так много о языке?

После выхода предыдущего издания было немало упреков, что слишком мало о том, как закрутить сюжет, как выстроить интригу и пр., пр., а сразу о языке и прочих мелочах. Ничего не делается случайно, уверяю. И ничего не упущено. Языком нужно заниматься в первую очередь: не овладевший языком – не должен начинать писать вовсе.

А вот потом, когда уже знаете, как строить правильно фразы, чтобы они обладали наибольшей силой воздействия, тогда да, начинать надо с обдумывания основополагающих для произведения вещей, в том числе сюжета, интриги и прочих важных вещей. Но еще раньше – идеи произведения.

Если нет идеи – то не приступать к работе вообще. Беда любого начинающего в том, что смотрит на слабенькие книги и говорит себе: подумаешь, ничего сложного, так и я могу. Так появляется еще одно серое произведение, которое еще нужно пробить, протолкнуть среди таких же серых и одинаковых.

Да, для идеального произведения, чтобы потрясло мир и внесло вас в историю, необходима новая идея – это раз, новая тема – два, великолепное исполнение, что включает в себя интересный сюжет, интригу, образы и так далее по всему списку, однако все это выстраивается из крохотных кирпичиков слов, которыми, увы, абсолютное большинство авторов пользоваться не умеют.

А те, кто умеет – это я о себе, замечательном и самом гениальном, – зачастую пренебрегают ради скорейшего выхода очередной книги. Увы, идей много, хочется все поскорее реализовать, но в нашем мире все делается за счет чего-то, не так ли? Но если я еще могу себе позволить где-то что-то ослабить для каких-то сиюминутных целей, то вам это непозволительно.

А отсюда вывод: отрабатывайте язык, язык, язык. Никогда не оставляйте работу по его совершенствованию. Это, конечно, не исключает постепенного увеличения доли работы над конструированием оригинального сюжета, закручиванием интриги, но если не сделаете свой литературный язык ярче и более емким, чем у вашего конкурента, – успеха вам не видать.

Без разучивания нотной грамоты нет музыканта, без шлифовки языка – писателя.

Необходимость линек

Хотя, как я уже говорил выше (или скажу ниже, смотря куда всобачу этот кусок), творческий человек проходит в развитии стадии: рисование, стихи, проза, а лишь потом наступает очередь фантастики, но при наших свободах и открытости путей, есно, фантастику пишут также и крайне юные.

Какие плюсы и минусы этого? Как я уже говорил, для того чтобы рисовать, не надо даже уметь читать, потому рисуем с двух-трех лет, для того чтобы писать стихи, не надо быть умным и «знающим жизнь»: стихи пишут не головой, а сердцем.

Для прозаика уже требуется хоть какой-то да ум, общее развитие, понимание реалий жизни. Для фантаста плюс ко всему вышеперечисленному еще и философское осознание путей развития человека, личности, общества.

Понятно же, что у слишком юных этого нет. Когда-то будет... возможно, но сейчас в силу развития нет. Ничего обидного, у нас всех в юном возрасте чего-то да недоставало. Того же ума, к примеру. Искать в книгах молодых того, что они сами еще не знают, не представляют, как-то не совсем умно. Потому, когда раскрываю книгу и вижу в действующих лицах Кольку, Вовку, Ленку и подобных им, я понимаю, что и сам автор – Колька, Вовка или даже Ленка :-).

Естественно, книгу закрываю, ставлю обратно на полку книжного магазина. Пусть покупает тот, кому не жаль ни денег, ни зря истраченного на чтение времени. Тот же Колька или Вовка. Но это я так, из политкорректности. Вежливый что-то сегодня. Наверное, к дождю. На самом деле понимаем же, что даже для Колек и Вовок лучше всего пишут Чуковские, Михалковы да Булычевы, когда им – Чуковским, Михалковым, Булычевым – лет так это за семьдесят :-).

Учитывайте особенности своего возраста.

Писать умно или писать интересно?

К сожалению, одно если не полностью исключает другое, то, во всяком случае, сильно теснит. Понятно, если умный человек берется писать заведомую, но весьма динамичную и потому читаемую широкой публикой глупость, то у него все равно иногда будут проскальзывать умные мысли, но все же это будет не то, когда он выкладывает в «умном» романе, работает над умностями, выгранивает их, отшлифовывает, выставляет на обозрение...

В связи с этим вспоминаю романы, над которыми Герберт Уэллс особенно работал, отшлифовывал, которые ценил и считал лучшими в своем творчестве. Редкий из тех, кто сейчас читает эти строки, подумает о «яяяя», «яяяя» и десятке других романов, которые Уэллс называл психологическими и которые считал вершиной творчества.

Но, увы, массам нужен экшен и что-нить попроще. Потому простой народ с восторгом принял простого и понятного «Человека-невидимку», с великой охотой читал «Войну миров» и «Машину времени», там все понятно и просто, без умностей, одни картинки и экшен, экшен. Даже высший класс аристократии предпочел эти простые романы. Да, если честно, что такое высший класс? Только штаны из другого материала. Да еще очки и шляпы.

Вот и думаешь, что же писать: умное или попроще? Проще лучше раскупается, это мы и сами видим не только по книжным лоткам и рейтингам, но и даже по истории литературы. Из толстенного «Преступления и наказания» только и помним, что некий студент топором зарубил старушку, а теперь уже, наученные опытом маркетинга, понимаем, что если бы рубил по старушке на каждой пятой странице – книга бы шла на улет и в наше время. А еще чтобы следователь не сопли жевал, как жует всю книгу, а с дымящимся пистолетом бегал по горячему следу, прыгал через заборы, с балконов, на крыши вовремя проезжающих внизу карет, стрелял и метал кинжалы... о, это был бы класс!

Так что подумайте. Рынок диктует свои законы. Устоите ли?

И второй вопрос: надо ли выставляться?

Не лучше ли, играя на их поле, выиграть еще и на их поле?

Читатели все такие умные...

Не стоит кипятиться, когда некто не очень умный, но уверенный в своем мнении с апломбом берется разбирать ваши произведения и снисходительно указывать на

ошибки. Да, этот человек в полной уверенности, что он знает, как сделать ваше произведение лучше. Но вспомните, этот же человечек лучше Путина знает, как вывести Россию из кризиса, лучше Фрадкова знает, как утроить или даже удесятить ВВП, лучше Чубайса знает, как добывать электроэнергию, Грефа готов поучить экономике, а Билла Гейтса – как делать Windows.

Так что относитесь к такому читателю спокойно. Их будет много, очень много. Если реагировать всерьез, то крови попортите себе много, а пользы нуль, если не войдете в минус. Будьте аки слон, идите своей дорогой, и будет вам счастье.

Не останавливайте свой караван. А то слишком многим этого хочется.

Тиражи, тиражи, тиражи – как мерило

Смешно, когда автора такого калибра, как я, пробуют упрекать в неграмотности, к примеру, двуручный меч за плечами не носят, его ж невозможно выхватить!.. Как будто не знаю или, узнав, не могу исправить для очередной допечатки тиража!.. А вот то, что это – позиция, понять не могут. Тем более поверить. И сколько ни говори им, что повязка сползла, сползла, да сползла же! – спрашивают в недоумении, как же она могла с головы сползти на колено?

Такие вот правильные, хорошие люди. Им бы и дальше работать инженерами и проектировщиками мостов, как работали, а они зачем-то взялись писать книги. Писать с теми же инструментами, с которыми рассчитывали несущие балки мостов. И с той же художественной логикой. Но что делать, в писателя идут все. Без всякого литературного образования, зато с апломбом, что могут и писать, и других учить, как писать :-)).

Это и в мой огород камешек, но в оправдание могу сказать лишь, что мои тиражи и популярность дают какое-то право делиться опытом. Я могу сказать: делайте, как я, и у вас тоже будут миллионные тиражи. Вас будут читать миллионы, вы будете влиять на миллионы. Мой оппонент говорит: делайте, как я, и... Что? У вас будет тираж в 10 тысяч экз.? И вас кое-как будут терпеть в издательстве, ибо любое издательство, чтобы выжить, обязано выпускать сто книг в месяц, а это значит, что отыщется место в ассортименте и для вас?

Кстати, о тиражах как мериле. Сейчас, как никогда, множество самых разных конкурсов, съездов, съездиков, росконов и интерконов, везде свои ловкие ребятки пропихивают своих кандидатов в номинанты, вручают им литературные премии с оч-ч-чень громкими названиями, называют лучшими из лучших писателей России и всей галактики... и называют себя единственными выразителями народных масс. Ну, как была КПСС совсем недавно с ее руководящей и направляющей ролью. Так что самое время обратить внимание на «объективность» таких разных жюри, как эти ловкие ребята из росконов, и поведение покупателей в книжных магазинах.

Да. Покупатели – это единственное жюри. Голосуют они куда серьезнее – рублем. Более того, я даже не уверен, что жюри росконов, где отбирают на литературные премии, а потом распределяют места, сами купят те книги, которым они отдали высшие места в отечественной фантастике! :-))) Которым вручили медали лауреатов, по поводу которых били в литавры, давали интервью и захлеб писали в газетах, в Инете рассказывали и по жвачникам: ах, какие это великие произведения! Зашибись, не встанешь.

Ни фига: в книжном магазине они пройдут мимо лавроносных шадевров и купят книгу... за которую не жаль отдать сотню рублей.

Во всяком случае, мы все видим, что литературные премии вручают одним, а страна читает других. То же самое было и при советской власти, когда лауреатами становились по указанию партии одни, а народ читал других. Отсюда и сегодня к этим росконам не просто недоверие, а уже гомерический хохот над происходящим. Сейчас за это не сажаят, смеяться можно.

У любого пиара – короткие ноги. Кто-то из вас уже успел в этом убедиться. Одни на своем примере, большинство – видя в недавнем прошлом распиаренных деятелей с очень уж обвисшими крыльями.

На протяжении многих лет с мягкой отеческой улыбкой выслушивал обвинения, что пишу «сериалы», а не отдельные книги, «как все люди». И что писать романы с продолжениями – плохо, а отдельные – хорошо. Выслушивал, кивал, нехорошо спорить с убогими, забывал, т.е. по врожденной исключительной доброте милосердно прощал откровенную дурость этим простым и неумным людям – чего требовать с недалеких, но вот недавно заметил на примере знакомых молодых литераторов, что они начали сериалы... и, убоявшись вот такого общечеловеческого мнения, отступились.

Ладно, тогда изволю несколько слов о сериалах, циклах и прочем «с продолжениями». Главный аргумент обвинителей состоит в том, что автор избрал легкую дорожку, штампуя продолжения. Ну, и конечно, зашибает на этом баксы. Но этот аргумент второстепенный, это вроде и не обвинение теперь – зашибать, а вот насчет легкой дорожки давайте посмотрим.

Ну, что Пушкин и Толстой не писали сериалы – оставим. Эти два крепостных помещика были богами и законодателями для своего времени, но даже зевсы и юпитеры уступили место христианским святым, а те уступают богам мира Интернета.

Итак, легкая дорожка... В чем? Когда автор придумывает роман, он... свободен. Может написать о чем угодно. И как угодно. Но когда пишет продолжение... Ладно, поясню на пальцах. Вот цикл, сериал, или как ни назови, «Трое из Леса». Написана первая книга. Хорошо пошла. Я волен писать другую книгу. Любую. Создавать любые миры. Братъ, кого хочу, героем. Придумывать любые приключения. Верно?.. Увы, это верно лишь в случае, если будет новая книга. Т.е. выбран «трудный путь достойного писателя». Но посмотрим, что, если автор берется писать продолжение...

Первое, я не могу взять других героев, ибо у меня уже три четко прорисованных перса: Олег, Мрак и Таргитай. Я не могу взять, скажем, женщину. Не могу взять подростка или глубокого старика. Не могу взять отрицательный персонаж, боевых роботов, сумасшедшего профессора, мутантов, не могу даже написать в пародийном стиле... и т.д. и пр. Словом, перечислять можно очень долго, а суть в том, что тот, кто пишет продолжение, сознательно загоняет себя в оч-ч-ч-чень узкие рамки. И только профессионал высшего класса способен в них двигаться и создавать что-то новое и яркое.

Гораздо проще для каждого романа брать новую тему, новую идею, новых героев. Это и выдается новичками и неумехами за подлинное творчество, хотя, понятно, в первую очередь это признак начинающего писателя. И незрелости. И слабости. И недостатка творческой фантазии.

Да, сегодня сериалы пока что рассматриваются снобами и слушающими их жвачниками как нечто... дешевое, что ли. Второсортное. Временное. Ну, как Эйфелева башня, что портила вид Парижа и против которой протестовали видные писатели, художники и пр. деятели тогдашней средневековой культуры. Сериалы пока что молоды, да и старички-пушкинисты пока еще у рычагов. Но уже полыхает заря нового мира!

Мы уже сейчас больше помним сериалы, чем отдельные книги или фильмы. Откуда в эпоху Пушкина сериалы, если сами книги были редкостью, а кина не знали вовсе? Сейчас же в лавине книг, фильмов, компьютерных игр – сериалы обладают наибольшей ударной силой. И мощнее отдельных книг воздействуют на сознание читающего, смотрящего или виртуализирующего.

Будущее – за сериалами. Но, ессно, это признак гроссмейстерства, а до гроссмейстера еще долго ползти через стазы мастера, кандидата в мастера, перворазрядника... А когда человек еще в ранге новичка, т.е. пишет рассказы, он искренне полагает, что роман – это уже вершина! И выше только твердь небесная, хрустальные, непрошибаемая.

Пусть те, кто остался в старом добром времени, воротят рыла от сериалов. Но вам жить с ними. Уживетесь – литература вас примет.

Я уже писал выше, что с сериалами или циклами связана расхожая легенда, мол, сериалы писать легко, вот их и штампуют!.. С одной стороны, писать продолжения вроде бы намного проще: главные герои уже есть, образы созданы, запомнились, осталось только вести их из романа в роман.

Да, в этом есть облегчение, но только в том случае, если герой не изменяется. Как в поделках типа «Странствий Геракла», «Зены» или «Конана», где все отличие новой серии лишь в том, что герой убивает противников топором, а в прошлом побивал мечом. Или имена злодеев другие.

Но я уже писал, мера романа – сдвиг в характере. Герой должен с последней страницы сойти другим. «Перевоспитаться», как говорили в старое доброе время. Измениться! Это непросто сделать даже в одном романе, многие авторы вообще не догадываются о таком законе, но попробуйте применить к сериалу! Чтобы в каждом новом романе герой совершенствовался, да не в приемах рукопашного боя – нравственно перерождался, менял систему ценностей!

Я уже говорил, что при нынешнем рыночном отношении ко всему на свете никто не замечает абсолютнейшей безнравственности победно шествующего по планете сериала о Конане. Это же паразит, мразь, подонок, это антигерой – но читают взахлеб, ставят фильмы, снимают мультики и ставят кукольные, делают компьютерные игры...

Да, для читателей во многом привлекательность именно в халяве. Как набирают популярность жанры женского романа и мужского, то бишь фэнтези, но автор все-таки лишь отчасти читатель, а в основном же он все-таки творец миров. С него спрос другой. Во всяком случае, большой.

Для многих ориентиры потеряны или размыты настолько, что уже и не видят разделения на Добро и Зло. Даже берутся утверждать, что нет Добра и нет Зла...

Есть! Вы его пополнение.

Еще о юморе...

Нет-нет, я вовсе не против юморения, как может показаться! Сам был юмористом, прекрасное время, как вообще прекрасное время любого детства, юности, полового созревания и познания жгучих тайн. И время победного срывания всяческих покровов с мира взрослых.

Просто ситуация сродни той, когда одна из гусениц, поразмыслив, решает остаться в стае гусеницы, а окукливаются пусть другие, и вот она растет, толстеет, становится самой сильной, умной, быстрой, умелой, остальные гусеницы на нее смотрят с восторгом и завистью, ловят каждое слово «мудрости».

Всякий из нас прошел через стадию детского юморения и срывания покровов с тайн взрослых, но мне малость неловко за взрослых дядей, часто весьма немолодых, что в коротких штанишках юмористов выступают с эстрады. Нет, я понимаю, что не все дорастают до следующего стаза, когда не только разоблачают «отдельные, изредка встречающиеся недостатки», но и сами что-то творят, просто не по здраву перекося, когда вот таких «мыслителей» ставят выше настоящих мыслителей.

Даже не то что не по здраву, а малость коробит. Когда дурак цитирует такого «мыслителя», хрен с ним, с дураками стараюсь не общаться, но иногда и вроде бы умный с виду и по одежде человек тоже... того, а из-за этого внутри нечто морщится. Коробится. Иногда вообще чемоданится.

Не отступайте. Юмор – это сдача, это попытка примирения. Увы, зачастую – со Злом.

Мифы о «неграх», сладкие и забавные...

Постоянно слышу со всех сторон, что на такого-то и такого-то работают негры. Даже в свой адрес слышал. Жаль развенчивать такой красивый миф, но все же это – бред чистой воды. Не только о себе, но и вообще о чистом негритянстве. Одно дело,

когда хорошо обеспеченный автор может позволить себе роскошь оплатить работу человека, который за него пороется в архивах, соберет данные, скажем, по войне Алой и Белой розы, другое – поручит кому-то писать за него, а потом лишь ставит свою фамилию.

Первое – вполне вероятно, второе – исключено. Почему? Да потому, что любой негр в состоянии вписать в текст, скажем, «этот роман написал я, Степан Бандера» или что-то покрепче, разбив буквы по принципу акростиha, т.е. по первым буквам слов. Или по последним. Ни один автор такое не обнаружит, пока сам негр не объявит об этом во всеуслышание. Потому ни один автор на такое рискованное сотрудничество не пойдет. Не потому, что вот такой весь из себя честный, авторы тоже бывают разные, как и депутаты, а потому, что никто в здравом уме не станет отдавать оружие шантажа в руки потенциальному противнику. Да и вообще никому не отдаст. Даже другу.

Помимо способа с вписанной зашифрованной фразой есть и множество других способов, чтобы поймать на крючок мнимого автора, а потом шантажировать, так что, повторяю, какой дурак на такое пойдет?

Но откуда же этот постоянный слух? И очень упорный, кстати? Конечно, огромную роль играет простая человеческая зависть. К тому же конкуренты стараются... Мол, у меня мало книг, потому что я работаю над текстом, а такой-то пишет халтуру, над текстом не работает, а теперь еще и негров нанял, совсем стыд потерял...

Однако же слухи возникают все-таки не на пустом месте. Не на абсолютно пустом, скажем точнее. Я в старое доброе время был свидетелем, как это получалось. Сейчас есть Интернет, большинство документов, пособий, энциклопедий и учебников можно с легкостью скачать из этой неиссякаемой кладовки. Но раньше этого не было, приходилось сутками высидывать в читальном зале Ленинки или в Исторической, переписывать от руки уникальные книги, изданные до революции и с тех пор в печати не бывавшие. И вот какой-нибудь маститый, узнав, что более молодой коллега часто просиживает в таких вот местах, просит посмотреть и для него какой-нибудь документ или какие-нибудь сведения для исторического, к примеру, романа.

Все, этого достаточно! Сперва такой искальщик документов просто счастлив, что мэтр позволил ему найти какую-то бумажку, потом, распираемый гордостью, намекает друзьям, что помогает в работе такому-то автору, скромно умалчивая, в чем его помощь заключается, а потом – Остапа понесло! – уже и рассказывает, что писал с ним, работал над таким-то романом, каторганил на него, горбатился, негритянил, а сам все надувается от осознания своей значимости а-ля Хлестаков, уже и сам считает свою помощь настоящей совместной работой... да где там совместной работой, уже это он, оказывается, писал за такого-то, а тот только подписывал не глядя!

Заметьте, нигде и никогда не было ни одного достоверного подтверждения работы с неграми. А слухи, что, мол, Дюма сам не узнавал свои романы, ну это лихие анекдоты. Достоверность их на том же уровне, что у очевидцев посадки НЛО с зелеными человечками. Во всяком случае, я прожил долгую жизнь, общался с многими авторами, по долгу, так сказать, общественной нагрузки был в курсе многих дел, видел всю кухню очень многих плодovitых авторов, но нигде афроазиатским духом и не пахло.

Да и такой резонный вопрос: а почему эти негры сами не пишут от себя? Ведь издателю абсолютно все равно, от кого тексты и под какой фамилией. Читатель, повторяю, всегда раскроет книгу у книжной полки, прежде чем решить вопрос о покупке. И если текст плох, раскрученная фамилия не спасет.

Так что забудьте, что на вас будут пахать десятки авторов. Все, что создано плодovitыми авторами, они написали сами!

Грешит этим, вольно или невольно, и еще одна распространенная категория работников. Обычно это проявляется не сразу, а потом, когда уже проверить нельзя или слишком сложно: некто начинает рассказывать, как работал негром для Симонова или, скажем, Пикуля. И в подтверждение демонстрирует удивительное знание творчества, даже может показать какой-то фрагмент рукописи, густо исписанный рукой Пикуля и его, негра, рукой.

А не сразу выясняется, что такой-то в те годы работал редактором именно в том издательстве, где издавался Пикуль. И он, пользуясь безнаказанностью и всемогущей

властью редактора при советской власти, густо черкал на страницах великого романиста.

Так что забудьте, что на вас будут пахать десятки авторов. Все, что создано плодовитыми авторами, они написали сами! И потому, если вы хотите, чтобы ваши книги не помещались на книжной полке, придется поработать самому.

Часть 6

Как выжить в мире, где все пишут, пишут, пишут?

Непрофессионал, т.е. просто читатель, замечает только резкую разницу в тексте. Дайте ему почитать такой шедевр, как «Слово о полку Игореве», он сразу же скиснет. Скиснет и на Третьяковском, Державине, Сумарокове, а это были лучшие из лучших писателей тех лет. Они писали всего двести лет тому, но современному читателю разбираться в их языке уже невозможно.

Это заметно настолько, что даже самые-самые снобы втянут язык в то место, где их языку и надлежит ютиться, но зато отведут душу, если подобное же робко вякнуть о Пушкине и – о ужас! – к примеру, Бунине. Эти, так сказать, почти наши современники, и они – неприкасаемые.

Увы, увы, все под контролем общественности, и ни у кого нет статуса неприкосновенности. Скажем честно: и Пушкин, и Бунин лишь потому ярко сияют на беззвездном небосводе того времени, что вся Россия тогда была в основном неграмотна. Из грамотных абсолютное большинство читало, шевеля губами и водя пальцем по строчкам. Из оставшихся кто-то умел даже «писать книжки», это само по себе казалось чудом и вызывало почтение. Среди этого десятка пишущих нетрудно быть чемпионом!

Сейчас же в России населения в два-три раза (не считал) больше, грамотные все, и – о ужас! – почти все пишут стихи, рассказы, повести, романы. Чтобы убедиться, достаточно заглянуть в Интернет, где рассказы, повести, романы, можно «печатать» бесплатно. Среди этих миллионов пишущих, естественно, куда более жестокая схватка за первенство, чем во времена Бунина среди десятка литераторов. Да и понятно, что даже в спорте среди миллионов рвущихся в чемпионы проще отыскать рекордсменов, чем в одном десятке.

Кстати, о спорте. Я прекрасно помню чемпионов мира в супертяжелом весе, что поднимали штангу с неслыханным весом – теперь этот вес легко берут даже не мастера, а перворазрядники. И не в супертяжелом, а в среднем. Кто смотрел соревнования по гимнастике, фигурному катанию и прочем-прочем раньше и смотрит сейчас, сразу скажет, насколько даже не возрос, а взлетел уровень исполнения. Но почему-то кощунственно сказать правду, что так же... или хотя бы просто приподнялся и уровень написания художественных текстов!

Да что там спорт: как во времена Бунина ездили в каретах и как сейчас в автомобилях? Примерно тот же разрыв и в литературе. В смысле настолько же современная техника письма ушла вперед от времен Бунина, как автомобилестроение от каретостроения.

Другое время, другие требования...

Более того, замахнемся на еще большее кощунство. Вот раскрываю прекрасную повесть, даже роман, «Мастер и Маргарита». Сразу же натыкаюсь на «...И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк...»

Конечно же, «был», «была», «его» – сорняки, которые автор то ли забыл выполоть, то ли не успел, так как уже в то время был серьезно болен.

Первая фраза представляет собой длиннейшую гусеницу. Хотя и всего из двух члеников: «...ввели и поставили...» Да, сейчас уже знаем, что это недопустимо для опытных авторов и нехорошо для начинающих, но ведь это же сам Булгаков, это же почти бог!

Сперва шок, подобная неграмотность пишущего проходит только в

нетребовательных коммерческих издательствах, где нужен поток, где издают не меньше пятидесяти книг в месяц, иначе можно закрываться за убыточностью.

И в то же время – шедевр! Но может ли быть шедевром вещь, написанная таким корявым языком? Забегая вперед скажу, что может, но это мое личное и очень спорное для многих традиционалистов мнение, однако с теми, у кого нервы покрепче, давайте остановимся на ткани произведения. Конечно же, знай Булгаков о будущем запрете на фразы-гусеницы, он бы их убрал. Переделал. Ведь и первую фразу легко построить правильно, чтобы стала сразу более выпуклой, емкой.

Однако, чтобы понять этот «промах» Булгакова, возьмем время, когда произведение было написано. Это конец двадцатых годов. Россия, только-только пережившая кровавую Гражданскую войну, все еще остается практически страной неграмотной. Да и те, что были грамотными, либо истреблены за буржуйское происхождение, либо убежали в Париж. А кто не убежал или плохо спрятался... понятно.

Для тех, кто думает, что неграмотность была очень от нас далека, ссылаюсь на себя, замечательного: я учился в то время, когда выпускным классом был... четвертый! В четвертом сдавались выпускные экзамены, человек считался уже закончившим школу. Мои бабушка и дедушка были вовсе неграмотными, я им вслух читал свои детские книжки. Моя мама научилась читать сама едва ли не позже меня.

Вот за десять лет до моего рождения и закончил Булгаков свой шедевр «Мастер и Маргарита». В тех условиях даже просто грамотный оставался редкостью, умеющий писать книги – волшебником, а на таком уровне, как Булгаков, – великим магом, почти богом. Но никакой гений не может держать всю литературу на своих плечах целиком, это под силу только огромной, сплошь грамотной стране с сотнями тысяч пишущих, как и спортивные рекорды рождаются только в тех землях, где занимаются этим спортом многие и очень многие.

Хорошо это или плохо, но для вас снисхождения и скидок уже не будет. Если не весь мир, то страна уж точно грамотная вся. И требования к языку – самые высокие!

Одинокая гора всегда привлекает внимания больше...

...чем гора в огромном горном массиве. То же самое и пиететом перед такими именами, как Пушкин, Гоголь, Булгаков, Пастернак. Именно потому имена современных авторов не излучают такого же божественного блеска. Та же картина и с музыкантами... Имена Моцарта, Бетховена, Штрауса, Вагнера... – гремят и доныне, а кто назовет сегодняшних композиторов? А ведь их уровень точно ничуть не ниже!

Но давайте взглянем трезво. В те века писатели да музыканты были единственными выразителями, так сказать, культуры. И все внимание было обращено на них, отмеченных Богом. И все пряники доставались им. Тогда не приходилось делиться ни с кино, ни с телевидением, ни с компьютерными играми. Тогда все талантливые и мыслящие шли в литераторы, а сейчас они могут идти в науку, которой тогда практически не было, в бизнес, где масса своих вершин, даже само нынешнее искусство предлагает столько дорог, что собственно писатели – это те, кто пользуется для выражения своих мыслей буквами, – оказываются лишь на одной из тысяч тропок, далеко не самой заметной!

Потому не надо сравнивать величие тех имен и этих, сегодняшних. Простой физкультурник на фоне хилых деревенских ребяташек выглядит впечатляюще, намного впечатляющее, чем нынешние чемпионы мира среди остальных кандидатов в чемпионы мира, которых тысячи и тысячи! Потому и сейчас даже те, кто на всякий случай, чтобы прослыть за интеллигента, твердят «Бунин, Бунин, Бунин», сами в охотку читают современные романы, ибо они намного выше по уровню.

А читать Бунина и восторгаться его стилем – это все равно что смотреть черно-белый фильм двадцатых годов, когда еще не было даже звука, и восторгаться игрой актеров того времени. Да, они молодцы, но все же те фильмы сильно уступают даже средним голливудским поделкам сегодняшнего дня. Не только по качеству пленки, но и по игре актеров, режиссуре, операторской технике, монтажу...

Два-три дерева в пустыне заметны издали. Неважно, какие они собой. Даже если чахлые. Спасибо и за ту тень, которую дадут. В лесу уже нужно быть дереву особенному, чтобы заметили, вычленили из общей массы...

Продолжение разбора полетов. Классиков жанра

Вот одна из самых классических вещей, ее знают практически все любители фэнтези: знаменитая серия о Перне.

Итак, Перн.

«Часть первая: ПОИСК

Глава 1

Бей, барабан, трубите, горны, —

Час наступает черный.

Мечется пламя, пылают травы

Под Алой Звездой кровавой.

Лесса проснулась от холода, но не того – привычного, исходившего от вечно сырых каменных стен. Это был холод предчувствия опасности, беды худшей, чем та, что десять Оборотов тому назад загнала ее, всхлипывающую от ужаса, в зловонное логово стража порога. Пытаясь собраться с мыслями, она неподвижно лежала на соломе во тьме сыроварни, служившей спальней и ей, и другим работавшим на кухне женщинам. Зловещее предчувствие ощущалось сильнее, чем когда-либо прежде. Лесса, сосредоточиваясь, коснулась сознания стража, кругами ползавшего по внутреннему двору. Натянутая цепь выдавала беспокойство зверя, но в предрассветных сумерках он не замечал ничего такого, что могло бы послужить поводом для тревоги.

Свернувшись калачиком и крепко обхватив плечи руками, Лесса попыталась снять напряжение. Постепенно, расслабляя мускул за мускулом, она старалась распознать ту непонятную угрозу, которая разбудила ее, но не встревожила чуткого стража. Видимо, опасность находилась где-то за стенами холда Руат. Во всяком случае, ее не было на опоясывающей холд защитной полосе, выложенной каменными плитами, между которыми, сквозь старую кладку, пробивались упорные ростки молодой травы. Зелень эта свидетельствовала об упадке холда, камни которого в прежние времена славилась завидной чистотой.

Опасность не исходила и со стороны заброшенной мощеной дороги, ведущей в долину, вряд ли она притаилась в каменоломнях или мастерских, расположенных у подножия скалы, на которой стоял холд. Ее нельзя было уловить и в ветре, дувшем с промозглых берегов Тиллека. Но чувство опасности наполняло Лессу, заставляя напрягаться каждый нерв, каждую клетку ее стройного тела. Лесса пыталась распознать опасность до тех пор, пока зыбкое предчувствие не покинуло ее вместе с последними остатками сна. Она мысленно устремилась в сторону ущелья – дальше, чем ей когда-либо удавалось дотянуться. Чем бы это ни было, оно находится не в Руате... и пока не в окрестностях холда. И ощущение совершенно незнакомое. Значит, это не Фэкс.

Лесса улыбнулась, вспомнив, что в течение уже трех полных Оборотов Фэкс не показывался в Руате. Апатия, охватившая ремесленников, фермы, приходящие в упадок, зарастающие травой камни холда – все приводило Фэкса, самозванного повелителя Плоскогорья, в такую ярость, что он предпочел забыть причины, из-за которых был захвачен некогда величавый и богатый Руат.

Лесса нашарила в соломе сандалии, встала, машинально стряхнула с волос сухие стебли и заплела нечесанные космы в тяжелый узел на затылке».

Итак, начнем. Все мы знаем по опыту, что утверждение гораздо сильнее воздействует, чем отрицание. На этом основано действие слухов и сплетен, мол, «клевеците, клевеците – что-нибудь да останется!». И в самом деле, как бы вы ни клялись, что не воровали шубу, но словцо «воровали» застрянет в памяти, застрянет... А собачники знают, что бесполезно собакам, прямым и честным существам, кричать: «Не

ходи туда!», «Не кусай этого человека!», «Не гуляй по проезжей части!», а надо сказать просто: «Ко мне!» или «Стоять», «Сидеть», «Лежать»...

Ах, вас оскорбляет пример на собаке, вы ж не ученики Павлова, ну тогда «...не думайте о белом медведе!». Т.е. в литературе нельзя говорить: «...тут не было никакого леса», иначе читатель тут же увидит этот самый проклятый лес, а надо сразу подавлять сознание читающего картинкой: «...мы ехали по голой степи» («плыли по морю», «двигались через пустыню...»). Так что первая же фраза уважаемой Маккефри насчет того, что она проснулась не от того холода, а от этого, – неряшество. Надо сразу в лоб – отчего не спится юному ковбою.

Запишите: утверждение всегда сильнее, чем отрицание! Всегда. Не боритесь с этой закономерностью нашей психики, используйте ее.

Но мы еще не закончили, продолжаем по тексту:

«Пытаясь собраться с мыслями, она неподвижно лежала на соломе во тьме сыроварни, служившей спальней и ей, и другим работавшим на кухне женщинам».

Ну, слово «неподвижно» – сорняк, уже знаете, дальше, как видим, автор долго и нудно перечисляет, откуда «...опасность не исходила». Читатели с нормальной психикой это просматривают бегло, а то и пропускают вовсе, не читая, спеша добраться до экшена.

Выше я уже говорил о недопустимости предложений-гусениц, а теперь вот пример такого насекомого.

«Лесса нашарила в соломе сандалии, встала, машинально стряхнула с волос сухие стебли и заплела нечесанные космы в тяжелый узел на затылке».

Т.е. еще на начальном этапе писатель должен уходить от этого унылого перечисления действий: нашарила, встала, стряхнула, заплела... Конечно, наши авторы в этой области вообще виртуозы, я видывал шедевры и по пятнадцать подобных члеников в ряд, но дойдет очередь и до них, никакой дискриминации, беру просто подряд, тыкая курсором.

Пример, как фраза могла бы звучать, не меняя смысла: «Лесса нашарила в соломе сандалии, ее пальцы машинально стряхнули с волос сухие стебли, она заплела нечесанные космы в тяжелый узел на затылке». Т.е. так обретается некоторая выпуклость, объем.

И, конечно же, мы совершенно не видим этой Лессы. Старая ли, молодая, толстая или худая, высокая или дюймовочка, блондинка или брюнетка, чешется ногтями или плавниками... правда, «стройное тело» автор упомянул, но слишком уж вскользь, оно проходит незамеченным.

А внешность надо давать как можно скорее, а то любой читатель все равно как-то ее представит, а когда автор вспомнит, что надо наконец сообщить, что эта Лесса – высокая блондинка, увы – поздно, я уже представил себе миниатюрную брюнетку монгольского типа, и теперь мне предстоит конфликт восприятий...

Да ладно, что это мы начали разбирать женщину, все понимаем, что равноправие равноправием, а пишут они так, что... лучше перейдем к мужчинам.

Перейдем к нашим авторам...

...ибо в случае с Маккефри можно возразить, что там-де переводчики корявые, хотя и на ляпы переводчиков внимания не обращал, а только на то, что при любом переводе звучит ошибочно, ибо ошибочно и в оригинале.

Я перебрал ряд книг, которые предложил бы для разбора, но авторы чрезвычайно обидчивы, и если даже сейчас скажут: давай, Юра, не обижусь, разбирай мои вещи для примера, нет уверенности, что завтра не передумает, подобные прецеденты уже случались :-).

Потому я взял несколько наиболее известных вещиц Бунина, Горького, Чехова, Толстого, а современных вообще не хотел было трогать, но это несколько

несправедливо: а вдруг в прошлом в самом деле писали слабо, а сейчас пишут с иголочки?

Часть 7, заключительная

Ориентируйтесь только на читателей!

И еще один серьезный камень, о который можно споткнуться так, что расшибить голову всмятку и больше не подняться. Примеров уже много, вы сами их видели, можете вспомнить. Я говорю о всевозможных мелких тусовках, что присваивают себе громкие имена международных, всемирных, всепланетных и галактических. Там собравшиеся придумывают систему наград и призов, которыми себя награждают.

В первую очередь, конечно же, организаторы этих литературных тусовок вручают себе, любимым, высшие лауреатства самых великих писателей планеты, самых гениальных, спасителей человечества, увешивают себя всеми титулами мистеров Универсумов Фантастики, Золотых Мечей Галактики, Самых-Самых Рулезных во все века прошлые и будущие :-)))

У кого голова на плечах, тот ржет над этой клоунадой, но мальчишки, что начинают писать и еще не ориентируются в этом огромнейшем мире, могут на некоторое время и поверить, а лишнего времени, чтобы идти по ложной тропке, а потом возвращаться, нет ни у кого! Не стоит его тратить, ориентируясь по ложным маякам, это еще и опасно: были хитрецы, что в густой туман зажигали огни над рифами, чтобы несчастные соперники разбивались...

Журналистов да и коллег нетрудно подкупить обаянием, дружелюбием и умением рассказывать анекдоты, а также способностью упиваться на тусовках, у нас все покровительственно любят тех, кто упивается больше их, но, конечно же, невозможно подкупить читателя, массового читателя. Он читает только тех, кто пишет интересно, ему по фигу пышные титулы, которые раздают неудачники друг другу на тусовках.

Нет автора, который не мечтал бы, чтобы его книги выходили массовыми тиражами, чтобы их расхватывали, ждали следующей книги. И когда он заявляет, что его-де не интересуется массовый читатель, он-де элитарный автор, понятно: брешет, как попова собака. Или – как сивый мерин.

Вывод: ориентируйтесь на читателей, на читателей, только на читателей! Вы должны завоевывать их, только их. Никто уже не помнит, да никого и не интересуется, получал ли Булгаков или Олеша какие-то литературные премии, но «Мастера и Маргариту» и «Три толстяка» читают, читают, издают и переиздают, а вот множество лауреатов той поры так и остались сверхгениями и светочами только друг для друга в то недоброе время.

На премии стоит забыть еще и потому, что их роль в богатой палитре общества упала до нуля. Это в СССР или в любой другой стране прошлого века, а лучше еще начала прошлого века они чего-то стоили, любое общество, хоть коммунистическое, хоть капиталистическое, было строго иерархическое: если кого-то наделяли званием, то именно за какие-то заслуги, а награжденный в соответствии с наградой имел особые привилегии.

Ну, к примеру, награжденные орденами и медалями получали ежемесячно за каждую награду денежные доплаты. Их отменил Хрущев, и с того времени ордена и медали обесценились прежде всего потому, что ими стали награждать, говоря утрированно, просто за красивые глаза любого понравившегося начальнику человека.

То же самое с литературными премиями. В СССР награжденный имел выше гонорар, имел доступ к спецхранилищам, право на бесплатные поездки за рубеж и на большой метраж квартиры и прочее-прочее, но как только строгие правила рухнули, то что получилось? Теперь любая группа подростков может объявить о создании всероссийского, а то и всемирного конгресса фантастов, назначить десяток высших литературных премий и сотню пониже... а почему нет, если они ничем не обеспечены, если их не надо ничем поддерживать? А только пожать руку, вручить отпечатанный на принтере лист бумаги и объявить этого человека лучшим и замечательнейшим писателем всей планеты?

Почему нет? Ведь вон Витька и Колька с соседней улицы организовали же такой конгресс, назвали его... ну, вы знаете, как его назвали, это опустим, и раздали всем собутыльникам звания лучших писателей-фантастов планеты? Почему не сделать так же?

Недавно наткнулся в Интернете на такую шуточку:

Один фантаст – писатель.

Два фантаста – соавторы.

Три фантаста – литературно-философское объединение.

Четыре фантаста – литературно-философское объединение и предатель.

Пять фантастов – два враждующих литературно-философских объединения.

Шесть фантастов – склока с дракой.

А также:

Один фэн – читатель.

Два фэна – спор о настоящей литературе.

Три фэна – новая премия.

Четыре фэна – новая премия, новый журнал и новый конвент.

Пять фэнов – премия, журнал, конвент и обиженный.

Шесть фэнов – склока с дракой.

Хотя, конечно, для разборки с мордобоем хватает двух писателей и одного журналиста, это уже видели не раз. Словом, если констатация, что «три фэна – новая премия, четыре фэна – новая премия, новый журнал и новый конвент» уже вошла в анекдоты, то, значит, в самом деле дошло до смешного с этими премиями, наградами, титулами, званиями величайших и Самых-Самых Гениальных. Причем, как замечено и отражено в тех же анекдотах, титулом Отца Нации и Самого гениального писателя награждают все те же три фэна, после чего недоумевают, почему весь мир не признает их решение достойным быть увековеченным в бронзе на века.

Потому и не стоит ориентироваться на литературные премии и литературные звания, повторяю, время изменилось. Мир из монолитного и централизованного стал дискретным, в нем стали возможны тысячи таких вот обществ, где его члены лишь входящих в их тусовку считают вообще писателями, а остальные и рядом не стояли... к сожалению, начало такой порочной практике было положено еще в старое время кружком братьев Стругацких, что умело внедрило такое отношение: только мы и возле нас – литература, а все остальное – проклятые коммунисты! Так что забейте на попытки добиться их признания. В любом случае это ничего не даст как писателям, даже если и добьетесь их внимания, а для того, чтобы добиться, надо всего лишь пить с ними побольше и почаще да проклинать всех тех, кто проходит мимо и не кланяется.

Еще раз: ориентируйтесь на читателей, на читателей, только на читателей!
Вы должны завоевывать их, только их. Никто уже не помнит, да никого и не интересуется, получал ли Булгаков или Олеша какие-то литературные премии, но «Мастера и Маргариту» и «Три толстяка» читают, читают, издадут и переиздадут, а вот множество лауреатов той поры так и остались сверхгениями и светочами только друг для друга в то недоброе время.

А как относиться к рейтингам, опросам, мнениям экспертов?

Конечно же, надо раз и навсегда позабыть про всякие рейтинги, особенно рейтинги в Интернете. Когда-то, лет семь назад, они были популярны на сайтах, кое-где и доньше

остались в той же примитивной форме: зайдя и кликнув на автора, которого считаешь лучшим. Понятно, что автор заходил, кликал на свою фамилию, кликал снова... На некоторых сайтах ему автомат отвечал: «Дважды голосовать низзя», автор выходил из Сети, снова заходил, IP уже другой, тогда у всех были динамические, снова голосовал, и так много-много раз.

Благоразумные старались соблюдать субординацию, но как-то появился один выходец с Украины, фамилию не называю, но старожилы сейчас вот начнут ехидно усмехаться, полностью отвязанный, такой себе нащелкал рейтинг, что превысил всех фантастов России и зарубежья, вместе взятых, так это на порядок!

Чтобы эту беду остановить, попробовали считать рейтинг по скачиваниям. То есть сколько раз скачали произведение, тот автор и круче, популярнее. И сразу же держатели серверов застонали, один и тот же рассказик скачивают сотни раз по одному и тому же адресу! К примеру, у меня только толстые романы, два сборника рассказов в сборниках, по отдельности мелочи нет, а некоторые авторы выложили по одному рассказику и даже юмореске, такой поставишь на скачку: вжик – и готово! Снова – вжик, вжик, вжик... Вот и растет рукотворный рейтинг.

Мне это было понятно с самого начала, потому сначала в Корчме где-то в конце девяностых выступил с настойчивой просьбой ко всем-всем: ни в коем случае не голосовать за меня ни на каких сайтах, серьезные дяди в игры виртуальных наперсточников не играют, а потом повторил в одном-двух предисловиях к своим книгам.

Не годится для рейтинга и внушительная цифра тиража, опубликованная в выходных данных. Сейчас свобода, можно поставить миллион, а издать тысячу. Многие авторы всячески добиваются, чтобы им поставили как можно больше, чтобы перед бабами похвастаться, а издадут, ладно, пусть уж и маленьким, никто не узнает, не так стыдно.

Да и сами издательства, как вам должно быть известно, соревнуются за строчку в рейтинге, где учитываются общие тиражи выпускаемой продукции. Так что цифра большого тиража на книге – это всего лишь банальный пиар. Налоговики это знают, потому внимания не обращают и спрашивают не в издательстве, а в типографии, сколько и чего отпечатано, где документы.

Помню, когда издавал в «Равлике», нередко оптовики, что брали весь тираж, просили поставить, к примеру, «5000 экз.», а то и «3000 экз.», хотя издавал тиражом 15—20 тысяч. Зачем? А чтобы, отвечают, покупатели видели, что тираж ограничен, потому и цена высокая!

Сейчас же, когда у крупных издательств свои типографии, никто вообще не скажет вам абсолютно точно, какие у кого тиражи на самом деле.

Хотя вообще-то одному из рейтингов стоит доверять, он достаточно объективный, но лишь потому, что авторы или любители книг к нему доступа не имеют. Это кассовые аппараты книжных магазинов. Там без всяких эмоций подсчитывают, сколько книг какого автора продано. И на этом основании формируют заявки на подвоз следующей партии.

Эти цифры собираются исключительно для работы, но суммируются, и в начале каждого года публикуется общий итог, к примеру, на книжной ярмарке в марте. Это я вас снова отправляю к рейтингу касс книжных магазинов.

Собственно, это как раз тот рейтинг, благодаря которому стали брендовыми авторами Толстой, Достоевский, Шекспир, Гомер... Кстати, они хоть и не в сегодняшней десятке, но либо в двадцатке, либо в тридцатке, а это очень высокий показатель, если учесть, сколько они там держатся!

Толстой вон на двадцатом месте, но он и через сто лет будет там же, если не выше, а вот фамилии верхней десятки, скажем откровенно, вспомнят ли уже через пять лет?

Мораль: никаким рейтингам, кроме читательского спроса, верить не следует. Все – ложь. Гомер, Шекспир, Толстой стали брендами благодаря читательскому спросу. Станьте там чемпионами!

Пару слов о конкурсах, которые сейчас растут, как грибы. Лично я начал устраивать литературные конкурсы, начиная с 1979 года, в КЛФ, который я организовал при Харьковской писательской организации. Место удобное, большой зал, а более престижного места для начинающих литераторов, чем здание писательской организации, просто не существует. Все конкурсы, естественно, проводятся под никами. В те доинтернетские времена это называлось «под девизом».

Конкурсы делятся на два вида – свободные и по теме. Есть ярые приверженцы одного и другого, хотя я считаю, что спорить о сравнительных достоинствах бессмысленно. Это все равно что сравнивать фигуристов и бегунов на длинные дистанции. Или боксеров и пловцов. Хотя, конечно, всех их объединяет понятие «спорт».

Конкурс на свободную тему и с либеральным сроком подачи материалов, ну, скажем, пару месяцев на рассказ, это и есть выбор лучшего спортсмена среди фигуристов, боксеров, пловцов, легкоатлетов, мотогогонщиков, шахматистов и прочих бегунов на квадратные метры.

Конкурс на заданную тему – это когда всех желающих выстраивают у черты, указывают на сигнальный флажок в сотне или в тысяче шагов, неважно. Можно каждого участвующего еще нагрузить мешком с песком в виде особой трудности темы. Кто первым придет или добежит к финишу, тот и победитель. Т.е. в этом случае выбрать победителя проще, все в абсолютно одинаковых условиях, не надо сравнивать прыгуна в высоту и штангиста, всем участникам и зрителям понятно, кто победил, в то время как в конкурсе на свободную тему гораздо больше обиженных криков о вкусовщине и нечестном судействе.

Я полагаю, что начинающий автор просто обязан участвовать в конкурсах **на заданную тему**. Это и заставляет мозги работать над поставленной задачей, в то время как в свободном конкурсе обычно следуют накатанной тропе, и реальнее показывает автору, на какой стадии развития он находится в данный момент.

Сейчас в КЛФ при Центральном доме литераторов, это в Москве, ессно, более престижного места для молодых литераторов просто не существует, проводятся два конкурса. Один, ежегодный, на свободную тему, с премиальным фондом в тысячу долларов, и два конкурса в год по темам. В этих двух последних премий не предусмотрено, но за первое и второе места вручаются памятные призы с надписями: «Первое место на литературном конкурсе, КЛФ при ЦДЛ (месяц, год)» и «Второе место на литературном конкурсе, КЛФ при ЦДЛ (месяц, год)». И на свободном, и на тематическом конкурсе победа одинакова важна. Более того, на свободном может иногда победить и любитель, а вот на тематическом победу одерживает тот, как показывает опыт, в ком есть жилка профессионала.

Но литература не терпит любительства. Немало на моей памяти имен, что вспыхивали достаточно ярко, но, не развив в себе профессионализма, т.е. не умея заставить себя писать на заданную (собой же!) тему, не умея подчинить себя жестким срокам, эти звезды гасли достаточно быстро. Почти каждый из нас может вспомнить таких немало.

Мораль? Развивайте в себе профессиональное отношение к делу. Один из способов – участвовать в тематических конкурсах.

В завершение еще про одну околотературную байку

Дураки и графоманы (ничего, что я так жестоко? Но ведь к вам это не относится, а дураков чего жалеть?) любят часто рассказывать одну очень уж живучую байку, что, конечно, понятно, почему именно ее и почему любят повторять и повторять.

Суть сводится к тому, что однажды Шекспир (Толстой, Пушкин, Достоевский, Бунин, Булгаков и пр. – имена у всех рассказчиков разные в зависимости от того, кого лично он считает самым крутым писателем) написал рассказ и отослал в десяток разных издательств под псевдонимом.

Как вы догадываетесь, в рассказе дурака-графомана Толстому (и пр.) дают отворот поворот со словами, что такую дрянь не то что печатать, читать противно. К тому

же неграмотно, серо, скучно и так далее.

Не стоило бы останавливаться, чтобы развенчивать такую дурь, но слишком уж она живуча и слишком часто ее повторяют неудачники. Боюсь, что кому-то западет в уши.

То, что это бред, выдумка, никогда и нигде такого не было, вы можете увидеть сами на простом примере. Вот покупаете журнал или сборник рассказов. Разных авторов, разного уровня. Читаете. И что же, все рассказы для вас на одном уровне?

Конечно же, какие-то вы едва-едва дочитываете до конца, а то и пропускаете после первых абзацев, а после некоторых говорите с восторгом: прекрасные вещи! А на самой сильной обязательно заглянете в начало и посмотрите еще раз на фамилию: кто это такой новичок, надо запомнить, в следующий раз буду искать его вещи.

И не надо этот бред про разные вкусы! Сильную вещь все называют сильной. Ну, за совсем исчезающе крохотным исключением. Кому-то нравится, кому-то нет, но сильную называют сильной, а слабую – слабой, даже если она подписана очень именитым автором. Не буду называть фамилии, но скажите себе, разве не достается от вас некоторым маститым, которые, по вашему мнению, снизили планку?

Так вот в издательстве сидят такие же, как и вы, люди. Они возьмут слабую вещь раскрученного автора, но откажутся от следующих. Или еще одну возьмут, но молча или не молча покажут распечатку с графиком продаж, где кривая стремительно идет вниз. Что значит: либо начинай писать на прежнем уровне, либо будем издавать крохотным тиражом, а потом и вовсе...

Так что эта сказочка, что вещь Бунина или Булгакова под псевдонимом отвергли, – это бред, отмазка неудачника, который не умеет и не желает учиться писать хорошо. Никогда сильную вещь не отвергнут! Никогда!.. В крайнем случае, если уж вам выпал шанс наткнуться на полнейшего дебила, пристроенного папой – хозяином издательства в редакторы, просто отнесите ее в другое издательство или другой журнал.

Снаряд в одну воронку дважды не попадает, а нормальный читатель всегда отличает хорошо написанную вещь от слабой. Редактор – тот же читатель, только еще и умеющий с рукописью работать.

Избегайте всяких оправданий, отмазок, уверток! Ничто не мешает вам писать хорошую книгу. Это для создания автомобиля нужно... очень многое нужно, а для написания книги – огрызок карандаша и лист бумаги.

Очень серьезно, в самом деле очень серьезно!

На писателях – огромнейшая ответственность за судьбы – да-да, без хи-хи! – человечества, за выбор его путей. Время от времени кто-нибудь, очарованный массовыми развлекашками из букв, заявляет, что и вся литература – это сплошное развлечение, entertainment, однако же вы – не кто-нибудь, вы – Должны Знать. Вы формируете будущее человечества. Каким вы его создадите, таким и будет.

Начинается это где-то очень рано, с чего-нибудь типа (повторю): «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу, потому что он хороший». Т.е. буду любить и такого вот, с оторванной лапой. Инвалида. Не потому, что он богатый и толстый американец, а потому что он «хороший». Вот так закладываем нравственное чувство, усиливаем в «Аленьком цветочке», где красавица полюбила не за внешность, а за душу, добавляем в «Соборе Парижской Богоматери», где настоящим красавцем оказывается Квазимодо, а блестящий красавец Фет – редкой сволочью, гадом и уродом.

«Хижина дяди Тома» ускорила освобождение негров на десятки лет, если не на сотни, «Овечий источник» вызвал народное восстание и смел остатки феодальных вольностей, а такая прекрасная поэма, как «Коран», и донныне сотрясает мир!

Так что лепим человечество мы в своих крохотных лабораториях, а короли и президенты – это всего лишь наши исполнители, что даже не подозревают о том, кто правит миром.

Как все-таки правильно реагировать на отзывы

Один из молодых авторов, поместивший свое произведение в «Альманахе» при Корчме, пустился в пляс и тут же взялся поучать меня, как писать, т.к. в отзывах на его произведение несколько человек из посетителей Корчмы написали: «Здорово!.. Гениально!.. Круче, чем у Никитина!»

Я стыдливо помалкивал, ибо, что ни скажи, все будет в лучших традициях перевернуто и обращено против меня же. Гениальным назвать не могу, оно даже слабее среднего, но попробуй такое скажи, при таких хвалебных отзывах начинающему нельзя указать даже на пропущенную запятую, тут же пойдут крики о зависти, зажиме таланта и пр., пр., пр.

Но давайте проанализируем ситуацию, вы все в ней побываете, вам надо знать, как вести себя правильно, а не как хочется. Хочется, понятно, упиваться хвалебными отзывами, но все-таки подумайте трезво, чего они стоят. Эти отзывы, во-первых, раздают люди, которые сами ничего не решают и рукописи в издательство не берут. Тем более не распоряжаются тиражами и гонорарами. Практически всегда это безымянные ники в Интернете, всегда непонятно, кто за ними скрывается.

И хотя вам хочется, просто жаждется полагать, что все это от чистого сердца, однако же давайте прикинем, кому это выгодно. Ну, что на сайте Никитина насолить Никитину, сказав, что вот этот пишет намного лучше, это одно, а второе, что намного важнее, убраться вас, как возможного конкурента... Как? Что за бред? Увы, не бред, реальность Интернета. Дело в том, что большинство посетителей литературных форумов – сами писатели всех масштабов, размеров и значимости. Меняя ники, они затевают дискуссии, провоцируют споры, участвуют в обсуждениях, бросают камни в конкурентов от имени простых читателей, возмущенных снижением уровня такого-то и такого-то.

Не только потому, что вот такие сволочи по натуре, но именно в дискуссиях выигрываются, а то и генерируются идеи, выводы, формулируются «за» и «против», шлифуются доводы. На форумах можно как наткнуться на идею, так и отказаться от той, которую раздолбали.

Так вот этим, еще молодым, но уже занявшим какие-то позиции на литературной кочке, как раз и опасен всякий новый автор. Но нельзя посоветовать ему бросить писать и пойти рыть метрополитен – обидится и не послушает, зато очень легко столкнуть на литературную дорожку, где такой не будет опасен. Скажем, на ту, что ведет в тупик, или в тот жанр, где не работает такой вот «горячий поклонник».

Поймите же, олухи, я – единственный, кто вам не конкурент! И вовсе не потому, что такой вот весь из себя замечательный, хотя, понятно, я само совершенство, но еще и потому, что мне сейчас 65 лет, а когда будете читать эту книгу, будет побольше, что значит, заканчиваю литературный путь, мне уж точно не придется с вами бороться за тиражи, вы придете после меня, так что я искренне раскрываю все секреты литературного мастерства, совершенно искренне, **безвозмездно**, что значит – даром, на халяву. А то, что будете конкурентами тем, кто помоложе и еще остался, меня не колышет. Последние годы я буду просто читателем, а я, как читатель, вот хочу, чтобы литературы было много, хорошей и разной! Такая вожжа мне под хвост попала: хочу богатый выбор хороших конкурирующих книг. А какой кровью это вам достанется, мне это мимо кассы, ясно?

А отзывы... Ладно, сошлюсь на один пример. Имена не называю, но многие, кто следил за этой историей в Интернете, сразу вспомнят. Вот из громогласного интервью некоего автора: «...все оценки критиков однозначны. Моя „Рапсодия гнева“ лучше „Ярости“. Это интервью и сейчас в архивах одного достаточно популярного литературного сайта. Кто хочет, отыщет по ключевым словам. И я не говорю, что интервьюированный обязательно соврал. Вполне возможно, что действительно все критики, с которыми он пил на роскошах, на конференциях, на звездных мостах, на интерпресконах, аэлитах и пр., пр., пр., так именно и говорили. А почему не говорить собутыльнику приятное, если за свои слова отвечать не надо?»

Но теперь ехидный вопрос всем, кто тогда это читал и бурно рукоплескал: и где эта гениальная книга? Где огромные тиражи, где читающие в метро и в троллейбусах пассажиры? Так что не очень-то оглядывайтесь на отзывы критиков, на хвалу анонимных

корреспондентов... кстати, о них вообще лучше не говорить, вас же и заподозрят, что сами себя пиарите на форумах, – на сайтах без регистрации вполне заурядное явление. Самообслуживание начинающих, примета времени. Бесплатный пиар от имени «общественности».

Я же веду вас к тому, чтобы ваши книги читали в электричках, в троллейбусах, чтобы брали их с собой на дачу и в отпуск, чтобы читали даже на эскалаторе. Это и есть настоящее признание! А с таким признанием – и тиражи, и гонорары.

Так что правильнее всего на отзывы никак не реагировать. Даже если хочется. Все отзывы, даже самые доброжелательные, типа «Давай, Вася, в таком же духе дальше!», вызваны желанием как-то на вас воздействовать.

Но если вы не хотите дальше, а решили свернуть?

Взаимоотношения с редакторами

Не надейтесь, что редактора у вас все ненужное уберут, грязь вычистят, стилистику исправят и вообще сделают из дерьма конфетку. Не сделают. Совсем не потому, что вот такие злые и ленивые, и даже не потому, что завалены работой, хотя сейчас у них нагрузка ой-ой, а еще и потому, что у большинства, скажем прямо, недостаточно квалификации.

Нет, вовсе не потому, что набрали с улицы или пристроили родню. Сейчас издатели деньги считают, и такой родственничек может нанести убытку на миллионы, проще ему платить, чтобы не лез в дела. Просто редактора не успевают за быстро возрастающей техникой написания литпроизведений. Причем разрыв все увеличивается.

Вот я приводил выше пример с «кивнул головой», вы уже убедились, что еще допотопные Чехов и Бунин уже старательно убрали у себя такие перлы, открыв для себя, что это глупо, не изящно, тормозит текст, выглядит некрасиво и т.д., но, как вы понимаете, это было их открытие, а для редакторов это и сейчас еще новость!

Почему так? Но динамика та же, что и с любым открытием: изобретателю уже все ясно, но надо еще убедить приемные комиссии, потом запустить в производство, опробовать, доказать, потом по истечении срока давности старых учебных программ их заменят при очередной смене эпох новыми, введут в эти новые это открытие, подготовят преподавателей, те начнут с вузовских кафедр готовить новое поколение, что, мол, писать «кивнул своей собственной головой в знак согласия, подтверждая сказанное» не совсем литературно. Раньше было литературно, а сейчас, с ужесточившимися требованиями к языку, – не катит.

К тому же хотя среди редакторов встречаются изумительные знатоки языка, точно и тонко чувствующие любую неточность, но я уверен, что вам они не попадутся: слишком их мало, а вас, только без обид, до фига. Вам придется иметь дело с обычными, которых пруд пруди и которые, мягко говоря, язык не знают совершенно. Так что надейтесь только на себя, оттачивайте язык сами, сами шлифуйте стиль, образы, характеры, выверяйте сюжетные линии.

В некоторых случаях придется и повоевать, отстаивая свои перлы. К примеру, вышла одна из моих первых книг в «Троих», я обычно потом в них не заглядываю, но тут раскрыл на середине, и сразу меня царапнул один абзац: ну не мог я написать такую убогость! Другую – мог, не отрицаю, но эту не мог, слишком уж для меня все пройдено, такие вещи для меня в подсознании, и как не напишу «кивнул головой», так и... Сейчас не буду рыться в тех книгах, просто перескажу: у меня там герой вышел на крыльцо утром, окинул взором княжеский или еще какой-то двор, там у костра сидят погорельцы, вокруг бегают собаки в надежде на косточку, от кузницы несется звонкий перестук молотков... и т.д.

Редактор, вот уж орел, добросовестно исправил, не поленился, на тот язык, каким пишут все начинающие: у костра сидели погорельцы, вокруг бегала собака... и пр. Картинка стала не просто серой и убогой, но и в корне неверной! Представьте себе эту картину: герой вышел на крыльцо и смотрит во двор. Что он видит во дворе? Что погорельцы сидели, а собака бегала? Но как может видеть, что там когда-то сидели, да

еще именно погорельцы: по особым оттискам задниц, мол, у погорельцев они костлявые, узкие? Как может герой видеть, именно видеть, что собака бегала: по оставшимся отпечаткам лап?

Как видите, редактор может быть вполне добросовестным и трудолюбивым человеком, но... Понятно, после того случая я заставил внести в текст договора с издательством добавочный пункт, что редактор в моих вещах не смеет исправлять ни единого слова. Все – в авторской редакции! Да, пусть моя дурь будет всем видна, но это моя дурь, я за нее и отвечаю, но не за шедевры редакторского стиля.

Впрочем, издательство охотно включает такой пункт в тексты договоров: баба с воза – кобыле легче!

Это я все вас пугаю страшными примерами и подвожу к мысли, что работать надо самим, только самим, никто вам не поможет, писатель – всегда одиночка!

Да, кстати, раз уж привел этот пример: когда описываете эпизод, происходящий в настоящем времени, то и описываете терминами настоящего. Я сплошь и рядом вижу, когда все это, происходящее вот сейчас, малограмотные авторы относят в прошлое: конь скакал, ветер свистел в ушах, над головой парил орел и так далее, хотя на самом деле конь скачет, ветер свистит в ушах, а орел парит!

Да, эти книги выпускают, их покупают, читают, но весьма спокойно, без ажиотажа. И все потому, что когда путаете прошедшее с настоящим, то картинка получается серая, статичная, как бы отодвинутая в прошлое, а мы волнуемся и переживаем только за то, что происходит вот прямо сейчас перед нашими глазами!

Самый строгий и придирчивый редактор – вы сами. По крайней мере, старайтесь им быть. Тогда вашим врагам сказать будет нечего.

Аршином или термометром?

Время от времени какой-нибудь придурок, мнящий себя критиком, берет мою книжку, раскрывает и с торжеством находит фразу, написанную, как он с ликованием утверждает, коряво, криво или вовсе не так, ну вот не так, и все!

Помните, в старину были такие пушки, стрелявшие ядрами? На стволах еще отливали всяких единорогов, львов, орлов и прочих страшных зверей. Я уже об этом упоминал. Да вот только лучше от таких украшений пушки не стреляли. Потом в конце концов от этих аллегорических фигур отказались. Мои книги – это сверхсовременные дальнобойные пушки без всяких фигурок на стволах или лафетах. Кто хочет лепить такие фигурки – пожалте к стене храма или музея. Там им место. А пушки должны стрелять.

Для тормознутых поясняю на пальцах: в литературе есть место и для пушек, и для цветника роз. Кому важно воздействовать на читателя, воспламенить, подвигнуть на какие-то свершения, тот выбирает один стиль: нарочито грубый, куски фраз напоминают большие глыбы гранита, никакой ювелирной подгонки, обязательно должны выпирать острые углы, а между глыбами зиять щели, куда пролезет палец, а вот если автор ставит целью дать читающему возможность насладиться изячным отдыхом после ужина в уютном кресле, он тщательно избегает всего волнительного, из слов вяжет кружева, тщательно подгоняет одно к другому, учитывает аллитерацию, периоды, строит сложные метафоры.

То есть только полный идиот одним аршином идет мерить и длину, и температуру.

Для критиков поясняю отдельно и тоже на пальцах: видите средний?

Чаще всего такими критиками выступают молодые зубастые щенки, что только-только познакомились с азами творчества. То есть с языком.

Но зато, как уныло понимаете, их ужасающе много. Что ж, держитесь.

Возрастные особенности

Конечно, для абсолютного большинства из вас абзац лишний, эту тему можно пропустить, но вообще-то лучше прочесть и запомнить на будущее, ибо возраст вещь

такая, что приходит к каждому, его не ускоришь и не замедлишь, как удаётся с написанием произведения.

Основное различие молодого и немолодого организма в том, что у молодого идей ещё мало, но энергии для их осуществления – море. В то же время кажется, что как раз идей – море. Это не так, на самом деле те идеи пока что крохотные пузырьки на мелкой воде, как это ни обидно звучит, но налицо понятная завышенная оценка, иначе без нее кто возьмется за осуществление? Это вполне понятная биологическая реакция, чтобы подвинуть вас на свершение.

Как уже говорил, проще выходить на службу, просиживать там от и до, гарантированно получать какое-то жалование, если не будет какой-то особо ценной или даже сверхценной приманки. Ведь умный в гору не пойдет, если там, на вершине горы, не будет блистать нечто, очень напоминающее сундук с золотом. Или оброненный с самолета кейс с миллионами баксов.

У немолодого как раз есть богатейший жизненный опыт, жизненная мудрость, а то и плюс к жизненной еще и книжная, ученая, есть громадный опыт, есть знания и умения, как правильно написать, как выгодно подать материал, чтобы все ахнули, есть масса нереализованных идей... И что же? Я вижу, как вполне живые и даже здоровые писатели, что так блистали совсем недавно, вдруг сходят со сцены, перестают издаваться. Можно подумать, что умерли, ведь проходят, бывает, десятки лет, прежде чем где-то случайно мелькнет знакомое имя, это корреспондент в погоне за поп-звездой случайно пробежал мимо дачи в прошлом известного писателя, попутно захватил его в кадр и успел задать пару вопросов. Оказывается, жив и здоров, выращивает огурцы на участке, писать не пишет, что-то не тянет. Вот просто не тянет.

Так что учитите на будущее и пишите сейчас, когда пока что тянет со страшной силой. Хоть и умеете пока на троечку с минусом.

Признаки ну очень начитанного автора

Авторы, у которых не есть гуд с текстом или же страдают комплексами неполноценности, очень любят уснащать свои великие произведения множеством эпиграфов из великих, даже не столько из великих, этого добра навалом, а именно из, так сказать, «изысканных», пользующихся известностью в узком кругу эстетов и недоступных простому народу, который их «не понимает».

Этот набор постоянно меняется, мода есть мода, но вы без труда узнаете такие шедевры. Еще эти авторы с комплексами неполноценности постоянно оснащают свои творения множеством стихов «изысканных» на сегодня поэтов, что должно свидетельствовать о, да-да, изысканном вкусе автора. В смысле уже не в качестве эпиграфов, то само собой, но всячески всообщая в текст, заставляя ворье, проституток и киллеров на досуге цитировать Бодлера, Вийона или Парацетомола, распевать песни на слова Гафинкеля и цитировать известного только самому узкому кругу Шарля де Беску.

Мол, хоть я и пишу фантастику, всего лишь фантастику, а то и вовсе сраные детективы, но вы же видите, я Рембо читаю, я Гаскона де Добермана цитирую, а каких цитат из поэтов надергал!.. да не просто надергал, а еще и сразу написал, чтоб вы не прошли мимо, прямо на титульном листе, так, мол, и так, в этом моем шедевре использованы стихи таких-то авторов, и дальше длинный, поражающий воображение список, который должен продемонстрировать широту, эрудированность и незаурядный изысканный вкус эстета, мадам-с, эстета!

Эпиграфы – костыли неумелого автора. Или чересчур уж закомплексованного. Пробуйте всегда ходить своими ногами.

Вроде бы мелочи...

«...в помещении послышался негромкий треск». Написал привычно, так бы и оставил, все нормально, все так пишут, ни один редактор не прицепится, но поднял задницу

поставить кофе, я работаю с ноутбуком на кухне, а когда снова сел, то уже решил, что, пока не придумаю, что дальше, надо поправить написанный абзац.

И в первую очередь – эту хрень, потому что «послышался», как и все подобные слова: донесся (лось, лись), прозвучал (а, о) и пр. – сорняки. Хотя и не слишком явные. Но если хотите добиться выразительности, если хотите, чтобы ваш текст был лучше, чем у господина N, чьи тиражи идут на «ура», то не ленитесь – вытютюливайте каждую строчку, придирайтесь к каждому слову.

В данном случае если «треск», то уже услышан. «Послышался» – лишнее слово. Но и выбросить, как «простые сорняки» или «сорняки первого порядка», нельзя. Дыра потому что.

Надо чем-то заменить, более емким, информативным, окрашенным – выбирайте по вкусу.

Можно: «докатился» – это создает ощущение пространства, можно еще что-то, но разумнее обойтись вообще, слово «треск» заменив на «трещало», таким образом оно принимает на себя функции «послышался», «донесся» и пр.

Кроме того, «...в помещении негромко потрескивало» – короче на слово, довольное длинное, а этим действием убивает еще одного толстого и жирного зайца: ваши фразы должны быть емкими. Т.е. сокращать фразы, оставляя смысл в неприкосновенности.

От этого ваша мысль станет более ударной, яркой, четкой, запоминающейся.

Сокращайте фразы, оставляя смысл в неприкосновенности!

Примеры, что убирать из текста

Наверное, уже говорил, но не пойду искать в тексте, что постараюсь иллюстрировать работу над языком прежде всего на своем примере. Потому что Бунин – это прошлый век, даже местами позапрошлый, как и Достоевский или нелепонебьяшный автор. А я, вот он, мои книги на полках магазинов, я преуспеваю именно сегодня, когда вы начали или начинаете писать.

Вот я в эту самую минуту пишу роман, ловлю себя на некоторых типичных ошибках и, открыв файл «Как стать писателем», сбрасываю туда эти фразы, сопровождая комментарием, чего нужно избегать вам.

Итак:

«На возвышении стояли яркие, как клоуны, герольды...» Нормальное слово «стояли», хотя, конечно, если действие происходит сейчас, то лучше «стоят», понятно. Но вообще слово какое-то поганое, безликое, как будто придуманное, чтобы заполнить какую-то пустоту. Можно вообще обойтись без него, но если появляется ощущение тесноты во фразе, то лучше вместо него всякие там «красовались», «улыбались публике», «дудели в трубы» и пр. и пр.

А сорняк «стоял», «стояла», «стояли» лучше вообще истреблять везде.

Следующее:

«Один из распростертых на спине смотрел на него умоляющими глазами». Вот это «на него», «на нее», «на них» – встречаю в каждой книге у каждого автора чуть ли не в каждом абзаце. Обычно же действие происходит между двоими, так на кого же еще должен смотреть перс? Убирайте. Убирайте нещадно. Убирайте без жалости, хотя от такой прополки ваша рукопись потеряет некоторое количество страниц.

Зато выиграет емкостью языка.

Далее:

«...другая стрела ударила в попону коня Томаса и застряла там». У всех эти или подобные фразы, и ни один редактор или корректор вам не исправит, потому что по тексту и по смыслу все верно. И потому в книжных магазинах масса книг с абсолютно серым, невыразительным текстом.

Но уберите это дурацкое уточнение «там», и текст хоть чуть, но станет лучше. И этого чуть, возможно, будет достаточно, чтобы вашу книгу купили. А еще раньше – издали.

Вот рассказ «Дельта» Бунина, читаем:

«В отеле близ площади Консулов мне отвели просторную комнату с каменным полом, покрытым тонкими коврами. В ней стояла постель под кисейным балдахином, было полутемно и прохладно. Ставни балкона были закрыты. За ними стоял оглушительный гам Востока».

Имя Бунина свято, потому у него «все безукоризненно», но если вы принесете такой текст с множеством этих «было», «были», «стояла», «стоял», то вас не завернут только в очень нетребовательном издательстве. Где, кстати, ни тиражей, ни высоких гонораров.

Кстати, в том же рассказе:

«Я, конечно, был сражен таковым признанием и только успел головой кивнуть в знак согласия». Кивнуть головой в знак согласия – это шедевр! За такое нормальный редактор не вернет вам рукопись, а с отвращением бросит. Так что осмрительнее ссылайтесь на классиков, не работавших на компьютерах.

Далее:

«От влажной одежды пошел пар». Слово «пошел» безликое, вроде бы лучше более образные: «повалил», «заструился», но в идеале образное слово должно быть таким же кратким, если не короче. В данном случае в слове «пошел» два слога, а в «повалил» – три. Мелочь, но прочтите вслух – и вы увидите разницу.

Во втором случае красочнее, в первом – стремительнее. Пятьдесят на пятьдесят.

Идем дальше:

«Я пришла регистрировать брак с ребенком, который моложе меня на восемь лет». Просто вычеркните «который». Взгляните, разве смысл изменился? Но фраза стала динамичнее. Однако, как иногда бывает, избавляясь от одной напасти, нарываемся на другую. Получилось словосочетание «ребенком моложе», т.е. «...ом мо...», фраза звучит коряво и неестественно. На самом деле мы так не говорим, как-то на лету исхитряемся, изворачиваемся в воздухе и успеваем произнести вслух что-нибудь вроде: «...с ребенком, а он моложе на восемь лет», или «...с ребенком, что...», а то и вообще лучше убрать этого «ребенка», а то при нынешнем скорочтении можно не врубиться с ходу, что там за младенец у нее на руках.

Вообще еще один совет: если есть время, старайтесь проговаривать текст, хотя бы диалоги, вслух. Можно не совсем вслух, чтобы не смешить домашних, а прогонять диалоги мысленно. Где-то пойдет нормально, но где-то сразу скребанет, как ножом по стеклу, фальшь, корявости и неестественности. Но речь корявой и неестественной может быть только у одного из персов, да и то в случаях, когда гад что-то затевает: думает одно, а машинально говорит другое, сволочь, отвлекает ваше внимание...

Идем дальше по тексту:

«Земля стала рыхлой, чавкала под ногами». Обычная фраза, все в ней правильно, да и гусеница совсем недлинная, почти незаметная, но все же попробуйте в эти однородные «стала» и «чавкала» внести крохотнейшее изменение, и фраза станет лучше: «Земля стала рыхлой, под ногами чавкало...» Совершеннейший пустячок, незаметнейший, но читатели его заметят, хотя и не осознают, чем именно эта фраза лучше.

А из фраз, как вы уже догадываетесь, выстраивается весь текст произведения.

К слову, попробуйте вычеркивать слово «он». По моему богатому опыту вижу, что в абсолютном большинстве случаев это слово-сорняк. А также «который, которая, которые, которым...», как и «некоторый, некоторые...». В большинстве случаев достаточно просто вычеркнуть.

«Я смотрел с недоумением интеллигентного человека, у которого такие вещи в голове не укладываются...» Нормальная фраза, все так пишут, но уберите это привычное нам все «у которого», и фраза, ничего не потеряв, станет более упругой, емкой и яркой.

«...оба из тех служащих, которые вообще-то приходят без опозданий...», а здесь лучше заменить на «что», помня железное правило, что всегда или практически всегда нужно заменять длинное слово более коротким синонимом. Пусть это короче всего на слог. Не на букву, а именно на слог!

«В фирму набирали как дипломированных, так и с хорошими манерами, которые с натяжкой можно бы назвать благородными». Ну, это длинное «которые» можно заменить коротким «их».

«К машине подошла группа солдат, в которой я с удивлением увидел четырех

негров», здесь «в которой» просто стоит вычеркнуть. Ничего не изменится, но фраза станет ярче. Также, если это непринципиально, замените «четырёх» на «трех». Прочтите фразу еще раз.

«...выскользнул и некоторое время стоял, вслушиваясь и всматриваясь». «Некоторое время» убираем, вообще «некоторое время стоял» – это «постоял».

«Здесь есть места, которых избегаем даже мы». «Которых» заменяем на «их».

«...я возжелал разорвать его на куски голыми руками».

По сути «на куски» здесь сорняк, все понятно и без дурацкого уточнения, что если уж разорвать, то на куски, а не на две аккуратные половины. Но когда «...я возжелал разорвать его голыми руками», то некрасиво звучит «...его голыми», эти два «го-го», как и все подобные случаи, считаются дурным тоном, их следует избегать.

Повторяю, не следует впадать в другую крайность, когда человек с маниакальным упорством вылизывает текст настолько, что впадает в панику, если у него рядом встретятся два слова, из которых одно заканчивается на гласную, а следующее с гласной начинается. Есть и такие, их немало, они считают себя знатоками языка, учат этому других, снисходительно посматривают на тех, кто «не дорос», но на самом деле это, конечно, шиза. Такие авторы, проверьте по рейтингам, никогда не достигают ни высоких тиражей, ни высокой популярности, ни чего-то еще, что позволило бы причислить их к Настоящим Писателям.

Просмотрите этот абзац: он написан без оглядки на эти «высокие требования изящной словесности». Ну и что? Стал он менее понятным?

Убирайте уточнения: «Мне спасибо **за тебя** не очень-то и требуется, согласен? Может быть, **я** больше получу удовольствия, когда **с тебя** сорвут погоны...»

Понимаю, до слез жалко вычеркивать. Но прочтите фразу со всеми этими уточнениями, а потом – без них. Если сами еще не можете определить, что фраза стала компактнее, тверже, энергичнее, – дайте оба варианта прочесть другим.

«Передайте мою искреннюю благодарность за заботу». Вот это «ЗА ЗАботу» очень плохо, хотя и постоянно мелькает подобное в уже изданных романах писателей низшего уровня. Ну а вы обязательно вставьте хоть что угодно, в любом случае будет лучше, чем непроизносимое «за за...». К примеру, «...за прием и заботу», «...за внимание и заботу», «...за любезность и заботу»...

Это же относится и ко всем подобным случаям: «по по...», «на на...» и так далее, русский язык богат, но пользоваться нужно так же осторожно, как опасной бритвой.

«Кони, чуя отдых, пошли галопом, город с готовностью ринулся навстречу». Ну, понятно, город со всеми его зданиями не может ринуться навстречу, но если вы писатель, а не журналист, то описываете не событие, а впечатление от происходящего, и тогда вполне нормально, что вы сидите в неподвижном вагоне, а мимо бегут столбы, деревья, перила и опоры мостов...

«...толпа хорошо одетых и мордомордых слуг...». Да, вы правы, нет такого слова, как «мордомордых». Ну и что, ассоциации все равно срабатывают, увязывая в одно целое как мордатых, так и краснорожих, «чья харя просит кирпича» и пр. и пр., так что не бойтесь придумывать новые слова. Цель одна: чтобы работали на образ, добавляли выразительности!

Я, кстати, запустил в обращение целую обойму: баймы, иморты, юсовцы и т.д. Маяковский в похвалу назвал Есенина звонким подмастерьем у великого мастера-языкотворца: народа, но на самом деле это мы – языкотворцы, мы творим современный язык и вводим в него новые слова и новые значения уже известных слов.

«Мои земли лежат на востоке от этой реки». Нормальная фраза, все так пишут, но если убрать «лежат», смысл не изменится, а фраза обретет упругость.

«Я осторожно открыл дверь особнячка, зажег свет, указывающий дорогу. Я прошел по извилистой дорожке мимо домашних фонтанов».

Конечно, так линейно писать нельзя, хотя, как видим по тем книгам, которые скачиваем, а то и покупаем, пишут, да еще как пишут. Правильнее так: «Я осторожно открыл дверь особнячка, загорелся свет, указывая дорогу. Извилистая дорожка повела мимо домашних фонтанов»... Не я пошел, а она повела.

«...жаркие земли Палестины, где по полгода (не выпадает) ни капли дождя...» «По

полгода» тоже плохо, «по по...», нужно как-то выворачиваться, либо «подолгу», либо «месяцами», либо «за все лето», и хотя эти сроки не точная копия полугодия, но ведь не принципиально важно, чтобы именно полгода, это же так, чтобы указать, что долго не бывает дождя, так что годится любой другой продолжительный срок, который на бумагу ложится более произносимо.

«Можно стремиться к тому, чтобы овладеть женой соседа, а можно стремиться к совершенству». В этой фразе все вроде бы правильно, но если второе «стремиться» заменить привычным «—», фраза станет несколько компактнее. И еще перед тире получается как бы некоторая заминка, из-за чего «к совершенству» звучит ударнее, чего мы и добиваемся.

«Он охотно примет людей, что сумели пройти...» «Что сумели» вроде бы лучше «которые сумели», все-таки о людях, не о вещах, но еще лучше «сумевших пройти».

«...живот у нее в самом деле как будто вырезан из светлого дуба». Кроме «будто» можно убрать и «вырезан».

«Это не загадка, это тот новый уровень, на который нам предстоит взойти». Убираю «...новый... на... нам... взойти». Слово «кот орый» как раз лучше оставить.

«Когда он исчез, я повернулся к запаянному по-старинному ящику». «Когда» – сорняк, убираем.

«...начал чувствовать себя, как будто нахожусь в большой семье». «Будто нахожусь» – убрать.

«Зданий не больше десятка, все сдвинуты в одну группу...» Вроде бы мелочь – убрать слово «все», но если без него обходитесь – убирайте. Выигрыш будет, даже если с ходу не увидите.

Вот посмотрите сами, что нужно убрать, что изменить:

«Можно ли отключить только второй механизм, если они с первым составляют одно целое?»

«Навстречу попадает все больше людей в очках».

«А почему все больше распространяются слухи, что ученые темнят ...»

«Воздух постепенно разогревается от присутствия множества горячих тел».

Т.е. задача не в том, чтобы написать безукоризненный текст, а в том, чтобы поработав над написанным, сделать его безукоризненным. Или как можно ближе к такому. А уж каким он был раньше...

Скорбное признание. Но я могу себе это позволить

Да, признаюсь: я никогда, ни разу не сдал в издательство ни одной законченной вещи. Я понимаю трезво, что роман, как и ремонт, невозможно закончить, а можно только, говоря нелитературно, прекратить. В смысле остановить над ним работу. Здесь, конечно, надо соблюдать чувство меры: оставить слишком большие огрехи – над вами будут ржать даже в Урюпинске, пытаться убрать абсолютно все блохи – немыслимо, предела совершенству нет, а вы рискуете остаться автором одного-единственного произведения, да и то незаконченного.

Как я уже говорил или скажу ниже, рост возможен только на все более новых и новых вещах с новыми темами, идеями, сюжетами, образами.

Чувство меры, оказывается, необходимо и в такой работе, как литература?

Кому этот учебник необходим особенно

Знаю, эту книгу не станут читать те, кто уже сдал свое произведение в издательство, тем более – кто уже выпустил. А напрасно, напрасно... Это в старое доброе время писатель все усилия прилагал, чтобы пробить книгу в печать. Потому что, опубликовавшись, он становился «писателем», членом Союза писателей, получал всюду привилегии, и его писательство не оспаривалось.

Сейчас же, когда издательства в частных руках, опубликовать книгу ничего не стоит. Можете открыть свои издательства и публиковать любую хрень. Но и то, что ваша книга

вышла в крупном издательстве, ничего не значит. Это издательство выпускает книг в десять раз больше по названиям, чем все издательства Советского Союза, вместе взятые. А таких издательств сейчас в России множество.

Отсюда напрашивающийся вывод: читают у нас далеко не все, что издается. Сейчас даже положение хуже, чем было «тогда»: читают по-прежнему пять-семь авторов, но теперь авторов намного больше, намного! А книг так вообще просто жуть.

Потому я уже не первый год вижу одну и ту же картину: молодой автор вдруг резко задирает нос, начинает важничать, всех поучает, как надо писать, смотрит свысока, во взоре едва сдерживает нетерпение... ага, его рукопись наконец-то приняли в печать, понятно.

Но дальше практически всегда следует жесточайшее разочарование. Книга вышла, но мир не изменился, никто его на руках не носит, женщины не бросают в воздух чепчики, президент страны не просит принять высшие ордена, королева Британии не жалует звание лорда-рыцаря...

А все почему? А потому что книга – одна из миллиона, выброшенных на рынок. Да, покупатели ее берут в руки в книжных магазинах, открывают и просматривают текст, так что не надо насчет отсутствия раскрутки. Но потом кладут обратно. А покупают ту, текст которой зацепил.

Так что эта книга на самом деле и для тех, кто уже выпустил свои шедевры. Но видит, что лежат нераскупаемые. А издательство не торопится принимать вторую, третью книгу, а ведь успел написать уже пять...

Изданная книга – ничего не значит. Изданных много. Авторы тоже много.
Станьте лучшим!

Рассчитывайте только на свои силы

Люди мелкие и завистливые даже себе порой не могут признаться, за что так люто ненавидят своего более удачливого собрата по перу. Вот в сопредельных областях, в музыке или живописи, все норм, там таланты признают, а вот в литературе, да еще в родном поджанре (детектив, фантастика, женский, политика...), все – дураки и бездари, пробрались к высоким тиражам непонятно как.

В основе – элементарная зависть и пакостная мыслишка, что вот если бы такой-то склеил ласты, то огромные тиражи достались ему – не всякий признается, как уже сказал, даже себе.

Что делать, строителей мостов требуется много, там нет чемпионов, а в литературе, живописи, музыке, спорте – есть. И они заметны даже очень. Вот и смотрят неуверенные в себе вокруг злобно-подозрительными глазами.

Это я к тому, что самая распространенная ошибка начинающего – посылать рукопись на одобрение мэтрам. Далеко не все мэтры в самом деле мэтры литературы, некоторые больше мэтры по связям, самопиару и пиару, выбитому из издательства, мощной раскрутке, частому мельканию на экране телевизора и участию во всякого рода конвентах и тусовках. Эти мэтры, а их большинство и они на виду, как раз очень ревниво смотрят на молодых, справедливо усматривая угрозу своему насесту. Если рукопись безнадежна, такой мэтр охотно обронит о ней несколько добрых слов и скажет: аффтар пеши исчо, но если чувствуется талант... то, понятно, вам могут посоветовать бросить это дело и переключиться на торговлю рыбой.

Конечно, это не значит, что если мэтр не одобрил, то рукопись – шедевр, но и целиком полагаться на отзывы не стоит.

Да и вообще... просто выгранивайте текст и посылайте в издательство. Мэтрам и без ваших рукописей есть чем заняться.

Никто за вас вашу работу делать не будет. Наоборот – помешают. Так что сами, сами...

Еще одна ложная тропинка...

Один автор, у которого рейтинг начал сползать со средних величин ниже и ниже, титаническими усилиями взялся наворачивать усложненный текст, насыщенный сравнениями, образами, метафорами и прочими бантиками, из-за чего чтение стало напоминать бег по бассейну с застывающим бетоном. Но что это дало тексту? Наши знатоки в Корчме, очень лояльные к этому автору, сказали в один голос: «Смотрятся эти изыски, как изумруды на рукоятке кухонного ножа для чистки картошки...», что, по-моему, комплимент весьма сомнительный.

Ну не спасут изыски стиля, не спасут, если проект самого здания хреновый!.. Если сама идея здания заезженная, если построено не там, где нужно, если вместо мрамора взяли саманный кирпич, а входную дверь прорубили на высоте второго этажа!

На что уж Бернард Шоу известен, как мастер поиграть словами, но и он однажды сказал: «Мне никогда не требуется думать, в какой форме выразить ту или иную мысль, слова сами приходят ко мне вместе с мыслью; но я весьма часто бываю вынужден тщательно обдумывать мысль, чтобы вернее ее выразить; и как только у меня формируется определенное мнение, все тут же оказывается сказано само собой... А когда я пытаюсь поиграть словами, как бубенцами, они перестают приходиться».

А еще раньше тонко и верно заметил Лао-цзы: верные слова не изящны, изящные слова не верны.

Не спасут вас изыски в области первоклассников, то есть в прилаживании словечек одно к другому, к их перестановке, более точной подгонке и прочей мелочевке, когда гнилые, а то и вовсе отсутствующие идея, тема, образы!

Вы – неудачник? Уверены?

Сейчас время от времени в Интернете, а то и на бумажных носителях появляются брошюры с советами, как пристроить рукопись в издательство, как понравиться редактору, как завязать связи и пр. Все их можно было бы объединить и издать под общим названием: «Советы неудачникам и слабым». Или – «Рекомендации безнадежным графоманам».

Почему так? А потому что человек, пока жив, неважно, в каком он возрасте и сколько лет уже пишет, всегда может научиться творить лучше, еще лучше! Так, что любой заплачет от восторга, а редактор – тот же читатель, он тоже зарыдает и тут же с вашей рукописью бросится к главному с криком, что вот этого автора нужно немедленно привлечь, пока его не перехватили другие, дать ему денег, квартиру, баб-с, но только чтобы все рукописи нам, только нам, а мы будем издавать его книги самыми большими тиражами.

А «Советы, как пристроить рукопись» молча указывают вам, что вы – дурак, дошли до потолка, больше не поумнеете, учить вас бесполезно, так что старайтесь пристроить ту ерунду, которую научились выстригивать топором, а до стамески никогда не доживете.

Не теряйте надежды. Не сдавайтесь... так рано.

Наступил рай для писателей, сумейте это оценить и этим воспользоваться

Было время, когда причуды и вывихи одного автора, захватившего ключевые позиции в самом крупном в мире издательстве, диктовали всем живущим в СССР, что и как писать. К примеру, ну не нравилась ему почему-то тема бессмертия, вот и пошли косяком публикации маститых, которым тоже кушать надо, и молодежной мелочи, которая напишет все, что угодно, только бы опубликовали, о том, что бессмертие – бяка, гадость, стыд, позор, чудовищно, ни в коем случае низзя...

Из этих публикаций можно составить десяток толстенных томов, где из сотен рассказов и повестей не будет ни одного, где о бессмертии говорилось бы что-то хорошее. Зато сотни раз обсасывается разными авторами один и тот же сюжет: к умирающему (от рака, от несчастного случая, при автокатастрофе и пр.) приходит некий профессор и говорит, что он умрет через несколько минут, но есть возможность дать ему

бессмертие (инъекцией, пересадить его сознание в тело суперкиборга, ввести в мозг суперкомпьютера и пр., пр.). Умиравший от этого сперва с негодованием отказывается, потом в секунду слабости соглашается и теряет сознание. Очнувшись, обнаруживает себя уже бессмертным (во многих рассказах и абсолютно неуязвимым, «Скафандр Агасфера» и пр., пр.). После чего, прожив так несколько дней, горько и патетически раскаивается в совершенной ошибке, рассказывает, что жить надо только в человеческом теле отведенный природой срок и обязательно помирать, после чего кончает самоубийством. Этого я понять никак не мог (в смысле чтобы все, как лемминги или солдаты партии, говорили и писали одно и то же), пытался среди прочего писать и о том, что бессмертие – мечта человечества, но такие творения сразу же останавливали, а против имени такого писателя ставили еще один крестик: не наш человек, публиковать такого нельзя.

Знаете, написал такое и пугливо оглянулся: не занесли бы и меня в стан тех, кто при советской власти рассказывал, как его притесняли и не давали публиковаться, а когда пришла перестройка и все преграды рухнули, тут же стыдливо умолк. Таких массы, многих жалобщиков с громкими именами еще вспомните, да, среди них были имена, имена-с...

В оправдание – да, приходится оправдываться – скажу, что с 1965-го, когда я начал публиковаться в жанре фантастики, и по 1991-й, когда рухнула советская власть, т.е. за 26 лет, у меня вышло всего две книги в жанре фантастики, а вот при свободе публикаций – видите сами :-)).

Немалая часть моих вышедших за это время книг как раз и составляет старый запас, пролежавший в столе долгие годы. Чем и объясняется такое количество и возмущение подростков: Никитин их штампует! Но если присмотреться, то на многих видно, что написаны при коммунистическом режиме.

Но это лирическое отступление и, конечно, ни в коем случае не оправдание, что я, мол, писал вообще-то мало. Нет, писал и пишу много, этим и должен заниматься автор, а не подкручивать рейтинг встречами и совместными пьянками с журналистами. Да, эти ребята по дружбе назовут вас гением всего человечества и вообще скажут, чего попросите, у нас же свобода слова, почему бы и не сказать хорошему человеку (читай: собутыльнику), но читающего не обманешь, наши недоверчивые люди долго листают книгу в магазине, прежде чем купить! Кроме свободы слова, есть и свобода читать то, что желаешь :-).

Еще раз счастливо: сейчас просто рай для писателей! Спросите тех, кто застал прошлый режим, они поют от счастья. Так что пишите, ничто вам не помешает. Просто пишите хорошо.

Однако сейчас рай и для жулья, увы

Я никогда не стремился ужиться в обществе и понравиться окружающим, так что могу и сейчас сказать то, о чем многие думают, но сказать вслух не решаются, стеснительные мы, дескать, и все деликатные из себя: вокруг литературы всегда было много жулья, а теперь в рыночную эпоху их стало вообще море.

Люди, не умеющие связать двух слов, берутся писать продолжения «Войны и мира», «Дон Кихота», «Властелина колец», приключений Гарри Поттера, Тарзана и прочих-прочих известных вещей, что автоматически вызовут внимание праздношатающейся публики, нездоровый интерес, а многие купят, чтобы посмотреть, что же могло быть дальше.

А этим ловким и бестормозным ребятам по фигу, какой интерес движет покупателем: здоровый или нездоровый, – бабки одинаковы, лишь бы побольше, побольше, еще больше! Для этого можно даже и на читательской конференции с бесстыжей мордой лица поторговать, нагло повещать о свободе творчества и самовыражении своего внутреннего «я».

Понятно же, что эти поделки – не литература, никогда литературой не станут, как не станут писателями эти ловкие ребята, постаравшиеся сорвать вот так куш и привлечь

к себе внимание.

Не станут уже потому, что писатель по натуре всегда оригинален. Писателю органически претит быть на кого-то похожим. Да, он бывает на кого-то похожим, даже очень похожим, но это получается помимо воли: нет еще своего почерка, выстраданных тем и своего стиля, однако же сознательно он никогда никому не подражает! Более того, скажите только, что он в этом и вот в этом похож на такого-то, автор тут же бросится переделывать!

Так что, если кто-то ловкий берется продолжать труд какого-то классика, давайте скажем прямо: он просто старается на чужом... если здесь женщины, то на чужом горбу въехать в литературный и гонорарный рай.

Ну, в гонорарный, может быть, еще и въедет, за какую только дрянь у нас не платят, но к литературе не приблизится и близко, это и козе ясно.

Даже потом, когда будут пытаться писать «свое», и тогда обречены заимствовать, а то и просто воровать куски у классиков, что весьма и весьма заметно, у нас достаточно эрудированные читатели, но что делать, когда своего нет, а хочется побыстрее да на халяву?

Так что избегайте как огня всяческих предложений дописать продолжение к такой-то книге, такому-то роману, к «Войне и миру», «Властелину колец» или другому великому бренду. С Толстым или Толкиеном вровень не встанете, а та известность, которую получите, это скандальный шум и скандальная известность шоуменов в порнобизнесе, но не в литературе.

Да-да, именно шоумены порнобизнеса!

Единственное утешение, что это жулье, за сезон взлетающее на пик славы и успевающее ухватить деньгу, на следующий сезон обычно тихо-тихо исчезает. А кто задерживается, тому уже несладко...

Поджанры фантастики: sci-fi, fantasy...

Весь поджанр фэнтези, как и такой странный жанр, как «женский роман», это всего лишь грезы подростка, мечтающего однажды выйти во двор и надрать задницу всем тем здоровым парням, которые его обижают. И заодно показать Люське из соседнего подъезда, как она его недооценила.

Только в женском – грезы школьницы, а затем быстро полнеющей домохозяйки, а в фэнтези – такие же беспочвенные не мечты, а именно грезы, когда на грани сна и яви возникают причудливые видения, где ты самый крутой, с волшебным мечом, на летающем коне, все видишь и все понимаешь, ты властелин, у тебя свой замок и тысяча крепостных, ты всеми командуешь, а они все кланяются и выполняют, кланяются и выполняют...

Хуже того, поджанр sci-fi сейчас тоже из хард превратился в софт, то же самое размягчение мозга, только антуражем грез вместо средневековых замков стали космические корабли, а так все та же хрень: галактические короли, бароны, световые мечи, восстания и коварные заговоры, яды в перстне, смена династий...

По уму всякий понимает, что ничего подобного уже не будет, да и люди не останутся через пять тысяч лет такими же криворукими и сопливыми: уже сейчас генетика модифицировала треть зерновых, начинает модифицировать овец Долли и Полли, а через недельку приступит и к человеку.

И весь этот бред про бороздящие пространство звездолеты сродни предсказаниям американского фантаста Эдгара По, где у него в далеком будущем между городами курсируют воздушные шары на две тысячи персон. Так что и сейчас та же «научная фантастика», как же!

Впрочем, голод на s-f велик, и он ничем не утолен. Приходится перечитывать замечательные произведения Владимира Савченко, а в современной куда ни сунешься, везде облом-с! Звездолеты, галактическое содружество и хрен знает какое тысячелетие – еще не признак научной фантастики!

Так что, если сумеете – в добрый путь! У вас конкурентов нет, а читателей

будет море.

Будьте оригинальными! Ищите непротоптанные тропки

Более того, от сильно утоптаных вас должно просто воротить, как от недоброкачественной пищи.

В литературе, как и в любом другом виде деятельности, можно пойти по двум взаимоисключающим путям: либо по хорошо протоптанной дорожке, где вы точно не споткнетесь, там уже все камушки убраны, а у тех глыб, которые не обойти, выставлены таблички с надписями: «Не прикасаться!», «Не ушибиться!», либо по неизведанной звериной тропке, где неизвестно что впереди.

По первой, понятно, вы не ушибетесь, но ничего и не найдете, там все ценное подобрано прошедшими ранее, по второй – рассыпаны драгоценности и куски золота с лошадиную голову... вперемешку с ямами, рытвинами, колючей травой, а то и вовсе ядовитой.

Конечно, вслух каждый скажет, что он-де выберет вторую тропку, и при этих словах выпрямит горбик и горделиво посмотрит по сторонам, мол, какой я крутой, все смотрите на меня, однако в реальности практически всякий выбирает самые протоптанные дороги. Да и там идет строго посередине, чтобы не упрекнули строгие критики и еще более строгие читатели в уклонизме влево или вправо.

Это бесспорно, взгляните по сторонам, вспомните, чем завалены прилавки. Да что далеко ходить за примерами, откройте любую книгу, меня от одинаковых аннотаций про борьбу темных и светлых богов уже тошнит. Последние аннотации к своим книгам я пишу сам, вот как они выглядят:

К «Придону»

Почему бы не написать вот здесь, что это – рулезный суперроман, написанный супермастером жанра о супердрайве супергероев в мире наукомагии, где межгалактические супергады взрывают Время и посылают назад, чтобы захватить Землю? А герои разносят вдрызг все козни супермагов и суперчародеев, зомби... нет, суперзомби, супермутантов, суперживых галактик в шестом 3-D, спасают суперблондинку, дочь суперкороля Галактики, и супербрюнетку – сингловую дочь императора Междугалактики, побивают вурдалаков, гоблинов, ницдзей, орков, эльфов и восставших киборгов?

Почему нет? Везде эти аннотации :-))).

К «Куявии»:

Опоздавшего кинозрителя билетерша провела в зал, освещая путь фонариком. Но чаевых жадина не дал. Тогда наклонилась к его уху и тихонько, чтоб не услышали другие, мстительно шепнула, указывая на экран: «Вон тот в шляпе – убийца».

Старый анекдот, но аннотации или предисловия, где подробно, кто шпион и в каком ключе понимать написанное, все равно прут, как лемминги в буфет. Но эта аннотация (обязательная, видите ли!) ну не вешает на дерево табличку с надписью «Дерево». Не вешает!

Облом-с. Перетопчетесь.

К «Чародею звездолета Агуди».

Из подворотен на чистую улицу выплеснулась шумная и крикливая толпа цыган, дурно пахнущая, в ярких безвкусных платьях. Началось приставание к прохожим с предложениями погадать, предсказать судьбу, приворожить, отворотить, сглазить злодея, вылечить все болезни, сделать красивым и сильным, указать клад с золотом и ничейный счет в швейцарском банке, научить читать мысли, сделать принцем Галактики, киборгом, легионером Времени, Первым Магом, Рыцарем Света...

Я брезгливо и молча... главное – молча! – обхожу этот брехливый сброд. Я не

цыганистая аннотация, я – приличная :-)).

К «Уши в трубочку»:

Это очень серьезная книга, для продвинутых людей, имеющих высшее образование, а лучше – два-три. Также желательно знание основ строения Вселенной, квантовой физики и социального строя матриархата на островах Полинезии.

Для более полного понимания рекомендуется получить хотя бы начальное представление об основах мирмекологии, чтобы отличить строение яйцекладов формика пицца от яйцекладов кампонотуса, что очень важно для понимания философии романа.

Произведение рассчитано на сравнительно широкий круг образованных читателей.

К «Иммортисту»:

Чем больше вижу аннотаций, тем больше убеждаюсь: пишут их люди, книг не читавшие. Более того, книги ненавидящие и не желающие их брать в руки. Марсиане какие-нибудь. Инопланетяне, старающиеся отбить охоту у человечества читать. Ибо пока читаем – люди. И зеленым человечкам не поддадимся. Как и розовым слонам.

Потому – не читайте аннотации. Читайте книги.

К «Трехручному мечу»:

Аннотации, выдаю секрет, пишутся под копирку. Сейчас и вовсе создана компьютерная программа, что сама их генерирует, не читая, понятно, произведение. Сперва пару слов о битве между Светлыми и Темными Богами, отгремевшей тысячу лет тому, о расколе миров, Темные Боги намереваются взять реванш, и только вы сможете, да, но об этом не подозреваете и даже не предполагаете, как это проверить чиста конкретна. К вам, ессно, в верные друзья колдун, эльф, гном и верная спутница.... И пошло-поехало наезженными тропами! И – никаких тебе неожиданностей.

Так, может быть, ну их, такие аннотации?

К «Зачеловеку»:

Это аннотация. Что такое аннотация? Это вот такое предисловие к книге, напечатанное мелкими буквами, но на видном месте, чтобы взявший в руки сразу увидел по паре строк, что такое уже читал тыщу раз, эту книгу держал в руках и раньше, она дома в десятках экземпляров, разве что с другими названиями и под именем других авторов, эту книгу сдавал в букинистику, дарил друзьям и вообще кому попало, даже вышвыривал в форточку – но вот, она, зараза, снова прибежала.

Так что не читайте аннотации, читайте книги :-)).

Как видите, у меня не такое железное терпение, как у вас, и не такой желудок, чтобы переваривать всякую дрянь. Эти дурацкие одинаковые аннотации меня достали, и я уже послал их прямым текстом, без тонких намеков в духе известного вам поручика.

И что же, мои тиражи снизились? Как бы не так! Это значит, что всех эта дурь уже достала. Как, впрочем, достали и одинаковые тексты между обложек. И никто уже не покупает книгу, ориентируясь на аннотации.

Рискуйте! Кто не рискует, тот... или того... здесь много вариантов, но все они в вашу пользу.

«Тело гудит, как телеграфный столб под напором ветра...», написал и задумался: а знают ли нынешние читатели, что такое телеграфный столб и почему он гудит?

Вопрос не праздный: стоит ли употреблять такие устоявшиеся образы, как «скрипит, как намазанная телега» (вообще-то правильно «несмазанная»), «черный как деготь» (или

«...как смола», ведь теперь смол великое множество, и далеко не все черные),

Мне все-таки кажется, что эти сравнения идут от лениости ума, а не осознанно. Ну какая несмазанная телега, когда на улицах автомобили, а телеги остались в исторических фильмах? Что такое деготь, нынешнее поколение понятия не имеет, лучше уж сравнивайте с чернотой космоса, миром темного солнца или негритянским анусом.

Пора научиться воспевать сталь и бетон, в мире которого живем. Ну, пусть не воспевать, мы традиционно ругаем город, но вот переселяться в так воспеваемую нами деревню с ее прелестями никак не желаем.

Потому, повторяю, пусть не воспевать, но зримо рассыпать на страницах приметы мира, в котором живете: жужжание мобильного, писк эсэмэски, звучание долби из-за стены от соседа, сработавшая сигнализация под окном, треск размалываемых кофейных зерен, запах дезодоранта, шуршание автомобильных шин и визг тормозов... но уж никак не скрип тележного колеса!

Вчера, как и позавчера, целый день резались в Линеюку, били рейдбоссов, дрались с гадами из чужого клана, что у нас увели моба, к утру добрали левелы и на рассвете довольные отправились спать.

А сегодня Лиля на звонок главреда отвечает честно и правдиво, но скрестила пальцы, что Никитин сидит и пишет, сидит и пишет, не разгибая спины. Вообще-то отвечает педагогически верно, пусть так и думают, да и начинающим нужно твердить, что писательство – постоянный труд... но в то же время можно, создавая себе имидж трудяги, направить начинающего автора на неверную дорожку.

Потому с великой осторожностью подхожу к этому деликатному и очень двойственному моменту нашей профессии. Да, работать нужно много, об этом говорю постоянно, но «много» не значит сидеть за столом и набивать тексты. Лучше любого писателя это делает машинистка, а охотнее – графоман. На самом деле работа писателя в момент набивания текста уже... заканчивается. Ну, остается еще малость почистить, убрать сорняки и пр., пр. мелочи, но вещь вообще-то уже готова, так как в общих чертах придумана, осталось только записать.

Это значит, что основная работа происходит гораздо раньше набивания текста. Когда писатель щелкает хлебалом на проходящих мимо баб, смотрит в окно, читает книгу или перелистывает пусть даже порнушный журнал... мозг работает, возникают ассоциации, в том числе и очень далекие от увиденного, сплетаются, появляются новые идеи, темы, повороты, зигзуги и люмины, и вот писатель, который рассматривал свежий выпуск «Плейбоя», спешит записать свежую и очень оригинальную идею, как в Заполярье спасают пингвинов...

Как-то великий Резерфорд спросил очень усердного работника, что тот делает вечером, тот ответил: «Работаю!» – «А в выходные?» – «И в выходные работаю!» – «А в праздники?» – «И в праздники работаю!» Резерфорд все мрачнел, наконец спросил: «А когда же мыслите?»

Вот так среди простых и даже очень простых людей рождаются легенды о «гуляках праздных», которым стоит только открыть рот, и вот уже льются стихи! Ни фига подобного, эти гуляки еще как вкалывают, но у Моцарта вся работа большей частью проходила в уме, а у Сальери – на бумаге.

Надо добавить, что эти легенды охотно поддерживаются и простым людом, которому хочется чудесного, и «гуляками», которые тем самым признаются, ах-ах, Избранными.

Т.е., возвращаясь к писательству, часы за клавишей ничего не значат. Многие мои коллеги проводят за нею времени намного больше, а книг выдают меньше. Да и качеством не лучше. Так что часы за клавишей – не показатель.

Кем-то очень хорошо было сказано: жена писателя ну никак не может понять, что, когда он смотрит в окно, он тоже работает!

Совет: вместо того чтобы часами сидеть, глядя на чистый экран компа, займитесь чем-нибудь: сходите в гости, в кино, на дискотеку, играйте в онлайн-баймы, но... там вспоминайте о книге и прикидывайте: а не подойдет ли этот эпизод? А это смешная

пара не годится ли как образы? Не скажу, что это универсально – в литературе нет универсальности, – но в моем случае так пользы больше.

Да и не только, см. выше, моем.

Та же жажда золотой рыбки, лампы Аладдина или щуки из проруби породила известный цикл о Шерлоке Холмсе, а потом бесчисленные клоны о прочих частных сыщиках. И потому именно им всегда обеспечен успех и у них всегда будет читательская, как и зрительская, аудитория.

Ведь что такое Шерлок Холмс? Это мечта Митрофанушки, не желающего учиться, совершенствоваться, постигать азы, а затем долго и упорно подниматься к вершинам мастерства. Шерлок Холмс разгадывает самые сложные случаи просто так, без всякого профессионального образования. По методу, как он туманно называет, «дедукции». И даже объясняет Ватсону, что это такое, но тот все равно не понимает. Шерлок Холмс нигде не работает, ни хрена не делает, только курит дорогие сигары и время от времени играет на скрипке. Но тем не менее блестяще раскрывает любое преступление, на котором облажались опытные профи! Ну чем не мечта идиота-лодыря?

В то же время мы все, обожая Шерлока Холмса и всячески желая ему и остальным частным сыщикам блестящих побед над инспекторами Скотланд-Ярда, ФБР, ЦРУ, сигуранцы и прочих государственных служб, тем не менее со своими случаями обратимся к профи, а не к этим, что дают объявления в газетах и обещают хоть приговор, хоть отворот, хоть предсказание преступлений в будущем веке. И когда нужно удалить пустяковый аппендикс, предпочтете лечь под нож профессионального хирурга, а не любителя вроде Шерлока Холмса.

Но... симпатии ничего не имеют общего с разумом. Пока нами двигают чувства, всегда будут пользоваться успехом сюжеты про удачливых, которым повезло поймать золотую рыбку (найти чемодан с миллионом долларов, открыть в себе экстрасенсорные способности и пр.), а также про тех, кто на одном вдохновении получает ошеломляющие результаты, каких никогда не добьются труженикам.

Потому – держайте и на этом поле. Гениального здесь не сотворить, материал не тот, зато денег можно срубить нехило. Да и популярность тоже придет: кто не знает о Шерлоке Холмсе? Кто не знает Аладдина или Али-Бабу?

Будьте адекватными! Этот совет не относится чиста к правописанию, но пропускать его не стоит. Он очень важен для жизни и функционирования писателя как писателя. Вот уже сорок лет я вижу одну и ту же картину: молодой автор вдруг резко меняется в поведении, начинает на всех посматривать свысока, вид у него, как у небожителя, что, понятно, вызывает раздражение и злые насмешки. Вокруг него образовывается пустое пространство, с ним зачастую перестают общаться.

А что случилось? Всего-навсего этот начинающий написал ВЕСЧЬ. Крупную. Ту, за которую намерен получить все призы, награды, золотые статуи, Оскара и лауреатство во всех академиях мира. По сути, так и должно произойти, но... дело в том, что видит эту вещь пока что один автор. И оценил ее так пока только он. Я не касаюсь вопроса, гениальная это вещь или полное говно, дело не в этом. Автор уже ВИДИТ ее, и потому его поведение изменилось. Остальные не видят, потому ведут себя с ним, словно он все еще такой же простой фелла, как и они.

Совет: до тех пор, пока не выйдет из печати ваша нетленка и пока не получите за нее нобелевку, ведите себя так, словно еще не написали. Слишком уж комично выглядели те ребята, что внезапно начинали задирать нос, меняли свой имидж – как же, у них выходит книга! – а потом, когда книга выходила и... мир оставался прежним, они выглядели, мягко говоря, растерянными и даже, как это, в коричневом. Многие вовсе бросали писать, ибо слишком уж надеялись одним прыжком вскочить на все крыши мира.

Помните, сейчас не времена Толстого: написать и напечатать книгу ничего не стоит. Вон по улице ходят тысячи тех, кто издал «свои ценные мысли, которыми он хотел поделиться с читателем». И что? Да ничего.

Издать – легко. Тронуть читателя – трудно. А как раз это ваша основная задача.

Удивительная мы страна, недаром же одно из ее названий – Страна Советов. Обожаем давать советы и учить других, как жить, воевать, торговать, добывать нефть, писать... Я не исключение, но я хотя бы дотерпел до выхода на «пенсию», когда в самом деле за плечами огромный багаж, но оглянитесь по сторонам! Сколько ребят, едва опубликовавших первый рассказ, уже начинают объяснять, как стать писателем, как писать правильно, как писать хорошо...

Все бы терпимо, если бы в литературе было бы так же просто, как в математике. Там складывай хоть две и две спички, хоть два и два небоскреба – все равно четыре, а вот в литературе, как уже говорил, не все так заметно нетренированному глазу.

И потому начинающий автор, начитавшись этих разнообразных пособий, выбирает те советы, которые ему больше льстят, или те, которые проще выполнить.

Увы, далеко уходит тот, кто решает трудные задачи, а не простенькие.

Похоже, я незаметно перехожу на более накатанную дорожку, которую предпочитает абсолютное большинство критиков, редакторов и рецензентов. То есть начинаю говорить о языке, о его шлифовке и выкладываю один за другим примеры, как именно шлифовать фразы.

Все верно, это необходимо, но не потому ли все мы, знающие и умеющие, предпочитаем говорить новичкам именно о языке, что здесь доказать все достаточно легко? К примеру, если говорю, что $2 \cdot 2 = 4$, то легко могу доказать справедливость этой формулы, складывая прямо перед вами хоть спички, хоть бутылки из-под пива, хоть стулья. А вот с формулой посложнее этот номер не пройдет, здесь увязнешь в объяснениях, что такое m в третьей степени, и почему t , и почему в третьей, и почему вообще.

Так и язык, в нем очень легко замечать легкодоказуемые ошибки. Даже самый самовлюбленный автор, который уверен, что все идиоты, только он гений, вынужден бывает признать хотя бы сквозь зубы, что да, здесь он не совсем точно написал слово или не убрал сорняк.

А вот когда поднимаемся на следующий этаж, где темы, идеи, образы, характеры, индивидуализация речи, здесь не то что тушуемся, а заранее готовимся к тому, что не поймут, начнут спорить, доказывать, что это мы ни хрена не понимаем в искусстве, что здесь так и задумано, чтобы вызвать смутные, но ясные и даже четкие ассоциации на асимметричность симметрии трансцендентальных образов... и еще какую-нибудь заумную чушь, которой обожают прикрывать пустоту многие... не скажу обязательное «бездари», а просто – многие.

И потому, когда заранее знаешь, что почти все сказанное уйдет в пустоту, да еще и облают в ответ, назовут дураком, который ни черта не понимает в искусстве, а еще учить берется, то и сам себе говоришь: а на хрена? Буду давать материал только тот, который способны понять. Ведь даже его способны усвоить далеко не все, большинство из пишущих все равно упорно оставляет «он кивнул своей собственной головой в знак согласия» и «сунул свою руку в свой карман», отстаивая индивидуальность стиля!

Потому здесь о темах, идеях и прочих обязательных вещах несколько меньше, потому что умному достаточно, а дурак будет кричать, что заплатил за лишний объем книги и что нужно выжать воду (а для него все, что непонятно, – вода), а для него издать брошюрой за рупь пучок.

Еще раз про негров.

Бред это все. Нет никаких негров. Вообще не бывает. В том, общеупотребительном значении, как любят употреблять сплетничающие обыватели. Я уже писал выше (или ниже, не помню), почему это все брехня. А тут случайно наткнулся на старого автора, книжками которого зачитывался в детстве, и снова вспомнил эти слухи.

Понсон дю Террайль! Когда он появился на литературной сцене, маститый Александр Дюма признал себя побежденным. Понсон дю Террайль писал, как говорится, у всех на глазах, и хорошо известно, что за два года написал шестьдесят

великолепнейших романов, которые принесли ему десятки миллионов читателей, славу, деньги, но главное... писал все сам, без помощников и секретарей, писал простым гусиным пером, а не набивал тексты на компьютере!

И вот вспоминаю то один литературный слушок, что на Дюма работали негры и что он сам не узнавал свои произведения, то другой, ради интереса покопался в архивах и... не отыскал ни одного подтверждения, чтобы на Дюма работали негры. Ни единого. Ни даже косвенного. Если не считать тупого обывательского: «...ни один человек не может написать столько». Мол, я не могу, значит – и другой не может. Интересно, а штангу в двести кгэ этот обыватель поднимет?

Все это зависть дрянных людишек к более работоспособным. Конкурировать ни в качестве, ни в количестве, ни вообще ни в чем не могут, но и признать свое ничтожество трудно, надо же перед забитой женой и детьми ходить гоголем, вот и распускают слухи. И находят утешение, что, мол, зато мы неграми не пользуемся, мы – честные...

Пока вы еще не такие – надеюсь! – работайте на литературной ниве так, как пахали бы на заводе в цехе. Полную смену. Желательно – без долгих перекуров. И успех придет.

Правда, тогда уже про вас будут распускать слухи, что на вас пашут негры.

В жизнь вошли новые технологии, стремительно меняющие мир, и писателям нужно с ними не только считаться, но и, во избежание, правильно реагировать. Интернет дал возможность не только активно обсуждать книги, но с его анонимностью дал возможность и злоупотреблять этой возможностью.

Вот открываю любой из сайтов, где расположены, к примеру, «Трое из Леса». (Прошу прощения, что ссылаюсь на свои книги, это не только от любования собой, неповторимым, но и чтобы никого не задеть. Лучше на своем примере.) Или любые другие мои книги, неважно. Там есть обязательный отдел с отзывами читателей, что вроде бы должен помочь в выборе тем читателям, которые книги этого автора еще не читали. В абсолютном большинстве отзывы примерно такие: «Говно, не читайте!», «Редкое говно!», «Никитин исписался!», «Такого бреда еще не видел. Никогда не читайте Никитина!», «Все хуже и хуже... Бумажные книги не покупал, а теперь и скачивать не буду».

Ладно, вот пара ссылок, их забросили в Корчму, чтобы и там увидели, что Никитин – сам говно, пишет говно и все те, кто его читает, – тоже говно:

<http://fenzin.org/book/12704>

<http://fenzin.org/book/12681>

То есть о хитовых книгах практически ни одного одобрительного отзыва, в то время как если заглянуть на сайты или странички, где обсуждаются романы какого-нибудь крохотного автора, которого и в лупу не разглядеть, там одни хвалебные отклики, это же гений из гениев и пишет одни шедевры.

А на страницах, адрес дал выше, заметьте, на случай положительного отклика от какого-то читателя забрасывается мысль, что сам хожу по сайтам и пишу хвалебные на себя отзывы, пишу, пишу... это вместо того, чтобы писать романы.

Так вот, эти книги относятся к лонгселлерам, т.е. мечта любого издательства – заполучить книгу, которую можно допечатывать много лет. Мои книги раскупают уже пятнадцать лет так же интенсивно, как покупали и в 1992 году, из этого следует, что покупающие книгу (в бумажном варианте!) просто какие-то клинические идиоты, потому и книги писателя N ну никак не берут, хотя на этом же сайте о его романе тесно от восторженных откликов: какой это шедевр, какая гениальность, какой прорыв, какая мудрость и пр., пр.

Так что если на вашу книгу посыплется отклики: «Говно, не читайте этот бред!», то не хватайтесь за сердце. Чаще всего это одни и те же неудачливые авторы под множеством ников. Им всегда кажется, что более успешные заслоняют им дорогу. И если бы мы вдруг склеили ласты, то им освободилось бы место на книжном олимпе. Они бродят по всему Инету и везде-везде оставляют эти отзывы под множеством ников, благо Инет это позволяет. Так что идите своей дорогой смело, не пытайтесь подлаживаться под эти отклики.

И читающие книги – не дураки :-). На них эти анонимные гавки не действуют. Инет повзрослел.

Сегодня снова на одном литературном собрании услышал некоего из молодых, который стремится в большие и весьма важные. Во всяком случае, очень важно и таинственно рассказывал, что начал писать роман, как задумал, но затем герои начали вести себя по-своему, увели сюжет в сторону, и вот он, автор, вынужденно следовал за ними...

А я вспомнил объявления в газетах всяких бабок-ясновидящих, потомственных ведьм, колдуний-целительниц, Проводниц Астрала, шаманов Бурятии, астрологов, ведунов Седьмого Круга Неба, Кашпировских, Глоб...

Точно так же ссылаются на те же Высшие Силы, что через них общаются с простым народом, диктуют им, что делать и как говорить. И аудитория восторженных слушателей, кстати, та же, что ходят к шаманам Бурятии, Связым Астрала и при встрече спрашивают: «Вы кто по знаку Козерога? Я – Козел из года Абезьяна!»

Господи, ну в какое средневековье все еще живем! Бабки-знахарки, ведьмы, писатели, ведомые непознанными небесными силами...

Вы лично в каком веке живете?

Тупость вечна. По крайней мере, ее не избыть до начала Сингулярности. Уже второй десяток лет слышу вопли дурачков: «Он же пишет по три-четыре книжки в год! Халтурщик! Писатель не может писать так много!» Увы, таких постингов не уменьшается, что странно. А то и вовсе все книги приписывают работе негров.

Приходится признать, что совковость – это необязательно принадлежность к советской власти. Это менталитет такой. Ведь кричат уже и те, кто родился после краха коммунизма. Может, это им родители нашептали? Не знаю, не знаю.

Действительно, как уже писал (или напишу ниже), при советской власти была норма: одну книгу в год на автора. Да и то если пройдет все инстанции. Остальное же время автор на «встречах с народом» рассказывал рабочим и дояркам о том, что задумал, что сотворил и что намеревается воплотить. За эти выступления платили больше, чем за книги. Тем и жили советские писатели. Одну книгу в год плюс плата за выступления.

Сейчас этой государственной синекуры нет. Хочешь зарабатывать – пиши больше. Кстати, эти придурки не обращают внимания, что на Западе именно так и работают. Там по одной книге в три года пишут только те, кто получает нехилое жалованье в другом месте. Например, преподают. А те, кто живет гонорарами, – пишут много.

Советская власть оставила плохое наследие: люди не хотят трудиться. Нигде не хотят, не только в литературе. Но тогда работали на какую-то непонятную власть, строили непонятный коммунизм, так что увливание от работы выглядело даже доблестью. Но сейчас, извините, каждый работает прежде всего на себя. И получает заработанное, а не пожалованное.

Потому совет: пишите и пишите! Во-первых, чем больше пишете – тем пишете лучше. Мастерство оттачивается в процессе работы, а не в рассказах о своей гениальности и постингах на литературных форумах под никами, что такие-то книги – супер (это о своих), а такие-то – отстой (все остальные).

Во-вторых, в самом деле сможете зарабатывать своим литературным трудом достаточно, чтобы не прислушиваться к советам доброжелателей. И тогда сможете увереннее отстаивать свою точку зрения, даже если вы в одиночестве, а против – толпа.

Работайте много, и мастерство придет. И тогда вам проще будет выдерживать все бури.

Тема негров в околολитературных разговорах всплывает так часто, что скажу об этом еще раз, хотя выше говорил вроде бы убедительно. Просто появились еще мысли, да.

Те, кто думает о работающих на кого-то неграх, на самом деле при якобы цинизме думают о человечестве чересчур хорошо, и особенно – о пишущих. Почему-то им кажется, что у этих неизвестных негров хирургическим или еще каким путем убрали такие чувства, как честолюбие, стремление показать себя, прославиться и пр.

То есть у всех пишущих это есть, это вообще неперемное условия для пишущего,

без этого не стоит даже пытаться, а вот у негра – нет. Он сидит себе и пишет на дядю, довольствуясь небольшими деньгами, в то время как дядя гребет себе и деньги, и славу, и рейтинги, красуется перед телекамерами и получает премии.

А негр вот от всего этого отказывается... Самим не смешно? Лично вы стали бы вот так пахать на кого-то?.. Так почему считаете, что на всей планете найдется человек с таким вывертом в психике?

Я еще понимаю, что кто-то мог бы писать для Васи Пупыркина за большие деньги: Васе – толстую книжку в дорогой коже, которую он издаст за свой счет, а негру – оплату вперед. Но когда называют имена Донцовой, Никитина и еще двух-трех авторов, которые на верхушке топ-листа, то какой негр, если бы работал на них, не сказал бы себе: а на фиг буду зарабатывать славу им, когда могу все взять себе: и гонорары, и роялти, и славу?

Повторяю для тех, кто все еще в танке с наглухо задраенным люком: литература – это область, в которой не бывает недооценки своих сил, бывает только переоценка. Кто не уверен, что вот враз возьмет все деньги и все дипломы, – тот даже не пытается писать, см. начало учебника.

Так что расстаньтесь со сладкой мечтой о неграх. Не будет у вас негров.

Вы можете сколько угодно писать о джинне из кувшина, золотой рыбке или щуке из проруби – но сами запомните, что никто за вас вашу работу не сделает.

После первых изданий посыпались вопросы. Ну, кроме привычной ругани, вот два действительно серьезных:

1. А почему вы говорите, что надо убирать сорняки, а сами оставляете? (Дальше приводятся примеры из какой-нибудь моей книги.) Значит, и мне можно с сорняками?

Уже говорил, что большинство начинают писать по принципу: «Вчера купил книжку, такое говно! Такую и я написать могу... Щас напишу!» И пишут.

Повторяю еще раз: делайте свое произведение таким, будто хотите за него получить нобелевку. Вы старательно закрываете глаза, что в том романе, где у меня сорняки, – сильная идея и лихо закрученный сюжет. Это не оправдывает сорняки, но позволяет их как-то онезаметить. Но вы тут же отыщете другой роман, где нет лихо закрученного сюжета, и сделаете вывод, что можно и без него, опять же старательно делая вид, что не замечаете новизны темы, тщательно проработанных образов, характеров...

Словом, в каждой книге вы замечаете самое слабое звено, делаете вывод, что можно и так, в результате чего в издательство поступает от вас рукопись целиком из слабых звеньев!

2. Почему у вас все кусками, а не как в нормальном учебнике, чтоб по порядку?

Потому что это математику, физику или химию, как и любые науки, нужно с первой страницы, потом на вторую, третью и так далее, а литературу можно с середины, конца, начала, можно сперва придумать тему или сюжет или же, напротив, создать яркий образ, а уже под него подстраивать сюжет и придумывать, в какую эпоху поместить такого колоритного персонажа.

Вы же хотите положить рядом с клавиатурой этот учебник и, поглядывая в него одним глазом, как примерный школьник, писать роман! Так не бывает. Я сам пишу когда с середины, когда с конца, иногда надолго забрасываю написанный на две трети роман, а вспоминаю о нем через пару лет: такое вас устроит? Нет, конечно, вам нужен немедленный успех. Так вот в этом учебнике обобщенный опыт многих очень успешных писателей. По темам, идеям, образам, характерам, сюжету, языку и его составляющим: сравнениям, гиперболам, метафорам и пр., пр., пр.

Но не по порядку!

Это литература, лапочка. В ней никогда не будет порядка. А если и будет – это будет уже не литература.

Несмотря на обвинения озлобленных критиков, что, мол, у Никитина – мания величия, у меня как раз сильно заниженная самооценка. Я всегда недоумевал и даже злился, когда

люди не понимают какие-то вещи: я же понимаю? Что значит в подтексте, если я вот такой тупой, которого даже из школы выгнали за драки и неуспеваемость, и то понимаю, то как можете тупить вы, хорошие и старательные, отличники, с высшим образованием?

Стоило бы мне хоть раз сказать себе, что я – гений, и сразу бы успокоился и перестал бы так бурно реагировать на непонимание. Ну что с них взять, кто же из простых поймет гения?

Но я по-прежнему считаю, что если понял я, то и вы должны в полной мере. Хотя, конечно, напрягает объяснять простые вещи, что самому понятны, как дважды два четыре. Сейчас вот тоже скажу истину, что вызовет злобный вой и полное отторжение, но тот, кто сделает выводы и примет, – выиграет. Как в написании книг, так и вообще.

Итак, существует тупейшая, но, увы, очень многочисленная и агрессивная часть населения, что постоянно выискивает «ляпы», а ляпами, по их убеждению, являются все несоответствия «правде». Ну как же достали напыщенные идиоты, доказывающие, что двуручный меч не носят за спиной или что в «те времена» щиты были другой формы!

Нормальный и психически здоровый человек, а я ориентируюсь на них, к чему призываю и вас, так вот он, включаясь в виртуальный мир фильма, книги или баймы, прекрасно понимает, что в Средневековье не было таких вот стерильных рыцарей с блестящими волосами, вымытыми лучшими шампунями, а белоснежные ровные зубы могли быть у ребенка, но не у сорокалетнего, что тогда уже считалось древним возрастом, не могли все быть одеты в новенькое, чистое, опрятное... вообще и диалоги, конечно же, звучали иначе, и отношения между мужчиной и женщиной – другие, и пр., пр., пр, но все мы, включаясь в виртуальный мир, созданный художником, принимаем и его условия. Натурализм нас достал и в реале, а в книге жаждем увидеть другой мир, более интересный. И не замечаем, как именно герой достает из-за спины двуручный меч (если мы психически нормальные), нас интересуют диалоги, события, свершения и вся необычная атмосфера виртуального мира.

В то же время в той необычности виртуального мира мы ждем чего-то... ожидаемого. Ожидаемого, но необычного. Андэстэнд? Или с этим туговато? Всякая «достоверность», старательно привносимая идиотами, мнящими себя знатоками, скорее повредит, чем поможет. Запомните, такая «достоверность» читающему: а) на хрен не нужна, б) вредит производству.

Я говорю злые и непривычные вещи (потом станут привычными, когда вколотим в тупые головы), но могу сослаться на свой пример. Нет, наверное, автора, на которого не набрасывались бы так злорадно «знатоки» с высмеиванием «ляпов и повторов», не врубаясь, что это не тупость автора – убрать их чего легче? – а позиция художника. Скажем скромно, художника, доросшего до понимания этих законов.

И что же? Тиражи моих книг неуклонно растут, а тиражи этих знатоков (точнее, неудавшихся авторов под множеством ников, в Инете для анонимов раздолье), и без того минимальные, вообще стремятся к нулю. Помните, они пишут и советуют вам такое чаще всего для того, чтобы убрать вас с дороги.

Делайте выводы. И помните, у виртуального мира – свои законы. А я их знаю лучше, чем анонимы на литературных форумах.

У виртуального мира – свои законы.

После выхода первого издания приходили письма такого содержания: вот у вас в такой-то книге сорняк, а в такой-то – гусеница, не одна! Да и сорняков хватает, целое поле. Так как вы можете учить других, если сами пишете хрень?

Вы идете по улице, а впереди машет руками человек, предупреждает, указывая на лужу среди тротуара, что не мелкая, там яма, провалитесь до пояса, а вы ему гордо: у вас брюки в грязи, рубашка не той фирмы, да и побриться бы не мешало... и что, двинете гордо через лужу? И к врачам ходите только к тем, кто поджар, не пьет и не курит, ничем не болеет, выглядит на тридцать лет моложе своего возраста?

Проще говоря, я уже предупреждал, что любой автор в каких-то обстоятельствах сдает в издательства недочищенные произведения. Любой, я уже приводил примеры из Чехова, Бунина, Достоевского, Толстого и пр., но это практически не снижает их богоподобный уровень, а делает чуть понятнее и человечнее. Потому что у них это

отдельные невычищенные места, пропущенные в минуты усталости, глаза замылились, а вот вы, ссылаясь на эти места, находите себе оправдание, чтобы не чистить вообще!

Да, у меня среди сорока романов какого только говна не найдете, но там немало и бриллиантиков, каких ни у кого нет. И чищу от сорняков, гусениц и проч., проч. мусора я достаточно усердно. Хотя, конечно, какой-то процент проскакивает, ибо то отвлекли в процессе работы, то сам устал, то поторопился по каким-то причинам, все мы люди, однако в целом мои романы вычищены, и это одна из причин, почему читаются легко, взгляд не спотыкается о пни и колдобины сорняков, не тонет в трясине ненужных разъяснений.

Не ищите у других авторов слабых мест как оправдание своей слабости, лени, нежелания поработать еще и еще. У них это слабые места, именно места, а вы с таким подходом рискуете сделать слабым местом всю свою книгу.

Вы – творцы реального мира!

Как-то я предложил издательству «Центрполиграф» начать издавать журнал фантастики. Все-таки хоть у нас они и растут, как грибы, но и мрут, как мухи. И на душу населения их на порядок меньше, чем, скажем, в Штатах, второй в мире стране, где так же любят фантастику. А то и первой :-).

Даже название придумал: «Реальный мир», и, выступив в роли спичрайтера, написал от имени главного редактора издательства предисловие. В нем сразу объяснил основное правило или даже закон литературы, который из-за своего уровня AI никак не могут и, наверное, не смогут понять мальчики, объясняющие мне, что двуручный меч за плечами носить низзя.

Реальный мир потому, что только он реальный, а тот, в котором мы живем, – всего лишь отбрасываемая тень литературы. Те, которые говорят мне, что нужно писать «правдоподобно», добросовестно объясняют особенности движения курса евро в соответствии с погодой или как именно взрывается противопехотная мина, – это добросовестные придурки, что лезут не в свое дело. Ну чистили бы себе конюшни и дальше, так нет же, дай им поучить королей, как творить миры!

Для тех, кто все еще не врубился, поясню на пальцах, даже пока не показывая средний: литература – отдельный мир. Более высокий, чем наш, приземленный. Это он влияет на нас, учит нас, подвигает нас, заставляет поворачиваться в ту или другую сторону, а то и делать несколько шагов. А гениальные идеи так и вовсе заставляют двигаться в указанном направлении.

Сошлюсь на голливудскую продукцию, над которой не ржет только тот, кто вообще не умеет ржать. И то не так, и это криво, и в пистолетах не сто патронов, и после удара кувалдой в зубы невозможно встать с улыбкой...

Но там режиссеры интуитивно и пока еще смутно уловили то, что сейчас вам рассказываю для доступности на пальцах: тот мир – другой. Все попытки подчинить его законам нашего мира превращают любую вещь в редкостную дрянь, что видно опять же по нашим фильмам, где все «правильно»: при схватке двое героев сопят, хрипят, пердят, мычат, дерутся «как положено», в соответствии с нашими реалиями жизни падают после каждого сильного удара и после двух-трех пинков в голову вообще мрут или отключаются, в то время как голливудские до-о-о-олго бьют двух друга приемами карате, кунфу, дзюдо, джиуджитсу, вообще используют весь арсенал восточных единоборств, лупят монтировками, нунчаками, цепями, металлическими трубами, сбрасывают на противника автомобили, контейнеры с металлоломом, стреляют в него из пистолета, автомата, гранатомета, давят танком, а он всегда вскакивает с белозубой улыбкой на грозном красивом лице и с нетронутой, прекрасно уложенной прической.

Как результат: эти фильмы смотрят, а наши «правильные» идут при пустых залах. Ну теперь-то вы понимаете, о чем я говорю? И по-прежнему полагаете правильным делать «литературу», что есть тень тени настоящего, реального мира?

Заканчивая то, чем начал этот экскурс, добавлю, что в издательстве «Центрполиграф» работали и сейчас работают вполне нормальные люди. Название «Реальный мир» показалось очень уж непонятным, а предисловие от имени главного

редактора... гм... слишком, да, слишком. И потому главный написал предисловие сам. Нормальное такое предисловие, как сто тысяч других предисловий, а сам журнал было решено выпускать под очень скромным, тихим и ничего не значащим названием «Наша фантастика». Я так и не понял до сих пор, что это значит: то ли отечественная, то ли центрполиграфовская, то ли что-то еще...

Так что у вас небогатый выбор: быть «как все», быть «правильными», «писать правильно», или же... Впрочем, думаю, будь вы правильными – вообще не взялись бы за это сумасшедшее дело! :-)

Сейчас главное для вас – не дайте себя сломить этими «правильными людьми», что учат вас и советуют вам, «как лучше»!

Увы, дураков море...

Почему литература, даже развлекательная, все-таки должна быть «духовной»?

Да, вот такой гигантский крюк мы совершили, вместе потоптав нашу российскую литературу за ее духовность и повосхищавшись западной за ее продвинутую развлекательность... снова говорим о том, что литература должна быть духовной!

А она ею должна быть в самом деле. И западная литература на самом деле духовная тоже, но только не так в лоб, не так назидательно, она чаще обжигалась и чаще разочаровывалась в человеке, чаще нашей, очень молодой, убеждалась, что человек – свинья редкостная, или, скажем мягче, – все еще свинья, вытаскивать его из свинского болота надо медленно, осторожно, почесывая ему брюхо и похрюкивая с ним вместе.

Что, кстати сказать, западная литература и делает. И потому ее читают, ей верят, ей внимают. А наша, где все в лоб, а проповеди просто голенькие, кажется занудной, скучной, а то и просто рвотной.

Однако же и западная, как многим ни странно, никогда не воспевала плоть и не пинала духовность. За всю историю человечества находится только одна такая книга. Да, только одна.

Только однажды дрянь, воспевающая плотские утехы, была признана классикой, да и то лишь за революционность обывателя, который осмелился сказать громко и вслух, что ему по фигу все высокие устремления, все духовные порывы, а есть только обжираловка, сплошной срач, траханье.

Вы уже поняли, что речь идет о «Гаргантюа и Пантагрюэле». Духовные отцы церкви, что тогда была сильна, как никогда, слишком уж быстрым шагом вели человечество к коммунизму, светлому будущему, царствию на земле, обыватель изнемогал, стонал, роптал, и наконец это вылилось в фундаментальном труде, где все только жрут, срут, где в двух главах описано, как юный Гаргантюа подтирает зад, как подтирает, чем подтирает, чем все-таки подтирать лучше, а чем хуже. Где в нескольких главах один из главных героев занимается вполне современной методикой, рекламируемой по Интернету, enlarge penis, а когда это не удается, а на женщин произвести впечатление хочется, то описывается, как он заложил в гульфик апельсин и гордо расхаживал на балу.

Эта книга произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Она впервые показала, что дерьма в каждом из нас слишком много, что просто и быстро от него не избавимся, это дерьмо слишком дорого для нас, оно для одухотворенной личности – дерьмо, а для простого человека это как раз и есть все понятные радости. Словом, эта книга положила конец усилиям церкви быстро продвинуть народы к духовности, к высоким устремлениям. И с той именно книги началось более медленное вытаскивание этой свиньи из болота.

Обыватель же, ощутив поддержку, он не один такой, оказывается, как стыдила церковь, быстро обнаглел, начал борьбу за право жить свиньей, это называется «принимайте меня таким, какой я есть», хотя и так понятно, что без жестких рамок культуры, духовной дисциплины... мы такие свиньи, что настоящие свиньи застеснялись бы с нами оказаться в одном хлеву.

И, как результат, таков сейчас современный мир, где абсолютное большинство живет радостями героев Рабле, где немногие одухотворенные личности заперлись в

высоких башнях, создают симфонии, компьютеры, политические учения, вакцину от болезней, а улицы заполнены торжествующими членами партии Гаргантюа: демонстрациями и карнавалами гомосексов, трансвеститов, мазохистов, стадами толстяков за триста килограммов...

Соблазн для начинающего писателя в том, что такая тема всегда поднимается легче. Писать о говне всегда проще, чем о розе. У розы запах слишком изысканный, даже не вспомнишь его с легкостью, а говно вот оно: теплое, душистое, с цветом, запахом, любой автор сразу представит и опишет даже консистенцию, передаст ощущения от прикосновения, первого глотка...

Да и флер эдакой революционности: все учителя талдычат, что надо учиться, овладевать знаниями, а я вот сейчас ка-а-а-ак пердну, завоняю весь класс!

Да, описание загаженного быта наркоманов любому автору удастся намного лучше и красочнее, чем стерильный мир приличных людей. А всякие там «Парфюмер» и прочие про сексуальных маньяков – читаются куда с большим успехом, чем романы о том, «как жить надо».

Но все же не сворачивайте на эту манящую дорожку. Да, все мы понимаем, что по бабам приятнее, чем учиться, но все-таки кто слишком сейчас по бабам, тот потом будет мыть машину и бегать открывать ворота особняка тому, кто раньше учился.

К этому же примыкает и стремление быстрого автора всобачить в главные герои произведения всех этих киллеров, проституток, мафиози. Как вы понимаете, их выбор на главные роли – то же самое, что перднуть на торжественной церемонии. Вот какие мы крутые, никого не боимся. Протест убогого Митрофанушки, что не хочет учиться, а хочет Ну, вы поняли.

Не так важно, как мы пишем, какие изящные обороты заворачиваем или даже завертываем, куда важнее, что мы пишем!

Так что, завершая длинный экскурс, заверяю снова, что куда бы ни пошли, но придется принимать духовность литературы как обязательное условие. Любая бездуховная, то есть где нет высоких устремлений, где человек так или иначе не совершенствуется, не очищается, не поднимается по ступенькам к Истине, просто обречена на забвение.

Мудро и точно сказал Ар-Рейхани: «Самая лучшая и драгоценная книга – та, которая по прочтении не оставляет меня в прежнем состоянии; книга, которая приводит в движение во мне новое благородное чувство, или новое великое стремление, или новую высокую мысль; книга, которая двигает меня с места или заставляет двигать находящегося кругом; книга, которая пробуждает меня из глубокого сна, или заставляет выскочить из грязи равнодушия, или выводит на дорогу, где я развяжу один из важнейших узлов».

В завершение добавлю, что в свое время мудрый А. Граф заметил, что тот, кто стал в искусстве мастером, тот без всякого для себя ущерба может забыть о правилах.

Поясню, чтобы все-таки поняли правильно: во-первых, вы сперва должны стать мастерами, а этому как раз и учат все правила этой книги. Во-вторых, это вовсе не значит, что мастер в искусстве в самом деле забыл все правила. Просто они войдут в вашу плоть и кровь, следование им станет для вас естественным и нормальным, дальше творите, уже не сверяясь с пунктами: где и что сделать.

С этими правилами вы легко войдете в десятку самых издаваемых авторов. А уж побороться за первое место – это от ваших волевых качеств: кто сумеет поработать больше, кто вычистит текст лучше, кто раньше других увидит тропку, ведущую за горизонт.

Счастливого полета!

